

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

Ю. В. Овсейчик

**СИСТЕМА ЕДИНИЦ СОЧИНЕНИЯ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
В ДИАХРОНИИ**

Минск
МГЛУ
2023

УДК 811.133.1'36'37
ББК 81.471.1-2+81.471.1-3
ОЗ4

Рекомендовано Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1(67) от 22.02.2023 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *Н. И. Курганова* (БГЭУ), доктор филологических наук, профессор *З. А. Харитончик* (МГЛУ), доктор филологических наук, профессор *Л. М. Лещева* (МГЛУ), кандидат филологических наук, доцент *А. М. Дудина* (МГЛУ)

Овсейчик, Ю. В.
ОЗ4 Система единиц сочинения французского языка в диахронии / Ю. В. Овсейчик. – Минск, МГЛУ. – 2023. – 304 с.

ISBN 978-985-28-0200-0

В монографии рассматривается эволюция системы средств выражения сочинительной связи во французском языке в диахронической перспективе с IX века по настоящее время. Определяется системно-структурная организация единиц сочинения французского языка, раскрывается механизм развития системы единиц сочинения французского языка, его характер и сущность, выявляются сходства и различия в линиях развития семантических и функциональных свойств единиц сочинения французского языка, устанавливаются причины образования внутриязыковой асимметрии.

Адресовано преподавателям, научным работникам, аспирантам широкого гуманитарного профиля: историкам языка, когнитологам, семасиологам и др.

УДК 811.133.1'36'37
ББК 81.471.1-2+81.471.1-3

Электронная версия издания доступна
в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке **e-lib.mslu.by** или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0200-0

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2023

ВВЕДЕНИЕ

Le français moderne, sans la langue ancienne,
est un arbre sans racines; le vieux français, sans
la langue moderne, est un arbre sans ses branches
et sans ses feuilles

A. Brachet, Préface. Grammaire historique
de la langue française (38 éd.)

Настоящее исследование посвящено средствам выражения сочинительной связи французского языка в широкой исторической перспективе. Обращение к языковой диахронии позволяет учитывать специфику поведения системы во времени, поскольку «основное в лингвистике просматривается только в свете эволюционистской теории» [Николаева 2003, с. 156] (см. также [Taylor 1995; Geeraerts 1997; Николаева 2000 и др.])¹. Синхронно-диахронное изучение языковых и речевых явлений позволяет «придать всему анализу очевидный объяснительный характер» [Кубрякова 2009, с. 6]. Эта объяснительность предполагает, что «понять языковую структуру – значит аналитически проинтерпретировать смысл достигнутого осознания того, что воплощено в грамматических фактах», а «история языка является образцовым объектом для интерпретирования» [Демьянков 1995, с. 253], так как позволяет видеть факты языка в их зарождении, изменении, взаимодействии.

Во французской лингвистике конца XX – начала XXI в. отмечается возрастающий интерес к диахроническим исследованиям, продиктованный выявлением ряда неточностей и ошибок в описании отдельных явлений эволюции французского языка второй половины XX в. Выяснилось, что «все эти ошибки обусловлены как недостоверностью изучаемого языкового материала, так и недостоверностью методики лингвистического анализа и обработки материала» [Становая 2002, с. 36]. В центре внимания находятся изменения на разных уровнях языковой системы в разные исторические периоды (см., например, работы [Marchello-Nizia 1995, 1999; Heinz 2003; Englebert 1998; Adams 1987; Combettes 1988, 2014; Detges 2003; Fagard et al. 2008; Prévost 1999, 2010, 2015 и др.]²). Уточненное прочтение изменений в грамматическом строе французского языка предлагается в «Новой грамматике старофранцузского языка» [Buridant 2000], а также в «Большой исторической грамматике французского языка» [Marchello-Nizia et al. 2020].

¹ В англо-американской традиции используется термин «эволюционная лингвистика» [McMahon 2012].

² К этим работам примыкают классические исследования, выполненные российскими и белорусскими лингвистами [Васильева 1967; Вадюшина 1975; Скрелина 2001; Становая 2002; Школьников 2022 и др.].

Эволюция языковой системы подчиняется закономерностям, выявление которых становится возможным на качественно новом уровне благодаря использованию корпусных данных¹, что приводит к переосмыслению исторической динамики естественного языка в теоретическом языкознании XXI в. и способствует получению новых знаний «не только о способах выражения значений, но и о динамике изменений этих способов на протяжении наблюдаемых исторических отрезков» [Плунгян 2008, с. 10].

Ни одна категория слов в индоевропейских языках не претерпела столь бурного процесса обновления, как союзы [Meillet 1982 (1922)]. В процессе исторического развития от латинского языка к старофранцузскому, а затем к современному французскому языку состав союзов существенно изменился. Большинство союзов классической латыни (как сочинительных, так и подчинительных) исчезло. Их заменили новые лексемы позднелатинского и французского происхождения. Латинские союзы *et*, *aut*, *neq*, *quod*, *si* проявили исключительную устойчивость [Dauzat 1971].

В современном определении сочинительного союза (фр. *conjonction de coordination*, *conjonction* < лат. *coniunctio*) – «un mot-outil invariable, qui unit deux phrases, deux sous-phrases ou, à l'intérieur d'une phrase indépendante, deux éléments de même fonction syntaxique et généralement (выделено нами – О. Ю.) aussi de même nature grammaticale» ‘неизменяемое служебное слово, которое соединяет два предложения или две части одного предложения, а также в самостоятельном предложении два элемента с одинаковой синтаксической функцией и, как правило, с одинаковой грамматической природой (букв.)²’ [Grevisse 2018, p. 315] – отражены неизменяемость и функциональные («строительные») свойства единиц данного класса слов. Это определение является результатом длительного научного осмысления связи, устанавливаемой между объектами и событиями во внеязыковой действительности.

Между тем основное свойство закрытого класса слов, к которому относятся сочинительные союзы, – исчисляемость – закономерно вызывает вопрос: как ограниченное количество единиц может обозначать все богатство и разнообразие смысловых отношений? Соответственно, либо сами сочинительные союзы постоянно изменяются под коммуникативные потребности, либо другие единицы привлекаются к выражению обобщенных смысловых отношений.

В исследованиях, посвященных описанию семантической структуры высказывания и средствам выражения отношений между высказываниями или частями высказывания, используется множество терминов для обозна-

¹ Об основных видах работ с корпусом подробно в [Баранов 2000; Добровольский 2020, а также Tognini-Bonelli 2001; Tummers et al. 2005; McEnery, Hardy 2011].

² Здесь и далее перевод наш – О. Ю., если не указано иное.

чения самого показателя связи или того или иного типа отношений¹. Традиционные термины «союз» и «союзное слово»² сохраняются во многих исследованиях XX–XXI вв. [Прияткина 1977; Санников 2008; Урысон 2011; Норман 2013, Стародумова и др. 2017; Канюшкевич 2019; Feuillet 1990; Haspelmath 2004 и др.]. На материале французского языка проблемы сочинительных союзов анализируются в работах [Antoine 1958; Pottier 1962; Le Bidois 1967; Delesalle 1977; Martinet 1979; Hobaek 1987; Tesnière 1988; Rousseau 1997; Lemaréchal 1997; Badiou-Monferran 2000; Wilmet 2007; Marchello-Nizia et al. 2020; Васильева 1967; Реферовская 1969; Гак 2000; Скепская 1984; Костюшкина 1991; Кудрявцева 2009 и др.]. В последнее время отмечается интерес к отдельным сочинительным союзам, союзным словам или конструкциям в тот или иной исторический период, которые становятся объектом исследований представителей различных научных направлений (см., например, работы [Zénone 1981, 1982, 1983; Gereht 1987; Delbey 1988; Luscher 1990; Ferrari, Rossari 1994; Prévost 1999; Bilger 1999, 2010; Bertin 2002; Rossari 2002; Badiou-Monferran 2004, 2005; Sabio 2005; Godard 2005; Bassac 2008; Adler 2012; Bonnot 2017 и др.]). В монографии используется термин **единицы сочинения**.

В отличие от традиционно сложившегося понимания о системе сочинительных союзов как о закрытом и стабильном классе слов мы полагаем, что система единиц сочинения французского языка представляет собой открытую, неравновесную, нелинейную, динамическую систему и имеет структуру, организованную по прототипическому принципу «ядро – периферия», который являет собой частный случай общей закономерности в развитии подсистем языка³. Понимание системы единиц сочинения французского языка как совокупности коэволюционирующих частных систем на временной

¹ Например, служебные слова и строевые элементы лексики [Щерба 1957], функтивы [Черемисина 1973], скрепы [Булаховский 1947], логические слова [Богуславский 1985], дискурсивные слова [Ducrot 1980; Баранов и др. 1993; Киселева & Пайар 1998], операторы [Adam 1984], релятивы (модальные единицы, союзы, частицы, наречия, а также разного рода прагматические корректоры, подключаемые к союзам или самостоятельно выступающие в роли соединителей) [Ляпон 1986], дискурсивные маркеры [Schiffrin 1987; Кибрик 2009; Мурашкова 2014], а также артикуляторы логической структуризации всего текста или одного из его тематических блоков [Culioli 1989; Paillard 1991], коннектор¹ [Reboul, Moeschler 1998] и т.д. Общепринятое определение коннектора как лингвистического знака, принадлежащего к разным грамматическим категориям (сочинительные союзы, подчинительные союзы, наречия, наречные обороты и т.д.), представлено в [Reboul, Moeschler 1998, p. 77]. Полный список коннекторов современного французского языка представлен в [Grieve 1996].

² Отдельные союзы, группы союзов или сочинительные конструкции, противопоставление сочинительной связи подчинительной на материале разносистемных языков находятся в центре внимания исследований [Dik 1968; Lang 1984; Lehmann 1988; Подлесская 1992; Culicover, Jackendoff 1997; Николаева 1997; Johannessen 1998; Kazenin, Testelets 2004; Haspelmath 2004, 2007; Verstraete 2005, 2007; Mauri 2008; Пекелис 2008; Санников 2008; Comrie 2008; Zhang 2009; Урысон 2011 и др.].

³ Ср. рассуждение М. В. Панова о позиционности в фонетике как о редуцированном варианте позиционности в грамматике: «Ньютонова физика оказалась лишь частным случаем, притом наиболее простым, физики Эйнштейна» [Панов 1963, с. 3].

оси определяет новизну настоящего исследования и позволит глубже и полнее осознать исторические изменения в самой системе и понять диалектическую взаимосвязь сдвигов в частных системах как единого целого.

Настоящее синхронно-диахронное исследование единиц сочинения¹ направлено на комплексное и всестороннее определение когнитивно-синтаксического механизма процесса формирования системы единиц сочинения французского языка и выявление закономерностей ее становления и развития в структурном, семантическом и функциональном аспектах и призвано отразить картину эволюции одной из важных синтаксических подсистем в письменной истории французского литературного языка с IX в. по настоящее время.

Рассмотрение системы единиц сочинения на протяжении более чем тысячелетней истории предполагает изучение изменений, которые происходили в этой системе в промежутке между определенными историческими эпохами (в его так называемой хронологической перспективе). Под хронологической перспективой нами понимаются две противоположные точки отсчета: конечная точка движения (результат языкового изменения) и начальная.

Для обнаружения изменений, произошедших в системе французских единиц сочинения, необходимо использовать для сравнения качественно-количественные характеристики единиц как минимум на двух синхронных срезах. Если они тождественны, то никаких изменений в данный отрезок времени не произошло, если различны, то изменение есть. Под качественными характеристиками мы подразумеваем семантические и функциональные свойства единиц, под количественными – их употребительность.

Комплексная методика исследования позволяет, с одной стороны, раскрыть «энигму» – причину «живучести» – сочинительных союзов, которые, по знаменитому утверждению А. Мейе, «se renouvellent sans cesse» ‘постоянно обновляются’ [Meillet 1982 (1922), p. 165], а с другой стороны, по-новому рассмотреть соотношение синхронии и диахронии в их взаимосвязи как исследовательских подходов к языку в триаде «язык – мышление – деятельность».

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В **первой главе** изложены теоретические основания предпринимаемого исследования, представлен аналитический обзор основных направлений в интерпретации союза в ходе развития научной мысли, рассмотрена проблема состава единиц сочинения, их инвентаризация и хронология появления, приведена типология сочинительных отношений в современном французском языке, обоснован градуальный подход к системе единиц сочинения. **Вторая глава** посвящена методологическим аспектам работы с практическим материалом. В ней

¹ В настоящей работе доминирующая тенденция развития грамматического строя французского языка – аналитичность – предопределяет руководствоваться логико-семантическим и дистрибутивным критериями при описании единиц сочинения.

охарактеризована система единиц сочинения с эволюционно-синергетической позиции, объяснены причины и механизмы изменений в системе единиц сочинения французского языка, проанализированы частотные характеристики единиц сочинения с XI в. по настоящее время на основании корпусных данных Национального корпуса французского языка Frantext [FR], установлены тенденции употребительности изучаемых единиц в диахронической перспективе. В **третьей главе** представлены результаты анализа семантики и дистрибутивные характеристики единиц сочинения французского языка, выявлены и сопоставлены их качественные характеристики в ранний период развития языка. Продемонстрированы не только наиболее распространенные, «типичные» (формирование закономерностей), но и спорадические, нетипичные (с нормативной точки зрения) явления, которые ретроспективно идентифицируются как начало изменений качественных характеристик исследуемых единиц. В **четвертой главе** представлена функциональная и семантическая классификации единиц сочинения современного французского языка. В **заключении** обобщены результаты исследования, выведены закономерности развития системы единиц сочинения французского языка.

Монография адресована специалистам в разных областях гуманитарного знания: историкам языка, когнитологам, семасиологам и др.

Глава 1. ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

«Усложнение общественных взаимоотношений с необходимостью предполагает более четкое восприятие разнообразных связей, существующих между различными элементами опыта» [Мартине 2004, с. 220]. Это определяет использование существующих в системе языка единиц для обозначения сути как наблюдаемых отношений между сущностями, так и умозрительных, все более сложных отношений между ситуациями во внеязыковой действительности [Kripke 2001 (1972), Putnam 1975, Lyons 1995]. Одними из таких средств являются служебные слова – сочинительные союзы – «средства огромной важности, превращающие язык в орудие мышления» [Лурия 1979, с. 99]. Внешне малозаметные «словечки отношений» передают и даже «протоколируют» [Барт 2000, с. 231] осмысление богатства и многообразия связей между внеязыковыми сущностями – природа, человек, социум. На протяжении более чем тысячелетней истории французского языка эти «самые интересные, развитые и человеческие элементы языка» [Tesnière 1988, p. 80] используются как для описания «видимого» (доступного чувственному восприятию) мира, так и для описания мыслимого («постигаемого разумом») мира.

Ретроспективное рассмотрение системы французских единиц сочинения позволяет понять историю ее развития и, соответственно, помогает уяснить суть ее современного состояния.

1.1. Сочинительные союзы и когниция в эволюционном аспекте

Вопрос о связи языка и мышления, необходимых атрибутов человека, сочетающих и социальное, и биологическое, неоднократно широко освещался в многочисленных трудах¹, посвященных сложности и противоречивости природы мышления и языка.

Несмотря на теснейшую связь и взаимодействие языка и мышления, это совершенно разные феномены, каждый из которых имеет свою собственную форму и свое собственное содержание. Понимание природы языка меняется от очевидного, что язык – система знаков, к столь сложному, как «язык – интерфейс между сознанием и мозгом, сознанием и миром» [Черниговская 2013, с. 10].

¹ Ряд ученых исследовали взаимовлияние и взаимодействие языка и мышления: Ш. Балли, В. В. Биbihин, Э. Берн, Л. Блумфилд, И. Л. Вайсгербер, Л. Витгенштейн, Л. С. Выготский, В. Фон Гумбольдт, М. Джеймс, Д. Олфорд, М. К. Петров, С. Л. Рубинштейн, Э. Сепир, Б. А. Серебренников, Дж. Р. Серль, С. Тер-Минасова, С. Д. Канцельсон, В. В. Колесов, Г. В. Колшанский, Дж. Кэрролл, Дж. Лайонз, Дж. Лакофф, А. Н. Леонтьев, К. Маркс, Б. Уорф, Н. Хомский и др.

Во второй половине XX в. на основании обобщения данных о закономерностях биологической, когнитивной и социальной эволюции формируется концепция глобального эволюционизма [Пригожин 1986; Вернадский 1991; Хайдеггер 1993; Глобальный эволюционизм 1994; Гайденок 1997; Губин 1998; Моисеев 1998; Урсул 2012 и др.]. Системно-эволюционный подход опирается на принципы историзма (становление, изменчивость) и системности (целостность, взаимообусловленность). К. Лоренц отмечал, что, понимая познание как естественно-исторический процесс, мы вписываем когнитивный опыт в эволюционный процесс [Лоренц 2000]. За тысячелетия своего развития человечество прошло длительный путь познания от примитивного и ограниченного ко все более глубокому и всестороннему проникновению в сущность окружающего мира [Спиркин 2006].

Любые процессы познания – приобретения человеком знания о явлениях и закономерностях мира – характеризуются в целом постепенным переходом от созерцания реальности (мы видим, слышим, чувствуем) к отражению существенных свойств, общих свойств предметов и явлений объективного мира через словесную форму (мы сопоставляем, обобщаем, систематизируем, называем), то есть от накопления эмпирического знания к теоретическому. Причем, как замечает Е. Кубрякова, «все познавательные процессы – как по мере их зарождения, так и по мере их протекания и получения результатов – носят языковой характер» [Кубрякова 2012, с. 54].

Взаимодействие языка и мышления, таким образом, понимается как коэволюционный процесс двух саморазвивающихся систем, каждая из которых обладает структурой, характеризуется уровнями сложности и рекурсивным механизмом взаимодействия [Deacon 2000; Турчин 2000; Матурана, Варела 2001; Черниговская 2013; Черникова 2016 и др.].

На основе идеи глобального эволюционизма возникает образ мира как саморазвивающейся суперсистемы, в которой «любой объект предстает как составляющая целостности, как событие и как система одновременно» [Черникова 2016, с. 208]. Такое понимание совпадает с концепцией психомеханики языка Г. Гийома. В начале XX в. ученый утверждал, что язык есть «системное целое, охватывающее всю протяженность мыслимого и состоящее из систем, каждая из которых относится только к одной конкретной части мыслимого. Эти частные системы имеют естественную тенденцию к индивидуализации и к созданию целого, выступающего составной частью общего и более широкого целого, каковым и является язык» [Гийом 1992 (1942), с. 106]. Язык, по мнению ученого, рождается только тогда, когда «пережитый человеком опыт трансформируется в представление» [Гийом 1992 (1942), с. 145]. Иначе говоря, язык как эволюционирующая система возникает в результате кодирования явлений действительности языковыми объектами, которые становятся важнейшими элементами общественной деятельности и входят в жизнь человека подобно орудиям труда и домашней утвари [Турчин 2000].

Сказанное относится к системе единиц сочинения как частной языковой системе. Сочинительные союзы, единицы сочинения, обозначают разнообразные отношения между объектами и ситуациями внеязыковой действительности¹. Благодаря этим «строительным» единицам окружающий нас мир воспринимается упорядоченно, а наблюдаемое систематизируется на основании сходств одних явлений и различий других. Они выполняют, таким образом, «классифицирующую» роль: «сознание не просто классифицирует явления окружающей действительности, но и определенным образом их ранжирует, “сортирует” по важности!» [Норман 2013, с. 178]. Причем говорящий постоянно формирует в своем сознании «онтологические» и «прагматические» классы объектов *ad hoc* [Гак 1998, с. 32–40]. Онтологические классы «объективируют существенные, независимые от конкретных субъектов, признаки предметов», и они, как правило, заранее даны говорящим (например, «растения», «еда», «транспорт» и т.д.). Прагматические классы «образуются на основе обобщения любых признаков, которые существенны для воспринимающего лица (*ego*), здесь (*hic*) и сейчас (*nunc*)» и, следовательно, непостоянны: они возникают в ситуации общения и распадаются, когда ситуация изменяется [ibid].

Считается, что в познавательной-коммуникативной деятельности человека наименованию подвергаются те фрагменты действительности, которые представляются говорящему жизненно важными, наиболее значимыми с точки зрения практической деятельности. При этом любые многочисленные изменения во внеязыковой действительности сначала должны быть переработаны мышлением² (обнаружены, зафиксированы, проанализированы, классифицированы и т.д.), и только после этого они отражаются в языковой системе. «Постоянные и вечные причины изменений» обуславливают стремление говорящего к эксплицитному выражению многообразных отношений и логических связей [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 249]. Это определяет использование языковых средств, указывающих на такие связи. Служебные слова (союзы в частности) берут на себя функцию формулировки этих отношений, они являются «средством коммуникации отношений» [Лурия 1979, с. 95].

Принимая за основу проводимого исследования тезис французского лингвиста Ж. Антуана о том, что сочинительные союзы обозначают связь, имеющую «логическое и психологическое основание в упорядочивании двух и более единиц, уравновешенных и согласованных, создающих вместе относительное единство» [Antoine 1958, р. 305], полагаем, что «квант информации», обозначаемый сочинительными союзами, есть результат длительного процесса схематизации человеческого опыта.

¹ В нашем понимании внеязыковая ситуация включает помимо содержания сообщения (предметы и связи между ними) отношение говорящего субъекта, основанное на глубинных связях между говорящим и его миром и влияющее на отбор внеязыкового содержания и языковых средств.

² На работу человеческого мышления, специфику психических процессов, идущих в разных направлениях, обусловленных конкретными целями коммуникации, указывал И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963].

Философы, антропологи, этнологи и культурологи XX в., занимаясь проблемой природы человеческого мышления и культурной обусловленности его развития, говорят об этапах когнитивной эволюции на уровне мышления как признака человеческой эволюции в целом¹. Сравнивая мышление современного человека и человека архаических обществ (мифологическое мышление (К. Леви-Стросс), «архаическое мышление» (М. Элиаде)), Л. Леви-Брюль отмечает, что мы смотрим на мир одними и теми же глазами, но видим его разным сознанием [Леви-Брюль 1937]. Первобытное, «пралогическое» в трактовке французского философа, мышление не представляет собой какую-то стадию, предшествующую во времени появлению логического мышления, оно иначе ориентировано. «Закон сопричастности» заменял для древних людей наш рациональный закон причинности. Современный человек ищет вторичные причины, устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное же мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Архаичное мышление безразлично к противоречиям, которых не терпит современный разум, и допускает одновременное пребывание одного и того же существа в двух или нескольких местах.

В философских работах отмечается, что отличительной особенностью мышления на ранних стадиях развития от мышления современного человека является синкретичность, преобладание конкретных прототипных репрезентаций понятийного содержания и «холистических» стратегий обработки когнитивной информации, во многом совпадающих с «логикой» мифа (см. о генезисе архаического сознания в [Першин 2014]). Результаты исследований в области семантики древних языков свидетельствуют о том, что синкретичность, или нерасчлененность, диффузность, значений свойственна языку на ранних стадиях развития, так как мировосприятие человека на архаичных этапах развития отличалось слитностью (см., например, [Трубачев 1976, Николаева 2000, 2008 и др.], в частности о синкретизме как онтологическом и универсальном свойстве древних языков [Swadesh 1972, p. 183–185; Колесов 1991 и др.]). Так, например, Т. М. Николаева предполагает, что первообразные русские сочинительные союзы *и*, *а* и *но* не имеют этимологии и относятся к древнейшему фонду языка [Николаева 2008]; Ф. Ламбер утверждает, что семантика французского сочинительного союза *et* ‘и’ не развивается в направлении от конкретного к абстрактному, обладая «уже изначально абстрактным значением» [Lambert 2001, p. 119].

В то же время в повседневной жизнедеятельности познание человека движется от отражения наблюдаемых отношений к отражению отношений абстрактных, умозрительных [Лурия 1979]. Представители «операциональной» теории развития мышления ребенка Ж. Пиаже [Пиаже 1994 (1960)], теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина

¹ Ср. с биогенетическим законом о частичной рекапитуляции онтогенеза в филогенезе, предложенным изначально Э. Геккелем в 1866 г. (см. [Мюллер, Геккель 1940]).

[Гальперин 1965], информационной теории интеллектуально-когнитивного развития Клара и Уоллеса, а также сторонники подхода Л. С. Выготского о поэтапном процессе формирования понятий едины в том, что наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое мышление образуют этапы развития мышления в онтогенезе и филогенезе [Выготский 2005 (1934); Рубинштейн 2008 (1946); Маклаков 2001, с. 299–301 и др.].

Три вида мышления связаны между собой. Ранний и простейший (наглядно-действенный) вид мышления ребенка осуществляется с опорой на «созерцание» ситуации и возможности действовать в ней. Освобождение, «эмансипация» из плана реальной конкретной ситуации приводит к возникновению наглядно-образного мышления. Мысленно производятся операции, не осуществимые в реальной действительности. В ходе дальнейшего совершенствования, под влиянием обучения теоретическим основам разных наук, мышление переходит к использованию понятий, логических конструкций, которые не имеют прямого образного выражения, возникает словесно-логическое мышление [Нарциссова, Сиротин 2018].

Естественно, что с течением времени инвентарь языка постоянно меняется, адаптируясь к коммуникативным потребностям его носителей. Каждое новое поколение вместо того, чтобы получать язык в наследство в неизменном виде, заново осваивает его в ином социальном контексте [Brinton 2005]. Сказанное в полной мере относится к системе единиц сочинения французского языка. Так как основной количественный состав сочинительных союзов современного французского языка существенно не изменяется по сравнению со старофранцузским, создается противоречащее эволюционному подходу представление об устойчивости сочинительных союзов к изменениям. Соответственно, возникает вопрос о причине их «живучести». Является ли кажущаяся стабильность системы сочинительных союзов французского языка результатом неощутимых и невидимых глазу говорящего, наивного носителя языка, изменений в осмыслении абстрактных отношений между разнообразными сущностями в течение длительного исторического периода?

В этой связи целесообразно привести результаты исследований в области исторического синтаксиса и развития речи у детей¹.

Известно, что в разных языках мира² развитие синтаксической семантики идет поэтапно: простые синтаксические структуры, части которых располагаются в соответствии с порядком следования действия во времени, появляются раньше других структур. Свободное присоединение простых предложений, так называемое «цепочечное нанизывание предложений»

¹ Ср. мультидисциплинарный подход, описывающий язык в эволюционном и онтогенетическом развитии и в тесном взаимодействии с другими человеческими подсистемами: мышлением, деятельностью, памятью и др. в «Эволюционно-синтетической теории языка» [Кошелев 2017].

² См., например, труды [Ломтев 1956; Булаховский 1958; Потебня 1958; Борковский 1958; Мещерский 1962; Кузнецов 1985; Живов 1997, 2001; Гиппиус 2004; Зализняк 2004, 2008 и др.].

«плетеного» типа, с помощью сочинительных союзов *et* 'и', *ou* 'или' обеспечивало ровный, ритмичный текст, который легко удлинялся. Историки языка полагают, что сложноподчиненные предложения (гипотаксис – «подчинение») создавались на основе сложносочиненных (паратаксис – «выстраивание рядом») в результате развития новых форм мышления. Однако основной особенностью старофранцузского синтаксиса является несоответствие традиционной индоевропейской схеме, где выделяются три последовательные ступени развития сложного предложения: бессоюзие > сочинение > подчинение. Старофранцузский язык характеризуется одинаковой продуктивностью более древних (паратаксис) и более новых (гипотаксис) синтаксических средств [Сабанеева 1990]. Сочинение и подчинение являются равно развивающимися направлениями совершенствования французского сложного предложения [Васильева 1972, 1978; Шигаревская 1984; Иеронова 1996; Скрелина 2001].

Понимая суть сочинительной связи как некоторой ментальной структуры (фр. *une structure mentale*), Ж. Антуан утверждает, что говорящие имеют индивидуальные предпочтения в использовании сочинительных и подчинительных средств связи на протяжении своей жизни, что свидетельствует, по его мнению, о том, что выбор связующих единиц есть «такая же привычка ума, как и речи» [Antoine 1958, p. 704]. Очевидно, что признание такого положения требует длительных психолингвистических наблюдений.

Важным материалом для реконструирования определенной последовательности, в которой возникали разные участки языковой системы, являются наблюдения над формированием речи у детей: служебные слова появляются после всех знаменательных частей речи, первыми появляются предлоги, затем – союзы. Сочинительный союз *et* 'и' статистично и когнитивно первичен: он первым появляется в детской речи и исчезает последним при афазической регрессии, служа каркасом «сочинительного здания» (см. подробно [Lapaire 2005]).

Результаты психолингвистических исследований М. Томаселло свидетельствуют о связи этапов становления языка с развитием его прагматики [Tomasello 2005]. Ценными для нашего исследования являются наблюдения М. Томаселло над идентификацией сложных речемыслительных явлений порождения и понимания разнообразных конструкций в речи англоязычных детей, в которой присутствуют союзы. Рассмотрим их.

Детями в возрасте от 2 до 3 лет сначала усваивается союз *and*. В первые годы жизни ребенок использует его для того, чтобы соединять автономные высказывания (интонационно), произнесенные взрослым или другим ребенком. Внутрифразовое сочинение формируется у детей намного позже. Ребенок последовательно осваивает когнитивно-синтаксические механизмы соединения, временной последовательности, каузального соединения и, наконец, противопоставления согласно следующей схеме: additive < temporal < causal < adversative [ibid, p. 258–262].

До начальной школы детям трудно отклониться от иконического синтаксиса, описанного в [Sweetser 1990]. В своих играх и повествованиях дети вспоминают события в их хронологической или логической последовательности и, таким образом, моделируют с помощью соединительного союза *and* порядок их появления в мире (реальном, выдуманном). Каждая из областей обладает своим порядком: социопсихическое упорядочивание (одно событие предшествует другому по времени и употреблению); эпистемическое упорядочивание (предпосылки предшествуют выводам и выявлению причин проявления их последствий) [Sweetser 1990, p. 86–93]. Другими словами, когнитивные процедуры проявляются в оформлении сочинительной связи, воспроизводя очень часто иконическую событийную и логическую последовательности. Сочинительная связь, таким образом, позволяет согласовать синтаксический мир с миром физического и ментального опыта, сначала выражая то, что предшествует, а затем то, что следует (во времени, в пространстве, в рассуждениях). Исторические данные и наблюдения над детской речью убеждают в первичности онтологических значений и производности эпистемических [ibid, p. 50], что объясняется в свете теории концептуальной метафоры как проекция более знакомого и конкретного мира физических и социальных отношений на область ментального мира¹ [ibid, p. 59–68] (см. также «прагматический» код Т. Гивона (архаический порядок элементов в высказывании, который соотносится с их развертыванием в коммуникативной ситуации), близкий к детской речи [Givón 1977, 1979]).

Схожие результаты были продемонстрированы ранее в трудах А. Р. Лурии. Структурные схемы сложных предложений осваиваются человеком по мере того, как мышление подрастающего человека становится способным строить умозаключения, постигать связи событий. Сначала появляются простые структуры, затем – дистантные. Предложения со сдвинутыми отношениями отражают своеобразные мыслительные коды, возникшие после становления и закрепления норм литературных языков [Лурия 1979].

Итак, постоянно развивающаяся мыслительная деятельность носителей языка связана с углублением и усложнением представлений об окружающей действительности. В свою очередь, знание описываемого конкретного положения дел и дальнейшее наименование отрезков действительности с их последующей аранжировкой сложным образом взаимодействуют с общими представлениями о жизненной закономерности, с осознанием значимости

¹ Ср.: частный случай общей тенденции к большей субъективизации (*subjectification*), или прагматизации, значения у Э. Трауготт: развитие значений (как лексических, так и грамматических) всегда идет от обозначения внешних (объективных) ситуаций к описанию внутренних (субъективных) ситуаций [Traugott 1986]. В современной когнитивной лингвистике изучение субъективизации (и ее частного случая – грамматикализации) как фактора семантических изменений идет параллельно с анализом данного феномена с позиций синхронной семантики [Athanasiadou et al. 2006].

состояний и событий вокруг [Гак 1998; Урысон 2011; Санников 2008 и др.]. Эта «энциклопедия знаний»¹ – «совокупность предварительных («фоновых») знаний» [Гак 2000, с. 238], пресуппозиций², – включает перцептивный механизм, знания ситуационные, логические, умозаключительные, аргументированные, знания лексические, интертекстуальные, культурные и энциклопедические знания, поведенческие нормы и т.д.

В работе мы исходим из того, что «энциклопедия знаний» – совокупность интралингвистического знания и экстралингвистического знания – постоянно и динамично развивается, подвергается совместной переработке и трансформации для сохранения ее актуальности и доступности для говорящих. Эти «уровневые знания» не существуют изолированно, находятся в постоянной взаимосвязи и, будучи взаимообусловленными (рис. 1), образуют одно целое, оказывая влияние на кодирование и декодирование сути связи между внеязыковыми сущностями.

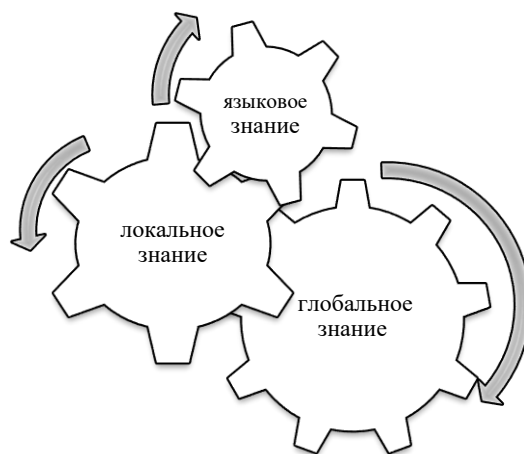

Рис. 1. Взаимосвязь «фоновых» знаний говорящих

В ходе освоения человеком разных видов деятельности изменение «глобального» знания (универсального, общего, коллективного) приводит к трансформации «локального» знания (частного, конкретного, индивидуального), что предопределяет выбор языковых средств репрезентации отрезков действительности (лингвистическое знание). В нашем случае это использование связующих единиц, то есть сочинительных союзов. Эти изменения, «grounded in cognitive processes and usage factors» [Bybee 2015, p. 5], про-

¹ Во французской лингвистической традиции для обозначения общих фоновых знаний, которые суть «совокупность знаний, сознательно разделяемых собеседниками» [Berrendonner 1983], используются различные термины: *mémoire partagé*, *savoir partagé* [Fontanille 1987], *fond commun*, *encyclopédie*, *représentation discursive*, *mémoire discursive*, *univers intellectuel* [Ducrot 1967, p. 40–41; 1969, p. 43] и др. (об этом подробно в [Reichler-Béguelin 1988, p. 188–189]).

² Мы опираемся на трактовку пресуппозиций В.Гака: *ситуативная* (широкая, общая, пресуппозиция (общие знания людей об окружающем мире)), *узкая* (частная, пресуппозиция (знания, относящиеся к данной конкретной ситуации, которыми владеют говорящие)) и *лингвистическая* (знания, заключенные в самом языке) [Гак 1998, с. 237]. Ср. микропресуппозицию, социумную, константную пресуппозицию и макропресуппозицию [Красных 1998]. Схожая трактовка в [Berrendonner 1990].

текают очень медленно (в течение нескольких веков) и проявляются как в использовании существующих в системе языка единиц для новой функции, так и в возникновении разнообразных синтаксических построений различной степени сложности и абстрактности, репрезентирующих богатство и многоликость отношений между ситуациями во внеязыковой действительности.

Сочинительные союзы как сигналы ментальных операций, таким образом, упорядочивают и систематизируют элементы внеязыковой действительности, отображая результат и процесс освоения когнитивной процедуры номинации многообразных отношений (соединительных, разделительных, противительных и др.) между внеязыковыми сущностями.

1.2. Система французских единиц сочинения: диахрония синхроний

В проводимом исследовании мы рассматриваем системную организацию единиц сочинительной связи в диахронической перспективе. Для обоснования такого подхода обратимся к концепции Г. Гийома о «диахронии синхроний» и его дефиниции системы как «обширной, строго когерентной системы, состоящей из множества систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое» [Гийом 1992, с. 106]¹.

Г. Гийом противопоставляет продольный – горизонтальный – срез, который отражает ход времени, изменяющий вещи и нарушающий порядок (диахроническая лингвистика), и поперечный – вертикальный – срез, который способствует их организации и систематизации, подчиняя их самым глубоким законам человеческого мышления (синхронная лингвистика) [Гийом 1992, с. 61]². Само понятие синхронного среза носит весьма условный характер, так как остановить мгновение нельзя. Вместе с тем такая условность позволяет описать структурные характеристики частных систем и их составляющих, а затем и всей системы в целом.

Систему французских единиц сочинения мы определяем как совокупность нескольких частных систем (А + Б + В + Г + ...), каждая из которых репрезентирует один из типов отношений и имеет некоторое количество синхронных срезов на временной оси Т (табл. 1).

¹ В работах на материале французского языка, выполненных в традиции «диахрония синхроний», представлены системы французского артикля, имени существительного (особенно категориями рода, падежа и числа), глагола (Г. Гийом); реляционные элементы (Б. Потье), местоимения (Ж. Муанье), артикль и имя (Р. Валлен), наклонение (Р. Л. Вагнер), указательные местоимения, средства выражения уступки (О. Сутэ) и т.д. Первенство в использовании идей Г. Гийома в российской романистике при исследовании системных и контекстных характеристик языковых элементов в исторической перспективе принадлежит Л. М. Скрелиной [Скрелина 2009].

² Согласно Г. Гийому у Ф. де Соссюра «доминируют два образа, образ текущего времени и образ остановившегося мгновения» [Гийом 1992 (1942), с. 61] (ср.: «возникнув однажды, язык бесконечно развертывается во времени» [Соссюр 1933, с. 3]).

Система французских единиц сочинения в «диахронии синхроний»

Синхронные срезы	Частные системы				Система единиц сочинения
	А	Б	В	Г	
T^1	A^1	B^1	V^1	Γ^1	=система ¹
T^2	A^2	B^2	V^2	Γ^2	=система ²
T^3	A^3	B^3	V^3	Γ^3	=система ³
$T^{\dots}$	$A^{\dots}$	$B^{\dots}$	$V^{\dots}$	$\Gamma^{\dots}$	=система ^{...}
T^n	A^n	B^n	V^n	Γ^n	=система ⁿ

Исследование системы французских единиц сочинения, таким образом, проводится в двух плоскостях, вертикальной и горизонтальной, а именно: анализ продольных сечений, развертывание частных систем в диахронической перспективе, от T^1 до T^n ($A^1 \rightarrow A^2 \rightarrow A^3 \rightarrow \dots \rightarrow A^n$, $B^1 \rightarrow B^2 \rightarrow B^3 \rightarrow \dots \rightarrow B^n$ и т.д.), и анализ поперечных сечений, синхронных срезов ($A^1 + B^1 + V^1 + \Gamma^1$, $A^2 + B^2 + V^2 + \Gamma^2$ и т.д.). Анализ системы единиц сочинения в «диахронии синхроний» позволяет рассмотреть систему как процесс в его развитии, а не простую смену его отдельных синхронических состояний, и сформулировать **гипотезу** проводимого исследования (см. с. 38).

Хронологические рамки предпринятого исследования – с IX в. по настоящее время – позволяют дать диахроническое объяснение современного употребления французских единиц сочинения комплексно, на основании «апелляции к происхождению этих фактов, что становится одним из основных исследовательских приемов» [Плунгян 1998, с. 355]¹.

Двумя отправными точками исследования являются изначальное состояние системы единиц сочинения французского языка и современное. Вопрос репрезентативного количества синхронных срезов в исследовании разрешается с учетом периодизации истории языка и технических возможностей НКФЯ Frantext (см. § 2.2).

Общеизвестно, что традиция классифицировать многочисленные слова языка по ограниченному количеству категорий, различая слова склоняемые, спрягаемые и неизменяемые, так же как и система понятий и категорий современной грамматики (название частей речи, падежей и т.д.), восходит к античности. За каждым из таких понятий и за каждой из таких категорий стоит своя история возникновения, отражающая эволюцию лингвистического познания [Кубрякова 2012]. Сказанное в полной мере относится к такому классу служебных слов, как союз, представление о котором развивалось от диффузного понятия союза до установления неоднородности данной части речи, дифференциации типов и видов союзной связи. Результаты анализа

¹ О важности того, что объяснение того или иного состояния языка невозможно без обращения к его истории, писал еще Г. Пауль [Пауль 1960 (1880), с. 43].

эволюции представления о союзе на протяжении многовекового развития научной мысли во французской романистике и исторических классификаций средств сочинительной связи представлены ниже.

1.2.1. Понятие «сочинительный союз» во французской грамматической традиции

Для анализа эволюции представления о союзе во французской грамматической традиции нами отобраны более 50 дефиниций союза из оригинальных трактатов, энциклопедий, справочников и грамматик, датированных с IV по XXI в.¹

Общеизвестно, что французская грамматическая традиция вместе с другими европейскими традициями заимствует понятия и категории из латинской грамматики: речь идет о так называемом «*transfert de technologie*» [Auroux 1994]. Два основных античных трактата – «*Ars Donati*» (IV в.) и «*Ars Prisciani*» (VI в.) – использовались при обучении до конца XVI в. (времени появления первых оригинальных грамматик) и сыграли существенную роль в описании грамматической системы французского языка. Определения союза в названных источниках породили его вариативную интерпретацию в ходе развития латинской грамматики², а затем и в первых грамматиках французского языка³. Приведем эти определения.

Определение союза в грамматике Доната носит обобщенный характер и содержит указание на основное категориальное свойство – объединять и организовывать мысли без идентификации языковой единицы:

(i) «*Coniunctio est pars orationis adnectens ordinansque sententiam*» ‘Союз – это часть речи, которая объединяет и организует мысль’ (Donat, *Ars maior*, 350 [CTLF]).

В грамматике Присциана обозначены три критерия выделения союза: формальный (неизменяемость), функциональный (соединение однопорядковых элементов) и семантический (значимость и порядок следования соединенных элементов):

(ii) «*Proprium est coniunctionis diuersa nomina uel quascumque dictiones casuales uel diuersa uerba uel aduerbia coniungere. Coniunctio est pars orationis indeclinabilis copulans sermonem et coniungens uim et ordinem* (выделено нами – О. Ю.) *partium orationis*» ‘Свойством союза является объединение разных существительных или всех слов в падеже, или разных глаголов или наречий.

¹ Источники, доступ к которым осуществлялся через Национальный корпус фундаментальных текстов *Corpus de textes linguistiques fondamentaux* [CTLF] и Национальную цифровую библиотеку *Gallica* [GLC], приводятся в круглых скобках с указанием года их появления через запятую, если не указано иное.

² Об эволюции понятия союза в латыни см. в [Baratin 1989].

³ Понятие союза в ранних трактатах старо- и среднефранцузского языков фрагментарно представлено в [Colombat 2013].

Союз – неизменяемая часть речи, которая соединяет сказанное согласно значению элементов и порядку их следования’ (Ars Prisciani, *Grammatici Latini*, 526–527 [CTLF]).

Подчеркнем, что в вышеприведенных дефинициях (i) и (ii) нет ответа на вопросы ни о наличии лексического значения у союза, ни о дифференциации «сочинительный vs. подчинительный союз», что, соответственно, заслуживает особого внимания. Изложим кратко в хронологической последовательности основные изменения в толковании сущностной природы союза в общем и сочинительного союза в частности во французской грамматической традиции в функциональном (что соединяет союз) и семантическом (что обозначает союз) аспектах.

Первоначальное представление о функциях союза эволюционирует от признания семантической и синтаксической тождественности соединяемых посредством сочинительного союза компонентов (симметрия соединяемых компонентов) до принятия тезиса о неоднородности соединенных компонентов (асимметрия соединяемых компонентов). Поясним сказанное.

Идея Присциана о том, что посредством двух союзов *et* и *uel* устанавливается связь между двумя последовательно соединенными одинаковыми частями речи (например, *et Terentius et Cicero, uel Terentius uel Cicero; et formosus et sapiens, uel formosus uel sapiens; et legens et scribens, uel legens uel scribens; et ego et tu, uel ego uel tu; et facio et dico, uel facio uel dico; et bene et celeriter, uel bene uel celeriter* (Ars Prisciani, *Grammatici Latini*, 526–527 [CTLF])), сформировала лингвистическую аксиому о природе компонентов, связанных сочинительной связью.

В большинстве грамматик среднефранцузского периода сохраняется позднелатинская традиция понимать под соединением категориально тождественных элементов соединение существительного и существительного или местоимения, прилагательного и прилагательного, например: *Pierre et Alexandre, César et moi, César magnanime et heureux* (L. Meigret, *Le trètté de la gramme françoëze*, 1550 [GLC]). В подтверждение сказанному приведем определения XVI в., в которых авторы единогласно отмечают, что неизменяемые слова – союзы – связывают одинаковые части речи:

(iii) «La conjonction est une partie du langage, indéclinable, sans articles, et sans aucun gouvernement: conjoignant les mêmes espèces des parties, avec quelques significations» ‘Союз – это несклоняемая часть речи без артиклей и без какого-либо управления, соединяющая одни и те же части речи и имеющая некоторые значения’ (L. Meigret, *Le trètté de la gramme françoëze*, 1550 [GLC]).

(iv) «Conjonctions sont des mots qui ne se déclient point: seulement servant pour joindre et assembler les même espèces des parties d’oraison, ou les clauses aus clauses, avec quelque significations» ‘Союзы – это слова, которые не склоняются, используются только для соединения и объединения одних и тех же частей речи или клауз с клаузами и обладают некоторыми значениями’ (R. Estienne, *Traicté de la grâmaire Francoise*, 1557 [GLC]).

В это же время впервые обращается внимание на нарушение однородности соединяемых элементов, как, например, соединение имени прилагательного и местоимения с предложной группой: *rex fortissimus & magnae prudentiae* ‘un roi très courageux et d’une grande sagesse’ ‘король очень храбрый и большой мудрости (букв.)’; *penna mea & Petri* ‘ma plume et <celle de> Pierre’ ‘мое перо и <перо> Пьера’ (J. Despautère, *De coniunctis in diuerso casu*, 1527 [GLC]). В грамматике Кл. де Вожла (Cl. de Vaugelas, *Remarques sur la langue françoise*, 1651 [GLC]), являющейся своего рода vade-mecum для широкого круга читателей XVII в., соединения такого типа осуждаются. В классический период носителям французского языка предписывается различать «bon usage» и «mauvais usage» ‘правильное и неправильное использование’, что обусловило принятие сочинительного канона – конструкции, обладающей признаком однородности (фр. *homogénéité*). Однако устойчивое наличие соединений неоднородных элементов на протяжении всей истории французского языка (например, *ton essence est immortelle et sans corrupcion* ‘твоя сущность бессмертна и без испорченности’; *esté tout irregulier et de travers* ‘все было неправильным и криво’; *devotement et de cuer* ‘преданно и от сердца’) приводит к элиминации из определения союза указания на однородность, как, например:

(v) «La conjonction est un mot invariable qui sert à lier un membre de phrase à un autre membre de phrase» ‘Союз – это неизменяемое слово, которое служит для связи одного члена предложения с другим’ (M. Noel, M. Chapsal, *Nouvelle grammaire française*, 1831 [GLC]).

Впервые соединение неоднородных элементов признается допустимым и трактуется как асимметричное сочинение в «Грамматике ошибок» А. Фрея (1929 г.) [Frei 1929, p. 175–180]. Несмотря на распространенную трактовку тождественности соединенных элементов в структурализме как, по образному выражению Л. Теньера, невозможности «суммировать грушу с яблоком», то есть невозможности юнкции между актантом и сирконстантом или же глаголом и именем [Tesnière 1988, p. 326], в ряде последующих работ по французскому языку [Gosselin 1990, Le Bidois 1967, Mounin 1974, Pottier 1962, Васильева 2023 (1992) и др.] убедительно доказывается, что сочиненными могут быть не только конструкции, в которых присутствует признак однородности. Например, конструкции с сочинением разнофункциональных членов предложения *Elle voyait près du général et en costume d’officier anglais, Arthur à qui sans doute elle devait sa prompte délivrance* ‘Она увидела рядом с генералом и в костюме английского офицера Артура, которому она, несомненно, была обязана своим быстрым освобождением’ (H. de Balzac, *La Femme de trente ans*) или построения с семантически несочетаемыми компонентами *Plus tard il devint empereur / Alors il prit du ventre et beaucoup de pays* ‘Позже он стал императором / Так он раздобыл (взял живот (букв.)) и захватил много стран (взял много стран (букв.))’ (J. Prévert, *Paroles*).

Таким образом, с функциональной точки зрения границы сочинения расширяются за счет включения помимо соединения однородных также и неоднородных величин.

Что касается эволюции взглядов на семантику союзов, то изначально формируются две противоположные точки зрения: либо утверждается наличие у союзов исключительно соединительной функции, либо признается способность союза к номинации отношений между объектами внеязыкового мира.

В универсальной энциклопедии И. Севильского, *magnum opus*, отмечается, что союз не имеет собственного значения и выполняет роль «клея» (лат. *glutinum*): «Haec enim per se nihil valet, sed in copulatione sermonum quasi quoddam exhibet *glutinum*» (I. de Séville, *Etymologiae*, 632 [CTLF]). Это утверждение во многом предопределило ведущую роль синтаксического критерия при выделении союзов как части речи особенно во французской грамматике XX в. В фокусе находится второстепенный и вспомогательный (фр. *accessoire*) характер союзов. Так, в трактовках союзов как служебных слов акцентируется, что они являются грамматическими знаками, назначение которых состоит в формировании синтагмы и предложения [Балли 2001 (1950)]; артикулирующими частицами (фр. *éléments articulatoires*) [Sauvageot 1978]; служебными связующими единицами (фр. *espèces de jonction*) [Galichet 1970] или грамматическими единицами (фр. *espèces grammaticales*) [Guiraud 1961]; юнктивами, «пустыми» вспомогательными неизменяемыми словами, «своего рода цементом» [Теньер 1988]; грамматическими орудиями [Вандриес 2001]; дополнительной служебной частью речи, связывающей члены предложения или предложения [Гак 2000] и т.д.

Однако уже в работах XVI в. возрождается идея Доната о сути союза как средства сентенциальной связи, которая приводит к пониманию того, что способность союза к номинации абстрактных сущностей проявляется при связывании синтагм, предложений (T. Linacre, *De emendata structura Latini sermonis*, 1524; F. Sanctius, *Minerva*, 1587; R. Estienne, *Traicté de la grammaire Francoise*, 1557 [GLC]). Мысль о предназначении союза для соединения частей речи и мыслей между собой находим в грамматике Дж. Палсгрейва (J. Palsgrave, *L'esclaircissement de la langue francoyse*, 1530 [CTLF]). Причем нередко в грамматиках этого периода в определениях союза содержится указание на то, что он обладает «несколькими значениями» (см. приведенные выше определения (iii, iv)).

В результате соотнесения философских категорий бытия и мышления с содержательными структурами языка в грамматике формируется онома-сиологическое направление. Стремясь объяснить «рациональные начала», лежащие в основе языка, в первом фундаментальном грамматическом сочинении «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля» (фр. *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*, 1660 [GLC]), А. Арно и Кл. Лансло рассматривают союзы как средство выражения и передачи мысли, противопоставляя их словам, которые соотносятся с объектами во внеязыковой

действительности. В философском трактате о грамматике середины XVII в. посвященный союзам раздел так и именуется – «Coniunctio quid. Proprie ea sententias, non verba connectit» (G. Scioppius, *Grammatica Philosophica*, 1664 [CTLF]). Примечательно, что Н. Бозэ, один из последователей авторов грамматики Пор-Рояля, подразделял части речи на аффективы, выражающие чувства, и дискурсивы, служащие для выражения мыслей. Союз рассматривается как несклоняемый дискурсив, противопоставленный супплетивам (предлоги и наречия, которые дополняют значение имен существительных, местоимений и глаголов в предложении). Союзы, согласно Н. Бозэ, служат для выражения различных отношений, в которых находятся те или иные явления действительности, описываемые либо отдельными членами предложения, либо целыми предложениями (N. Beauzee, *Grammaire generate*, 1767 [GLC]).

В эпоху Просвещения знаменитое философское изречение *Cogito, ergo sum* предопределило антропоцентрическую трактовку союза. Тезис о связи между мыслительными процессами и союзами, способными отражать богатство и сложность отношений между разнообразными сущностями, представлен в крупнейшем справочном издании эпохи Просвещения – «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». В дефиниции союза содержится указание на сложные процессы речемыслительной деятельности в установлении связи между объектами внеязыковой действительности на основании их сопоставления, а именно: выявления их сходств и различий.

(vi) «Les conjonctions sont de petits mots qui marquent que l'esprit, outre la perception qu'il a de deux objets, apperçoit entre ces objets un rapport ou d'accompagnement, ou d'opposition, ou de quelque autre espece: l'esprit rapproche alors en lui-même ces objets, & les considere l'un par rapport à l'autre selon cette vûe particuliere. Or le mot qui n'a d'autre office que de *marquer* (выделено нами – О. Ю.) cette considération relative de l'esprit est appelé conjonction» 'Союзы – это короткие слова, которые обозначают, что сознание, кроме восприятия двух объектов, устанавливает между ними отношение соединения или противопоставления, или иное отношение; и тогда сознание само сближает эти объекты и рассматривает их по отношению к друг другу. Слово, у которого нет другого назначения, как выражать это отношение, устанавливаемое сознанием, и есть союз' (D. Diderot, J.-B. d'Alembert, *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, 1751 [GLC]).

Показательно, что указание на то, что союзы обозначают отношения между соединенными предложениями (букв. *prononcer* 'произносить') (vii, viii) либо когнитивные и перцептивные процедуры (ix), которые задействованы в процессе установления связи между двумя сущностями, сохраняется в некоторых учебных и лексикографических изданиях середины XVIII – начала XIX в. Ср.:

(vii) «Deux propositions ne se lient que par les rapports qu'elles ont l'une à l'autre. Or le propre des conjonctions est de *prononcer* (выделено нами – О. Ю.)

ces rapports» 'Два предложения связаны только отношениями друг с другом. Свойство союзов заключается в обозначении этих отношений' (E. de Condillac, *Cours d'étude: Grammaire*, 1775 [GLC]).

(viii) «La conjonction sert à lier les propositions, et à marquer les rapports qu'elles ont entre elles» 'Союз служит для связи двух предложений и для обозначения отношений между ними' (M. Noel, M. Chapsal, *Nouvelle grammaire française*, 1831 [GLC]).

(ix) «On appelle conjonctions de petits mots qui *marquent* (выделено нами – О. Ю.) que l'esprit, outre la perception qu'il a de deux objets aperçoit entre ces objets un rapport ou d'accompagnement ou d'opposition ou de quelque autre espèce. La valeur de la conjonction consiste à lier des mots par une nouvelle modification ou idée accessoire ajoutée à l'une par rapport à l'autre» 'Союзами называют маленькие слова, которые *маркируют* (букв.), что сознание, кроме восприятия двух объектов, улавливает между ними отношение или присоединения, или противопоставления, или какой-то другой тип отношений. Значение союза заключается в соединении слов либо посредством новой модификации, либо посредством дополнительной идеи по отношению к каждому из объектов' (J.-Ch. LaVeaux, *Nouveau dictionnaire de la langue française*, 1828 [GLC]).

О единстве логического и психологического оснований в установлении сочинительной связи, как мы отмечали выше, пишет в своем фундаментальном труде и Ж. Антуан во второй половине XX в. [Antoine 1958].

В то же время приведенная из «Энциклопедии» дефиниция союза (vi) созвучна концепции А. Вежбицкой о сочинительных союзах как сигналах «текущего ментального состояния субъекта» [Вежбицкая 1999, с. 616] и концепции Е. Урысон о предназначенности союзов не для описания мира, а для маркировки каких-то аспектов деятельности сознания при восприятии и передаче информации [Урысон 2011, с. 9]. В современных исследованиях французских лингвистов также обращается внимание на связь между сочинительными союзами и когнитивными процессами (см., например, [Lapaire 2005]).

До конца XX в. сохраняются две противоположные точки зрения на наличие/отсутствие у союза лексического значения¹. Ряд ученых занимают промежуточную позицию. В своей грамматике Р. Вагнер и Ж. Пэншон отмечают, что союз «*explicite parfois* (выделено нами – О. Ю.) le rapport de sens» '*эксплицирует иногда* смысловые отношения' [Wagner, Pinchon 1991, p. 455–456] между соединенными элементами.

Таким образом, в ходе становления научной картины мира вопрос о тесной связи семантики союза и когнитивных операций остается открытым для дальнейших исследований и дискуссий.

Отметим, что класс союзов изначально неоднороден и дифференциация синтаксической связи осуществляется постепенно. Приведенные выше

¹ О признании номинативной функции у служебных частей речи см. в [Тарасевич 2014].

определения союза подразумевали прежде всего связь, оформляемую сочинительными союзами. Появление подчинительных союзов в системе языка происходит в более поздние периоды в результате сложных процессов перехода разнообразных лексических единиц в разряд служебных (см. [Bertin, Shyldkrot 2008]).

В основе разграничения «сочинительный союз» (*co-ordination*) и «подчинительный союз» (фр. *sub-ordination*) лежит отмеченное Присцианом ключевое противопоставление *uis* vs. *ordo* (фр. *valeur* vs. *ordonnancement*) (см. определение (ii)). Так, уже в грамматике придворного ученого Карла Великого отмечается свойство союзов связывать однопорядковые элементы, которые отражают как совместное существование некоторых сущностей, так и хронологическую последовательность их появления во внеязыковой действительности. Ср.: *et pius et fortis fuit Aeneas* 'Énée était pieux et courageux' 'Эней был набожным и храбрым' (=uis) и *si ambulat, mouetur* 's'il marche, il se déplace' 'если он идет, он передвигается' (=ordo) (Alcuin, *Grammatica*, 895 [CTLF]). Другими словами, происходит различение союзов, которые либо соединяют однопорядковые сущности (прототипическим является союз *et* 'и'), либо указывают на логические операции (прототипическим является союз *si* 'если'). Причем понятие *coniunctio per ordinem* предполагает наличие зависимости одного элемента от другого, а порядок следования соединенных компонентов отражает иконическую последовательность ситуаций во внеязыковой действительности (причина → следствие, обоснование → вывод).

Первые попытки противопоставить союзы на основании *uis* vs. *ordo* для дидактических целей предприняты в грамматике Эверарда из Бетюна начала XIII в. (É. de Béthune, *Graecismus* [CTLF]). Однако последовательная дифференциация «сочинительный vs. подчинительный союз» во французской грамматической традиции отсутствует вплоть до середины XIX в. Согласно А. Шеврелю [Chevrel 1977, p. 255], идея разделения союзов на сочинительные и подчинительные для освоения обучающимися элементарных грамматических правил принадлежит Ж.-Л. Бурнуфу (J.-L. Burnouf, *Premiers Principes de la grammaire latine, à l'usage des classes élémentaires*, 1843 [GLC]). Авторы последующих учебных изданий предлагают классифицировать союзы, соединяющие части сложного предложения, на *subordonnantes* 'подчинительные' и *copulatives* 'копулятивные' (B. Julien, *Vocabulaire grammatical de la langue française*, 1857 [GLC]) либо на *grammaticales* 'грамматические' (*si, quand, lorsque* и др.) и *logiques* 'логические' (*mais, car, or* и др.) (Ch. Dupont, *Grammaire des écoles primaires*, 1860 [GLC]).

Впервые выделение семи французских сочинительных союзов *et, ou, ni, mais, car, donc, or* на основании четырех критериев – морфологическая неизменяемость, соединение однофункциональных элементов, ограничение на положение в середине сочиненного компонента, отсутствие отношения зависимости – для дидактических целей обосновывается в грамматике П.-А. Лемэра (P.-A. Le-maire, *Grammaire de la langue française, à l'usage des classes supérieures des lettres*, 1862 [CTLF]).

Идея различать два типа союзов на основании выполняемых соединенными элементами функций, предложенная О. Брашэ [Brachet 1867], сохраняется до настоящего времени. Так, сочинительный союз соединяет элементы *de même statut* 'одного статуса (букв.)', если речь идет о соединении частей сложного предложения, или однофункциональные элементы внутри простого предложения, так называемые однородные члены [ibid, p. 267]. В Академической грамматике современного французского языка «Le Bon Usage», которая издается с 1936 г., приводится дефиниция сочинительного союза, предложенная О. Брашэ. Уже в 13-м переработанном и дополненном издании 1993 г. уточняется, что посредством сочинительного союза соединяются разнофункциональные и разнопорядковые элементы (см. определение во Введении). Таким образом, фиксируется многообразие существующих в современном языке сочинительных конструкций симметричного и асимметричного типов, что, в свою очередь, отражает семантический и функциональный потенциал сочинительных союзов французского языка.

Итак, в многочисленных дефинициях союза сохраняется преемственность в единообразной трактовке формального критерия (неизменяемость) и грамматического (категориального) значения союза, а именно: указывать на связь синтаксических единиц (фр. *joindre, conjoindre, lier, unir, connecter*), которые первоначально фигурируют в дефинициях.

Обозначенные изменения в понимании функционирования и семантики союзов на протяжении многовековой истории развития научной мысли, на наш взгляд, отражают взаимосвязь между эволюцией понятия союза и развитием качественных и количественных характеристик сочинительных союзов в диахронической перспективе. Сказанное вызывает необходимость определения количественного состава французских единиц сочинения.

1.2.2. Проблема классификации единиц сочинения во французской романистике

В ходе обобщения результатов многочисленных исследований в области связующих единиц во французской романистике (см. введение) установлено, что понятия «связующая единица», «союз», «сочинительный союз», «коннектор» находятся в гипонимо-гиперонимических отношениях (рис. 2).

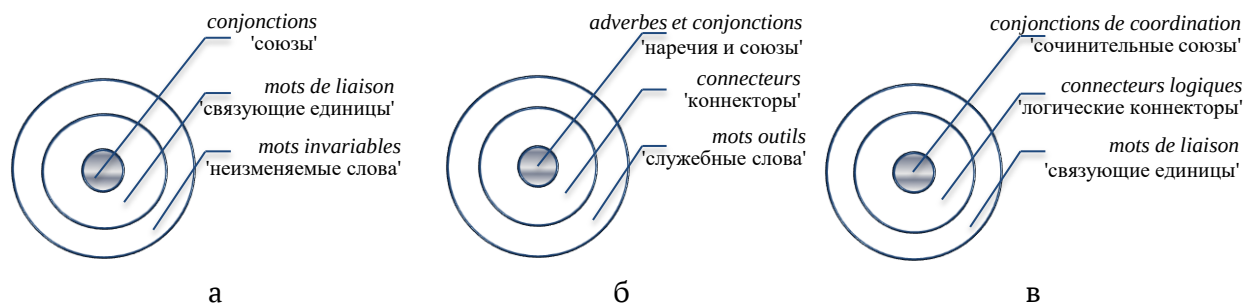

Рис. 2. Гипонимо-гиперонимические отношения между понятиями «связующая единица», «союз», «сочинительный союз», «коннектор»

Как следует из рис. 2, по морфологическому принципу из всей совокупности неизменяемых слов выделяются связующие единицы, из которых вычлениют союзы (см. рис. 2а). На основе частеречной принадлежности сначала выделяются служебные слова, далее – коннекторы, которые подразделяются на союзы и наречия (см. рис. 2б). На основании выполняемой связующей функции дифференцируются логические коннекторы, которые включают сочинительные союзы (см. рис. 2в). Несмотря на явные отличия (отсутствие коннекторов в (а), наличие сочинительных союзов только в (в)), общим во всех работах является выделение союзов как класса слов, выражающих частную сущность по отношению к другому, более общему понятию (связующие единицы, коннекторы, логические коннекторы).

Представляется необходимым в этой связи привести краткий аналитический обзор инвентаризации и классификации французских единиц сочинения в диахронии, что позволит сформулировать основные принципы, на которых строится предлагаемое исследование системы единиц сочинения французского языка.

1.2.2.1. Состав единиц сочинения французского языка: история вопроса

На протяжении многовековой истории языка и развития научной мысли вопрос о составе связующих единиц разрешался по-разному. Все существующие классификации во французском языке, как было отмечено выше, сводятся к основополагающему противопоставлению *coniunctio per uim* и *coniunctio per ordinem*, изложенному в грамматике Присциана (*Ars Prisciani, Grammatici Latini*, 526–527 [CTLF]), и к пяти типам союзов «*copulatiuae, disiunctiuae, expletiuae, causales, rationales*¹», представленных в трактате Доната (*Donat, Ars maior*, 350 [CTLF]) (см. схему на рис. 3).

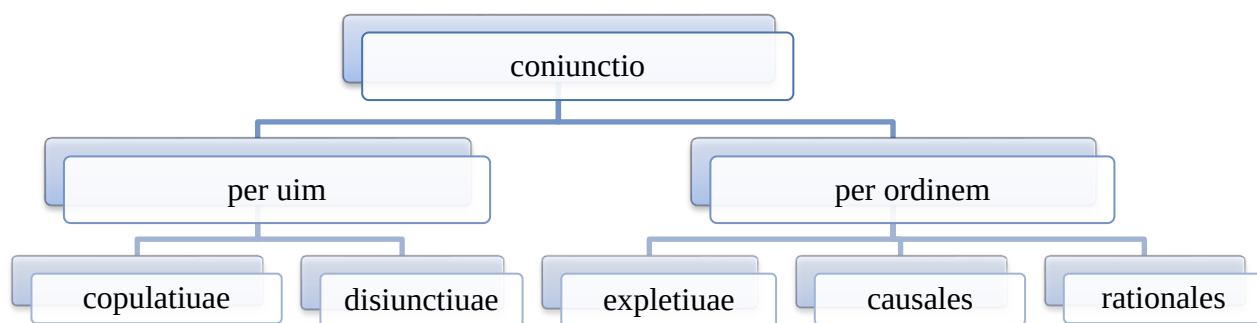

Рис. 3. Классификация французских союзов, наследуемая из позднелатинских грамматик

Единицы, обозначающие сосуществование некоторых элементов во внеязыковой действительности (*per uim*), включают союзы *copulatiuae* и *disiunctiuae*, которые соединяют два компонента при отсутствии зависимости

¹ Для обозначения союзов *copulatiuae* во французской грамматике используются два термина – *copulatives* и *coordinatives*, термин *rationales* в последующем заменяется на *argumentatives*.

между ними, как, например: *Augustinus et/ou Hieronymus, scribit et/ou legit*. В ранних трактатах выделяются соединительные (*et*, *-que*, *ac*, *atque*, *quoque*, *etiam*) и разделительные (*aut*, *vel*) союзы, маркирующие две основные логические операции конъюнкции и дизъюнкции¹ (I. de Séville, *Etymologiae*, 632; Éverard de Béthune, *Graecismus*, 1200 и др. [CTLF]). Примечательно, что в грамматиках XVI в. противительный союз *mais* квалифицируется как копулятивный наряду с союзом *et*. При этом дифференцируются союзы разделительные (*ou*, *ne*), континуативные (*comme*) и субконтинуативные (*pour autant*, *d'autant*, *jaçoit que*, *si*, *que* и др.), как, например, в грамматике Дж. Палсгрейва (J. Palsgrave, *L'esclaircissement de la langue francoyse*, 1530 [GLC]).

В трактатах XVII в. в фокус выводятся копулятивные союзы, о чем свидетельствует совпадение названий соответствующих разделов «Des conionctions, & premierement des copulatiues» (Ch. Maupas, *Grammaire et syntaxe françoise*, 1607; A. Oudin, *Grammaire françoise*, 1640; L. Chiflet, *l'Essai d'une parfaite Grammaire de la langue françoise*, 1659; F.-S. Régnier-Desmarais, *Traité de la grammaire françoise*, 1705 [CTLF]). Термин «копулятивный» используется в широком понимании. Речь идет о грамматическом (категориальном) значении союзов как об общем указании на связь между синтаксическими единицами.

Последовательность ситуаций во внеязыковой действительности (*per ordinem*) репрезентируется посредством единиц *causalis*, *rationalis* и *expletivae*, указывающих на причину, обоснование и экспликацию существующего положения дел. Уже в грамматике начала XIV в. содержится существенное уточнение относительно неоднозначности связующих единиц. Так, союз *ergo* в предложении *Socrates currit, ergo mouetur* обозначает причину, а в *terra interponitur inter solem et lunam; ergo luna eclipsatur* – следствие (Th. d'Erfurt, *Grammatica speculativa*, 1300–1310 [GLC]). Дополнительно к базовым соединительным и разделительным союзам выделяют союзы *explétices*, *causales* в грамматике Ж. Дюбуа (J. Dubois, *In linguam Gallicam isagoge et Grammatica Latino-Gallica*, 1531 [GLC]).

Схожий с современным составом сочинительных союзов список единиц с дифференциацией их предназначения приведен в «Грамматике Пор-Рояля». Единицы *et*, *non* служат для соединения, союз *vel* разделяет, *si* и *ergo* обозначают заключение, *ou* различает, единица *donc* обосновывает (Cl. Lancelot, *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*, 1640 [GLC]).

Значительно расширенный список неоднородных связующих единиц представлен М. Ноэлем: *car*, *ainsi*, *cependant*, *néanmoins*, *pourtant*, *toutefois*, *mais*, *comme*, *et*, *ni*, *or*, *donc*, *où*, *soit*, *tantôt*, *quand*, *si*, *sinon*, *enfin*. Отмечается,

¹ Конъюнкция (от лат. *conjunctio* – союз, связь) – логическая операция, по смыслу максимально приближенная к союзу «и». Дизъюнкция (от лат. *disjunctio* – разобщение) – логическая операция, по своему применению максимально приближенная к союзу «или» в смысле «или то, или это, или оба сразу» [СЛТ, ФС, ФЭС].

что союзы предназначены для обозначения отношения между соединенными предложениями, как, например, актуализация отношения противопоставления в (a) в отличие от бессоюзного сложного предложения в (b):

(a) *Cicéron dans sa jeunesse fut couvert de gloire; mais sa vieillesse fut troublée par les malheurs de la république* 'В молодости Цицерон познал славу, но его старость была омрачена тяготами республики'¹.

(b) *Cicéron dans sa jeunesse fut couvert de gloire; sa vieillesse fut troublée par les malheurs de la république* 'В молодости Цицерон познал славу; его старость была омрачена тяготами республики' (цит. по М. Noel, M. Chapsal, *Nouvelle grammaire française*, 1831 [GLC]).

Попытка систематизировать многообразные средства связи (союзы, союзные обороты, наречия и др.) предпринимается в грамматике Ж. Бернара: конклюдивные союзы служат для введения вывода (*or, donc, par conséquent, partant, ainsi, c'est pourquoi, cela étant, c'est pour cela*), копулятивные союзы соединяют два предложения без отношения зависимости (*et, ni, ou, mais, ainsi, donc, car, or, cependant, toutefois, néanmoins*), а подчинительные союзы соединяют два предложения на основании отношения зависимости (*comme, comment, que, quoique, si* и союзные обороты с *que, lorsque, dès que, puisque, pourvu que* и т.д.) (J. Bernard, *Vocabulaire grammatical de la langue française*, 1831 [GLC]). В последующих научных работах и современных академических изданиях за основу берется предложенное О. Брашэ разделение союзов на сочинительные, которые представлены неоднородными исчисляемыми единицами (*et, ou, ni, mais, car, donc, or, cependant, néanmoins, sinon, toutefois*), и подчинительные, список которых не ограничен (*comme, lorsque, puisque, quand, que, quoique, si* и др.) [Brachet 1867, p. 267].

В исследованиях представителей индуктивного, эмпирического, и дедуктивного, менталистского, направлений XX в. инвентарь связующих единиц, как и сами отношения, включаемые в понятие сочинения, не совпадают.

Представители ономазиологического направления выделяют разного рода отношения между объектами внеязыковой действительности, которые обозначаются связующими единицами². Так, Ф. Брюно выделяет два вида «психологических» отношений, существующих между событиями, – нелогические и логические – на основании наличия зависимости между ними [Brunot 1956 (1922)]. К нелогическим отношениям, когда один факт лишь поясняет другой, лингвист относит отношения времени, качества и коли-

¹ Здесь и далее примеры, обозначенные латинскими буквами, заимствуются из оригинальных первоисточников.

² Некоторые ученые видят проявление сочинительной связи во многих синтаксических образованиях. Ср.: простое предложение является результатом сочинения, соединения (*l'oiseau chante* ← *l'oiseau, il chante* ← *il existe un oiseau et il chante*) [Балли 2001 (1950)]; количественные наречия и числительные представляют однокомпонентный сочиненный ряд (фр. *co-ordonnants à un terme*) как один из комбинаторных вариантов сочинительных союзов (*deux pommes* ← *une pomme et une pomme*; *très aimable* ← *aimable et aimable*) [Pottier 1962, p. 152–164]; последовательность связанных предложений по типу *la nuit était noire, le vent soufflait* есть сочинение, противопоставленное соединению на основе логической связи *il pleut, je reste* [Séchehaye 1926].

чества, а также другие типы отношений, которые объединены в разделе «Relations diverses»: соединение (*et*), исключение (*sans* и *sauf*), разделение (*ou*), добавление (*avec*, *outré que* и др.), замещение (*au lieu de*, *au lieu que*) [ibid, p. 716]. Логические отношения включают отношения причины и следствия, цели, противопоставления (или уступки), гипотетичности. Ученый разграничивает «наследуемые средства связи» [ibid, p. 716] (в русскоязычной трактовке «первообразные единицы») и другие – новые – союзы и союзные сочетания, образованные на их основе или приобретающие в ходе развития языка «строительные» свойства. Так, основная копулятивная единица *et* противопоставлена другим соединителям: *encore*, *en plus*, *en outre*, *par surcroît*, *sans compter que* [ibid, p. 715].

Интерес к проблематике сочинительных союзов во французском языке значительно усилился с момента выхода монографии Ж. Антуана [Antoine 1958], в которой автор с позиции функционального подхода с привлечением исторических фактов разграничивает три типа сочинения: имплицитное, с союзными заменителями и собственно союзное сочинение. Основополагающая идея о специализированных единицах сочинения – *et*, *ou*, *ni*, *mais*, *car*, *donc*, *or* [там же, p. 357] – принимается последующими исследователями [Mounin 1974, Mahmoudian et al. 1976, Нобаек-Нэфф 1987 и др.] и авторами современных академических французских грамматик (табл. 2).

Таблица 2

Классификация сочинительных союзов
французского языка по: [Dubois et al. 2019, p. 129]

Союз	Отношение	Пример
<i>et</i>	соединение, присоединение	<i>Mon neveu et ma nièce sont partis en vacances</i> ‘Мой племянник и моя племянница уехали в отпуск’.
<i>ou</i>	альтернатива	<i>Il faut persévérer ou renoncer tout de suite</i> ‘Надо настоять или немедленно сдаться’.
<i>ni</i>	соединение, отрицательная альтернатива	<i>Il ne veut ni peut accepter</i> ‘Он не хочет и не может принять’.
<i>mais</i>	противопоставление	<i>Ils ne sont pas encore là, mais il n’est que huit heures</i> ‘Их еще нет, но еще только восемь часов’.
<i>or</i>	обоснование	<i>Tous les hommes sont mortels, or Socrate est un homme, donc Socrate est mortel</i> ‘Все люди смертны, Сократ – человек, следовательно, Сократ смертен’.
<i>car</i>	экспликация	<i>Ferme la fenêtre, car il y a un courant d’air</i> ‘Закрой окно, потому что сквозит’.
<i>donc</i>	следствие, вывод	<i>L’heure du train est proche, nous allons donc quitter</i> ‘Поезд скоро отправляется, поэтому мы уходим’.

Между тем в традициях дистрибутивного подхода предлагается включать в класс сочинительных союзов наречия, которые выступают в роли связующих единиц между членами предложения или предложениями и выра-

жают альтернативные отношения (*soit, tantôt... tantôt*), противительные (*cependant, pourtant, néanmoins, toutefois, au reste, en revanche, d'ailleurs*), экспликативные (*en effet, c'est-à-dire*), отношения следствия (*c'est pourquoi, aussi, partant, par conséquent, par suite*) и конклюдзивные отношения (*enfin, ainsi, en bref*) [Dubois et al. 2019, p. 144]. Однако, в отличие от наречий, союз не интегрируется в сочиненный компонент. Ср.:

(a) *Il avait tort, **cependant** il ne voulait pas l'admettre* 'Он ошибался, между тем он не хотел это признавать'.

(a₁) *Il avait tort, il ne voulait **cependant** pas l'admettre*.

(b) *Il avait tort **mais** il ne voulait pas l'admettre* 'Он ошибался, но он не хотел это признавать'.

(b₁) **Il avait tort, il ne voulait **mais** pas l'admettre*.

Противоположную позицию занимает А. Мартине, который, не вводя термин «коннектор», поясняет, что, когда монема устанавливает семантическое отношение между двумя предложениями, она переходит в разряд наречий. Например, единица *mais*: *Il était peu rigoureux. **Mais** il n'hésitait pas à se mesurer physiquement avec autrui* 'Он не был очень строгим. Но он не переставал сравнивать себя физически с другими' [Martinet 1979, p. 145]. Так, А. Мартине исключает единицы *donc* и *or* из класса союзов.

Классификация союзных средств (юнктивов) Л. Теньера, который не использует термин «сочинение» для экспликации «соединения ряда однородных узлов», основывается на их различии в зависимости от структурного уровня: юнктивы слов и юнктивы предложений (рис. 4).

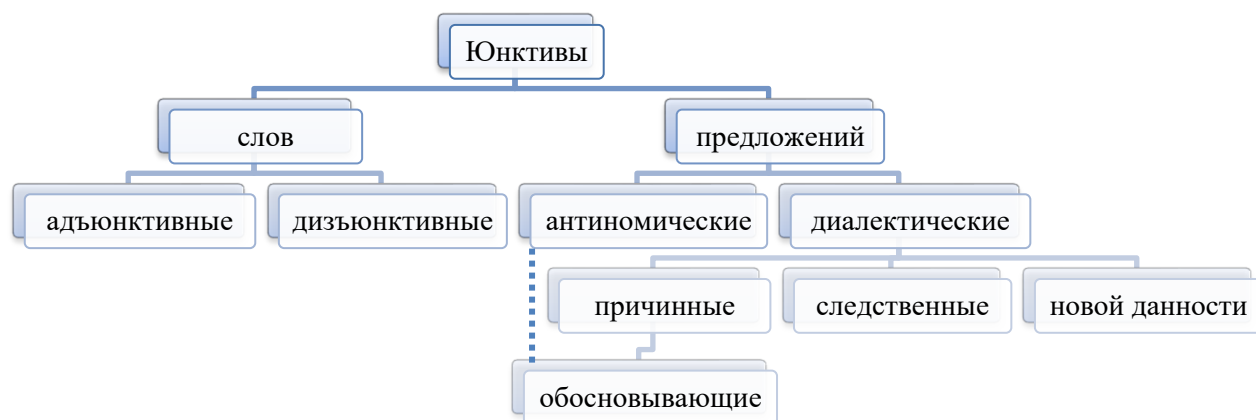

Рис. 4. Классификация юнктивов по: [Tessnière 1988]

Предложенная Л. Теньером схема представляет собой вариацию классификации союзов в позднелатинских и первых французских грамматиках. Юнктивы первого рода имеют более общее значение и подразделяются на *адъюнктивные* и *дизъюнктивные*. Типичным адъюнктивным юнктивом во французском языке является единица *et*. Как и во многих других языках, она отличается возможностью сочетаться с отрицанием; в таком случае она выступает в отрицательной форме *ni*. Юнктивы предложения подразделя-

ются на две группы: *антиномические* юнктивы, подчеркивающие противопоставление, и *диалектические* юнктивы, служащие для обозначения хода логического мышления.

Для описания логических отношений вводится также понятие «юнкторы», с помощью которых осуществляется формализация структуры предложений. Так, за сочинительную связь между предложениями, по Х. Вайнриху, отвечают параюнкторы. Единицы *et*, *ou*, *ni*, *mais* классифицируются как простые юнкторы, *car* отнесен в разряд союзов, морфемы *donc* и *or* рассматриваются как парный союз *or...donc*, служащий для построения силлогизмов [Weinrich 1989, p. 359].

Научный интерес к связности текста приводит к противопоставлению коннекторов классу союзов. Предлагается ранжировать единицы *mais*, *or*, *donc*, *car* как коннекторы с учетом их текстовых и прагматических функций, приближенных к *puisque*, *parce que* и *cependant* больше, чем единицы *et*, *ou*, *ni* [Combettes 1982, p. 58; Adam 1984, p. 110]. Коннекторы, однако, не отождествляются с союзами, которые несмотря на семантическую идентичность функционируют для установления межфразового соединения. Интерес в этой связи представляет работа Н. Б. Кудрявцевой, в которой союзы сочинения *et*, *mais*, *ou* и *ni* рассматриваются как коннекторы речевых актов и реплик в диалогическом дискурсе на материале современных художественных произведений [Кудрявцева 2009].

Научная дискуссия о составе французских единиц сочинения¹ остается, таким образом, открытой. Представленное разнообразие² точек зрения на инвентаризацию единиц сочинения свидетельствует о диффузности границ, отделяющих собственно сочинительные союзы от других классов слов, имеющих связующую функцию. В современной французской романистике разрешение этой проблемы требует рассмотрения целого ряда вопросов, важнейшим из которых является системная организация французских единиц сочинения. Отбор и систематизация единиц сочинения французского языка представлены ниже.

1.2.2.2. Ядерные и периферийные единицы сочинения

В академических изданиях XX–XXI вв. вопрос о количестве связующих единиц, оформляющих сочинительную связь, разрешается путем разграничения собственно сочинительных союзов – *et*, *ou*, *ni*, *mais*, *car*, *donc*, *or*³ – так называемых «классических союзов»

¹ Схожая ситуация прослеживается в других европейских языках. Ср.: четыре подгруппы сочинительных союзов (подгруппа союза *and*, подгруппа *but*, подгруппа *or* и подгруппа *so*) в [Eckersley 1967, p. 306–310]; семь типов паратаксиса (копулятивный, дизъюнктивный, адверсативный, рестриктивный, каузальный, консеквтивный и консессивный) в [Buchholz, Fiedler 1987, p. 503–506].

² О «разнообразии в терминологическом обозначении понятий и в теоретическом объяснении одних и тех же языковых явлений» см. [Гак 1998, с. 15].

³ Исследователи иногда относят единицы *car*, *donc*, *or* в группу присоединительных союзов [Гак 2000, с. 221; Реферовская 1969, с. 218] или рассматривают их как союзные наречия [Charaudeau 1992, p. 498; Weinrich 1989, p. 359–361; Martinet 1979, p. 44 и др.] (об этом подробно в [Кудрявцева 2010]).

[Grevisse 2018, p. 452], или «собственно сочинительных союзов» [Riegel et al. 2016, p. 525], «простых союзов» [Гак 2000, с. 221], и их аналогов, «оказиональных союзов» [Grevisse 2018, p. 452], «союзных наречий» [Riegel et al. 2016, p. 525], «функциональных эквивалентов» [Гак 2000, с. 221]. Например: наречия *puis* 'потом', *aussi* 'тоже', *alors* 'тогда', *par conséquent* 'вследствие' и т.д.

Для обоснования отбора французских единиц сочинения и их систематизации в нашем исследовании мы обозначим схожие и отличные «строительные» свойства собственно сочинительных союзов, которые не раз становились предметом научных дискуссий.

В современной французской романистике формируется крайне рестриктивный подход к определению состава единиц рассматриваемого класса, согласно которому собственно сочинительными союзами признаются исключительно три единицы *et*, *ou*, *ni* [Badiou-Monferran 2000, p. 98–124]. Такое мнение высказывалось и ранее. Б. Потье, занимаясь проблематикой связующих единиц, противопоставляет союзы *et*, *ou*, *ni*, *mais* каузальным союзам *or*, *car*, *donc* ввиду их дистрибутивных свойств¹ [Pottier 1962, p. 115–116].

Приведем аргументы, на основании которых определяется «noyau dur» 'букв. сильное ядро', образованное союзами *et*, *ou*, *ni* [Marchello-Nizia et al 2020, p. 944]. Этим союзам свойственно: 1) образование двойных и повторяющихся союзов (*et...et*, *et...et...et*, *ou...ou*, *ou...ou...ou*, *ni...ni*, *ni...ni...ni*)², 2) несочетаемость друг с другом, 3) фиксируемая позиция в начале соединенного компонента и 4) способность образовывать единицы разной синтаксической сложности. Они, таким образом, отличны от четырех других *car*, *or*, *donc*, *mais*. Последним не свойствен ни полисиндетон, ни, как правило, связывание однородных членов. При этом единица *donc*, статус которой в роли союза неоднозначен, сочетается с другими сочинительными союзами (*et donc*, *ou donc*, *ni donc*, *mais donc*, *car donc*, *or donc*) и характеризуется синтаксической мобильностью (*Je pense, **donc** je suis* или *Je pense, je suis **donc*** 'Я мыслю, значит, я существую').

Противоположный подход к определению состава сочинительных союзов связан с трудами представителей функционального направления второй половины XX в., о чем говорилось выше. Лингвисты высказывают сомнения в том, что список из семи сочинительных союзов является исчерпывающим, и относят к числу сочинительных союзов разнообразные

¹ Считается, что для соединения однородных членов предложения и частей сложносочиненного предложения, вторая из которых не содержит формально выраженного субъекта действия, в современном французском языке могут употребляться лишь четыре из семи союзов: *et*, *mais*, *ou*, *ni*. Ср.: *il lit et écrit*, но *il dort*, *car il est malade*.

² В зависимости от того, сколько элементов соединяется и какие из них маркируются союзным показателем, различаются: *одинарный* союз – независимо от количества элементов союзом маркируется последний элемент; *двойной* союз – два элемента маркируются союзным показателем; *повторяющийся* – в конструкции из неограниченного числа элементов каждый маркируется союзным показателем.

неоднородные единицы (*puis, voire, aussi, alors, par conséquent, en effet, cependant, pourtant, en outre, de plus* и др.) [Piot 1993, Wilmet 2007; Charaudeau 1992; Weinrich 1989 и др.]. Аргументом в пользу включения перечисленных единиц в класс союзов является их использование в инициальной позиции при оформлении связи между двумя независимыми предложениями для обозначения соединительного, противительного, разделительного или каузального типов отношения. Например¹:

(1) *Le vieil homme restait immobile [P₁]. Enfin [=et] il sortit de sa robe son chapelet d'ébène et il s'accroupit [P₂]* 'Старик оставался неподвижен. И наконец он достал из мантии свои четки из черного дерева и сел на корточки' (J.-M. Le Clézio. Désert, 1980).

(2) *Carnivores, caractérisés par leur style de chasse (à l'affût), qui doit avoir eu un rôle non négligeable pour la mortalité des Cerfs de l'espèce philisi [P₁] Cependant [=mais] d'autres Carnivores pratiquent une autre méthode de chasse, visant un individu à l'intérieur d'un troupeau (en général, un parmi les plus faibles) [P₁]* 'Хищники, отличающиеся своим стилем охоты (в засаде), что, должно быть, сыграло значительную роль в гибели оленей вида philisi. Между тем другие хищники практикуют иной способ охоты, выслеживая особь в стаде (обычно одну из самых слабых)' (Le socle de la chasse, 2020).

Как правило, эти единицы не соединяют однородные члены, зачастую интегрируются в сочиненный компонент (что требует учета дистрибуции единиц), а также выступают как конкретизаторы собственно сочинительных союзов в постпозиции к ним, то есть сочетаются с традиционно выделяемыми союзами по аналогии с единицей *donc*.

В состав сочинительных союзов предлагается также включать коррелятивные единицы (*autant...autant, moins...moins, plus...plus, sitôt...sitôt, soit...soit*) [Roig 2014, Choi-Jonin 2009, Deulofeu 2001, Mouret 2005] на основании их сходства с союзами *et, ou, ni* образовывать бинарные конструкции [Piot 2000] и подчинительные союзы *comme* и *ainsi que*, которые иногда используются как соединительный союз *et* [Sabio 2011, Benzitoun 2007]. Об этом свидетельствует согласование подлежащего и сказуемого во множественном числе, как, например:

(3) *Mais Rome comme [=et] Paris doivent s'entendre ou mourir* 'Но Рим, как и Париж, должны договориться или умереть' (Cl. Mauriac. Mauriac et fils, 1986).

Не все единицы сочинения, таким образом, являются равноценными. Обозначенные выше четыре признака союзов *et, ou, ni*, характеризующие их морфо-синтаксическую специфику, являются основанием для признания этих единиц центральными, прототипическими (см. теорию прототипов [Rosch 1978, 1996]). Поскольку полнота и максимальная интенсивность признаков характерны для центра, а их разреженность и ослабление – для периферии

¹ Здесь и далее используются примеры из НКФЯ Frantext [FR], если не указано иное. Примеры приводятся в сокращении.

[Адмони 1988], мы различаем два типа французских единиц: **ядерные** единицы сочинения (далее – ЯЕ) и **периферийные** единицы сочинения (далее – ПЕ)¹.

К ЯЕ сочинения мы относим семь союзов *et, ou, ni, mais, car, donc, or*, которые восходят к латинским единицам (*et* < *e/et*, *ou* < *o* < *aut*, *ni* < *ne/ni* < *nes*, *mais* < *magis*, *car* < *quare*, *donc* < *dum*, *or* < *hac hora* [Godefroy, DAF]) и с IX–X вв. функционируют в роли реляторов. Дифференциация ЯЕ сочинения в современном французском языке на собственно ядерные и около-ядерные представлена в главе 4. Эти единицы являются первообразными, или первичными, средствами сочинительной связи и противопоставляются ПЕ сочинения, которые в ходе исторического развития французского языка по-разному проявляют свои конъюнктивные свойства.

К ПЕ сочинения мы причисляем 50 неоднородных единиц, принадлежащих к разным классам слов (наречия, наречные обороты, предложные группы, причастия и т.д.)², отобранных нами в ходе обобщения данных исторических (см. выше) и современных грамматик [Grevisse 2018, p. 320–321; Riegel et al. 2016, p. 525; Dubois et al. 2019, p. 144 и др.]. Отобранные единицы квалифицируются как связующие (фр. *éléments de liaison*). Их синтаксическая функция состоит в соединении полнозначных слов или связывании между собой предложений при установлении соединительных, разделительных, противительных и каузальных отношений между ними. Они выступают, таким образом, аналогами ЯЕ. Дифференциация ПЕ сочинения в современном французском языке на единицы ближней и дальней периферии представлена в главе 4.

В большинстве лексикографических толкований ПЕ сочинения имеется помета об их свойстве выступать в качестве «*cheville logique d'un raisonnement*» ‘логического колышка рассуждений (букв.)’ [CNRTL], приводятся примеры их употреблений в качестве союза. Например, наречие *pourtant* ‘однако, тем не менее, все-таки’: «*oppose deux notions pour mieux les relier*» ‘противопоставляет два понятия для лучшей их связи’ [ibid]. Лексема *pourtant* используется для связи адъективированных или причастных синтагм часто в сочетании с союзом *et* (*et pourtant*). Ср.:

(4) *Sa voix rude **pourtant** caressante...* ‘Его резкий, но ласковый голос...’ (A. France. *Lys rouge*, 1894).

(5) *Cette mort prédite **et pourtant** imprévue...* ‘Эта предсказанная и все же непредвиденная смерть’ (M. Proust. *Prisonnier*, 1922).

С учетом предложенного различения единиц сочинения на ядерные и периферийные перейдем к реконструкции процесса пополнения системы средств сочинительной связи.

¹ Концепция центрo-периферической системной организации языка и полевой организации единиц излагается в [Бондарко 2001, Всеволодова 2017 и др.].

² Переход полнозначных единиц в разряд связующих, их полифункциональность и многозначность заслуживают отдельного внимания (см. § 2.5).

1.2.2.3. Формирование системы единиц сочинения французского языка

Количественно французская парадигма сочинительных средств связи наследует из латыни четыре союза *et*, *aut*, *vel*, *nec*, которые согласно современным латинистам [Orlandini, Poccetti 2007, 2014] являются наиболее грамматикализированными латинскими единицами сочинения (см. также [Lambert 2001]). Эти единицы оформляют не только **копулятивную** связь (фр. *coordination copulative*), то есть соединяют два и более члена предложения, выполняющих одну и ту же семантико-синтаксическую роль, но и **коннективную** связь (фр. *coordination connective*), то есть соединяют части сложного предложения, независимые предложения, сверхфразовые единства¹. Исчезновение в течение XIII в. дизъюнктивных наречий, восходящих к латинскому союзу *vel* (*viaus*, *vels*, *veaus*, *seviaus*), фиксируемых в самых ранних старофранцузских текстах, и закрепление разделительного союза *ou* (< *aut*), обладающего широкими коннективными способностями в отличие от *vel*, приводит к формированию трехчленной парадигмы: соединительный союз *et*, разделительный союз *ou*, соединительно-разделительный союз *ni* [Сабанеева 1990, Marcello-Nizia 2021]. Новыми старофранцузскими единицами сочинения являются противительные единицы *mais* и *ains* и каузальные единицы *or*, *car* и *donc* (табл. 3).

Таблица 3

Этимологическая дифференциация ЯЕ сочинения по: [Antoine 1958]

Единицы	Латинские	Наследуемые французским	Образованные в старофранцузском
Копулятивные	<i>et</i> , <i>-que</i> , <i>ac</i> , <i>atque</i> , <i>quoque</i> , <i>etiam</i>	<i>et</i> > <i>e</i> , <i>et</i>	<i>si</i> (> <i>sic</i>), <i>aussi</i>
Копулятивные негативные	<i>nec</i> , <i>neque</i>	<i>nec</i> > <i>ne</i> , <i>ni</i>	-
Дизъюнктивные	<i>aut</i> , <i>vel</i>	<i>aut</i> > <i>o/ou</i>	<i>soit...soit...</i>
Адверсативные	<i>sed</i> , <i>at</i> , <i>ast</i> , <i>autem</i> , <i>uerum</i> , <i>uero</i> , <i>tamen</i> , <i>atqui</i> , <i>attamen</i> , <i>nihilominus</i>	-	<i>mais</i> (< <i>magis</i>), <i>ains</i> , <i>toutefois</i> , <i>cependant</i> , <i>pourtant</i>
Каузальные	<i>nam</i> , <i>namque</i> , <i>enim</i> , <i>etenim</i> ,	-	<i>car</i> (< <i>quare</i>), <i>en effet</i>
Консекутивные	<i>itaque</i> , <i>ergo</i> , <i>igitur</i> , <i>proinde</i>	-	<i>donc</i> , <i>ainsi</i> , <i>aussi</i> , <i>partant</i>

Из табл. 3 следует вывод о сменяемости одних единиц сочинения (противительных и каузальных) и устойчивости других (копулятивных и дизъюнктивных). Латинские сочинительные союзы противительности (*sed*, *tamen*, *verum*), причины (*enim*), логического вывода (*ergo*) исчезли, а новые лексемы появились уже в старофранцузский период. М. К. Сабанеева высказывает предположение о том, что союзы *et*, *ou*, *ni*, несмотря на незначительный фонетический объем, сохранились в силу их большей употребитель-

¹ Ср.: «NP-сочинение» и «event-сочинение» в типологическом исследовании сочинительной связи в [Haspelmath 2009, p. 18].

ности и относительной простоты грамматического содержания. Союзы же более сложного логического содержания, отражающие глубокие внутренние связи явлений объективного мира, познавательную работу мысли, в старофранцузском языке обновились [Сабанеева 1990]. А. Мейе объяснил это явление стиранием экспрессивности союзов вследствие их частого употребления и потребности заменить старые союзы новыми более выразительными средствами, указывая, что союзы с самым общим (широким) значением более устойчивы, чем союзы с более узкой (специализированной) семантикой [Meillet 1982 (1922)].

В результате обращения к этимологическим [Godefroy] и лексикографическим [CNRTL] источникам установлено время первой письменной фиксации ПЕ в качестве аналогов сочинительных союзов, которые используются в современном языке. Применение логико-семантического критерия позволило распределить ПЕ на четыре группы в соответствии с типом изначально обозначаемого отношения следующим образом: 22 соединительные единицы (*puis, voire* и т.д.), 7 разделительных единиц (*ou bien, soit... soit* и т.д.), 13 противительных единиц (*cependant, au contraire* и т.д.) и 8 каузальных единиц¹ (*en effet, alors* и т.д.) (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Хронология пополнения системы единиц сочинения современного французского языка (составлено по: [Godefroy; CNRTL])

ЯЕ	ПЕ				
IX–X	XI–XII	XIII–XIV	XV–XVI	XVII–XVIII	XIX–XX
А – система соединительных единиц					
et, ni	<i>puis, aussi, encore, de même (que), ainsi, enfin</i>	<i>non moins que, en fait, finalement, de fait, en outre, au surplus, c'est-à-dire</i>	<i>ensuite, aussi bien que, après tout, (à) savoir</i>	<i>voire, de plus</i>	<i>encore que, à la vérité</i>
Б – система разделительных единиц					
ou	<i>soit... soit, soit... ou, tantôt... tantôt</i>	<i>ou bien...</i>	–	–	<i>plutôt... plutôt, sitôt... sitôt, et/ou</i>
В – система противительных единиц					
mais	–	<i>toutefois, néanmoins, au contraire</i>	<i>pourtant, cependant, sinon, au reste</i>	<i>en revanche, du reste, d'ailleurs</i>	<i>par contre, au moins, du moins</i>
Г – система каузальных единиц					
donc, or, car	–	<i>alors, c'est pourquoi, par conséquent, conséquemment</i>	<i>en effet, par suite</i>	<i>effectivement, partant</i>	–

¹ Поскольку сложность при идентификации причинно-следственных отношений во многом обусловлена как многообразием форм существования так называемых «причин» и «следствий», так и разнообразием связей между ними, ЯЕ *donc, or, car* и их «функциональные эквиваленты» объединены в одну группу каузальных единиц (см. § 1.4).

Информация, представленная в табл. 4, позволяет проследить процесс как пополнения состава единиц сочинения на каждом синхронном срезе (то есть поперечные сечения $A^1 + B^1 + V^1 + \Gamma^1$ и т.д.), так и развития частных систем на временной оси (то есть продольные сечения $A^1 \rightarrow A^2 \rightarrow A^3 \rightarrow \dots \rightarrow A^n$ и т.д.).

Появление ПЕ происходит неравномерно с разной интенсивностью начиная с середины XI в. (*puis*, 1050 г.) и продолжается по настоящее время (*et/ou, sitôt... sitôt* и т.д.). Причем в период с XI по XVI в. большая половина единиц начинает использоваться как семантико-синтаксические эквиваленты сочинительных союзов. Количественно преобладают соединительные ПЕ, которые маркируют темпоральную последовательность, присоединение, уточнение. Для номинации разделительных отношений используется наименьшее количество единиц. Активное обозначение противительных и каузальных отношений начинается после XIII в. Появление противительных ПЕ происходит относительно равномерно, а именно: три-четыре единицы фиксируются в каждом обозначенном периоде.

Следует отметить, что в ходе исторического развития языка большинство ПЕ демонстрирует изменение семантических свойств, сохраняя исходную семантику. Например, лексема *ainsi* изначально функционирует в роли наречия образа действия в значении «de cette façon» ‘таким образом’, с XII в. используется в качестве соединителя в значении «de même que» ‘также’, а в XIII–XIV вв. приобретает свойство маркировать каузальные отношения [CNRTL]. Способность единицы *ainsi* обозначать следствие, вытекающее из сказанного ранее, реализуется при ее употреблении в начале предложения или в начале второй части сложного предложения, то есть в анафорической функции. Два значения – соединительное (пример (6)) и каузальное (пример (7)) – сохраняются в современном языке.

(6) *L'épaisse étoffe ainsi que sa chemise de nuit blanche, brodée au col et aux manches, constituaient un rempart suffisant pour sa vertu* ‘Толстая ткань, а также ее белая ночная рубашка с вышивкой на воротнике и рукавах составляли достаточную защиту ее добродетели’ (Cl.-J. Baudroux. *La même Caillou*, 2005).

(7) *Je n'ai point proposé à M. de Narbonne de dîner ici. Ainsi, tu es le maître de dire ce qui te convient* ‘Я вовсе не предлагал господину де Нарбонну ужинать здесь. Поэтому ты волен говорить то, что пожелаешь’ (G.de Staël. *Correspondance générale*, 1790).

Исходя из изложенного, гипотеза проводимого исследования формулируется следующим образом: вся совокупность существующих в языке эксплицитных средств оформления сочинения представляет собой открытую, динамическую, неравновесную систему, состоящую из коэволюционирующих частных систем, организованных по прототипическому принципу «ядро – периферия»: соединительной, разделительной, противительной и каузальной.

Прежде чем мы представим методологию диахронического исследования системы французских единиц сочинения, необходимо обобщенно представить типы отношений, обозначаемых ЯЕ сочинения в современном французском языке, что позволит на уровне зрелого состояния изучаемого объекта лучше понять его «низшие формы развития».

1.3. Типология сочинительных отношений в современном французском языке

Известно, что дифференциация типов сочинительной связи происходит на основе логических операций. Так, А. Сеше различает три типа отношений между двумя элементами: сложение, альтернатива, противопоставление [Séchehayе 1929, p. 175]; Б. Потье также выделяет три базовых отношения: сложение «+», вычитание «-» и концептуальное тождество «=» [Pottier 1962, p. 322].

Признается, что каждый сочинительный союз кодирует определенный тип отношений между внеязыковыми сущностями. Этим единицам свойственны «первичные семантические функции», которые состоят в том, что они выражают основные логические операции: конъюнкцию (положительное соединение – *et*, соединение отрицаемых объектов – *ni*), дизъюнкцию (*ou*), импликацию (*car* – причина, *donc, or* – следствие), противопоставление (отрицательную импликацию – *mais*), и «вторичные семантические функции, которые союзы приобретают (*et* может выражать, например, противопоставление, *mais* – уточнение, *ou* – разъяснение)» [Гак 2000, с. 221]. Перечисленные единицы выступают «привилегированными показателями» соответствующих логико-семантических операций в интерпретации П. Шародо [Charaudeau 1992, p. 498–531]. Аналогичная идея уже высказывалась ранее Ж. Антуаном [Antoine 1958].

Естественно, что все многообразие отношений между внеязыковыми сущностями не сводится к обозначенным выше четырем логическим операциям. В этом отношении следует согласиться с К. Ажежем, который говорит о том, что «языки, помещаясь в точке пересечения связей между содержанием и отношением, находятся в состоянии неустойчивого равновесия, колеблясь между рациональностью и иррациональностью. <...> Они не очень-то заботятся о соблюдении правил логики, по крайней мере, в ее классической форме. <...> С другой стороны, языки, несомненно, обладают собственной логикой, которая никоим образом не совпадает с Логикой» [Ажеж 2006, с. 144].

Поскольку мы не ставим себе задачу уточнить существующие представления о типах устанавливаемых союзами отношений, мы, исходя из четырех перечисленных выше логических операций, руководствуемся следующим принципом: «любое сколь угодно совершенное толкование в разного рода словарях дает менее ясное представление о значении слова, чем ряд примеров употребления данного слова в искомом значении» [Зализняк Анна А. 2004, с. 41].

В нижеследующих подразделах мы систематизировали контексты употребления ЯЕ сочинения французского языка на основании данных лексико-графических источников, академических грамматик и многочисленных исследований. В ряде случаев для конкретизации типа обозначаемого ЯЕ сочинения отношения вводится их аналог, ПЕ сочинения, что мы обозначаем в круглых скобках.

1.3.1. Конъюнкция и соединительные отношения

Французский союз *et* 'и' определяется как формальный показатель «чистой связи» (фр. *pur lien*) [Grevisse 2008, p. 1380], логико-семантической операции конъюнкции¹, и квалифицируется как копулятивный, соединительный. В лексикографическом описании указывается три основных значения этой единицы: *addition* 'сложение', *jonction* 'соединение' и *rapprochement* 'сближение' [CNRTL].

Среди средств сочинительной связи союз *et*, по образному выражению Ж. Антуана, именуется «королем-тираном» [Antoine 1958, p. 704]. Самый употребительный и простой союз способен оформлять синтаксическую связь между членами предложения, частями сложного предложения или самостоятельными предложениями и в определенных контекстах выполнять роль большую, чем просто соединительный элемент, выражая некоторые психо-эмоциональные нюансы. Например: *Comment! Je vous prends la main dans le sac, et vous avez le front de soutenir que vous n'êtes pas en faute...* 'Как! Я ловлю вас за руку в сумке, и у вас хватает наглости утверждать, что вы ни при чем...' (цит. по: [ibid]).

Французский сочинительный союз *et* обладает специфическими семантическими свойствами: он используется как для выражения сходства, одинаковости, так и для выражения несходства, различия. Выявление сходства и различия у соотносимых положений вещей основывается на тождестве и сопоставлении. Например, *fil*/*fil*le 'сын/дочь' различаются по признаку мужской / женский пол, но общим для них является их одинаковое отношение к родителям на шкале родства. Соотносимое положение вещей может быть представлено по-разному в зависимости от установки говорящего, то есть трактоваться как сходное или различное. Ср.:

(a) *Pierre et Marie ont une fille et un fils* 'У Пьера и Марии дочь и сын'.

(b) *Marie a une fille, et Pierre a un fils* 'У Марии дочь, а у Пьера – сын'².

(c) *Marie a une fille, mais Pierre a un fils* 'У Марии дочь, а у Пьера – сын' (цит. по: [Инькова-Манзотти 2001, с. 89]).

¹ На сходство между соединительным союзом в естественном языке и конъюнкцией указывается во многих работах, посвященных французскому союзу *et*, английскому союзу *and*, русскому союзу *и* и др. [Санников 2008; Lakoff 1973; Charaudeau 1992; Гак 2000 и др.]. Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой союз «и» обозначает «чистую конъюнкцию», не осложненную дополнительными компонентами значения [Белашапкина 1989].

² В русском языке для обозначения отношения несоответствия в схожих контекстах используется союз *а*. См. также [Iordanskaja, Mel'čuk 2010; Милованова 2016].

При тождестве (а) различия компонентов несущественны: говорящий интерпретирует два положения вещей как идентичные, схожие. При сопоставлении (b) у компонентов при общей основе (наличии детей) имеются свойства, не соответствующие друг другу и порождающие несходство (у одного – дочь, у другого – сын). При противопоставлении (с) компоненты представлены говорящим как находящиеся на противоположных полюсах.

В зависимости от оформления копулятивной или коннективной связи союз *et* маркирует разные типы отношений.

При установлении копулятивной связи («внутреннего соединения» в интерпретации [Charaudeau 1992]) союз *et* обозначает: **соединение** тождественных (пример (8)) и противопоставленных компонентов (пример (9))¹; **градицию** при соединении двух синонимических (пример (10)) или квазисинонимических, или схожих (пример (11)) по смыслу членов предложения; **комитатив** с указанием множественного участника в значении предложной конструкции *avec* 'с' + N_{pers.} (*M. et Mme Untel; Dupont et compagnie* и т.п.) [Choi-Jonin 1995] (пример (12)); математическую операцию **сложение**: *Deux et deux font quatre* 'Два и два – четыре' (пример (13)).

(8) *Il promena un regard circulaire sur la pièce. Une chambre sombre, dans les bruns et blancs, une table de chevet en ébène et un tapis de laine écru* 'Он оглядел комнату. Темная спальня в коричневых и белых тонах, прикроватная тумбочка из черного дерева и небеленый шерстяной ковер' (C. Juvet. *La dame en noir*, 1991).

(9) *Je suis heureux de contempler le ciel la nuit. Je mesure ma joie et ma peine* 'Мне нравится смотреть на небо ночью. Я измеряю свою радость и свою боль' (A. Philipe. *Le temps de soupir*, 1971).

(10) *Un bourdonnement à mille pétilllements et crépitements lui emplît les oreilles* 'Шум тысячи потрескиваний и дребезжаний наполняет ее уши' (H. Pourrat ! *Gaspard des montagnes*, 1931).

(11) *Ma mère se dépensait et se dévouait* 'Моя мама отдавала всю себя и жертвовала собой' (A. Gide. *Geneviève ou La confidence inachevée*, 1936).

(12) *Mon père et mon oncle lui payaient un loyer de 80 francs par an* 'Мой отец и мой дядя платили ему арендную плату в размере 80 франков в год' (M. Pagnol. *La gloire de mon père*, 1957).

(13) *Notre siècle a produit huit grandes comédiennes: quatre du théâtre et quatre de la société* 'Этот век подарил нам восемь великих актрис: четырех из мира театра и четырех из мира кино' (N. Chamfort. *Caractères et Anecdotes*, 1794).

При установлении коннективной связи союз *et* оформляет отношения между внеязыковыми ситуациями, которые либо **сосуществуют** (отношение собственно соединения (пример (14))), сопоставительно-противительное, как

¹ Использование союза *et* в устойчивых лексикализованных сочетаниях (*les Ponts et Chaussées, un va-et-vient, des allées et venues, bel et bon* и т.д.), а также в названиях при соединении противопоставленных сущностей («*La Belle et la Bête*» (Mme Leprince de Beaumont), «*Racine et Shakspeare*» (Stendhal) и т.д.) заслуживает отдельного внимания и здесь не рассматривается.

отношение несоответствия (син. *mais, pourtant*) (пример (15)) [Charaudeau 1992]), либо **следуют друг за другом** (последовательность (ПЕ *puis, ensuite*) (пример (16))), каузальные отношения (причинно-следственное (ПЕ *alors, en conséquence*) (пример (17)) [Charaudeau 1992] или условно-следственное (пример (18)) [Corminboeuf 2007, 2008]).

(14) *Entre le grand figuier de la terrasse et la maison, un petit camion était arrêté, et ses deux chevaux croquaient de l'avoine* 'Между большим фиговым деревом на террасе и домом стоял маленький грузовичок, и две лошади хрустели овсом' (M. Pagnol. *La gloire de mon père*, 1957).

(15) *Le taxi glissait de plus en plus vite comme si son moteur était éteint et que nous descendions en roue libre la pente du boulevard Malesherbes* 'Такси набирало скорость, словно его мотор заглох, а колеса сами собой неудержимо катятся вниз по склону бульвара Мальзерб' (P. Modiano. *Quartier perdu*, 1985).

(16) *Tout le jour avait été calme, et le coucher du soleil fut beau* 'Весь день был спокоен, и закат был прекрасен' (A. Gerbault. *Seul à travers l'Atlantique*, 1959).

(17) *Alors le silence a cessé, et on a entendu tous les cris des vivants, les hommes et les animaux blessés* 'Потом тишина прекратилась, и мы слышали все крики выживших, раненых людей и животных' (J.-M. Le Clézio. *Désert*, 1980).

(18) *On ne lui rendra pas Hélène. Et la guerre de Troie aura lieu* 'Ему не вернут Елену. И Троянская война состоится' (J. Giraudoux. *La guerre de Troie n'aura pas lieu*, 1935)¹.

Использование союза в сегментированных конструкциях в значении добавления или уточнения, как, например: *Il m'a offert un livre, et un livre rare* 'Он подарил мне книгу, и книгу редкую', *Ils feront avancer, et vivement* 'Они будут продвигать и быстро' подробно рассматривается в [Abeillé 2005].

Представленное разнообразие обозначаемых союзом *et* отношений свидетельствует о его функциональном и семантическом потенциале в современном французском языке. Мы предполагаем, что на раннем этапе развития французского языка союз *et* в силу своей изначально абстрактной семантики, упомянутой выше, выполняет доминирующую связующую роль в организации единиц разной синтаксической сложности, максимально покрывая континуум сочинительной связи. Правомерность высказанного предположения обосновывается в § 3.1.1.

1.3.2. Дизъюнкция и разделительные отношения

Традиционно сочинительный союз *ou* 'или' определяется как формальный (в интерпретации П. Шародо «привилегированный» [Charaudeau 1992])

¹ Французские гипотетические *et*-конструкции, как, например, *Propose-lui un prix intéressant et il acceptera* 'Предложи ему интересную цену, и он согласится', подробно рассматриваются в [Corminboeuf 2007, 2008]. В англоязычной традиции для *and*-конструкций с семантикой условия, которые демонстрируют семантическое подчинение при синтаксическом сочинении, вводится термин «_{LS}and (left-subordinating and)» [Culicover, Jackendof 1997].

показатель логической операции дизъюнкции¹. Свойство сочинительного союза *ou* обозначать два вида разделительных отношений², строгую и нестрогую дизъюнкцию, отмечается во всех работах [Larousse 1964; Brunot, Bruneau 1956; Le Bidois 1967; Grevisse 2018; Riegel et al. 2016 и др.]. На неоднозначность французского союза *ou* («*ou est ambigu*») с точки зрения строгой и нестрогой дизъюнкции, эксклюзивной и инклюзивной интерпретации указывается как в логико-философском издании [Gex 1956, p. 63], так и в Методической грамматике [Riegel et al. 2016, p. 526].

По П. Шародо, два утверждения могут быть связаны отношением дизъюнкции при условии наличия общего конституирующего элемента, а элементы дизъюнкции должны принадлежать к одной лексико-семантической группе (*Paul, Sarah* – живые существа). Например: *Paul viendra te voir ou Sarah viendra te voir* → *Paul ou Sarah viendra te voir* – подразумевается, что кто-то один придет [Charaudeau 1992].

Единица *ou* определяется при помощи понятий «альтернатива» [TLF; Grevisse 2008, p. 1242], «дизъюнкция» [Brunot, Bruneau 1956], «выбор» [Bidois 1968, p. 238]. Показательным в этом отношении является толкование двойственной природы союза Ж. Антуаном, который противопоставляет союз *ou*, указывающий на исключаящую альтернативу (фр. *alternative exclusive*), союзу *ou*, обозначающему простой выбор (фр. *simple choix*) [Antoine 1958, p. 1016]. Ученый уточняет, что при разделительной (эксклюзивной) дизъюнкции реализуется схема *ou A ou B*, а при неразделительной (инклюзивной) дизъюнкции – схема *A ou B* [там же, p. 1027]. Традиция различать два значения отражена и в академических грамматиках [Grevisse 2018; Wagner, Pinchon 1991; Bidois 1968].

Любопытно, что в грамматиках довольно трудно найти указания на употребление инклюзивного союза *ou*, хотя отмечается, что «*in natural language or generally means and / or*» [Gamut 1991, p. 32–33]. Преобладает, как правило, указание на эксклюзивное употребление союза при соединении взаимоисключающих друг друга компонентов, например: *Il pleut ou il ne pleut pas* ‘Идет или не идет дождь’. «Настоящие» примеры эксклюзивного толкования союза, согласно авторам, представлены высказываниями, где и *A*, и *B* были бы действительно оба возможны, но эта возможность исключалась бы только при помощи показателя эксклюзивной дизъюнкции [ibid]. Например, *Tout nombre entier est pair ou impair* ‘Любое целое число есть нечетное или

¹ Традиционно различаются два вида дизъюнкции: нестрогая (соединительная) и строгая (разделительная) [ФС]. «Эксклюзивная дизъюнкция (строгая, исключаящая) объединяет несовместимые высказывания: «или Р, или Q» (она истинна, если истинно одно, и только одно, из составляющих ее высказываний). Инклюзивная дизъюнкция (которая, следовательно, истинна, когда оба составляющих ее высказываний истинны)» [Конт-Спонвиль 2012, с. 154].

² Наличие в латинском языке двух разделительных союзов (*aut* ‘или’ для эксклюзивной дизъюнкции и *vel* ‘или’ для инклюзивной дизъюнкции) подтверждает тот факт, что «*languages may distinguish between these two semantic types by using different disjunctive coordinators*» [Haspelmath 2009, p. 24].

четное' и *Les serpents de mer existent ou n'existent pas* 'Морские змеи существуют или не существуют' [Gex 1956, p. 64], в которых *A* и *B* не могут быть одновременно истинными (целое число либо четное, либо нечетное, животное не может быть одновременно и мертвым, и живым).

Для обозначения взаимоисключения¹, указания на неизбежность существования только одной возможности, используется сочетание *ou bien* (*Il acceptera, ou bien il nous exposera ses raisons* 'Он согласится или приведет свои доводы') или его повтор перед каждым противопоставляемым компонентом (***Ou (bien) il acceptera, ou (bien) il ne devra plus compter sur nous*** 'Он согласится или может на нас не рассчитывать'). Между тем строго эксклюзивное значение закрепляется за повторяющимся союзом *ou...ou*, а также *soit...soit*², например: *Cela le conduira soit à la ruine, soit à la fortune* 'Это его приведет либо к разорению, либо к богатству' (пример из [Wartburg, Zumthor 1958, p. 68–69]).

Отношения, обозначаемые разделительным союзом *ou*, в отличие от союза *et*, не дифференцируются по типу копулятивной или коннективной связи. Союз *ou* оформляет связь между членами предложения или частями сложного предложения, которые репрезентируют сущности, не взаимоисключающие (инклюзивная, нестрогая, дизъюнкция) или взаимоисключающие (эксклюзивная, строгая, дизъюнкция).

Неэксклюзивная дизъюнкция включает следующие отношения: **равнозначности**, так называемой терминологической синонимии, выбор между двумя наименованиями одной сущности (ПЕ *c'est-à-dire*) (пример (19)); **пояснения**, уточнения, иногда ограничения (син. *ou plutôt, ou même, ou pour mieux dire, ou encore, ou plus exactement, ou simplement, ou comme nous disions, ou si vous préférez*) (пример (20)); **аппроксимации**, приблизительного обозначения темпоральных или параметрических характеристик (*en juillet ou en août, ce soir ou demain, dans cinq ou six jours; quatorze ou quinze ans*) (пример (21)); **альтернативы**, возможного выбора между равноценными сущностями, маркируемой дополнительными показателями (*cela lui est égal, peu importe que..., ici ou là, ici ou ailleurs, l'un ou l'autre, tel ou tel, un jour ou l'autre, plus ou moins, ou inversement, ou réciproquement, ou vice versa, d'une manière ou d'une autre, de près ou de loin, totalement ou en partie, par force ou par ruse, qu'on le veuille ou non, à tort ou à raison, en bien ou en mal* и др.) (пример (22)); **чередования**, или временной последовательности (ПЕ *tantôt... tantôt, soit... soit*) (пример (23)).

¹ В терминах математической логики данный тип отношений формализуется следующим образом: *X* или *Y* = либо *X*, либо *Y*. Конструкция «*X* или *Y*» эквивалентна комбинации двух выражений: 1. Если не *X*, то *Y*. 2. Если *X*, то не *Y* [Lakoff 1973, p. 142].

² Ср.: в русской грамматической традиции за повторяющимися союзами *или... или, либо... либо* закрепляется собственно разделительное, эксклюзивное употребление. Предлагается различать собственно разделительные отношения, то есть отношения, акцентирующие взаимоисключение, несовместимость, и соединительно-разделительные, то есть несобственно разделительные, предполагающие синтез тождества (равнозначности) и разграничения (выбора) [Белошапкина 1989, с. 599; Пешковский 2001 (1926), с. 448–449].

(19) *Le lys et spécialement le lys aquatique, que l'on appelle également lotus ou nénuphar, a toujours tenu une grande place dans l'imagerie symbolique de toutes les religions* 'Лилия и особенно водная лилия, которую также называют лотосом или нимфеей, всегда занимала значимое место в символических образах всех религий' (P. Claudel. *Un poète regarde la croix*, 1938).

(20) *L'inattention du père Grandet, ou, pour mieux dire, la préoccupation dans laquelle le plongeait la lecture de sa lettre* 'Невнимательность отца Гранде или, лучше сказать, озабоченность, в которую он погружался при чтении письма' (H. de Balzac. *Eugénie Grandet*, 1834).

(21) *... en vingt-cinq ou trente minutes, les deux compagnons étaient à Paris* 'за двадцать пять или тридцать минут два товарища доезжали уже до Парижа' (V. Larbaud. *Fermina Marquez*, 1911).

(22) *Ses cheveux aplatis, son costume du dimanche tout trempé, il attend qu'on le change ou que le soleil le sèche, au choix: ça lui est égal* 'Его волосы прилипли к лицу, воскресный костюм промок, он ждет, чтобы его переодели или чтобы солнце высушило его: для него это не важно' (J. Renard. *Poils Carottes*, 1894).

(23) *Quand j'étais seul dans une ville, je passais mes jours dans les musées, ou je lisais dans ma chambre des livres sur Venise, sur Rome* 'Когда я оставался один в каком-нибудь городе, я проводил дни в музеях или читал в своей комнате книги о Венеции, о Риме' (A. Maurois. *Climats*, 1928).

Эксклюзивная дизъюнкция включает отношения **взаимоисключения** (существование одного положения дел исключает существование другого), как, например: *vaincre ou mourir* 'победить или умереть', *c'est l'un ou l'autre, il faut choisir* 'одно либо другое, надо выбирать', *la bourse ou la vie* 'кошелек или жизнь', *oui ou non* 'да или нет', *tout ou rien* 'все или ничего', *mort ou vif* 'мертвый или живой', *pile ou face* 'орел или решка', *c'est pour aujourd'hui ou pour demain?* 'это сегодня или завтра?', *c'est le moment ou jamais* 'сейчас или никогда', *vrai ou faux* 'правда или ложь', *pour ou contre* 'за или против', *de près ou de loin* 'близко или далеко', *c'est une question de vie ou de mort* 'это вопрос жизни или смерти' и т.д. (пример (24)); и **следствия**, результата действия (ПЕ *sinon, ou bien* (пример (25))).

(24) *Aucun de nous ne peut se sauver seul; il faut que nous nous perdions ensemble ou que nous nous tirions d'affaire ensemble. Choisissez* 'Никто из нас не может спастись в одиночку; мы все пропадем, или все вместе выберемся из переделки. Выбирайте' (J.-P. Sartre. *Huis-clos*, 1944).

(25) *Entrez dans cette chambre, ou vous êtes perdu* 'Войдите в эту комнату, или вы проиграете' (A. de Musset. *À quoi rêvent jeunes filles*, 1832).

На основании представленных примеров с союзом *ou* возникает вопрос о его изначальном предназначении. Обладал ли он семантической неоднозначностью? Если нет, то в какой последовательности происходит развитие качественных характеристик единицы, маркирующей два типа разделительных отношений? В каком порядке появляются разнообразные специализированные средства, предназначенные для дифференциации строгой и нестрогой дизъюнкции? Ответы на эти вопросы позволят выстроить траекторию эволюции сочинительного союза *ou* (см. § 3.1.2).

1.3.3. Отрицательная импликация и противительные отношения

То, что все «слагается из противоположностей¹», отмечал еще Аристотель в своей «Метафизике» (книга четвертая, глава вторая [Аристотель 2006]). Изначально классическая логика выделяет наиболее типичные отношения между понятиями, которые противопоставляются, мыслятся как несовместимые по объему: соподчинение (А и В – соподчиненные видовые понятия объединены в родовое понятие), противоречие, или контррадикторность (А и не-А – противоречащие понятия общего рода), и противоположность, или контрарность (А и С – противоположные понятия, занимающие лишь крайние позиции в рамках общего для них рода и не исключающие чего-то среднего (В)).

В многочисленных исследованиях лингвисты, как правило, сходятся во мнении, что отношение противопоставления является отношением логическим. Однако круг рассматриваемых явлений, включаемых в это понятие, не совпадает, отражая сложность установления сходства и выявления различия между «любыми типами фактов, событий, положений дел и суждений» [Арутюнова 1980, с. 234], связанных отношением противопоставления.

Французский союз *mais* 'но' выражает логическое противопоставление, отрицательную импликацию, при соединении не более двух компонентов и не образует повторяющийся или двойной союз [Гак 2000; Grevisse 2018; Riegel et al. 2016].

Ф. Брюно относит противительный союз *mais* к группе унаследованных из латыни средств выражения маркированных логических противопоставлений, в отличие от единиц, «созданных французским языком» (*nonobstant, malgré, en dépit de*), и единиц, «приспособленных» для выражения отношения противопоставления, отношения замещения и коррекции (*tout de même, au lieu de, au lieu que, loin de, loin que, alors que, tandis que, pendant que, cependant*) [Brunot 1956 (1922), p. 716].

Ж. Антуан, в свою очередь, различает два типа противопоставления: противопоставление, представляющее собой сопоставление не противоречащих, а просто различающихся понятий (фр. *opposition de simple confrontation*), выражаемое, например, в латыни при помощи *uel, potius*, и противопоставление, доведенное до альтернативы, строгой дизъюнкции, средствами выражения которой были бы *aut*, а не *uel, mais*, а не *plutôt*. Причем второй тип отношения является лишь одной из разновидностей первого типа [Antoine 1958, p. 258].

При определении отношения противопоставления Ш. Балли утверждает, что «мы имеем дело с двумя выражениями, означающими понятия, которые относятся к одному и тому же роду, но к двум крайним или же довольно

¹ «Противоположности – парные сущности, взаимоисключающие и именно в силу этого взаимоисключения предполагающие наличие друг друга, сопряженные друг с другом, составляющие два полюса в рамках некоторого единого основания, четкое осмысление которого может представлять единые трудности, во всяком случае для обыденного сознания» [ФЭС].

далеко отстоящим друг от друга видам, и вследствие этого противопоставляются, находясь в то же время в соответствии друг с другом» [Балли 2001 (1950), с. 70]. Однако компоненты, соединяемые отношением противопоставления, не всегда относятся к одному и тому же «роду» (см. [Гак 1998]).

По мнению Л. Теньера, наиболее употребительным из антиномических юнктивов является противительный юнктив *mais*, который выражает противопоставление противоположностей в самом общем смысле: *bon mais cher* ‘хороший, но дорогой’ [Теньер 1988, с. 346]. Лингвист предлагает различать «противопоставление отрицательной мысли положительной или противопоставление положительной мысли отрицательной, когда одна идея как бы компенсирует другую» [ibid, с. 347].

П. Шародо определяет союз *mais* как привилегированный показатель рестрикции, а не противопоставления, так как единица, согласно лингвисту, объединяет два утверждения, которые имеют, по крайней мере, один общий составляющий элемент, а отрицание относится только к одному из возможных следствий основного утверждения, а не к целой ситуации. Он выделяет два вида рестрикции: простую (*Il est fort mais bête* ‘Он сильный, но глупый’) и уступительную (*Bien qu’il soit fort, il est bête* ‘Хоть он и сильный, но глупый’) [Charaudeau 1992, p. 514].

Союз *mais* квалифицируется романистами и как *excluant* ‘исключающий’ [Melander 1916, p. 97], и как *rectificatif* ‘исправляющий’ [Anscombre, Ducrot 1977, p. 33]. Ему присваивается статус «оператора инверсии» [Kleiber 1978, p. 283] (фр. *un inverseur d’orientation argumentative* [Riegel et al. p. 527; Grevisse 2008, p. 1399]). О. Дюкро и Ж. Анскомбр дифференцируют два основных значения союза *mais* на основании его дистрибутивных свойств в сопоставлении с испанскими и немецкими коррелятами *sino/sondern*, с одной стороны, и с *pero/aber*, с другой стороны [Anscombre, Ducrot 1977, p. 23–40]. Ср.:

(a) *Pierre ne fume pas la cigarette, mais le cigare* ‘Пьер курит не сигареты, но сигары’, где *mais*=*sino/sondern*.

(b) *Il est intelligent, mais il ne travaille pas* ‘Он умный, но он не работает’, где *mais*=*pero/aber* (цит. по: [ibid])¹.

В первом случае (a) союз *mais* предшествует утверждению, противоречащему ранее высказанному отрицанию. В современной трактовке такое употребление интерпретируется как «substitutive adversative coordination» [Haspelmath 2009, p. 34]. Во втором случае (b) между соединенными компонентами не существует логической связи, что требует уточнения. В лингвистике для представленного употребления союза используется термин «conflicting expectations» [ibid] (фр. *attente frustrée*, рус. *вопреки ожиданию*).

На основании типа реализации сочиненных компонентов мы различаем следующие семантико-синтаксические контексты с союзом *mais*: оба существуют или существование одного исключает существование другого.

¹ Аналогичный пример *He’s a Republican, but honest* в [Lakoff 1973].

Между соединяемыми компонентами устанавливается отношение собственно противопоставления: **существование Р исключает существование Q**, а союз *mais* сообщает о невозможности сосуществования двух явлений или событий в реальной действительности, основанной на жизненной закономерности. В общем виде, согласно Е. Урысон, «имеет место следующая ситуация: ‘обычно ситуация типа Р влияет на положение дел; в результате если имеет место ситуация типа Р, то не имеет место ситуация типа Q’» [Урысон 2011, с. 173]. В дальнейшем используем краткую формулировку: ‘обычно если Р, то не-Q’, что в формальной логике соответствует отрицательной импликации [Голдберг]. Одновременное существование Р и Q исключается, и, как следствие, союз *mais* выражает отношение, трактуемое французскими лингвистами как *exclusion* ‘исключение’ (в российской лингвистике соответствует отношению несовместимости [ibid]). Например:

(26) *Je ne dis pas avant, mais après le danger?* ‘Я не говорю до опасности, но после?’ (Е. Scribe. Bertrand et Raton, ou l’art de conspirer, 1833).

(27) *Le premier de tous les biens n’est pas dans l’autorité, mais dans la liberté* ‘Первое из всех благ – не во власти, а в свободе’ (J.-J. Rousseau. Émile, ou de l’éducation, 1762).

В случае если **существование компонентов не взаимоисключается**, то союз маркирует второй сочиненный компонент как предпочтительный, более уместный для данного положения дел [Санников 2008; CNRTL]. Ситуация интерпретируется следующим образом: ‘если существует Р, то существует и Q’. Вводимый союзом второй компонент предназначен для модификации первого компонента и не отрицает его полностью [Melander 1916, p. 123; Rodriguez-Somolinos 2002, p. 462]. Например:

(28) *Ses traits étaient comme effacés, mais son regard myope avait de l’effronterie* ‘Его черты были словно стерты, а его близорукий взгляд был дерзким’ (P. Féval, Le Bossu, 1857).

(29) *...ce rat départemental, vulgairement appelé tantôt l’abonné, tantôt l’actionnaire, tantôt membre correspondant, quelquefois protecteur, mais partout un niais* ‘...эта служебная крыса, которую грубо называют то подписчиком, то акционером, то членом-корреспондентом, иногда защитником, но везде дураком’ (H. de Balzac, L’Illustre Gaudissart, 1833).

При сосуществовании двух положений дел союз обозначает **ограничение** (фр. *une restriction*), второй компонент сужает содержание первого компонента (пример (30)) [Ayer 1885, p. 586; Charaudeau 1992, p. 514]; **присоединение, коррекцию, уточнение** (фр. *une addition, une correction, une précision*), второй компонент дополняет содержание первого компонента (примеры (31)–(33)) [Rey 2001, p. 1052; Charaudeau 1992, p. 514]; **расширение** (фр. *une extension*) часто за счет введения эмфатического оборота *non seulement... mais (encore, aussi)* (примеры (34), (35)) [Ayer 1885, p. 584; Littré 1964, p. 1856].

(30) *Ils ne mouraient pas tous, mais tous étaient frappés* ‘Не все они умирали, но все пострадали’ (J. de La Fontaine. Les Animaux malades de la peste, 1678).

(31) *Le porche est sale et antique, mais enfin d'un caractère majestueux* 'Старинное крыльцо грязное, но все же величественное' (M. Proust. Du côté de chez Swann, 1913).

(32) *Ce n'était pas chez nous, mais à Chaillot, chez ma tante* 'Это было не у нас, а в Шайо, у моей тети' (G. Sand. Histoire de Ma Vie, 1855).

(33) *Il avait des joues non point molles, mais pareilles à la chair des bêtes frigorifiées* 'Его щеки были вовсе не мягкие, а похожие на туши замороженных животных' (G. Duhamel. Suzanne et les jeunes hommes, 1941).

(34) *Ces pères de l'Église furent non seulement des professeurs éloquents, mais encore des hommes politiques* 'Эти отцы церкви были не только красноречивыми учителями, но и политиками' (Fr. Chateaubriand. Études ou discours historiques sur la chute de l'Empire romain, 1833).

(35) *Le crime en général, le meurtre en particulier sont, non seulement leur excuse, mais leur unique raison d'être* 'Преступление в целом и убийство в частности – не только их оправдание, но и единственный смысл их существования' (O. Mirabeau. Le Jardin des supplices, 1899).

В представленных выше примерах пресуппозиция высказывания с союзом *mais* базируется на каком-то общем знании, на «обиходной энциклопедии», либо на каком-то мнении, предположении говорящего. Между тем союзу *mais* свойственно «указывать на нарушение некоторой жизненной закономерности» [Урысон 2011, с. 178], например:

(36) *Il y avait bien une fontaine (P), mais sèche (Q)* 'Был фонтан, но без воды' (J. Giono. L'Homme qui plantait des arbres, 1954).

Действительно, знание обычного порядка вещей, при наличии ситуации типа Р (или сообщения о ней), индуцирует у нас ожидание 'не имеет место ситуация типа Q'. Другими словами, наличие фонтана предполагает наличие в нем воды. Далее из контекста следует, что ожидание обманывается, а сочиненный компонент, вводимый союзом (отсутствие воды в фонтане), интерпретируется как более уместный, чем предшествующий.

Отношение «противопоставление вопреки ожиданию» предполагает, что следствие, которое выводится из первого сочиненного компонента, противопоставлено следствию, выводимому из второго сочиненного компонента.

(a) *Le camion est très chargé (P), mais il roule lentement (Q)* 'Грузовик очень загружен, но едет медленно'.

(b) *Le camion est très chargé (P), mais il roule vite (Q)* 'Грузовик очень загружен, но едет быстро'.

В примере (a) на основании того, что утверждается в первом компоненте (Р 'перегруженный грузовик'), можно сделать вывод R 'существует некоторая опасность'. Однако второй компонент (Q 'грузовик едет медленно') приводит нас к противоположному выводу (не-R 'опасности нет'). В примере (b) первый компонент является основанием для некоторого вывода R, а Q, в свою очередь, должно быть равнозначно не-R. Факт того, что грузовик

перегружен, дает основание думать, что он передвигается медленно (R), однако, вопреки нашим ожиданиям, в Q утверждается обратное ('грузовик едет быстро') (не-R).

В случае отношения «вопреки ожидаемому» элемент ожидания позволяет объяснить основу несоответствия, служащего для создания отношения противопоставления: положение вещей, представленное во втором компоненте, осуществляется вопреки тому, что можно было бы ожидать на основании описанного в первом компоненте. Об этом несоответствии сигнализирует союз *mais*. Между компонентами, соединенными союзом, на основании наличия/отсутствия логической связи выделяются два типа противопоставления.

В первом типе противопоставления между двумя компонентами существует логическая связь: излагаемое во втором компоненте противоположно тому, что было бы естественно ожидать при условии, о котором сообщается в первом компоненте. Например: *Le manteau coûte cher* (P), *mais je le prends quand même* (Q) 'Пальто стоит дорого, но я его все-таки куплю'. При нормальном ходе событий P и Q будут взаимоисключающими. Высказывания такого типа можно трансформировать в уступительное предложение: *Bien que le manteau coûte cher, je l'achèterai quand même* 'Хотя пальто стоит дорого, я все-таки его куплю'.

Во втором – между компонентами не существует логической зависимости, связь между ними косвенная: в данном случае речь идет просто об аргументах разной направленности на шкале признака. Например: *Il est très intelligent, mais un peu paresseux* 'Он очень умен, но немного ленив'. Между признаками 'умный' и 'ленивый' не существует логической зависимости. Трансформация в уступительную конструкцию невозможна: **Bien qu'il soit très intelligent, il est quand même un peu paresseux*.

Проиллюстрированные примеры, в которых союз *mais* в современном французском языке обозначает разнообразные противительные отношения, вызывают ряд вопросов. Было ли изначально присуще связующей единице соединять компоненты, находящиеся как в отношениях несовместимости, так и совместимости? Противопоставляет ли она исходно как онтологические, так и неонтологические классы? В какой период развития языка становится возможным использование союза как сигнала о несоответствии ожиданию? Все эти вопросы освещаются в § 3.1.4.

1.3.4. Импликация и каузальные отношения

Первичной функцией ЯЕ *car*, *donc* и *or* является выражение логической операции импликации (как было указано выше), которая играет важную роль в рассуждениях и умозаклчениях, так как предполагает причинную связь между смысловыми частями высказывания и «равнозначна нестрогому условию 'если..., то...' в естественном языке» [Голдберг].

Каузальность, или причинность, трактуется как философская категория для обозначения объективной генетической связи явлений, из которых одно (называемое причиной¹) обуславливает другое (называемое следствием, или действием) [ФЭС, с. 511].

Причинность как базовая категория человеческого мышления отражает ментальную организацию материального мира и культурных реалий [Лакофф 2004, с. 104]. «Связь причины со следствием, условия – с обусловленным в непосредственном чувственном восприятии нам не дана» [Кассирер 2000, с. 300]. Иначе говоря, формирование понятия причинности в сознании человека происходит в практической деятельности последнего, а не в результате пассивного созерцания разнообразных форм связи окружающих предметов и явлений [Энгельс 1961, с. 545; Колесов 2019, с. 165].

В настоящее время господствующее положение в науке занимает анализ каузальности в терминах необходимого и/или достаточного условия. Так, П. Шародо поясняет с позиции логико-семантического подхода связь между причиной и следствием на основании возможного и необходимого условия следующим образом. Положение дел A_1 является возможным условием для реализации A_2 : A_1 'стоит хорошая погода' $\rightarrow A_2$ 'идти на прогулку' и не- A_1 'стоит плохая погода' $\rightarrow A_2$ 'идти на прогулку'. Однако не- A_2 'не идти на прогулку' не предполагает не- A_1 'стоит плохая погода'. В свою очередь, положение дел A_1 есть необходимое условие для A_2 : A_1 'иметь 45 франков' $\rightarrow A_2$ 'идти смотреть фильм' и не- A_1 'не иметь 45 франков' $\rightarrow$ не- A_2 'не идти смотреть фильм'. Между тем не- A_2 'не идти смотреть фильм' не предполагает не- A_1 'не иметь 45 франков' [Charaudeau 1992, p. 528].

Наиболее общими характеристиками каузальности являются временная, генетическая, селективная иерархические связи [Бунге 1962]. Каузальная связь существует там, где на временную последовательность событий накладывается необходимое порождение одного другим. Другими словами, онтологически линейный характер каузальной связи (A , *donc* 'следовательно' B) предполагает хронологическую последовательность причины и следствия. При этом каузальные конструкции, оставаясь линейными, могут отражать множественные причинно-следственные связи (A_1 и/или A_2 и/или A_3 и/или $A_n \rightarrow B$).

Причина и следствие являются смежными во времени и пространстве, отношение между ними имеет строго определенную направленность, то есть причинная связь представляет собой отношение асимметричное [Комаров 1970].

В большинстве исследований анализ семантических особенностей каузальных отношений основывается на выявлении двух разновидностей причины: причины, вызывающей следствие (*producing cause*), и причины,

¹ «Концепт “причина” образовался в момент становления понятийного мышления, отталкиваясь от символического мышления Средневековья: вина, как своего рода причина, перешла в область моральных установлений, а причина заменила ее как проявление логического мышления» (подробно об этом в [Колесов 2019, с. 177]).

обосновывающей действие (*causal explanation, causal story*) [Корф 1996]. Творящая причина при этом совпадает с предметной, выделяемой на эмпирическом уровне, причиной (то есть речь идет об объективной связи), а объясняющая причина – с логической (то есть речь идет о субъективной связи, об обосновании тех или иных выводов говорящего).

Каузальность, таким образом, выражаемая языковыми средствами, обозначает причинно-следственную зависимость между явлениями и событиями окружающего мира и обязательно включает две ситуации. В терминологии Г. Г. Сильницкого это antecedentes (исходная) и терминальная (конечная) ситуации [Сильницкий 1974]. Соответственно, каузальное высказывание содержит две пропозиции¹: имплицитную (причинную) и имплицитную (следственную) [Аматов 2010]. Ср.: *explication causale* ‘экспликация причинная’ и *explication conséquentielle* ‘экспликация следственная’ [Charaudeau 1992, p. 527]. Две изолированные ситуации объединяются в одну причинно-следственную зависимость в результате интеграции процессов соединения и расчленения экстралингвистических ситуаций в сознании.

Когнитивный процесс отражения каузальных отношений, по мнению ученых, проявляется в ментальной деятельности человека в форме умозаключения, обоснования, рассуждения, объяснения объективно существующих причинно-следственных отношений [Комаров 1970; Schmidhauser 1995; Тарасова 1998; Pasch et al. 2003; Redder 1990; Zufferey 2012; Stukker et al. 2008 и др.]. Эти отношения имеют универсальный характер, поскольку не существует явлений, которые не имели бы своих причин, и нет явлений, которые не порождали бы тех или иных следствий.

В проводимом исследовании мы различаем собственно каузальные отношения (отношения причины и следствия между явлениями и событиями объективной действительности) и несобственно каузальные отношения (отношения между основанием и выводными знаниями)². Связь между ними осуществляется при помощи специализированных средств: причинного или следственного союза.

Типологической особенностью французского языка является наличие трех каузальных сочинительных союзов: *car, donc, or* [Haspelmath 2004, 2009 и др.]. Они никогда не повторяются и стоят всегда перед вторым присоединенным элементом. Две из трех единиц специализируются преимущественно в обозначении определенного типа отношений: союз *car* вводит имплицитную (причинную) пропозицию, союз *donc* – имплицитную (следственную). Союз *or* обнаруживает способность указывать на оба типа отношений. Проиллюстрируем на примерах.

Французские лингвисты признают семантику современной единицы *car* «assez sophistiqué» ‘достаточно сложной’ [Buridant 2000, p. 562] (см. также

¹ Под пропозицией мы понимаем часть содержания высказывания, которая указывает на тип обозначаемой ситуации (см. [Арутюнова 1976]).

² Формулировка «несобственно» причинные отношения заимствуется из [РГ 1980, с. 578, 580].

[Bertin 1997]), принимая во внимание свойство единицы не только маркировать **причину** (пример (37)) и **обоснование** (пример (38)), но и вводить **уточнение** (пример (39)) и **объяснение** для акцентуации значимости информации с точки зрения говорящего (пример (40)).

(37) *Félicien, en revanche, s'était installé à califourchon sur une chaise, s'essuyait les mains à son tablier, **car** il s'était coupé* 'Фелисьен же сидел верхом на стуле, вытирал руки о фартук, *потому что* он порезался' (B. Cendrars. Bourlinguer, 1948).

(38) *Cette espèce de confort n'influçait guère les enfants, **car** ils avaient le leur* 'Такой вид комфорта совсем не влиял на детей, *потому что* у них был свой комфорт' (J. Cocteau. Les Enfants terribles, 1929).

(39) *Sur deux cent cinquante-quatre personnes et demie (**car** je compte un monsieur sans jambes pour une fraction) dont j'analysai la démarche, je ne trouvais pas une personne qui eût des mouvements gracieux et naturels* 'Среди двухсот пятидесяти четырех с половиной человек (*потому что* я считаю человека без ног как половину), чьи походки я проанализировал, я не нашел ни одного с изящными и естественными движениями' (H. de Balzac. Théorie de la démarche, 1833).

(40) *Et je sortis avec une grande soif. **Car** le goût passionné des mauvaises lectures engendre un besoin proportionnel du grand air et des rafraîchissants* 'И я вышел, испытывая большую жажду. *Потому что* пристрастие к плохому чтению порождает пропорциональную потребность в свежем воздухе и прохладительных напитках' (Ch. Beaudelaire. Petits poèmes en prose, 1867).

Одним из «привилегированных» показателей следствия [Charaudeau 1992] является связующая единица *donc*, статус которой в системе французского языка до сих пор остается спорным по причине ее синтаксической мобильности: единица квалифицируется как сочинительный союз, наречие или частица [Riegel et al. 2016 и др.]. Она сигнализирует о наличии связи между утверждениями A_1 и A_2 таким образом, что A_2 зависит от A_1 . Так, высказывание *Il est parti tôt* (A_1), *donc il est arrivé tôt* (A_2) 'Он выехал рано, значит приехал рано' интерпретируется следующим образом: 'на самом деле обычно, если имеет место ситуация A_1 'выехать рано', то необходимо следует ситуация A_2 'приехать рано' [Charaudeau 1992, p. 529].

В роли союза единица *donc* обозначает **следствие** (пример (41)) или **вывод** из предшествующего контекста (часто в корреляции с союзом *or*) (пример (42)).

(41) *Hector devait être encore enfermé; **donc** je suis montée par le petit escalier* 'Гектор все еще был закрыт в комнате; *поэтому* я поднялся по маленькой лестнице' (M. Aymé. Clérambard, 1950).

(42) *Tout doit rapporter, les choses animées et inanimées. La terre est féconde, l'argent est aussi fertile, et le temps rapporte l'argent. **Or**, les femmes ont des années comme nous; **donc**, c'est perdre un bon revenu que de laisser passer ce temps sans emploi* 'Все должно приносить прибыль, живое и неживое. Земля

плодородна, деньги тоже плодородны, и время приносит деньги. А теперь у женщин настали такие же времена, как и у нас; *поэтому* теряется хороший доход, когда они проводят время без работы' (A. de Vigny. Chatterton, 1835).

Ввиду синтаксической мобильности¹ союз *donc* необязательно занимает место между двумя сочиненными компонентами, например:

(43) *Il a souvent été en rapports avec Grey; il en parle donc, lui, en connaissance de cause* 'Он часто контактировал с Греем; *поэтому* он говорит об этом со знанием дела' (R. Martin du Gard. Les Thibault, 1936).

Важно, что союз *donc* указывает на следствие, а союз *car* – на причину между двумя компонентами, которые они соединяют. Другими словами, союз *car* обозначает противоположное обозначаемому союзом *donc*. Если A_1 является причиной, то A_2 есть следствие. Таким образом, актуализируется либо конструкция A_1 *donc* A_2 (пример (a)), либо конструкция A_2 *car* A_1 (пример (b)).

(a) *La météo a annoncé du froid (A₁), donc, je prends mon pull-over (A₂)* 'По прогнозу погоды объявлено похолодание, *поэтому* я беру свой свитер'.

(b) *Je prends mon pull-over (A₂), car la météo a annoncé du froid (A₁)* 'Я беру свой свитер, *потому что* по прогнозу погоды объявлено похолодание' (цит. по: [Charaudeau 1992, p. 529]).

Современная академическая грамматика французского языка квалифицирует сочинительный союз *or* как дедуктивный [Riegel et al. 2016, p. 883], или транзитивный союз [Grevisse 2018, p. 326], выражающий умозаключение и выполняющий роль «своего рода реле» [Grevisse 2008, p. 1400]. В некоторых исследованиях союз *or* рассматривается как присоединительный [Кудрявцева 2010 и др.], то есть служащий для объединения самостоятельных предложений или их аналогов, довольно слабо связанных и взаимно не обусловленных в контексте. При этом некоторые романисты (например, [Мартине 1979, с. 44]) относят *or* к союзным наречиям.

Неоднозначность союза *or* связана с тем, что он обозначает как причинно-следственные отношения, вводя **обоснование**² (пример (44)), **вывод** (пример (45)), **следствие** (пример (46)), так и **присоединение** (пример (47)), **противопоставление** (примеры (48)), включая противопоставление «**вопреки ожиданию**» (пример (49)).

(44) *L'exécution soulage et délivre. On meurt parce qu'on est coupable. On est coupable parce qu'on est sujet de Caligula. Or, tout le monde est sujet de Caligula. Donc, tout le monde est coupable* 'Казнь облегчает и освобождает.

¹ На такое свойство сочинительных союзов обращает внимание Ш. Балли. Ср., например, по-гренландски говорят: «Враги были побеждены, мир был заключен и» (цит. по: [Балли 2001 (1955), с. 242]). Ср. также немецкие противительные союзы: *Diese mehr negative als positive Kritik vermag aber nicht, die falschen Methoden zu verdrängen* 'Эта, скорее отрицательная, чем положительная, критика не в состоянии, однако, устранить ошибочные методы' (цит. по: [ibid]). О конструкции *A B-co* в разных языках мира в [Haspelmath 2004, 2009].

² Союз вводит вторую посылку при построении силлогизмов *Tous les hommes sont mortels, or Socrate est un homme; donc Socrate est mortel* 'Все люди смертны, Сократ – человек; следовательно, Сократ смертен', функционируя одновременно с союзом *donc*. В такого рода контекстах союз *or* не переводится [Гак 2010].

Мы умираем, потому что виноваты. Мы виноваты, потому что являемся подданными Калигулы. [Or] Все подчиняются Калигуле. Так что все виноваты' (A. Camus. Caligula, 1944).

(45) *L'intérêt des individus est de n'être employés qu'à ce à quoi ils sont propres. Or, les femmes sont certainement destinées aux fonctions domestiques* 'Частные лица заинтересованы в том, чтобы их использовали только для того, к чему они предназначены. А женщины, безусловно, предназначены для выполнения домашних обязанностей' (Tr. de Destutt. Commentaire sur L'Esprit des lois de Montesquieu, 1807).

(46) *Au monastère d'Assise, un moine avait un accent grossier, qui puait sa Calabre. Ses compagnons se moquaient de lui. Or, il était susceptible; il en vint à ne plus ouvrir la bouche que lorsqu'il s'agissait d'annoncer un accident, un malheur, enfin quelque événement en soi assez grave pour que son accent eût chance de passer inaperçu* 'В монастыре Ассизи у монаха был сильный акцент, который выдавал в нем выходца из Калабрии. Товарищи насмехались над ним. И он стал обидчивым; он открывал рот только в случае, если ему надо было объявить о несчастном случае, беде, о каком-нибудь событии, само по себе достаточно серьезном, чтобы его акцент мог остаться незамеченным' (J. Paulhan. Fleurs de Tarbes, 1941).

(47) *Je pensais ces pensées, je pensais seulement, mais avec force. Or, il se produisit une chose invraisemblable, une chose qui me bouleversa. Ma mère, soudain, me prit les mains et se mit à les caresser* 'Я так и думал, я заставлял себя так думать. И случилось нечто невероятное, то, что меня потрясло. Мама вдруг взяла мои руки и начала их гладить' (G. Duhamel. Confession de minuit, 1920).

(48) *Tout, dans son comportement, semblait dire: puisqu'il ne m'aime plus, rien ne m'importe. Or je l'aimais encore, et même je ne l'avais jamais tant aimée* 'Все в ее поведении, казалось, говорило: раз он меня больше не любит, мне все равно. Но я все еще любил ее, и я никогда не любил ее так сильно' (A. Gide. Journal, 1939).

(49) *En rentrant à la maison, Gilbert s'attendait à des injures. Or le dîner fut morne, mais tranquille* 'Вернувшись домой, Жильбер был готов к оскорблениям. Однако ужин был скучным, но спокойным' (M. Arland. L'Ordre, 1929).

Представленные контексты с союзами *car, donc, or* репрезентируют объективные и субъективные причинно-следственные ситуации. Полагаем, что способность современных союзов *car, donc, or* обозначать вариативные проявления каузальной связи predetermined семантическими и функциональными изменениями изначально неоднозначных единиц в ранний период развития языка (см. § 3.2).

Итак, ЯЕ соединяют равноправные и неравноправные синтаксические единицы, а также семантически независимые и зависимые компоненты. Очевидно, что традиционно выделяемые сочинительные союзы не всегда используются для «чистого», канонического, сочинения. В ходе осмысления действительности и порождения текста появляются асимметричные или неканонические сочинительные ряды (см. [Норман 2013, с. 172–194]). Соот-

ответственно, в проводимом исследовании выделение канонического и неканонического сочинения требует, в свою очередь, объяснения двух основных существующих в настоящее время в лингвистике подходов к разграничению «сочинительный vs. подчинительный союз»: **бинарного** (каждое из понятий мыслится как обозначение цельного и гомогенного класса явлений) и **градуального** (наличие шкалы, полюсам которой соответствуют наиболее «чистые» случаи, а в промежутке располагаются всевозможные случаи смешанного типа).

1.4. Каноническое и неканоническое сочинение: подходы к выделению

В традиционной романистике преобладает строго бинарный подход, согласно которому тип связи между элементами определяется исходя из типа союза, а союзы делятся на сочинительные и подчинительные [Martinet 1979, Piot 1988, Hobaek 1987, Feuillet 1990, Wagner, Pinchon 1991 и др.]¹. Этот подход противопоставлен градуальному², согласно которому между связующим элементом и типом синтаксической связи отсутствует изоморфизм [Allaire 1996; Benzitoun 2007; Rebuschi 2001, 2002; Corminboeuf 2007; Corminboeuf, Benzitoun 2014; Roig, van Raemdonck 2014; Saez 2011; Sekali 2013 и др.].

В пользу бинарного подхода говорит тот факт, что во французском языке имеются грамматические средства для регулярного противопоставления сочинения и подчинения. Подчинительный союз является показателем зависимости, а сочинительный союз – функциональной тождественности [Wagner, Pinchon 1991, p. 455–456; Feuillet 1990; Riegel et al. 2016, p. 871 и др.]. Основные сочинительные и подчинительные союзы (и вводимые ими клаузы) во французском языке демонстрируют противоположные синтаксические свойства, разбивая множество полипредикативных единиц на два непересекающихся класса. Союз, таким образом, грамматически маркирует принадлежность конструкции к сочинительному или подчинительному классу. Принято полагать, что сочинительные союзы обслуживают сложносочиненные предложения³, в которых способ организации информации – соположение двух и более информационных блоков, «интерпретируемых как одноранговые... феномены» [Ломов 2004, с. 353], в отличие от подчинения.

¹ В работах начала XX в. высказывалось сомнение о незыблемости границы между двумя типами отношений. Ср.: нелогические отношения могут превращаться в логические, как, например, возникновение сопоставительных отношений на основе временных (*tandis que, alors que* и т.д.) [Brunot (1956) 1922]; подчинительная связь имеет место, когда появляется логическое отношение между соединенными частями [Marouzeau 1921].

² Разные варианты градуального подхода предложены также в [Lehmann 1988; Cristofaro 2003; Verstraete 2005, 2007; Sekali 2012].

³ При разграничении союзов речь идет в первую очередь о сложных предложениях. В середине XX в. связь между частями сложного предложения (фр. *une coordination de phrases*) трактовалась как сочинительная, то есть сентенциальное сочинение, в то время как все остальные конфигурации анализировались как результат сокращения.

В русле бинарного подхода выделяется семантический прототип для каждого вида связи. Так, сочинительным средствам свойственно выражать семантические отношения, обладающие свойствами (i) обратимости, (ii) иконичности и (iii) низкой конкретизованности смысла (в русскоязычной традиции говорится о «нерасчлененности», «недифференцированности» смысла, передаваемого сочинительными союзами [РГ 1980, т. II: § 2758]). Поясним сказанное.

i. Обратимость сочиненных компонентов – конъюнктов¹ – является объектом пристального внимания лингвистов, которые задаются вопросом о наличии семантических и прагматических факторов, ограничивающих порядок их следования [Haspelmath 2004, p. 29–30, Blakemore, Carston 2005 и др.]. Так, смысловой симметрией и, соответственно, потенциальной обратимостью обладают соединительные и разделительные союзы (ср.: *moi et toi* ≈ *toi et moi*; *Pierre ou Marie* ≈ *Marie ou Pierre*). Напротив, противительные союзы выражают семантически асимметричное отношение и изначально не обладают обратимостью. Союз *mais* противопоставляет второй компонент первому, но не наоборот, поэтому *beau, mais stupide* ≠ *stupide, mais beau*. Однако в ряде контекстов противительный союз выступает как симметричный. Допустимо преобразование вида **А, но В ≈ В, но А**. Ср.: *По физике он получил двойку* (А), *но математику сдал лучше всех* (В) ≈ *Математику он сдал лучше всех* (В), *но по физике получил двойку* (А) (цит. по: [Урысон 2011, с. 182]). Аналогичное преобразование возможно и во французском языке: *Les Ford sont rapides* (А), *mais les Oldsmobile sont sûres* (В) ‘Форды быстрые, но Олдсмобили безопасные’ ≈ *Les Oldsmobile sont sûres* (В), *mais les Ford sont rapides* (А) ‘Олдсмобили безопасные, но Форды быстрые’ (цит. по: [Bastuji 1977, p. 153]).

ii. Порядок конъюнктов обычно иконически передает хронологическую последовательность ситуаций (пример 50). При наличии подчинительного союза порядок следования соединенных компонентов, наоборот, часто обратный реальной хронологии (трансформация 50а). Ср.:

(50) *Nour a eu peur* (Р_{причина}) **et** *il a touché l'épaule de son père* (Q_{следствие})
‘Нур испугался и дотронулся до плеча отца’ (J.-M. Le Clézio. Désert, 1980).

(50а) *Nour a touché l'épaule de son père* (Q_{следствие}) **parce que** ‘потому что’
il a eu peur (Р_{причина}).

Изменение порядка следования конъюнктов в определенных контекстах нарушает условие истинности. В [Blakemore, Carston 2005] предлагается интерпретировать пример *She handed him the key and he opened the door* следующим образом: не (А and В), а (А and then В), так как обратный порядок следования компонентов результирует иную интерпретацию. Авторы прихо-

¹ Термин «конъюнкт» ставится под сомнение в [DeVries 2006, p. 239], так как он отсылает только к конъюнкции, несмотря на то, что сочинение традиционно включает конъюнктивные, дизъюнктивные и адверсативные отношения. Тем не менее этот термин принят и широко используется в синтаксическом подходе к сочинению. Ср.: «A coordinate complex is a syntactic constituent consisting of two or more units (called *conjuncts*), and its category is identical to that of at least one of the *conjuncts*» [Zhang 2009, p. 9].

дят к выводу о многозначности соединительного элемента, передающего значение временной последовательности [Quirk et al. 1985; Blakemore, Carston 2005].

iii. Союзы принадлежат к дифференцированным средствам связи: они уточняют характер отношения. Однако выделяются элементы более обобщенного характера, которые по своей семантике приближаются к недифференцированной связи. Таковы союзы *et, que* [Гак 2000, с. 257], которые сопоставимы с максимально абстрактными предлогами *à* и *de* [Сабанеева 1990, с. 248]. Низкую семантическую конкретизованность сочинительных союзов иллюстрирует, например, сравнение союзов *et* и *mais*, имеющих общее, трудно эксплицируемое и зависящее от контекста значение, с типичными подчинительными союзами *parce que, quand, si*, имеющими, как правило, ясно выраженную и не зависящую от контекста семантику причинности, временного следования, условия.

Зависимость союза *et* от контекста мы продемонстрируем на примерах из работы Н. Б. Кудрявцевой, сохраняя авторскую трактовку: *La table est bancal et la chaise est branlante* 'Стол шатается, и стул шатается' (собственно соединительное значение), *La lune s'était cachée derrière un nuage, et il faisait plus sombre* 'Луна скрылась за облаком, и стало темнеть' (значение соединительного соответствия), *J'ai plusieurs fois essayé et je n'y suis jamais parvenu* 'Я попытался несколько раз, и у меня не получилось' (значение соединительного несоответствия), *Tu es désordonné et je suis ordonné* 'Ты неопрятный, а я аккуратный' (значение сопоставления), *La ligne Maginot n'allait pas jusqu'à la mer du Nord, et c'est regrettable* 'Линия Мажино не доходила до Северного моря, и это печально' (соединительно-распространительное значение) [Кудрявцева 2009].

Прототипическое употребление сочинительных союзов, таким образом, должно соответствовать следующим условиям: сочиненные компоненты должны содержать лексически или референциально тождественные составляющие; эти составляющие должны быть синтаксически однотипны и грамматически тождественны; сочиненные компоненты должны допускать членение на синтаксически однотипные компоненты, следующие в одинаковом порядке (подробнее см. [Падучева 1974, с. 161–192]). Всем этим условиям удовлетворяет, например, каноническая сочинительная конструкция с союзом *et* [*Jean mange*] [*des pommes*] *et* [*Jean mange*] [*des poires*], в которой имеется лексически, синтаксически и грамматически тождественная составляющая *Jean mange* 'Жан ест'. Обе части предложения делятся на две составляющие (заклученные в скобки), причем как первые, так и вторые составляющие однотипны. Данная конструкция может быть подвергнута сокращению: *Jean mange des pommes et Jean mange des poires*. Составляющие компоненты могут быть инвертированы, то есть продемонстрировать обратимость: *Jean mange des pommes et Jean mange des poires* → *Jean mange des poires et Jean mange des pommes*.

Заметим, что значительное количество работ посвящено разнообразию проявлений функциональных и семантических свойств сочинительных союзов. При этом отмечается, что даже прототипическому сочинительному союзу *et*

в ряде контекстов свойственно обозначать асимметричные отношения (см. примеры (16), (17)). Критерием сочинительной связи, таким образом, считается симметричность конструкции: чем больше у конструкции разнообразных проявлений симметрии, тем ближе она к сочинительному полюсу шкалы и тем дальше, соответственно, от подчинительного [Подлеская 1992].

Установление жесткой границы между сочинением и подчинением не отражает многообразия отношений между ситуациями во внеязыковой действительности, поскольку то, что находится по обе стороны от этой границы, представляет собой неоднородные классы явлений¹.

В пользу градуального подхода², согласно которому союз не является маркером типа синтаксического отношения, существует ряд доводов: (i) наличие единиц с гибридными свойствами, (ii) контекстуальная коммутация некоторых союзов, (iii) инициальное употребление союзов.

i. Французский союз *car* проявляет свойства и сочинения, и подчинения [Abeillé 1996, Wilmet 1997]. Он не обладает ни свойством обратимости (**Car il est malade, il ne viendra pas* 'Потому что заболел, он не придет' ≠ 'Не придет, потому что заболел'), ни свойством иконичности ('не придет' – следствие, ибо 'заболел' – причина) и выражает семантически конкретизованное причинно-следственное отношение. Признавая за каждым союзом определенный тип логико-семантической операции, П. Шародо подчеркивает, что единицы *car*, *donc* и *mais* устанавливают скорее семантическое подчинение, чем сочинительную связь [Charaudeau 1992, p. 497–498]. Однако союз *car* не сочетается с другими ЯЕ сочинения (об исключении союза *car* из класса подчинительных союзов в [Herman 1963, p. 161]). Союз *car* следует признать неканоническим сочинительным.

ii. В рамках традиционного подхода не всегда возможно установить тип связи между соединенными частями сложного предложения по причине взаимозаменяемости (коммутации) двух союзов (например, *que* и *et*) в некоторых контекстах (об этом подробно в [Combettes 1982], а также [Deulofeu 1981, 1988, 1999; Allaire 1996]). Ср.:

(a) *Il n'est pas arrivé **que (et)** il repart* 'Не бывало, что (и) он уходит';

(b) *Vient-il **que (et)** tout s'explique* 'Бывает ли, что (и) все объясняется' (цит. по: [Allaire 1996, p. 22]).

Исследования на материале старофранцузского языка демонстрируют наличие конструкций, совмещающих и сочинение, и подчинение, то есть обладающих гибридными свойствами [Tortierat 2000, 2003, 2007; Corminboeuf 2007, 2008]. Данная проблематика обсуждается в § 3.2, 3.3.

iii. Инициальное употребление сочинительного союза порождает ряд дискуссий. Так, например, по общему признанию, единица *et* в абсолютной инициальной позиции выполняет иную синтаксическую роль, чем при

¹ Примеры из современного французского языка, иллюстрирующие нарушение границ между сочинением и подчинением, систематизированы в [Benzitoun 2009].

² Аналитический обзор градуального и неградуального подходов представлен в [Corminboeuf, Benzitoun 2014].

оформлении копулятивной связи, и порождает очень специфический смысловой эффект. Знаменитая песня А. Барьера «Смотря на море» начинается со слов *Et je reste des heures à regarder la mer* 'И я часами смотрю на море'. В таком межфразовом употреблении многие лингвисты присваивают единице *et* статус коннектора. И если одна и та же единица может выполнять и роль коннектора, и роль сочинительного союза, то традиционное понятие сочинительного союза намного уже, чем синтаксический потенциал самой единицы (см. рис. 2).

Сторонники диффузности границы между сочинением и подчинением задаются, таким образом, риторическим вопросом: «Есть ли сочинение посредством сочинительного союза?» [Allaire 1996, p. 15] и, соответственно, «Есть ли подчинение посредством подчинительного союза?» [Corminboeuf 2007, p. 179]. Такое же мнение высказывал и Ж. Антуан, рассуждая о двух причинных союзах *car* и *parce que* [Antoine 1958, p. 115].

Неоднозначные синтаксические явления приводят исследователей к терминологическому разночтению так называемого эпифеномена «подчинительный союз со значением сочинительного» (фр. *un subordonnant à valeur coordonnante*) или «сочинительный союз со значением подчинительного» (фр. *un coordonnant à valeur subordonnante*), для номинации которого используются разнообразные термины: подчинение имплицитное, семантическое, прагматическое, дискурсивное, факультативное, инверсивное, текстуальное, псевдоподчинение, квазиподчинение, лжеподчинение и т.д. Уточняется, что аналогичным образом можно интерпретировать и сочинение (квазисочинение, имплицитное сочинение и т.п.) [Corminboeuf 2007, p. 179]. О синтаксическом сочинении и семантическом подчинении также см. [Sekali, 2012].

Интересной в этой связи представляется концепция о наличии трех типов синтаксической связи между двумя клаузами [Foley, van Valin 1984, van Valin, LaPolla 1997], принятая также в [Rebuschi 2001, 2002] (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Типы синтаксических связей по: [Foley, van Valin 1984]

Coordination	- embedded	- dependent
Subordination	+ embedded	+ dependent
Co-subordination	- embedded	+ dependent

Тип связи co-subordination иллюстрируется примером *Max went to the store and bought some beer* (Foley, van Valin цит. по: [Rebuschi 2001, p. 32]). Лингвист предлагает ввести термин co-junction, соответствующий как сочинению (co-ordination), так и подчинению (sub-ordination) [ibid, p. 24].

Ввиду неоспоримой разнородности как сочинения, так и подчинения¹ в представленном исследовании мы придерживаемся позиции, согласно

¹ Системно оппозиция «сочинение vs. подчинение» представлена в [Cullicover, Jackendoff 1997; Mouret 2005; Benzitoun 2009; PKГ].

которой сочинительная связь, как и любое явление в естественном языке, имеет «амбивалентный характер: с одной стороны, существуют ее типичные грамматические, семантические и прагматические характеристики, наиболее важные с точки зрения противопоставления сочинения и подчинения; с другой стороны, все релевантные в этой области правила имеют относительный характер и реализуются с большей или меньшей степенью обязательности» [Киклевич 2019, с. 167]. Иначе говоря, и внутри класса сочинительных союзов, и внутри класса подчинительных союзов различаются прототипические и непрототипические случаи.

Значимым исследованием конца XX в., в котором прослеживается идея отсутствия четкой границы между сочинительными и подчинительными союзами, является работа норвежского романиста [Hobaek-Haff 1987]. Автор приводит ряд формальных критериев, согласно которым связующие единицы характеризуются как «plus ou moins optimaux» ‘более или менее соответствующие’ подчинительным и сочинительным союзам. Предложенные автором синтагматические критерии систематизированы нами для дифференциации ЯЕ сочинения в табл. 6.

Т а б л и ц а 6

Критерии выделения французских ЯЕ сочинения по: [Hobaek-Haff 1987]

№	Критерии	<i>et</i>	<i>ou</i>	<i>ni</i>	<i>mais</i>	<i>car</i>	<i>or</i>	<i>donc</i>
1.	Несочетаемость с союзами <i>et, ou</i>	+	+	+	+	+	+	-
2.	Соединение неограниченного количества компонентов	+	+	+	-	-	-	-
3.	Соединение придаточных	+	+	+	+	-	-	-
4.	Ограничение на положение в середине соединенного компонента	+	+	+	+	+	+	-
5.	Ограничение на перенос в начало	+	+	+	+	+	+	+
6.	Ограничение на отрицание	+	+	+	+	+	+	+
7.	Ограничение на модификацию наречиями	+	+	+	+	+	+	+
8.	Ограничение на эмфатизацию <i>c'est...que</i>	+	+	+	+	+	+	+

Как следует из табл. 6, основным критерием выделения французских ЯЕ сочинения является несочетаемость с союзами *et* и *ou* и соединение однофункциональных компонентов. Три союза *et, ou* и *ni* являются «оптимальными», так как соответствуют всем критериям. Союзы *car, donc* и *or* являются «неоптимальными». Важно, что критерии № 5–8 противопоставляют класс сочинительных союзов классу подчинительных. Критерии № 1–4 служат для дифференциации внутри класса ЯЕ сочинения на единицы «собственно» сочинения *et, ni ou* и *mais* и единицы «несобственно» сочинения *car, donc* и *or*.

Очевидно, что разрешение противоречия между наличием и отсутствием прямой корреляции между союзом и выражаемым им синтаксическим отношением видится в признании неоднородности класса реляционных

единиц, их полифункциональности [Sekali 2013]. Ср. также утверждение П. Шародо о невозможности классифицировать предложения и интерпретировать тип отношения между ними на основании только формального показателя связи, поскольку связующие единицы являются «trompeurs» ‘обманчивыми’ [Charaudeau 1992, p. 495]. Эта «обманчивость» объясняется как семантической неоднозначностью реляционных единиц, так и тем, что один тип отношения может быть репрезентирован различными реляционными единицами.

В современной англо-американской лингвистике формируется подход, согласно которому «the semantic relation between conjuncts does not need to be symmetrical, and thus the asymmetrical syntactic relation between conjuncts is compatible with the possibility of an asymmetrical relation in semantics» [Zhang 2009, p. 10].

В нижеследующих подразделах в результате анализа и обобщения предыдущих и современных достижений в области синтаксического и семантического подходов к описанию сочинительных союзов разграничиваются (а-)симметрия синтаксическая и (а-)симметрия семантическая, оформляемые французскими ЯЕ сочинения.

1.4.1. Симметрия vs. асимметрия сочинительных конструкций

В рамках синтаксического подхода в центре внимания находится внутренняя структура разнообразных сочинительных конструкций (основные проблемы французского синтаксиса сочинения обобщены в [Godard 2005]). Представители структурных направлений, генеративистских течений, в частности X-barre и Theta-теории, стремятся унифицировать структурную организацию сочинительных конструкций, разграничивая базисную структуру неиерархическую (*flat structure*) и иерархическую (*binary-branching*) (рис. 5).

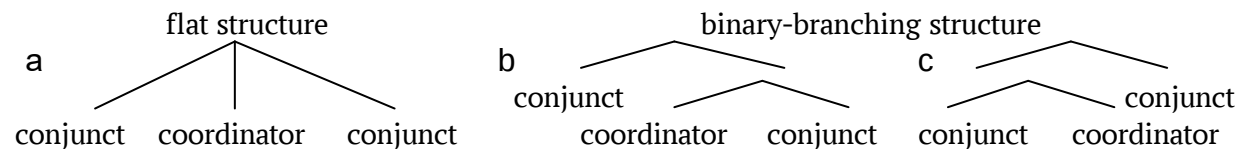

Рис. 5. Типы сочинительных конструкций

В первом случае конъюнкты (*conjunct*) находятся на одном уровне, а сочинительный союз (*coordinator*) их объединяет, будучи не связанным тесно ни с одним из них (см. рис. 5а). Во втором случае союз проявляет большую связность с одним из конъюнктов (см. рис. 5b, c). Соответственно, приверженцы второй структуры пытаются разрешить вопрос о головном статусе (*head*) одного из компонентов конструкции.

Неиерархическая структура сочинительной конструкции принята во многих работах [Blümel 1914, p. 193, 205; Bloomfield 1970 (1933), p. 185; Bach 1964, p. 67–68; Chomsky 1965, p. 12–13, 196; Dik 1968; Jackendoff 1977;

Dougherty 1969; Gazdar et al. 1982, 1985, p. 170; Goodall 1987 и др.] и не теряет актуальности в исследованиях последних двух десятилетий [Phillips 2003; Takano 2004; Peterson 2004; Wurmbrand 2008 и др.]. Иерархическая структура сочинительной конструкции представлена в трудах [Nida 1949, p. 42; Yngve 1960, p. 453–456; Schachter 1985, p. 46; Munn 1987; Ross 1967; Blakemore, Carston 2005; Kayne 1994; Johannessen 1996; Collins 1997, p. 77 и др.]. Некоторые лингвисты совмещают две структуры [Abeillé 2005; Zhang 2009].

Ключевым, таким образом, является вопрос об **асимметричности конъюнктов** при связывании (*binding*). Приводится ряд аргументов в пользу структурной близости союза к одному из двух конъюнктов, с которым он образует составляющую (см. рис. 5b, c).

Впервые наблюдения об асимметричности сочиненных конструкций изложены в работе [Blümel 1914, p. 164]: первый конъюнкт является антецедентом местоимения второго конъюнкта, но второй конъюнкт не может быть таковым относительно первого. Например: *man and his dog*, но не наоборот (см. также [Dik 1968, p. 36, 57; Moltmann 1992, p. 28, 45, 50]). Аналогичные примеры представлены в [Bayer 1996, p. 580; Sag et al. 1985, p. 117].

Согласно [Ross 1967], союз образует одно целое со вторым сочиненным компонентом, то есть реализуется иерархическая право-ветвящаяся структура (см. рис. 5c). Одним из аргументов является тот факт, что при разложении сложносочиненного предложения на два простых союз остается в начале второго. Например: *John left and he didn't even say goodbye* → *John left. And he didn't even say goodbye.* Другим аргументом является просодическая организация (возможность паузации непосредственно перед союзом, а не после) [Ross 1967, p. 163–165].

Во многих работах отмечается противоречивый статус сочинительных конструкций и высказывается мнение о том, что остается «a strong pretheoretic intuition that coordinate structures are in some important sense symmetric» [Blakemore, Carston 2005, p. 354]. Для разрешения конфликта между синтаксической теорией и интуицией предлагается одновременное существование двух несимметричных ветвящихся структур *head-initial* и *head-final* [Cormack, Smith 2005].

Аргументы против одноуровневой неиерархической структуры (см. рис. 5a) обобщены в [Dik 1968]. Например, неспособность союза и одного конъюнкта, являющихся непосредственно составляющей, исключая другой конъюнкт, функционировать самостоятельно. Такое видение роли союза оспаривается в [Peterson 2004; Borsley 2005; Abeillé 2005]. Ученые полагают, что союз находится на одном уровне с сочиненными компонентами, образуя неиерархическую структуру (см. рис. 5a). Аргументом является то, что составляющая *Conj + X* свободно функционирует вне сочинительной конструкции, в которой исключен эллипсис, например: *Alors, on se décide? – Et Paul?* ‘Ну, готовы? – А Поль?’ Для правильной интерпретации ответной реплики *Et Paul?* необходимо наличие предиката, который отсутствует

в контексте. Вероятно, полным ответом могла бы быть следующая реплика: *Mais qu'est-ce qu'on fait de Paul?* 'Но что же с Полем?' (цит. по: [Borsley 1994, 2005a, 2005b]).

В терминах непосредственно составляющих сочинительные конструкции основываются на изофункциональности сочиненных компонентов, представленных некоторым набором сочиненных конститuentов и сочинительным союзом. Так, два предложения *Cet homme achète et vend des meubles* 'Этот человек покупает и продает мебель' и *Cet homme achète, répare et vend des meubles* 'Этот человек покупает, чинит и продает мебель' имеют три (рис. 6a) и четыре (рис. 6b) составляющих соответственно.

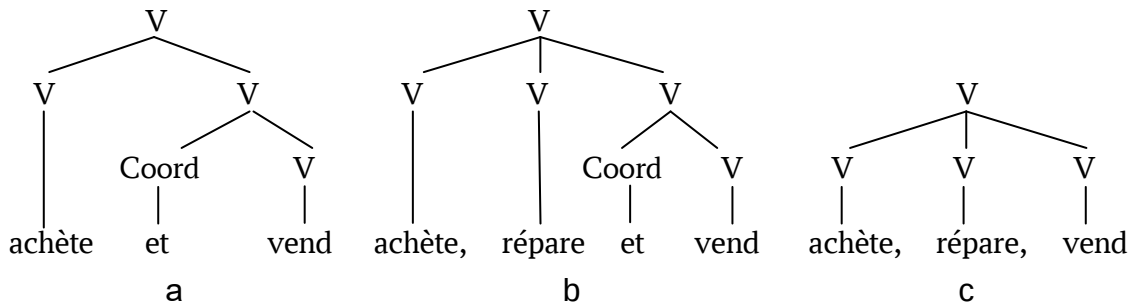

Рис. 6. Сочинительные конструкции в интерпретации Л. Блумфильда [Bloomfield 1970, р. 184] применительно к французскому языку (цит. по: [Touratier 1990])

Представленная внутренняя организация конструкций является в терминах Л. Блумфильда эндоцентрической (или серийной, *co-ordinative, serial*). Сочинительная конструкция с союзом рассматривается как конструкция с двумя последовательными эндоцентрическими уровнями (см. рис. 6a, b). При отсутствии союза сочинительная конструкция является одноуровневой эндоцентрической (см. рис. 6c). Результирующее словосочетание относится к тому же формальному классу, что два или более из его составляющих. Так, словосочетание *boys and girls* принадлежит к тому же формальному классу, что и его составляющие *boys* и *girls*. Эти составляющие являются членами сочинения, другое же составляющее – *and* – сочинительный союз, связка (*co-ordinator*). Членение на непосредственные составляющие вызвало немало критики, поскольку представляло сочинение только с составляющими одного и того же порядка.

Разграничение глубинной и поверхностной структур предложения в правилах трансформационной грамматики стало новым этапом в понимании природы сочинения. Н. Хомский полагает, что сочинительная связь является самым продуктивным способом образования новых предложений и дает сочинительному союзу *and* почти математическое описание. В случае если имеется два предложения (a) $Z + X + W$ и (b) $Z + Y + W$, где X и Y являются конститuentами одного порядка, то возможно образовать новое предложение (c) $Z - X + et + Y - W$ [Chomsky 1957].

(a) *La scène du film était à Chicago.*

(b) *La scène de la pièce était à Chicago.*

(c) *La scène du film et de la pièce était à Chicago* (цит. по: [Touratier 1990]).

Очевидно, что такой формалистский подход не применим к другим случаям употребления союза и к описанию других союзов, как, например, частный случай опущения одного из элементов сочиненной синтагмы, так называемый *gapping* (термин введен [Matthews 1981, p. 206]):

(a) *Pierre mange une pomme, et Jean une poire* 'Пьер ест яблоко, а Жан грушу'.

(b) *Jean donne le livre à Pierre, le disque à Bill et la caméra à Charles* 'Жан дает книгу Пьеру, диск Биллу и фотоаппарат Чарльзу' (цит. по: [Touratier 1990]).

Традиционно такие конструкции представляют эллипсис (эллипсис глагола *mange* в (a) и глагола *donne* в (b)). Пропущенный элемент (*constituant joker* в трактовке [Touratier 1990]) восстанавливается. Сочиненный компонент с эллипсисом не существует вне сочинительной конструкции. Высказывания **Jean le disque à Bill* и **Jean une poire* неприемлемы.

В многочисленных исследованиях, выполненных согласно методике X-barre, представлены как симметричные, так и асимметричные сочинительные структуры (рис. 7).

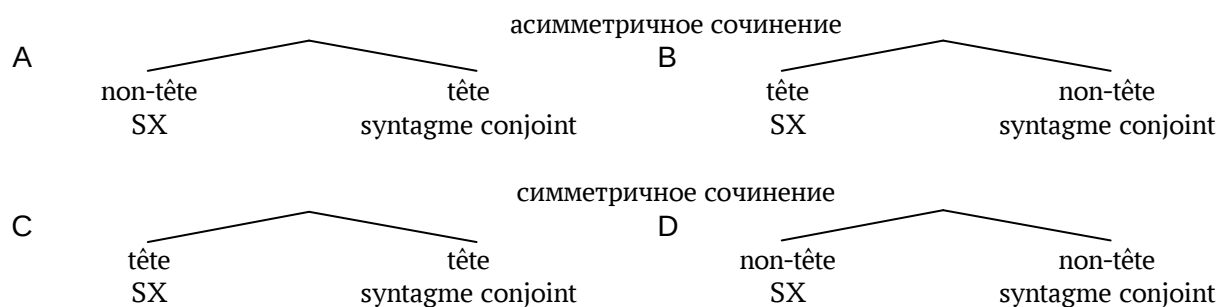

Рис. 7. Варианты синтаксической интерпретации (а-)симметричных сочинительных структур

В асимметричных сочинительных структурах один из конъюнктов является вершиной (фр. *tête*) (см. рис. 7a, b). В симметричных – либо два конъюнкта являются вершинами, либо ни один не является вершиной (см. рис. 7c и d соответственно). Союз выделяют как вершину для структуры А, где SX – спецификатор, а комбинация союза и конъюнкта – комплемент [Johannessen 1998]), в структуре В первая проекция – союз и конъюнкт – является вершиной¹ [Munn 1993] и т.п. (о различных типах симметричных сочинительных структур см. в [Sag et al. 1985; Peterson 2004; Sag 2005]).

Отсутствие единства мнений относительно того, образует ли союз со следующим за ним элементом одно целое, является ли он вершиной или нет, приводит к вопросу о целесообразности множественности моделей синтакси-

¹ Ср. формулировку в структурных терминах: «Если две клаузы X и Y не вложены одна в другую и при этом являются непосредственными составляющими третьей клаузы Z, то отношение между X и Y называется сочинением, а Z называется сложносочиненной клаузой. <...> Сложная клауза X называется сложноподчиненной, если в нее вложена другая клауза Y» [Тестелец 2001, с. 256–257]. Соответственно, сложносочиненная конструкция имеет структуру [[X] (союз) [Y]], сложноподчиненная – структуру [X [(союз) Y]] .

ческого описания в исследованиях. Либо только одна из моделей является адекватной и нуждается в развитии и усовершенствовании, либо каждая из моделей отражает какой-то особый аспект синтаксической структуры предложения.

Разнообразные сочинительные структуры французского языка систематизированы в [Abeillé 2005] на основании разграничения выполняемых ими синтаксических функций. В классификацию включены структуры с вершиной (*avec tête*) и без вершины (*sans tête*), которые, в свою очередь, подразделяются на простые (*coordination-simple*) и n-е (*coordination-iter*), с вершиной-конъюнктом (*tête-ajout*) и с вершиной-союзом (*tête-seule-conjonction*) соответственно (рис. 8).

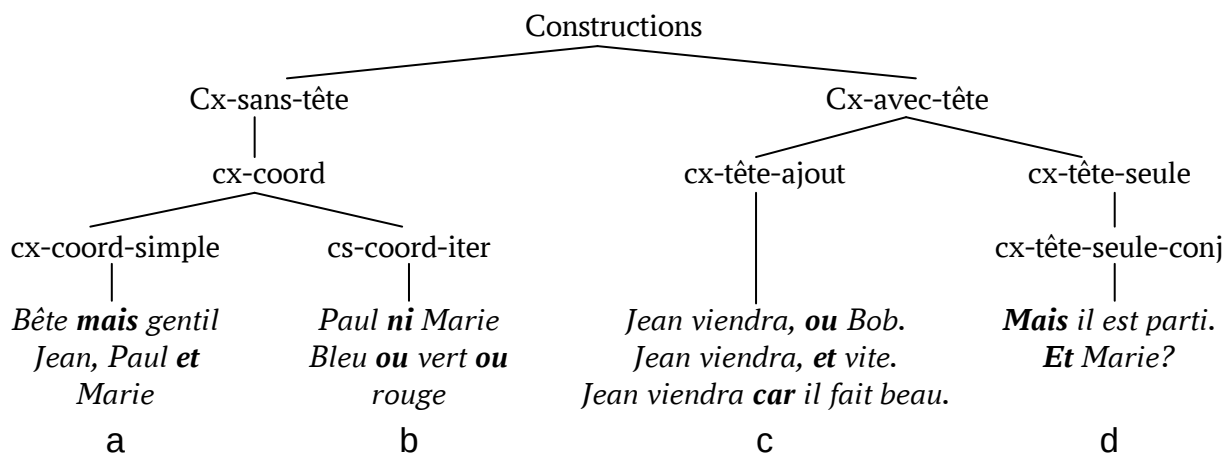

Рис. 8. Классификация сочинительных конструкций по: [Abeillé 2005, p. 64]

Лингвист унифицирует вставные конструкции (*Jean, **et** c'est heureux, a lu autre livre sur l'Inde*), эмфатические (*Il mange, **et** de tout*) и другие (*Jean viendra, **ou** Marie*) на основании их общего просодического рисунка (интонационный контур этих конструкций не вписывается в общую просодию фразы) и квалифицирует их как асимметричные построения (см. рис. 8с, d). Такая трактовка оказывается весьма продуктивной для интерпретации конъюнктов, вводимых союзом *car*.

Вслед за А. Abeillé полагаем, что при образовании сочиненного ряда (*Pierre **et** Marie*), соположенные члены которого семантически относятся к одному классу и выполняют одинаковые синтаксические функции, имеет место одноуровневая структура, компоненты которой образуют одно целое. При соединении единиц более сложного синтаксического уровня и при отсутствии обобщающего элемента (*Alors, on se décide? – **Et** Paul?*) имеет место двухуровневая структура.

Подытоживая результаты многочисленных исследований в рамках разных синтаксических теорий, отметим, что два противоположных взгляда на структуру сочинительной конструкции – иерархическая/неиерархическая (асимметричная/симметричная) – все еще сосуществуют в научной литера-

туре. При этом последние 20 лет асимметричные сочинительные конструкции¹ находятся в фокусе лингвистического внимания (см., например, работы [Султанов 2001, Полякова 2007, Bonnot, Vassilaki 2017 и др.]).

1.4.2. Семантика французских ядерных единиц сочинения

Проблема семантики сочинительных союзов рассматривается в научной литературе в рамках диаметрально противоположных подходов и до сих пор не считается окончательно решенной. Их признают семантическими примитивами [Жолковский 1964; Вежбицкая 1996; Wierzbicka 1997], рассматривая как некий «семантический монолит», лишенный внутренней структуры, или определяют как слова со сложной семантической структурой, влияющей на организацию всего высказывания [Ducrot 1972; Ляпон 1986; Кудрявцева 2009; Санников 2008].

Вопрос о признании у сочинительного союза лексического значения не имеет однозначного решения. Рассмотрение союза «как выразителя того или иного сочетания» [Шахматов 2001, с. 155] признается ошибочным, так как «в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений» [Пешковский 2001(1928), с. 142]. В ряде работ отмечается зависимость значения союза от содержания соединяемых им пропозиций [Wagner, Pinchon 1991, р. 455–456; Кудрявцева 2010; Васильева 1967, Гак 2000 и др.], окружающего контекста [Шахматов 2001; Rebuschi 2001, 2002], коммуникативного намерения говорящего [Charaudeau 1992] и его знаний о мире [Урысон 2000; Schiffrin 1987], что приводит к принятию многозначности самой единицы.

Развивая мысль В. В. Виноградова о «субъективности» некоторых сочинительных союзов [Виноградов 1972, с. 583], Е. В. Падучева приходит к выводу об «эгоцентрической семантике» союзов, которые обозначают присутствие говорящего: «Субъект сознания присутствует в семантике союзов *а* и *но*» [Падучева 1997, с. 36] (см. также [Милованова 2016]).

Находясь в начале второго сочиненного компонента, союзы указывают на его семантическую ориентацию по отношению к первому компоненту и, таким образом, в большинстве случаев позволяют предвидеть, в каком направлении будет развиваться мысль. С этой точки зрения роль союзов можно сравнить, по образному выражению Л. Теньера, с назначением указателей на перекрестках дорог, «дающих путнику информацию о населенных пунктах, к которым ведут различные дороги. Поэтому можно сказать, что подобные единицы являются своего рода указательными столбами предложения» [Теньер 1988, р. 345].

Наличие таких разных точек зрения на союзы само по себе свидетельствует о трудностях описания их значения. «Описание абстрактных, семан-

¹ Напомним, что сам термин «асимметричное сочинение» в романистике предложен А. Фреем [Frei 1929, р. 229].

тически выхолощенных служебных единиц в гораздо меньшей степени опирается на интуицию (или интроспекцию), чем анализ знаменательной лексики, а потому требует более точного и строгого подхода к материалу» [Урысон 2011, с. 185]. В то же время отмечается, что между описанием полнзначных и служебных слов, а также морфем нет принципиальной разницы [Зализняк Анна А. 2004].

Поскольку сочинительные союзы именуют элементы опыта, которые существуют на невербальном уровне как сигналы «текущего ментального состояния субъекта» [Урысон 2011, с. 315], адекватное представление о значениях единиц с абстрактной семантикой мы можем получить, привлекая несколько разных, взаимодополняющих (или даже альтернативных) способов их описания: один из них визуализирует передаваемую союзами информацию, другой – ее вербализует (см. результаты исследований когнитивной лингвистики применительно к анализу сильномногочисленных¹ служебных слов и морфем (см., например, о приставках [Janda 1986], о союзах [Урысон 2011], о предлогах [Тарасевич 2014] и др.)).

В [Зализняк Анна А. 2004] говорится о близости понятия регулярной многозначности (семантической деривации) и понятия трансформации образа-схемы (*image-schema transformation*) со ссылкой на работы [Филипенко 2000, с. 33; Рахилина 2000, с. 5], а также о близости идеи схематизированных образов как «кирпичиков» и идеи семантических примитивов [Goddar 1998, p. 79–80].

Очевидно, что визуальная форма обнаруживает явное преимущество в случаях, когда кодируемый фрагмент опыта – изначально часть визуальной природы. Закономерен вопрос: как образы-схемы – «результат перцептивной деятельности и двигательной активности (моторики)» [Johnson 1990, p. 30] – упорядочивают абстрактные отношения, выражаемые союзами, на уровне физического восприятия и движения?²

Когнитивные исследования показывают, что в процессе повседневного рефлексирования над фактами и явлениями объективной действительности любой носитель языка регулярно пользуется двумя десятками разнообразных образов-схем и их смысловых трансформаций, которые покрывают огромное количество экспериенциальных структур (*experiential structures*) [Gibbs 2006].

По М. Джонсону, связи в нашем пространственном и временном опыте имеют общую схематическую структуру, определенно очерченную внутреннюю конфигурацию и могут быть переосмыслены метафорически с тем, чтобы наше понимание специфики более абстрактных сущностей было максимально точным и исчерпывающим [Johnson 1990, 2007]. Обычно связанные сущности находятся в воспринимаемом пространстве. Общей для всех союзов является *LINK-schema*, структурные элементы которой есть две

¹ Мы исходим из того, что французские ЯЕ сочинения являются многозначными. Основные способы представления многозначности обобщены в [Зализняк Анна А. 2004].

² Подобное описание для пространственных наречий и предлогов представлено в [Lindner 1983; Dewell 1994; Goddar 1998].

сущности (*two entities*) А и В, а также связка (*link*) между ними. Образ-схема на рис. 9 иллюстрирует симметричные отношения: если А связано с В, то В связано с А.

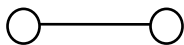

Рис. 9. *LINK*-schema по: [Johnson 1990, p. 118]

LINK_{schema} отражает следующие ситуации: множество связанных сущностей (более двух), прерванную связь между сущностями в пространстве и во времени (*spatially and temporally discontinuous*) и несмежные сущности [Johnson 1990, p. 118].

Метафорическое развитие *LINK_{schema}* является одним из основных способов, с помощью которых устанавливается связность на перцептивном и логическом уровнях. При восприятии абстрактных отношений между схожими сущностями связка устанавливается относительно так называемого «the “third thing”» («the “third thing” that binds or relates two objects is a perceptual or logical feature») [Johnson 1990, p. 119] либо посредством «“logical connectives” (“and”, “but”, “or”, “if-then”)» [ibid].

Обобщенно понятие «образ-схема» определяется следующим образом: образы-схемы суть динамические аналоговые репрезентации статичных отношений (*THING_{schema}*) и динамичных отношений (*PATH_{schema}*) [Lakoff 1990, p. 113; Gibbs 2006, p. 240]. Образы-схемы *THING_{schema}* и *PATH_{schema}*, которые обеспечивают связность и упорядоченность человеческого опыта, репрезентируемого ЯЕ сочинения, проиллюстрированы на рис. 10а и b соответственно.

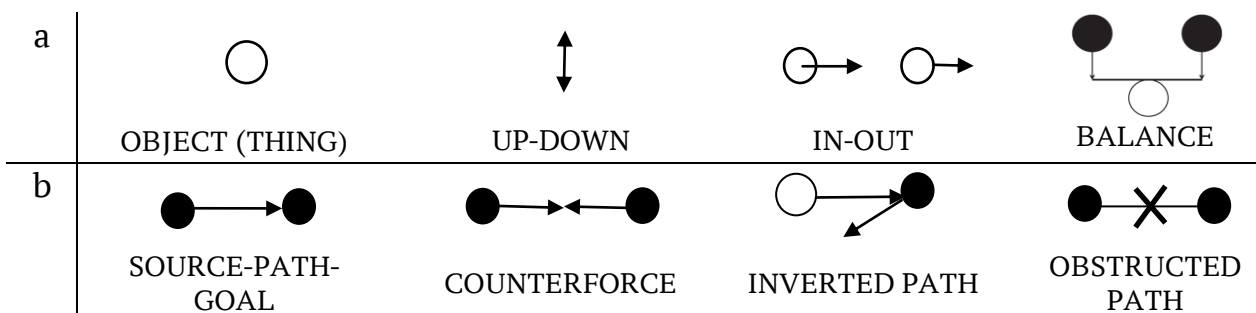

Рис. 10. Образы-схемы, репрезентируемые ЯЕ сочинения

ЯЕ сочинения *et (ni)*, *ou*, *mais* и *or* репрезентируют как образы-схемы *THING_{schema}* (см. рис. 10а), так и образы-схемы *PATH_{schema}* (см. рис. 10b). Между тем каузальные единицы *car* и *donc* актуализируют исключительно образы-схемы *THING_{schema}* (см. рис. 10b).

THING_{schema} реализуется ЯЕ *et (ni)*, *ou* и *or* при перечислении и объединении во множество (в том числе ассоциативное), при сравнении. «Говорящий формирует множество, включая в него то, на что поочередно падает его взгляд, то, что в каждый момент попадает в поле его зрения»

[Урысон 2011, с. 301]. $BALANCE_{schema}$ активируется ЯЕ *ou* при указании на альтернативные отношения. ЯЕ *mais* и *ou* – $IN-OUT_{schema}$ при обозначении взаимоисключения.

Особого внимания заслуживает $UP-DOWN_{schema}$. Изначально ею десигнируются особенности пространственной ориентации внутри гравитационного поля. То, что находится наверху, получает положительную характеристику, а то, что находится внизу, – отрицательную. Основной принцип упорядочивания сочиненных компонентов (речь идет в первую очередь о бинарных сочиненных рядах) основан «на иерархических тезаурусных отношениях» [Санников 2008, с. 78–80], которые включают три основных типа упорядочивания (фр. *ordonnancement*) – темпоральный (*maintenant et après* ‘сейчас и потом’), пространственный (*en haut et en bas* ‘вверху и внизу’) и дейктический (*ici et ailleurs* ‘здесь и там’) [Lapaire 2005], – отражая когнитивную и прагматическую значимость ситуаций внеязыковой действительности. Соединительный союз *et* оформляет устойчивые сочинительные сочетания, в которых первое место является более «престижным» (см. также [Норман 2013, с. 176–178]). Ср.: *Mesdames et messieurs* ‘дамы и господа’, *le bien et le mal* ‘добро и зло’, *parents et enfants* ‘отцы и дети’ и т.д., а не наоборот (см. § 3.1.1).

ЯЕ *et* и *ou*, *car* и *donc* активируют $PATH_{schema}$, которая имеет следующие структурные элементы: источник (*source*), место назначения (*goal*), путь (*path*). Двигаясь из пункта А в пункт В, говорящий присоединяет последовательно имеющие место события, обеспечивая тем самым нормальное развитие повествования и нормальное следствие, позволяя продолжить «путь» нарративный, дескриптивный, интерпретативный (букв. *Come and see us* [Lapaire 2005]). Метафорическое развитие $PATH_{schema}$ для противительного союза *mais* представлено несколькими вариантами: при обозначении собственно противительного отношения ($COUNTERFORCE_{schema}$) и ненормального развития повествования ($INVERTED PATH_{schema}$) или ненормального следствия ($OBSTRUCTED PATH_{schema}$) [ibid]. Последние две релевантны также для ЯЕ *or*.

В связи с тем, что во французской романистике (несмотря на огромное количество работ по союзам), как нам известно, отсутствует системное описание многозначности сочинительных союзов, исходим из предложенной Е. Урысон интерпретации русских сочинительных союзов *и*, *а* и *но* как особых семантических объектов. Работа Е. Урысон представляет собой семантический анализ союзов на основе теории семантических примитивов, ориентированный на моделирование деятельности сознания, с привлечением результатов предшествующих и современных исследований [Lakof 1973; Le groupe λ-1 1975; Прияткина 1977; Кручинина 1988; Иорданская 1988; Санников 1989; Fougeron 1991; Wierzbicka 1992; Падучева 1997; Николаева 1997; Баранов 1993; Апресян 2003; Сигал 2004; Haspelmath 2004; Микаэлян, Зализняк Анна А. 2005; Пекелис 2008; Iordanskaja, Mel’čuk 2010]. Системы сочинительных союзов разных языков, независимо от того, из «скольких» компонентов они состоят, покрывают в целом один и тот же семантический

континуум, но по-разному членят его на слова» [Урысон 2011, с. 320]. Иначе говоря, некоторая совокупность смыслов в русском языке выражается тремя союзами, а во французском языке она распределяется между двумя ЯЕ системы *et* и *mais*.

Лингвистом разработана логическая схема полисемии союзов, в которой выделены основные лексемы и их модификации. Так, для союза *но* дифференцируются три основные лексемы: «*но* ненормального следствия», «*но* противодействия» и «*но* обманутого ожидания». В семантической структуре союза *а* выделяются три лексемы: «*а* ненормального следствия», «*а* сопоставления» и «*а* поворота повествования». Структура многозначности союза *и* включает пять лексем «*и* нормального следствия», «*и* нормального развития повествования», «*и* метатекстовое», «*и* сравнения» и «*и* перечисления» [Урысон 2011].

Несмотря на «многоликость» семантических структур, выделяется два основных блока лексем.

Лексемы первого блока указывают на **объективную связь** между ситуациями Р и Q, которая имеет место в описываемом мире, причем ситуация типа Р обычно обуславливает (каузирует) ситуацию типа Q (например, обычно дождь – причина того, что человек берет с собой зонт). Поэтому если имеет место ситуация Р, то естественно ожидать, что имеет место и ситуация Q. Союз *и* указывает на то, что ситуация Р в данном случае обуславливает ситуацию Q. Союзы *а* и *но*, наоборот, указывают на то, что ситуация Р в данном случае **не каузирует** ситуацию Q и та не имеет места [Урысон 2011, с. 312]. Лексемы этого блока – одно из свидетельств того, что в нашем сознании есть представление о прототипе, о «норме»¹, о том, что бывает обычно, или о том, что должно быть.

Лексемы второго блока не отсылают ни к знанию, ни к представлению о норме: они указывают на **существование (или следование)** ситуаций Р и Q и при этом выражают субъективную оценку этого. Тем не менее союзы *и*, *а* и *но* и в этом случае указывают на ожидание: союзы *а* и *но* – на обманутое ожидание, а союз *и*, напротив, на соответствие ожиданию. Однако в данном случае ожидание обусловлено не нашими знаниями или представлениями об устройстве мира, а спецификой нашего сознания, его инерционностью. Воспринимая ситуацию Р (или информацию Р), сознание «настраивается» на восприятие аналогичного, *однотипного*. Союз *и* маркирует отсутствие «переклечения сознания»: он указывает на то, что сознание продолжает воспринимать информацию, однотипную данной, его «настроенность» не меняется [Урысон 2011, с. 313]. Аналогичную интерпретацию союза *и* находим у С. О. Карцевского: «*И* является сочинительным союзом непротивительным <...>. Он указывает на отсутствие перерыва, противопоставления, следовательно, обозначает непрерывность, аналогию» [Карцевский 1961, с. 131].

¹ Представление о норме как важном компоненте логики «здравого смысла» лежит в основе описания союзов в [Левин 1970; Санников 1989].

На основании изложенного, придерживаясь градуального подхода к выделению единиц сочинения и подчинения, считаем целесообразным разграничить зону канонического сочинения, противопоставляемую каноническому подчинению, и диффузную зону, зону неканонического сочинения. Для их разграничения мы используем выше обозначенные «универсальные» признаки, разное соотношение которых позволяет дифференцировать четыре зоны континуума сочинения (табл. 7): зону собственно канонического сочинения, в которой реализуются все обозначенные признаки, и диффузную зону, в которой вычлениаются зоны квазиканонического сочинения, квазинеканонического сочинения и собственно неканонического сочинения.

Т а б л и ц а 7

Зоны сочинения французского языка

Признаки	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Общая тема	+	+	+	+
Семантическая неконкретизованность	+	-	-	+
Сосуществование ситуаций	+	+	-	-
Однотипность информации	+	-	-	-
Соответствие ожиданию	+	-	-	+
Иконичность	+	+	+	+/-
Синтаксическая тождественность	+	+/-	-	-/+
Открытость	+	+	-	-
Обратимость	+	+/-	-	-

Легенда: № 1 – каноническое сочинение, № 2 – квазиканоническое сочинение, № 3 – квазинеканоническое сочинение, № 4 – неканоническое сочинение

Как известно, в наиболее частотном и прототипическом случае сочиняются одинаковые члены предложения, поэтому такой случай естественно принять за канон. В первой зоне, зоне канонического сочинения, имеет место синтаксическая и семантическая симметрия. В ней представлены ЯЕ сочинения *et* (*ni*), *ou* и *mais*, которые обозначают перечисление, объединение во множество и сопоставление на основании семантической однородности, синтаксической тождественности, наличия общего члена, соответствия ожиданию, а сам сочинительный ряд проявляет свойства обратимости и открытости. Во второй, третьей и четвертой зонах французские ЯЕ сочинения демонстрируют семантические и функциональные свойства как канонического сочинения, так и неканонического сочинения. Так, во второй зоне не соблюдаются некоторые из перечисленных условий. Определяем ее как квазиканоническое сочинение. В ней представлены ЯЕ *et*, *ou*, *mais*, *or*, которые указывают на ассоциативное множество, противопоставление (ср.: «сочинение несочинимого» [Норман 2013, с. 179, 184], соединение элементов неонтологического класса [Гак 1998, с. 32–40]). В зоне квазинеканонического

сочинения соединенные компоненты характеризуются необратимостью, ЯЕ *or, et* маркируют последовательность. В четвертой зоне ЯЕ *et, mais, or, donc, car* обозначают разнообразные причинно-следственные отношения между ситуациями Р и Q в описываемом мире. Это зона неканонического сочинения. Важно, что для ЯЕ *et* характерно функционирование во всех зонах.

Предлагаемая модель принимается как рабочая и уточняется в ходе исследования.

В приведенных выше примерах современного языка ЯЕ сочинения указывают на сложные и множественные связи между внеязыковыми сущностями. В соответствии с жизненным опытом («глобальное» знание) и фоновыми знаниями («локальное» знание) в результате осмысления тех или иных отношений говорящий кодирует связь, слушающий, в свою очередь, декодирует ее для адекватной интерпретации. Использование союза как показателя связи («языковое» знание) есть результат, с одной стороны, определенных когнитивных операций, логических ходов, а с другой стороны – длительного исторического развития синтаксической системы современного французского языка.

Взаимосвязь между эволюцией познавательной деятельности человека и развитием системы французских единиц сочинения на протяжении тысячелетней истории французского языка видится в том, что постоянно возрастающая потребность говорящего в номинации и дифференциации многообразных абстрактных отношений между внеязыковыми сущностями обуславливает развитие семантических и функциональных свойств неизменяемых связующих слов. В многочисленных и разновекторных исследованиях в области сочинительной связи без ответа остается вопрос о формировании основных тенденций развития единиц сочинения. Внимание лингвистов изначально сконцентрировано на эволюции системы подчинительных союзов (обзор исследований в [Bertin, Shyldkrot 2008], см. также [Хватаева 2009]).

Ожидается, что каноническое использование ЯЕ сочинения первично, а случаи их неканонического функционирования появляются значительно позже в ходе освоения языковых и внеязыковых категорий. Соответственно, есть ли основания полагать, что случаи с нарушениями определенных условий канонического сочинения (иконичность, обратимость, однофункциональность и т.д.) являются специфической чертой современного языка? Можно ли утверждать, что в ранний период развития французского языка наличествуют только «чистые» случаи употребления ЯЕ сочинения?

Как мы отмечали выше, союз *et* вследствие своей изначальной «выхожденности» проявляет некоторые гибридные свойства уже в период старофранцузского языка (см. работы [Tortierat 2000, 2007; Antoine 1958]). Между тем, кодируя связь между двумя сущностями с помощью других единиц сочинения, ориентируется ли говорящий в последующем на этот

«образец»? Вероятно, ответ на этот вопрос сопряжен с ответом еще на один: демонстрируют ли ЯЕ сочинения французского языка одинаковый диахронический вектор развития? Идея о том, что реляционные единицы работают по одному и тому же «шаблону», уже высказывалась в научной литературе (см., например, размышления о переходе единиц с темпоральной семантикой в разряд каузальных союзов [Kuteva et al. 2019], замечания о наличии «в общеславянском континууме функциональных полей диффузного употребления союзов *а, и, но*» [Николаева 1997, с. 12]).

Выявление закономерностей развития системы единиц сочинения требует диагностирования изменений количественных и упорядочивания изменений качественных характеристик самих единиц. Методология диахронического анализа развития системы единиц сочинения французского языка представлена в следующей главе.

Глава 2. ЕДИНИЦЫ СОЧИНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всякое развитие осуществляется в реальном времени, и только время выявляет его направленность. Развитие языка – не исключение, так как «языковые сущности не имеют ни постоянной природы, ни постоянной формы: они подвержены изменениям во времени» [Гийом 1992 (1942), с. 21].

Для правильного понимания процесса развития системы единиц сочинения французского языка необходимо провести ее диахронический анализ на протяжении достаточно длительного временного интервала. Целесообразность такого анализа очевидна, ибо «в каждый момент язык объединяет в себе одновременно наследие и преобразование – наследие, полученное от прошлого, и преобразование, организацию полученного наследия» [Гийом 1992 (1942), с. 61].

В настоящем исследовании мы исходим из того, что изменения в системе единиц сочинения французского языка не только поддаются измерению, но и сами лежат в основе определенных закономерностей. Соответственно, одной из задач предпринимаемого исследования является определение хронологической последовательности фиксируемых изменений в этой системе и их упорядочение.

Методологические предпосылки исследования развития системы единиц сочинения в свете эволюционных процессов как проявления системного развития языка и методика корпусно-диахронного исследования изложены ниже.

2.1. Подходы к исследованию развития системы единиц сочинения французского языка

Идея развития всего сущего, первоначально сформулированная в античности Гераклитом, означает воспроизведение всеобщих характеристик многообразия связей, отношений и процессов реальности и предполагает одновременное наличие необратимого, направленного и закономерного изменения материальных и идеальных объектов. Как результат возникает их новое качественное и/или количественное состояние, основанное на возникновении, трансформации или исчезновении элементов и связей объектов [НФЭ].

Расширение представления о развитии как в естественных, так и общественных науках приводит к осмыслению, что процесс развития не универсален и не однороден [Асмус 1930, Грушин 1961, Пригожин, Стенгерс 2009, с. 46 и др.].

Развитие системы единиц сочинения в традиционном понимании развития предполагает, на наш взгляд, что наблюдаемый эволюционный процесс в диахронической перспективе должен сопровождаться:

- увеличением сложности системы (дифференциация отношений между сущностями приводит либо к появлению новых элементов и их структурных связей, либо к использованию старых единиц для их обозначения);
- улучшением приспособленности к внешним условиям (коммуникативным потребностям говорящих);
- количественным изменением, экстенсивным развитием (динамика употребительности единиц в диахронической перспективе);
- качественным изменением, интенсивным развитием (переход от наглядно-действенного и наглядно-образного к абстрактно-логическому мышлению приводит к изменению семантических и функциональных свойств единиц);
- стабильностью, постоянством регулярных явлений (сохранение дифференциальных различий между ядерными единицами);
- направленностью развития (сохранение приобретенного ранее).

В последние десятилетия возрастающий интерес лингвистов к развитию языковой системы с позиций синергетической методологии [Мельников 1971, Хакен 1980, Пригожин, Стенгерс 1986, Князева, Курдюмов 1994, 2002, Köhler 1994, Майнцер 2009, Новое в синергетике 2002, Чернавский 2009, Пиотровский 2006, Дрожащих 2006, Аршинов 1994, 1995, 2000, Алефиренко 2008, Москальчук 2003 и др.] обусловлен поиском новых объяснений изменениям в языке на разных уровнях его организации и новых представлений о некоторых, ставших уже традиционными, фундаментальных понятиях системности языка, разработанных в рамках сравнительно-исторической, структурной и функциональной научных парадигм, что позволяет говорить «о преемственности лингвосинергетики по отношению к другим направлениям фундаментального языкознания» [Пономаренко 2010, с. 26]¹.

Синергетику (греч. *synergetikos* ‘совместное действие, взаимодействие’) часто называют наукой об универсальных закономерностях эволюции сложных динамических систем, претерпевающих резкие изменения состояний в периоды нестабильности. Один из основателей синергетики, немецкий физик Г. Хакен, определял ее не только как науку о самоорганизации, но и как теорию «совместного действия многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникает [новая] структура и соответствующее функционирование» [Хакен 1980, с. 7]. Внимание в синергетике сосредоточено на точке начала (возникновения, генезиса) эволюционного процесса, при этом то или иное толкование начала порождает и соответствующее понимание развития [Ruse 1989, Князева 1994, Чернавский 2009, Князева, Курдюмов 2011б].

¹ Критические замечания о синергетическом перевороте в языкознании изложены в [Преображенский 2016].

Естественный язык также подвержен непрерывным изменениям: «Изменение языка – это универсальный, непрерывный и в значительной мере регулярный процесс» [Лайонз 2010, с. 165]. Противопоставляя развитие языка как ряд изменений и «застой, абсолютный покой» [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 224], И. А. Бодуэн де Куртенэ предвосхищает применение методологии лингвистической синергетики, констатируя: «Нет неподвижности в языке <...>. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Статика языка есть только частный случай его динамики или, скорее, кинематики» [ibid, с. 349].

Рассуждая о развитии языка, Г. Гийом различает две силы, действующие в противоположных направлениях: «Организованная система появляется в результате того, что нисходящая дезорганизующая сила нейтрализуется восходящей организующей» [Гийом 1992 (1942), с. 61].

Способность изменяться внутренне присуща языку. Так, согласно Э. Сепиру, в языке ничего не стоит на месте: «... каждый грамматический элемент... меняет свои очертания, подчиняясь незримому, но объективно существующему дрейфу, составляющему суть жизни языка» [Сепир 1993, с. 157]. Общее направление дрейфа может быть выведено из прошлой истории языка, а определенная его черта, выступая первоначально как тенденция, со временем становится общепринятой. Изменения, которые произойдут в ближайшие столетия, предвосхищаются в настоящем. Нередко они являются продолжением изменений, которые произошли ранее. Таким образом, в языке представлен определенный «уклон», способ осуществления потенциальных изменений [Дрожащих и др. 2018]. Ср. также: «Каждый естественный язык развивается не по строгим и непротиворечивым логико-математическим программам, а стихийно на протяжении многих столетий, <...> испытывая воздействия со стороны разного рода общественных факторов, представляя собой традиционную, полученную в наследство систему со всеми противоречиями, непоследовательностями, “избыточностями”, отклонениями от стандартов и т.д.» [Будагов 1970, с. 3].

Механизмы самоорганизации и саморегуляции¹, действующие в языковой системе, – флуктуации и отбор – «трансформируют» ее в сторону оптимального устойчивого состояния и оптимальной адаптации к окружению [Köhler 1994, р. 4454–4455]. «Как и в биологии, в лингвистике мутация (вариативность) и отбор (селекция, выбор одного из вариантов), приводящие к языковому изменению, играют очень важную роль: в процессе коммуникации мы постоянно сталкиваемся с вариантами языковых единиц, отклонениями от инвариантов, из которых только немногие способны “выжить”» [Дрожащих и др. 2018, с. 14].

¹ Феномен самоорганизации и саморегуляции языка является объектом целого спектра концепций, разновидностей динамического подхода к изучению языковых единиц (см. [Zipf 1968, Swadesh 1971 и др.]).

Отмечается, что при рассмотрении длительности существования организмов, их популяций (видов), родов, биоценозов некоторые из них «становятся все более “живыми”, уменьшается вероятность их гибели от непредвиденных причин» [Красилов 1986, с. 80–81]. В свете эволюционной теории эта «выживаемость» объясняется зависимостью увеличения длительности существования биологической системы от роста ее информационного содержания [Урсул 1968]. Соответственно, признается, что наиболее универсальным (и пока наиболее эффективным и инвариантным) является информационный критерий развития [Урсул 1968, Колин, Урсул 2011]¹.

Не подлежит сомнению, что в языке обнаруживаются классы лингвистических единиц, способных «выдержать» давление среды, то есть сохранить некий «квант информации». В ряде исследований констатируется факт сохранения слов, передающих базовые для человека древности смыслы. По М. Сводешу, наиболее устойчивы, а следовательно, наиболее частотны и хронологически исходны, элементы, составляющие основной список: стабильную часть лексикона (*core dictionary*). Их доля сохраняется на протяжении большого интервала времени [Swadesh 1971]. К таким, на наш взгляд, устойчивым – «живучим» – единицам относятся ЯЕ сочинения (ср. с вышеупомянутым тезисом Л. Теньера о том, что союзы являются «самыми развитыми» и «самыми *человечными* и интересными элементами языка» (выделено нами – О. Ю.) [Tesnière 1988, с. 341]).

В каждом языке существует набор определенных средств, соответствующих коммуникативным потребностям кодирования и декодирования абстрактных, логических отношений между сущностями во внеязыковой действительности. Эти единицы различны по времени появления и интенсивности использования.

В работе делается акцент на синтезе динамичности и статичности² в системе единиц сочинения французского языка с опорой на сложившиеся до этого и достаточно обоснованные научные представления, но с преломлением их в новом – синергетическом – ракурсе.

2.1.1. Причины и механизмы изменений в системе единиц сочинения французского языка

Эволюционные процессы в любом естественном языке представляют собой количественные и качественные изменения в его структуре и функциях. Непрерывный характер языковых изменений обусловлен тем, что сама реальная действительность, отражаемая в сознании людей и объективируемая

¹ О детерминирующей роли сохранения накопленного ранее информационного содержания в дальнейших процессах развития как принципе эволюционного консерватизма, фундаментальном инварианте универсальной эволюции см. [Панов 2007].

² Динамичность и статичность являются фундаментальными «характеристиками двух различных уровней развития и самоорганизации системных объектов: уровня системы как целостности и уровня ее элементного строения» [Князева, Курдюмов 2002, с. 26].

в языке, является динамичной по своей природе (ее познание и освоение не прекращаются ни на секунду), а также тем, что человек постоянно приспосабливает языковую систему для оптимального выражения своих коммуникативных потребностей.

Постоянное состояние «пертурбации системы языка, где изменения происходят путем целого ряда операций» [Anderson 1980, p. 201] вызывает особый интерес у лингвистов к условиям, причинам и следствиям этих изменений.

В настоящее время лингвисты исходят из положения, согласно которому развитие языка не определяется какой-либо одной тенденцией или причиной, а действуют сразу несколько тенденций как внешнего, так и внутреннего характера [Bybee 2015, p. 17–25]. О взаимодействии внешних и внутренних факторов друг с другом в истории языка писал В. В. Виноградов: «Не следует думать, что законы развития языка, вытекающие из его общественной сущности, из его общественных функций, и законы, вытекающие из структуры языка, – это разные, взаимно не связанные закономерности как бы разных планов функционирования языка. На самом деле они взаимообусловлены и неразрывны» [Виноградов 1952, с. 33].

Очевидные качественные и количественные изменения предметов и явлений действительности, социальные, политические, экономические, научно-технические преобразования, миграция, языковые контакты, влияние других языков и т.п., то есть процессы и явления, которые лежат за пределами языковой системы, оказывают на нее влияние, становятся поводом для ее количественных и качественных преобразований. В настоящей работе факторы внешнего воздействия на систему единиц сочинения целиком определяются характером исторической эпохи, каждой из которых дается краткий обзор (см. § 2.2), и не рассматриваются дополнительно.

Что касается так называемых внутриязыковых причин изменений, то многие исследователи языка, соглашаясь с фактом наличия этих причин, выделяют в качестве таковых совершенно разные по своей природе и характеру процессы и явления. В результате разные языковеды «видят» разные «внутренние» причины¹ развития языка. При этом каждый уровень языка отличается своей степенью подверженности изменчивости и влиянию внешних и внутренних факторов. Общеизвестно, что грамматическая система языка (система единиц сочинения, в частности), как и сам язык, представляет собой диалектическое единство устойчивости и изменчивости. С одной стороны, грамматический строй каждого языка представляет собой более жесткую систему значений и форм, более строгую системную организацию.

¹ Ср.: деятельность Духа (В. Гумбольдт), принцип историзма, динамического развития языка (А. А. Потебня), идея о множественности причин языковых изменений (И. А. Бодуэн де Куртенэ), антагонизм между прогрессивной силой, вызываемой ассоциациями единиц по сходству, и консервативной силой, вызываемой ассоциациями по смежности (Н. В. Крушевский), борьба тенденций унификации и дифференциации (Ж. Вандриес), борьба тенденций экспрессивности и стандартизации выражения мысли (Ш. Балли) и т.п.

С другой стороны, это постоянно преобразующаяся и развивающаяся система [Гумбольдт 1984, с. 70; Звегинцев 1963, с. 131]. В целом «а posteriori нет ни одной неподвижной грамматической категории» [Потебня 1958, с. 83].

О существовании «небольшого числа фактов высшего уровня, мало-заметных а priori основных структурных фактов, которые управляют всеми остальными, частными» писал Г. Гийом [Гийом 1992 (1942), с. 43]. Основные причины и механизмы изменений в языковой системе сводятся к нескольким существующим лингвистическим теориям: (i) принцип экономии, (ii) теория антиномий, (iii) теория давления системы, (iv) теория вероятностного развития языка, (v) теория инноваций.

i. В истории языкознания наметились два основных истолкования проблемы «экономии» языка: чисто количественное и более широкое, при котором «экономия» стала отождествляться с совокупностью «всех сил и тенденций» языка [Будагов 1972, с. 19].

Имея в виду звуковую систему французского языка, П. Пасси утверждал: «Язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним, и выделить то, что оказывается необходимым», разграничивая первую тенденцию как «закон наименьшего усилия», а вторую – как «принцип экономии» [Passy 1890, p. 227–228]. Позже А. Мартине подчеркивает, что язык постоянно подвергается действию двоякого рода сил: с одной стороны, язык изменяется, так как потребности людей в выражении различных мыслей и чувств все время увеличиваются и усложняются, а с другой – язык не изменяется, так как сказывается инерция этих же людей, приводящая к общему ограничению лингвистических средств выражения [Мартине 1960, с. 126]. А. Мартине поясняет свой тезис: «Термин экономия включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил» [ibid, с. 130].

В соответствии с дихотомией «язык – речь» А. Мартине выделяет речевую (синтагматическую) экономию (фр. *économie syntagmatique*) и языковую (парадигматическую) экономию (фр. *économie paradigmaticque*) [Мартине 1960]. Именно в первом значении термин «экономия» употребляется в большинстве работ¹.

Принцип синтагматической экономии, по А. Мартине, сводится к следующему: «в плане слов и знаков каждый языковой коллектив в каждый момент находит определенное равновесие между потребностями выражения, для удовлетворения которых необходимо все большее число специальных и, соответственно, более редких единиц, и естественной инерцией, направленной на сохранение ограниченного числа общих и чаще употребляющихся единиц» [Мартине 2004, с. 126].

¹ Ср.: результат стремления к экономии или «фонационной» работы, или «аудиционной» работы, или «церебрационной» работы [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 226]; укорочение слов и вытеснение нерегулярных образований регулярными [Блумфилд 1968, с. 559]; «лень» [Поливанов 1968, с. 81–84].

Принцип парадигматической экономии как принцип организации и эволюции языковой системы сводится к «поиску равновесия между минимальным количеством дифференциальных, релевантных признаков и максимальным количеством значащих единиц, необходимых в процессе коммуникации для различения смысла» [Становая 2016, с. 63]. Перестройка языковой системы в целом и ее частных подсистем (микросистем) проходит в соответствии с принципом экономии, согласно которому симметричное построение требует заполнения «пустых клеток» или ликвидации «лишнего звена» в системе» [ibid].

Полагаем, что приложимость принципов синтагматической и парадигматической экономии релевантна для системы единиц сочинения и позволит объяснить структурную организацию единиц сочинения французского языка.

ii. Внутренним источником преобразования языка является «качественно своеобразная борьба противоположностей» [Русский язык и советское общество... 1968, с. 24], которая проявляется в антиномиях, представленных ниже.

Говорящий vs. слушающий. Считается, что наиболее глубокие сущности языка, к которым относится грамматический строй, находятся вне досягаемости волевого воздействия на язык [Мечковская 2009, с. 118–119]. См. также схожее наблюдение у Э. Сепира: «дрейф осуществляется через не контролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то predetermined направлению» [Сепир 1993, с. 144].

В ходе изменения языка процесс диверсификации (Дж. К. Ципф) – языковой вариативности, исходящей, как правило, от говорящего, – сопровождается противоположным процессом унификации, выбора одной из возможных форм/значений, поскольку слушающий стремится свести вариативности к нулю [Altmann 1987, p. 235]. Ср. в этой связи высказывание Л. В. Щербы: «...интересы понимания и говорения прямо противоположны, и историю языка можно представить как постоянное возникновение этих противоречий и их преодоление» [Щерба 1965, с. 366].

Говорящий как субъект речи – человек, создающий речь, а именно пишущий текст, – кодирует связь между сущностями. Слушающий как объект речи – человек, воспринимающий речь, а именно читающий текст, – его интерпретирует, то есть декодирует связь между сущностями. Два процесса представляют собой целенаправленную когнитивную деятельность, которая основывается на опыте языковой деятельности кодирующего и декодирующего, а также на опыте их культурной, социальной и профессиональной деятельности (о взаимосвязи фоновых знаний см. в § 1.1).

Узус vs. возможности языковой системы. Традиционно признается, что возможности, заложенные в языковой системе, гораздо шире, чем совокупность принятых в обществе норм языкового употребления. Если антиномия решается в пользу узуса, то это расширение нормы может сказаться на

соответствующей подсистеме языка. Если же при достаточной устойчивости нормы появляются потребности в выражении некоторого значения, то происходит перестройка иной языковой подсистемы [Мечковская 2009, с. 90].

Текст vs. код. Между текстом и кодом существует обратно пропорциональная зависимость: чем короче код (лишенный некоторых знаков и правил), тем длиннее должен быть текст. И наоборот, код усложняется появлением новых лексем, которые заменяют многословные описания, таким образом сокращая длину текста. Если в развитии лексики преобладают процессы, усложняющие код, в грамматике происходит сокращение состава грамматических категорий: упрощение грамматического кода, как, например, эволюция грамматического строя индоевропейских языков от синтетизма к аналитизму [Катагощина 1963, Скрелина 2001 и др.]. Тенденция к аналитизму, которая ярко проявляется в период среднефранцузского языка на всех уровнях, сопровождается дифференциацией языковых средств выражения логической связи.

План содержания vs. план выражения языкового знака. Идея асимметричности языкового знака¹ возникла из наблюдений над сложностью отношений между обозначаемым и обозначающим [Карцевский 2004, Karcevskij 1929]. Еще О. Есперсен отмечал, что принцип «одно слово – одно значение, одно значение – одно слово» превратил бы любой естественный язык в «адски неудобный» (возник бы «лингвистический ад») [Jespersen 1925, р. 89, 119]. Подобный принцип, как и «принцип, лишаящий грамматические категории их полифункциональности, трансформировал бы язык в элементарное автоматическое устройство» [Будагов 1972, с. 23], совершенно непригодное для передачи сложнейших связей и отношений между сущностями.

Асимметрия очень важна для языка. К. Э. Штайн отмечает: «За счет асимметрии осуществляется экономия языковых средств, сводящих их к предельному минимуму» [Штайн 1989, с. 102]. Глубинное же значение асимметричности для развития языка можно передать словами Г. И. Тираспольского: «...В системе языка никогда не существовала, не существует и никогда не будет существовать такая симметрия единиц и их комбинаций, которая бы обеспечивала равномерную эволюцию языка в целом или какой-либо его части. Напротив, язык навсегда обречен изменяться неравномерно и только неравномерно. Структурная и хронологическая асимметрия языка – одно из важнейших условий его гибкости, пластичности и живучести...» [Тираспольский 2011, с. 267].

Вопрос о том, как обозначенные антиномии определяют развитие системы единиц сочинения и ее частных подсистем, освещается в ходе исследования.

¹ *Симметрия* при этом понимается как упорядоченность, регулярность, единообразие, соразмерность в строении и функционировании языковых единиц. *Асимметрия* понимается как отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия, соразмерности в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из особенностей строения и функционирования естественного языка [Гак 1990, Tuldava 1992 и др.].

iii. Во всех работах, в которых дается системное описание языка и его различных уровней, непременно содержится понятие давления системы. Однако отсутствие терминологической однозначности определения приводит к тому, что понятие давления системы, в терминологии зарубежных исследователей – «давление парадигмы» (*paradigmatic pressure*) [Hogg 2003], очень скоро совпало с принципами действия грамматической аналогии. Во многих диахронических исследованиях грамматического строя языков признается, что аналогическое выравнивание в ходе исторического развития лежит в основе процесса упрощения и перестройки грамматических систем. Противопоставление понятий давления системы и принципа аналогии и выявление их взаимосвязи породило ряд дискуссий.

Высказывается мысль о том, что «преобразование отдельных звеньев языковой структуры на основе грамматической аналогии – это тенденция, в известной мере противоположная действию давления системы в одной из подсистем определенного уровня языка» [Макаев 1962, с. 52]. Э. А. Макаев приходит к выводу о том, что «давление системы – не что иное, как одна из форм актуализации языковой системы», которая «находится в прямой зависимости от набора и структурных особенностей единиц языка, от степени вариативности данных единиц, от архитектоники каждого уровня языка» [ibid, с. 48]. Предлагается разграничивать давление системы и грамматическую аналогию на основании «наложения ограничений» на явление за пределами частной подсистемы или парадигматического ряда. В случае наложения ограничения следует усматривать действие давления системы. В случае отсутствия ограничения происходит выравнивание по одному из членов парадигмы, и следует усматривать действие грамматической аналогии [ibid, с. 50].

О последовательности и взаимосвязанности двух процессов – выдавливание старых форм новыми, вызванное давлением системы, и выравнивание парадигм по аналогии – говорят приверженцы подхода, согласно которому в общем виде языковое изменение проходит по так называемой «S-образной кривой» и может быть представлено следующим образом: 1) возникновение (часто заимствование или, в отдельных случаях, сохранение старой) структуры/формы, которая воспринимается как «нетипичная», «маргинальная»; 2) ее постепенное закрепление в языке и как следствие – сосуществование наряду с уже устоявшимися формами; 3) расширение области действия этой структуры, то есть «выдавливание» старых форм. Другими словами, полное закрепление в языке, вызываемое процессом действия аналогии (на третьем этапе, как правило, и реализуется принцип давления системы) [Wolfram 2002]. См. также [Haspelmath 2016].

Между тем принятие «двойственной природы аналогии и ее последствий» [Кубрякова 1987, с. 143] позволяет по-разному понимать ее роль в развитии языка. С одной стороны, благодаря способности к генерализации правила она может выступать как организующее и упорядочивающее начало, как фактор регулярности и оказывается орудием системности в языке. С другой стороны, способствуя преобразованию отклоняющихся от

данной модели форм, она может выступать как преобразующее начало, как средство появления разного рода инноваций, отклонений, исключений и даже аномалий [Соссюр 1933; Блумфилд 1968; Лайонз 1978; Кубрякова 1987].

Материал исторической грамматики различных языков не всегда дает возможность провести какое-либо различие между действием давления системы и действием грамматической аналогии, поскольку динамический характер «некодифицированной» нормы в ранние периоды становления языка (донационального периода) является причиной фактического неразличения указанных выше двух факторов.

iv. Для объяснения изменений в языке Э. Косериу предлагает различать инновацию и принятие [Косериу 1963]. Инновация представляет собой причинное явление, в то время как принятие – сознательный, свободный и потому лишенный причинных связей отбор и узаконение некоторых инноваций [Звегинцев 1963, с. 131].

Инновации в речи людей на любом языке многочисленны и разнообразны, но фактом языка инновация становится лишь в случае ее принятия, определяемого «культурой, вкусом и практическим разумом» коллектива говорящих [Косериу 1963, с. 243]. Э. Косериу замечает, что система языка изменяется прежде всего в слабых точках, там, где она не полностью соответствует потребностям общения [ibid].

Для достижения своих собственных коммуникативных целей каждый говорящий использует язык определенным образом. Если большое количество говорящих действуют также, язык меняется. В более широком смысле языковые соглашения между носителями языка можно рассматривать как систему, возникающую в результате длительного участия в решении коммуникативных проблем в различных социальных условиях (см. [Келлер 1997]). Рассуждая об обновлении класса сочинительных союзов, А. Мейе подчеркивает их «устойчивость», обусловленную предназначенностью данных единиц для выражения «постоянных понятий, не подверженных изменениям» [Meillet 1982 (1922), p. 159–160], и не исключает возможность изменений в системе сочинительных союзов французского языка «при условии всеобщего согласия» [ibid, p. 160].

v. Основываясь на явлении вариативности, Т. П. Ломтев построил теорию вероятностного развития языка. По его мнению, каждая из возможностей изменения языковой единицы имеет свою меру вероятности для осуществления. Система языка в любой точке своего развития содержит множество вероятных преобразований, одно из которых и реализуется [Ломтев 1976].

Настоящее исследование направлено на проведение диахронического анализа развития системы единиц сочинения французского языка (исторический анализ фактов одного языка). Соответственно, сопоставление с фактами родственных языков с учетом историко-ареальных характеристик языков, начиная с языков, исторически (генетически или территориально) наиболее близких, в исследовании не проводится.

Полагаем, что взаимосвязь универсальных причин и механизмов языковых изменений обуславливает свойства системы единиц сочинения французского языка и предопределяет модель ее развития.

2.1.2. Свойства системы единиц сочинения

Синергетическое видение системы позволяет представлять ее не в качестве некоего зафиксированного целого, изолированного, рассматриваемого «в себе» (ср. у Ф. де Соссюра система «замкнута в самой себе и для себя»), а сформулировать фундаментальный тезис о неравновесности, неустойчивости, открытости, нелинейности и саморегуляции человеческого языка наряду с другими знаковыми системами [Хакен 1980; Пиотровский 2006; Келлер 2007].

Полагаем, что различные сегменты опыта человека в процессе освоения разного рода деятельности, требующие номинации соединительных, разделительных, противительных и каузальных отношений, обладают разной когнитивной и прагматической значимостями. Соответственно, мы определяем всю совокупность существующих в языке средств оформления сочинения как **открытую, неравновесную, нелинейную, динамическую** систему. Четыре обозначенных свойства системы взаимообусловлены и сопряжены с диагностируемыми изменениями количественных характеристик и регистрируемыми изменениями качественных характеристик исследуемых единиц. Поясним сказанное.

Открытость системы единиц сочинения предполагает ее взаимодействие с другими системами, в результате которого в самой системе в целом или в ее отдельных частях происходит нарушение неустойчивого равновесия и порядка. Процесс появления новых единиц для обозначения существующих понятий, их дифференциации и использования уже существующих лексических единиц для новой функции, «grounded in cognitive processes and usage factors» [Bybee 2015, с. 5], как мы уже отмечали, протекает в течение нескольких веков. Так, например, от момента первой письменной фиксации единицы *or* до момента ее фиксации в лексикографических источниках как показателя связи проходит около двухсот лет (см. § 3.2.1).

Неустойчивость – как особое состояние открытой системы – означает чувствительность к малейшим отклонениям и воздействиям на данную систему в условиях, когда малые флуктуации и случайности приводят к становлению новой макроскопической картины бытия [Князева, Курдюмов 2011, с. 120]. Например, исчезновение одних единиц сочинения и образование новых в старофранцузский период (см. табл. 3), из которых некоторые также исчезают, например противительный старофранцузский союз *ains* (см. § 3.1.4). Неустойчивость предполагает невозможность однозначно предсказать результат и/или траекторию дальнейшего развития процесса. Ср.: «Затухание или нарастание внешних воздействий не зависит от самой системы, но определяется эффективностью связи посторонних флуктуирующих областей с внешним миром. Поэтому предсказать судьбу системы, оказавшейся в критической

точке X, невозможно» [Пиотровский 2006, с. 5]. Полагаем, что траектории развития конъюнктивных свойств единиц сочинения имеют как ряд сходств, так и ряд отличий (об этом подробно см. главы 3, 4).

Неравновесность системы характеризуется способностью воспринимать различия во внешней среде. Эта характеристика, согласно утверждениям С. Крипке и Х. Патнэма, связана с тем, что говорящий по-новому использует языковые единицы в свете новой информации или научных открытий, меняющих наше видение мира [Kripke 2001 (1972), Putnam 1975]. Другими словами, усложнение деятельности приводит к многообразию связей и отношений между объектами внеязыковой действительности. Согласно результатам нашего исследования, в ходе исторического развития французского языка каждая частная система (система соединительных, разделительных, противительных, каузальных единиц сочинения) формируется неравномерно, с разной интенсивностью, что позволяет говорить о ее гетерохронности, то есть асинхронности фаз развития частных систем (см. табл. 4).

Нелинейность в математическом смысле означает определенный вид уравнений, которые могут иметь несколько качественно различных решений. Другими словами, множеству решений нелинейного уравнения «соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями (нелинейной системы)» [Князева, Курдюмов 2010, с. 35]. В мировоззренческом плане идея нелинейности может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции и ее необратимости [ibid, с. 50]. Нелинейность языковой (мега)системы проявляется в зависимости свойств и функционирования данной системы от «поведения» каждого из ее элементов. В синергетическом ключе понятие нелинейности подразумевает возможность разных решений или путей эволюции системы при имеющихся начальных условиях.

И. Пригожин и И. Стенгерс связывают разные пути эволюции прежде всего с бифуркациями [Пригожин, Стенгерс 1986, с. 216–217]. Понятие бифуркаций – точек, вблизи которых в системах наблюдаются значительные флуктуации, – введено И. Пригожиным: «Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы» [ibid, с. 56]. Вследствие этих изменений осуществляется переход от равновесных систем к неравновесным, от повторяющегося и общего к уникальному и специфичному (см. также [Бородкин 2002, Урсул 2012]).

По Ж. Вандриесу, в живых языках нет раз и навсегда установленного порядка: главенствующие формы составляют центры аттракции и нередко берут верх над другими формами. «Логический идеальный язык – это только мечта. Она вызывает образ садовника, который бы вообразил, что, посадив в правильном порядке совершенно одинаковые зерна и дав им одинаковый уход, он увидит в своем саду всегда одинаковые растения, одинакового роста, расположенные одинаково с одинаковым количеством цветов и плодов» [Вандриес 2001, с. 158–159].

Нелинейность понимается как переход в область притяжения другого аттрактора¹ при определенном диапазоне качественных и/или количественных изменений процесса. В нашем понимании система единиц сочинения изначально выстраивается по прототипическому принципу «ядро – периферия». ЯЕ сочинения выступают своеобразными аттракторами. См., например, использование сравнительной единицы *comme* для соединения в примере (3), единицы *ainsi* – для соединения и следствия в примерах (6) и (7), а также случаи неканонического использования единиц сочинения для обозначения собственно и несобственно причинно-следственных отношений в § 1.3. В ходе развития, таким образом, те или иные единицы сочинения сохраняются и продолжают свое функционирование после очередной бифуркации.

В развитие мысли о системе единиц сочинения как динамической приведем слова Ш. Балли: «Система языка – слишком сложная вещь; в каких-то точках системы есть движение вперед, в каких-то – откат назад, и в каждый определенный момент очень трудно рассчитать этот языковой актив и пассив; это похоже на линию фронта, где одни части наступают, другие – остаются в арьергарде, а третьи – несут тяжелые потери, пораженные неприятельскими снарядами» [Балли 2001 (1950), с. 67]. Полагаем, что о динамичности системы французских единиц сочинения свидетельствуют количественные показатели их употребительности на протяжении тысячетной истории развития языка (см. § 2.3, 2.4).

Обозначенные свойства системы единиц сочинения французского языка послужили основой для определения того, по какой модели² она эволюционирует.

Для моделирования развития системы единиц сочинения мы воспользовались понятием фрактала³, введенным в научный обиход математиком Б. Мандельбротом [Mandelbrot 1983, Мандельброт 2002, 2004]. Фрактал рассматривается учеными как общенаучное понятие, работающее в любых областях частных наук и репрезентирующее каждое явление как непрерывно изменяющуюся систему [Войцехович 2003], поскольку, как оказалось, в природе (например, побережье, облака, кроны деревьев, кровеносная система человека или животного и т.п.) почти не существует прямых евклидовых линий.

¹ Понятие аттрактора лежит в основе синергетического подхода и в общенаучном смысле означает некоторое конечное состояние системы, которое «как бы притягивает к себе все множество “траекторий” системы, определяемых разными начальными условиями» [Князева 1994, с. 52].

² Традиционно модель (лат. *modulus* ‘мера, образец, норма’) определяется как абстрактный и идеализированный знаковый образ упрощенного представления определенного объекта-оригинала (предмета, явления, процесса), а также способов его существования и функционирования [Безручко и др. 2010, с. 35–40].

³ Фрактал (лат. *fractus* ‘дробленный’) – термин, означающий геометрическую фигуру, обладающую свойством самоподобия, то есть составленную из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком. О многообразии фрактальных структур и применении фрактального подхода к анализу различных объектов см. в [Вовк, Гринченко и др. 2018].

В лингвистике понятие фрактала пока не получило однозначного и четкого толкования. Языковеды используют его преимущественно в работах, посвященных вопросам метафоризации, интертекстуальности и интердискурсивности [Логинова 2011, Олизко 2009, Плотникова 2011, Резвушкин 2010]. См. также научные разработки В. В. Тарасенко [Тарасенко 1997, 2018] об интеграции термина «фрактал» в лингвосинергетическую методологию и о его применении в качестве теоретического конструкта для описания лингвистических систем.

В самом простом случае небольшая часть фрактала содержит информацию обо всем фрактале (здесь усматривается принцип изоморфизма, характерный для уровневой модели языка) [Симонов 2011]. Примеры фракталов проиллюстрированы на рис. 11.

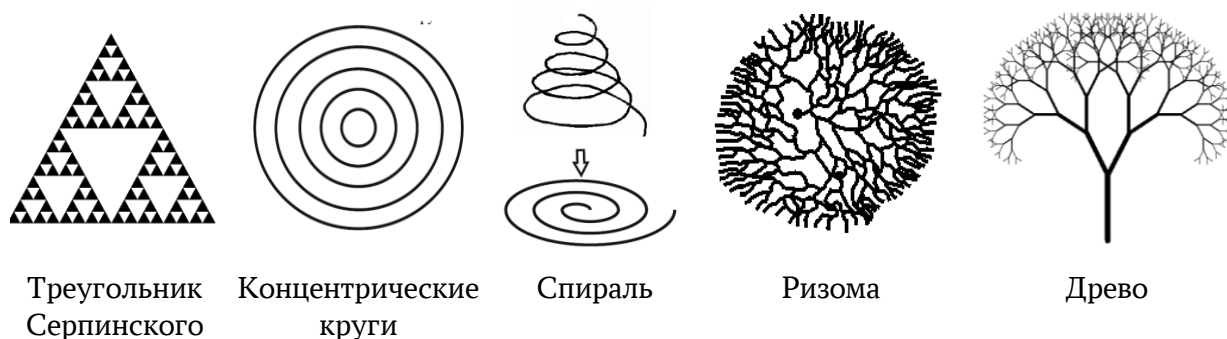

Рис. 11. Фрактальные модели

Обоснованные доводы правомерности применения фрактального моделирования к динамическим системам в исторических, политологических и иных социальных исследованиях представлены в [Жуков, Лямин 2010] и экстраполируются на проводимое исследование. Обозначим их.

По наличию элементов случайности в процедуре построения все фракталы допустимо разделять на недетерминированные (стохастические) и детерминированные. В недетерминированном фрактале закономерность построения не является абсолютной, ибо она сочетается с определенными отклонениями. Представляя фрактальные характеристики языка, Г. Парейон отмечает, что в силу динамичности языкового материала весьма вероятно, что фрактальная размерность языков постоянно меняется [Pareyon 2007].

Фракталы могут быть не только пространственными, но и временными. Иначе говоря, существуют не только фрактальные фигуры, но и фрактальные процессы. Фрактальным (в пространстве) структурам соответствуют фрактальные (во времени) процессы – многомерные, сложные, многоволновые циклы, спирали и т.п.

Особую роль во фрактальном моделировании играет феномен масштабирования, который предполагает четкую локализацию объекта исследования. «Движение сквозь масштабы позволяет понять принцип построения всего фрактала, то есть увидеть простое в сложном, закономерное в хаотич-

ном, однообразное в разнообразном» [Жуков, Лямин 2010, с. 227]. Другими словами, позволяет связать воедино макро- и микромасштабы (прием масштабирования относительно нашего объекта исследования проиллюстрирован в § 2.4).

Фрактал есть результат моделирования, который позволяет по ограниченному количеству наблюдаемых элементов судить о качестве всей их совокупности в рамках наблюдаемого уровня (уровней) сложности (синхронный срез в нашем случае). Фрактал, таким образом, может выступать в качестве модели, демонстрирующей и объясняющей сочетание и взаимозависимость качества (семантические и функциональные свойства единиц сочинения) и количества (употребительность единиц сочинения). Отождествление качественно однородных уровней с фракталом позволяет обнаружить в пестроте неупорядоченных языковых фактов некую скрытую упорядоченность. Кроме того, фрактальное моделирование дает возможность свести бесконечное число фактов к конечному числу закономерностей.

Мы предполагаем, что развитие системы французских единиц сочинения проявляет сходство с такой фрактальной моделью, как **ризом** (греч. *rhiza* 'корень')¹. Понятие «ризом» было введено французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари, которые определяли ее как своего рода «луковицу» – потенциальную бесконечность, содержащую в себе «скрытый стебель», способный развиваться и принимать любые конфигурации [Deleuze, Guattari 1987, p. 3–24]. Модель ризомы представляет собой разветвленную многоуровневую структуру, находящуюся в состоянии динамического изменения. Ризом

обладает способностью образовывать «поперечные связи», развиваться во всех направлениях и принимать любые конфигурации, так как ризом абсолютно нелинейна (см. рис. 11).

Ризом характеризуется неоднородностью и разрывностью. Любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой ее точке, ризом может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она восстанавливается, следуя той или иной своей линии.

Наше видение процесса развития системы единиц сочинения как ризомы (новый взгляд на известный объект) позволит выявить ранее незамеченные свойства и отношения, расширить и углубить традиционное знание о нем. Будут ли описанные принципы ризомы прослеживаться в ходе развития системы французских единиц сочинения? Каковы векторы развития единиц сочинения? Сохраняют ли они однонаправленность? В какой момент можно говорить о «точке бифуркации»? Разрешению этих вопросов посвящено корпусно-диахроническое исследование развития системы единиц сочинения французского языка.

¹ Ср., например, с предложенной Дж. Эйчисоном метафорой куста с множеством веток для объяснения языковой эволюции [Aitchison 2000, p. 49].

2.2. Материал и методика корпусно-диахронического исследования

В современных лингвистических исследованиях внимание ученых привлекает количественный компонент языка, то есть учет в первую очередь более частотных элементов по сравнению с менее частотными, и «признание количественных отношений существенным фактором в языковой эволюции и структуре языковых правил» [Плунгян 2008, с. 9].

Материалом для настоящего исследования послужили данные Национального корпуса французского языка Frantext [FR]. Мы исходим из того, что для выявления диахронических изменений в системе ЯЕ сочинения корпус Frantext репрезентативен, поскольку оцифрованные документы охватывают тысячелетнюю историю развития языка. 5555 разножанровых текстов XI–XXI вв. общим объемом 264 млн словоупотреблений распределены в корпусе по датам создания текстов следующим образом¹:

1001–1199 гг. – 39 документов;	1600–1699 гг. – 636 документов;
1200–1299 гг. – 35 документов;	1700–1799 гг. – 702 документа;
1300–1399 гг. – 118 документов;	1800–1899 гг. – 1152 документа;
1400–1499 гг. – 162 документа;	1900–1999 гг. – 2222 документа;
1500–1599 гг. – 187 документов;	2000 – н/в – 301 документ.

Представленные в корпусе текстовые документы распределяются на пять подкорпусов следующим образом: первый подкорпус (1001–1299 гг.); второй подкорпус (1300–1599 гг.); третий подкорпус (1600–1799 гг.); четвертый подкорпус (1800–1979 гг.); пятый подкорпус (1980 – н/в).

В основе представленного распределения текстовых документов в корпусе лежит историческая периодизация: старофранцузский (IX–XIII вв.), среднефранцузский (XIV–XVI вв.), классический (XVII–XVIII вв.), современный (XIX–XXI вв.), которая частично совпадает с принятой периодизацией истории возникновения, становления и эволюции французского языка на основе общих методологических позиций и хронологии развития [Dauzat 1930, Катагощина 1963, Шигаревская 1984, Щетинкин 1984, Иеронова 1996, Скредина 2001 и др.].

Язык *старофранцузского* периода (IX–XIII вв.) представляет собой синтетическую систему, функционирующую главным образом в форме многочисленных диалектов. В *среднефранцузский* период (XIV–XVI вв.) язык становится преимущественно аналитической системой. Период *среднефранцузского* языка, в частности XVI в., который иногда выделяется отдельно как

¹ Дата обращения: март 2022 г. Корпус постоянно пополняется. Так, на момент начала выполнения исследования (ноябрь – декабрь 2019 г.) объем корпуса был значительно меньше и включал 2407 документов XI–XXI вв. общим объемом 122 148 287 словоупотреблений. Пополнение корпуса не влияет на характер выявленных тенденций употребительности исследуемых единиц. Расхождения в выявленных количественных показателях в декабре 2019 г. и в марте 2022 г. статистически незначимы – в пределах 0,01–0,1 %.

ранненовофранцузский период, можно охарактеризовать как становление французского литературного языка на национальной основе, а тип прозы этой эпохи можно назвать «пишущимся разговором» (термин К. С. Аксакова применительно к аналогичному периоду в истории русского языка [Аксаков 2011]). Для него характерна неорганическая фраза, в которой отмечается расчлененность, присущая устной речи, недостаточная спаянность в синтаксических группах, значительная доля паратактических образований, которые могут быть без труда устранены и выделены в самостоятельные предложения [Сабанеева 1990, Buridant 2000, Скрелина 2001]. В новофранцузский период (XVII–XVIII вв. и до настоящего времени) устанавливаются нормы, регулирующие развитие и функционирование языка вплоть до наших дней. Он делится, в свою очередь, на классический период (XVII–XVIII вв., до Великой французской революции) и современный. В традиции диахронических исследований французского языка понятию «современный» соответствуют два термина: *moderne* и *contemporain*. Период *le français moderne* – «современный» в широком смысле – охватывает весь новофранцузский период с XVII в., а в более узком значении противопоставляется классическому периоду, обозначая язык XIX–XXI вв. Термин *contemporain* означает ‘современный автору’, и поэтому рамки периода *le français contemporain* подвижны. Очевидно, что в настоящее время современным следует считать французский язык конца XX – начала XXI в. (с 1980 г. в корпусе).

Как было отмечено выше, корпус представлен разножанровыми документами. Так, например, подкорпус старофранцузского языка включает различные типы текстов письменного языка XI–XIII вв. в определенной пропорции, отражающей их долю в общем массиве старофранцузских текстов, а именно: драматургические тексты (общее количество словоупотреблений – 28 528, или 1,01 % от всех словоупотреблений подкорпуса), официально-деловые и юридические тексты (182 244 словоупотребления, или 6,44 %), художественные тексты разных жанров и направлений (романы, эпические поэмы, писания, жития, сказания и поэзия) (1 306 499 словоупотреблений, или 40,37 %). Кроме того, отдельно выделяются тексты без установленного авторства, которые составляют значительный объем в общем массиве старофранцузских текстов (1 476 386 словоупотреблений, или 52,18 %) и представляют разножанровые произведения, как драматургические и художественные, так и официально-деловые и юридические¹.

Особо отметим, что при сопоставлении количественных показателей употребительности ЯЕ сочинения в отдельных текстах и в самом корпусе отмечается как их корреляция, так и расхождение (о неравномерной представленности единиц сочинения в разных типах текстов см. [Овсейчик 2020, 2021 (б), 2022 (в)]). В этой связи распределение единиц сочинения по жанровым типам текстов в данном исследовании не рассматривается, поскольку такого рода задача требует параллельного изучения эволюции жанров в ходе становления общенационального языка.

¹ Дата обращения: январь 2021 г.

Дополнительно в исследовании использованы оригинальные французские произведения, не представленные в корпусе. Старофранцузские тексты «Страсбургские клятвы» (фр. *Serments de Strasbourg*, 842 г.), «Секвенции о Св. Евлалии» (фр. *Séquence de sainte Eulalie*, 882 г.), «Житие св. Алексия» (фр. *La Vie de saint Alexis, ou Chanson de saint Alexis*, 1040 г.?, 1090 г.?) и др. приводятся по [Chrétomatie..., 1887]. Старофранцузский текст «Песнь о Роланде» (фр. *La Chanson de Roland*) приводится по пятому переизданию Оксфордской копии произведения с учетом критических комментариев [La Chanson de Roland, 1875]¹.

Установление закономерностей эволюции системы единиц сочинения сопряжено с решением целого ряда **методологических задач**, в первую очередь количественного анализа эмпирического материала.

Для диахронического количественного анализа употребительности единиц сочинения из НКФЯ Frantext методом сплошной выборки с учетом всех письменных вариантов исследуемых единиц в ранний период развития языка, представленных в табл. 8, и снятой омонимии устанавливается количество вхождений ЯЕ *et*, *ou*, *mais*, *ni*, *donc*, *or*, *car*.

Таблица 8

Вариативность письменной формы ЯЕ сочинения по: [DAF; DMF]

ЯЕ	Варианты (кол-во, ед.)	
	Старофранцузский язык	Среднефранцузский язык
<i>et</i>	<i>e, et, etz, ét, &c</i> (5)	<i>e, et, etz, ét</i> (4)
<i>ou</i>	<i>u, ov, ou, o</i> (4)	<i>o, ou, ov, u</i> (4)
<i>mais</i>	<i>mais, maix, maiz, meis, mes, mez, mees, mai, mas</i> (9)	<i>mais, maisque, maix, maiz, mays, mayz, meiz, mes, mesque, mez, mès, més, nemais</i> (13)
<i>ni</i>	<i>n', ne, ni, ny, nē</i> (5)	<i>n', ne, ni, ny, nē</i> (5)
<i>donc</i>	<i>donc, don, dont, dons, diint, dune, dounke</i> (7)	<i>donc, doncq, doncq', doncque, doncques, doncquez, donct, donkes, donq, donques, donqs, doncque, donques, doncquez, dont, dontques, dunc, dunches, dunkes, dunque, dunque, idonc, idonques, idunc, idunches, idunkes</i> (26)
<i>car</i>	<i>car, kar, qar, quar</i> (4)	<i>car, kar, qar, quar</i> (4)
<i>or</i>	<i>or, hora, ores, ore</i> (4)	<i>or, ore, ores, ors</i> (4)

Ввиду полифункционального характера единиц *donc*, *or* и *car* в ранний период французского языка отбор исследовательского материала осложняется тем, что функционирование единиц в роли наречия или частицы в подкорпусах не дифференцируется, все их вхождения аннотированы как союз. В связи с несовпадением лексикографических интерпретаций единиц и их аннотации исключительно как союза был разработан специальный алгоритм дифференциации функциональных свойств лексем (см. § 3.2.1).

¹ Данный текст включен в [FR] в июле 2022 г. О его репрезентативности для нашего исследования см. в [Овсейчик 2021 (a)].

Процедура отбора контекстов с ПЕ также проводится дифференцированно, с учетом дистрибутивных, семантических и функциональных свойств каждой единицы (см. § 2.5).

Задачей этого этапа является установление общей тенденции употребительности единиц сочинения в диахронической перспективе с XI по XXI в.

Неравномерная представленность текстовых документов в разных частях корпуса (см. выше) требует оптимизации последующих исследовательских процедур. Мы используем сегменты, представленные одним миллионом словоупотреблений (о репрезентативности выбранного объема сегмента в один миллион словоупотреблений для таких частотных единиц, как предлоги и союзы, см. в [Баранов 2001, Тарасевич 2014]).

На данном этапе устанавливается частотность единиц сочинения на каждом синхронном срезе. Решается задача установления частных проявлений общей тенденции употребительности исследуемых единиц в диахронии.

Поскольку любой элемент языка характеризуется не столько тем, что он выражает сам по себе (то есть своим «значением», или «семантикой»), сколько тем, что он выражает в системе противопоставлений другим элементам, то есть своим местом в системе («ценностью», или «значимостью») [Плунгян 1998], мы полагаем, что о значимости той или иной единицы сочинения свидетельствуют «пики» ее употребительности относительно «пиков» употребительности других единиц на каждом синхронном срезе.

На основании обобщения данных этимологических, исторических и толковых словарей, в которых представлено лексикографическое и грамматикографическое описание единиц сочинения, определяются их качественные характеристики. В исследовании использованы следующие авторитетные издания: [Nicot 1606; Furetière 1690; Godefroy 1881–1902; Gaffiot 1934; Dubois, Mitterand, Dauzat 2007; DMF; DAF; GLLF; CNRTL; TLF и др.].

С учетом предшествующих научных исследований в области функционирования единиц сочинения французского языка, а также с применением дистрибутивного, функционально-семантического, логико-семантического, контекстуального и трансформационного анализов определяются траектории развития семантических и функциональных свойств единиц сочинения на протяжении многовековой истории языка.

Следует отметить, что в исследованиях в области диахронических изменений во французском языке периоды старо- и среднефранцузского языков (IX–XVI вв.), а особенно период среднефранцузского языка, характеризуются как «синхронность сложная и неоднородная» [Marchello-Nizia 2006, p. 22]. Взаимосвязанные сложные процессы в синтаксической системе [Скрелина 2001; Сабанеева 1990 и др.] затрагивают и формирующуюся систему единиц сочинения. Во многих исследованиях по диахронической лингвистике переломным этапом между развитием языка в период существования народности и развитием языка в период существования нации признается XVI в. Такое размежевание обосновано исторически сложившейся языковой ситуацией.

Основное положение о том, что «язык – общественное явление и законы его развития неразрывно связаны с законами развития общества», отражено в двухступенчатой периодизации французского языка в [Аллендорф 1959, с. 5].

Считаем, что семантика и функционирование современных французских единиц сочинения во многом определяются тенденциями, заложенными в период раннего развития французского языка (IX–XVI вв.). Как мы отмечали в § 1.2, противопоставляются два состояния системы – система единиц сочинения в период формирования и становления национального французского языка и система единиц сочинения в период нормализации национального письменно-литературного французского языка.

Результаты диахронического количественного анализа употребительности единиц сочинения представлены ниже.

2.3. Динамика употребительности ядерных и периферийных единиц сочинения в сопоставлении

Общеизвестно, что сочинительные союзы являются одними из самых употребительных слов. В качестве иллюстрации мы приводим статистические данные двух исследований, которые датированы 1971 г. и 2014 г.

Самые частотные французские слова в письменных источниках XIX–XX вв. зафиксированы в словаре [DF]. Мы отобрали для сравнения единицы сочинения и подчинительные союзы, представленные в этом словаре (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Частотное ранжирование французских единиц¹ по: [DF]

1.	<i>et</i>	362 093	10.	<i>alors</i>	15 639	19.	<i>cependant</i>	3508
2.	<i>que</i>	176 161	11.	<i>puis</i>	14 257	20.	<i>pourtant</i>	3271
3.	<i>comme</i>	59 902	12.	<i>donc</i>	13 562	21.	<i>tandis que</i>	3189
4.	<i>mais</i>	57 690	13.	<i>car</i>	11 695	22.	<i>puisque</i>	3139
5.	<i>ou</i>	34 897	14.	<i>ni</i>	11 640	23.	<i>comment</i>	2721
6.	<i>quand</i>	25 592	15.	<i>ainsi</i>	11 296	24.	<i>soit</i>	2297
7.	<i>si</i>	24 024	16.	<i>parce que</i>	7824	25.	<i>ensuite</i>	2032
8.	<i>encore</i>	19 176	17.	<i>enfin</i>	7126	26.	<i>puis</i>	2013
9.	<i>aussi</i>	18 311	18.	<i>lorsque</i>	4041	27.	<i>or</i>	1940

Сочинительный союз *et* превосходит другие связующие единицы по частотности. Однако в сравнении с другими языковыми единицами его частотность уступает частотности предлога *de* (862 100) и детерминативов *le* (1 050 561) и *un* (419 564), превосходя вспомогательный глагол *est* (351 960).

По результатам исследования частотности французских слов с использованием программного обеспечения SAGACE [Blin 2014] три французских сочинительных союза *et* (7 322 741), *mais* (486 218), *donc* (153 427) входят

¹ Здесь и далее ЯЕ сочинения выделены.

в список самых частотных слов. При сравнении с предыдущими статистическими данными наблюдается схожая ситуация: союз *et* занимает четвертую позицию после предлога *de* и детерминативов *le* и *un*, опережая по частотности вспомогательный глагол *est* [ibid].

Зафиксированная частотность свидетельствует о сохраняющейся большей употребительности сочинительных союзов по сравнению с подчинительными, но не отражает динамику изменения употребительности исследуемых единиц сочинения.

Объединение в один класс неоднородных единиц на основании общности их семантико-синтаксической функции вызывает необходимость выявить и сопоставить частотность ЯЕ и ПЕ сочинения в диахронии. Абсолютное количество вхождений 57 единиц¹ (см. табл. 4) в пяти подкорпусах установлено, как было сказано выше, с учетом вариативности их письменной фиксации в ранний период развития языка, снятой омонимии и индивидуальных дистрибутивных, семантических и функциональных свойств единиц. Далее отдельно суммируется количество вхождений ЯЕ и количество вхождений ПЕ для каждого из подкорпусов. Затем устанавливается частотность ЯЕ и частотность ПЕ относительно общего количества словоупотреблений в подкорпусах. Результаты сопоставления выявленных относительных показателей частотности представлены на диаграмме рис. 12.

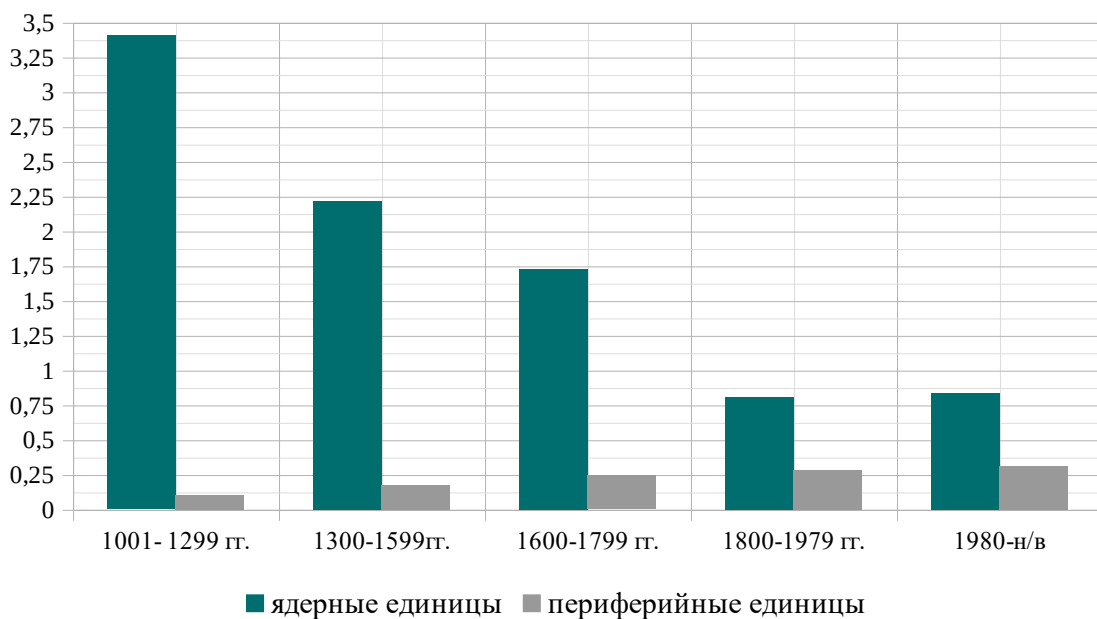

Рис. 12. Частотность ЯЕ и ПЕ сочинения относительно общего количества словоупотреблений в подкорпусах, %²

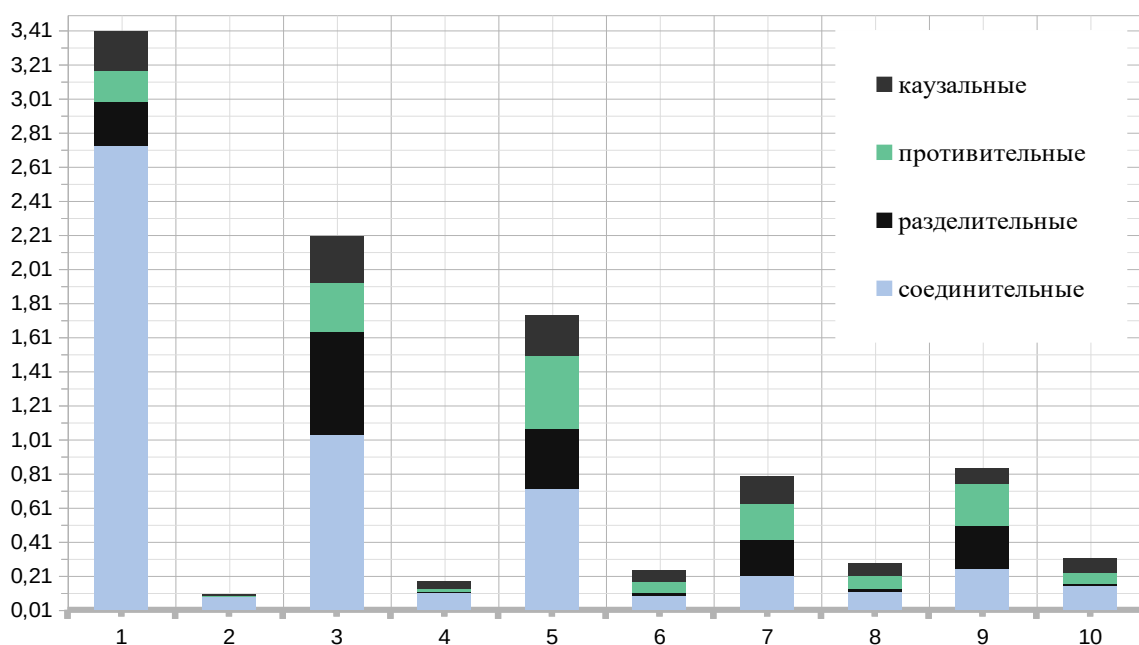
Как следует из диаграммы на рис. 12, частотность ЯЕ за более чем тысячелетний период развития языка снижается. Выявленная тенденция имеет двунаправленный характер. С одной стороны, общее количество вхождений

¹ В ходе количественного анализа единицы, вышедшие из употребления (как, например, противительный старофранцузский союз *ains*), исключены из исследования.

² Дата обращения: октябрь 2021 г.

ЯЕ сочинения в старофранцузском подкорпусе (1001–1299 гг.) составило 3,41 %, а в подкорпусе современного французского языка (1980–2021 гг.) их количество уменьшилось почти в 4 раза до 0,86 % от всего количества словоупотреблений. С другой стороны, установлен трехкратный рост употребительности ПЕ сочинения с 0,1 % до 0,31 % относительно количества всех словоупотреблений по подкорпусам соответственно. Однако количественное превосходство ЯЕ сохраняется во всех подкорпусах по сравнению с ПЕ. Полученные данные согласуются с тезисом Дж. К. Ципфа о корреляции между частотой (или рангом) и возрастом единиц: среди самых частотных преобладают слова древнего происхождения [Zipf 1932, 1968].

Соотношение частотности соединительных, противительных, разделительных и каузальных ЯЕ и ПЕ сочинения в разные исторические периоды относительно общего количества словоупотреблений в подкорпусах продемонстрировано на диаграмме рис. 13.

Легенда: 1, 2 – ЯЕ и ПЕ сочинения (первый подкорпус); 3, 4 – ЯЕ и ПЕ сочинения (второй подкорпус); 5, 6 – ЯЕ и ПЕ сочинения (третий подкорпус); 7, 8 – ЯЕ и ПЕ сочинения (четвертый подкорпус); 9, 10 – ЯЕ и ПЕ сочинения (пятый подкорпус)

Рис. 13. Частотность ЯЕ и ПЕ сочинения по типу изначально обозначаемого отношения относительно общего количества словоупотреблений в подкорпусах, %

В подкорпусах старофранцузского языка (1001–1299 гг.) и современного (1980 – н/в), представляющих две крайние точки на временной оси, наблюдаются существенные изменения в оформлении сочинительной связи посредством ЯЕ (1, 9 на рис. 13) и ПЕ (2, 10 на рис. 13).

Так, союз *et* играет ведущую роль в первом, втором и третьем периодах в оформлении сочинительной связи. Для первого подкорпуса характерна низкая частотность разделительного *ou* и противительного *mais* (0,26 %

и 0,18 % соответственно), в то время как в четвертом и пятом подкорпусах фиксируется одинаковая частотность ЯЕ *et*, *ou* и *mais* (0,21 % и 0,25 % для каждого союза в подкорпусах соответственно). Каузальные ЯЕ *car*, *donc*, *or* сохраняют статус малоупотребительных с постепенным уменьшением частотности до 0,09 %.

Употребительность ПЕ обнаруживает как общие с употребительностью ЯЕ черты (количественное преобладание соединительных ПЕ сохраняется во всех подкорпусах с незначительными колебаниями в пределах 0,09–0,14 %), так и отличные (низкая частотность разделительных ПЕ с несущественными колебаниями частотности в пределах 0,003–0,017 % по подкорпусам; скачок употребительности каузальных (до 0,6 %) и противительных (до 0,43 %) ПЕ во втором и третьем периодах соответственно с последующим выравниванием).

Наблюдаемое постепенное сокращение употребительности ЯЕ вызывает логичный вопрос: каким образом неравномерное по периодам появление ПЕ компенсирует потребность говорящих в номинации разнообразных отношений во внеязыковой действительности? Учитывая способность ПЕ выступать в роли конкретизаторов ЯЕ, мы проанализировали количество вхождений ЯЕ, ПЕ и их совместного использования (ЯЕ + ПЕ) отдельно. Результаты представлены в табл. 10.

Т а б л и ц а 10

Количество вхождений ЯЕ, ПЕ и их сочетаний в подкорпусах¹

Подкорпуса		1	2	3	4	5
Периоды		1001–1299 гг.	1300–1599 гг.	1600–1799 гг.	1800–1979 гг.	1980 – н/в
ЯЕ	ед.	95 427	197 697	214 073	310 338	330 574
	%	96,16	85,74	61,06	36,72	67,02
ЯЕ + ПЕ	ед.	949	15 052	29 973	108 768	31 848
	%	0,96	6,53	8,55	12,87	6,46
ПЕ	ед.	2861	17 825	106 551	425 967	130 811
	%	2,88	7,73	30,39	50,41	26,52
Всего	100 %	99 237	230 574	350 597	845 073	493 233

Очевидно, что в разные исторические периоды становления французского языка наличествуют определенные тенденции употребительности тех или иных единиц, оформляющих сочинительную связь. Количественное преимущество ЯЕ фиксируется в первом, втором, третьем и пятом периодах (96,16 %, 85,7 %, 61,05 % и 67,02 % соответственно). Соотношение относительного количества ЯЕ, ПЕ и их сочетаний в диахронии представлено на диаграмме рис. 14.

¹ Дата обращения: декабрь 2021 г.

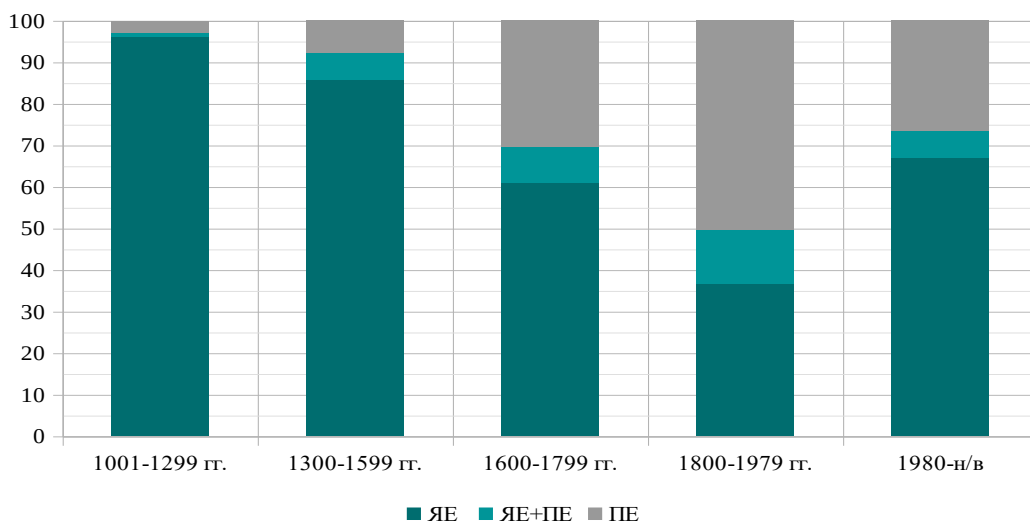

Рис. 14. Динамика употребительности JE, PE и JE + PE, %

В периоды старо- и среднефранцузского языков «функциональные» эквиваленты JE только появляются в системе и начинают постепенно проявлять свои конъюнктивные свойства (2,9 % и 7,7 % соответственно). Тенденция конкретизировать JE в период старо- и среднефранцузского языков носит точечный характер (менее 1 % и 6,5 % соответственно), что обусловлено постепенным формированием системы (см. табл. 4). Значительный рост употребительности PE фиксируется в третьем подкорпусе. Этот рост достигает своего максимума в четвертом подкорпусе (30,39 % и 50,4 % соответственно). При этом PE активно используются в роли конкретизаторов JE (12,87 %).

Фиксируемый в третьем подкорпусе преобладающий способ оформления сочинения посредством JE (61,05 %) максимально приближен к золотой пропорции (62 % и 38 %)¹. Такое соотношение между единицами, оформляющими сочинение в период классического языка (XVI–XVIII вв.), есть результат взаимосвязанных сложных процессов в синтаксической системе, а именно: постепенное упорядочивание грамматических норм, активное развитие подчинительной связи, нарастающая тенденция к аналитизму, обусловленная потребностью говорящих в обозначении разнообразных логических отношений.

Особо следует отметить способность трех типов PE (соединительных, противительных и каузальных) сочетаться со всеми JE. PE по-разному проявляют свои сочетаемостные свойства в диахронической перспективе, что требует проведения дополнительных исследований. Разделительные PE не обладают такой способностью.

Исследование показало частотное преобладание JE на всех рассматриваемых синхронных срезах. При этом сохраняется общая тенденция к сниже-

¹ Пропорция золотого сечения издавна связывалась с гармоничностью формы объектов любой природы – в архитектуре, скульптуре, музыке и в таких объектах, которые не являются наглядными и воспринимаются неосознанно.

нию количества их употреблений. Полагаем, что выявленная тенденция к сокращению употребительности ЯЕ характеризуется частными проявлениями. Частотные характеристики ЯЕ сочинения и развитие конъюнктивных свойств у ПЕ продемонстрированы ниже.

2.4. Частотность ядерных единиц сочинения: «оптическая иллюзия» в диахронической перспективе

Для установления частных проявлений выявленной общей тенденции к сокращению употребительности ЯЕ в диахронии избрана статистическая мера – относительная частотность на один миллион словоупотреблений, что позволяет диагностировать изменения в употребительности исследуемых единиц в разных частях корпуса (о необходимости избранной статистической меры см. выше).

При подсчете частоты употреблений языковых единиц исследователи, как правило, выделяют три основные зоны: зону высокой частотности, зоны средней частотности и низкой частотности. Но при этом границы частотности отличаются от исследования к исследованию [Тулдава 1987, Комарова, Краев 2008].

В нашем исследовании ЯЕ сочинения распределены по пяти зонам следующим образом: *минимальная частотность* (от 0 до 100), *низкая* (от 101 до 1000), *средняя* (от 1001 до 5000), *высокая* (от 5001 до 10 000) и *максимальная* (от 10 001 и более вхождений на один миллион словоупотреблений). Частотность ЯЕ на один миллион словоупотреблений в пяти подкорпусах представлена по убывающей в табл. 11.

Т а б л и ц а 11

Частотное ранжирование французских ЯЕ сочинения в диахронии¹

1001–1299 гг.		1300–1599 гг.		1600–1799 гг.		1800–1979 гг.		1980 – н/в	
<i>et</i>	27 281	<i>1. et</i>	10 420	<i>1. et</i>	7177	<i>1. et</i>	2145	<i>1. et</i>	2500
<i>ou</i>	2632	<i>2. ou</i>	5159	<i>2. mais</i>	3560	<i>2-3. mais</i>	2026	<i>2. mais</i>	2393
<i>mais</i>	1836	<i>3. mais</i>	2504	<i>3. ou</i>	2882	<i>2-3. ou</i>	2026	<i>3. ou</i>	2339
<i>car</i>	1432	<i>4. car</i>	2090	<i>4. car</i>	1262	<i>4. donc</i>	892	<i>4. ni</i>	665
<i>or</i>	745	<i>5. or</i>	151	<i>5. donc</i>	655	<i>5. ni</i>	882	<i>5. donc</i>	478
<i>donc</i>	144	<i>6. donc</i>	102	<i>6. ni</i>	188	<i>6. car</i>	613	<i>6. car</i>	340
<i>ni</i>	21	<i>7. ni</i>	26	<i>7. or</i>	49	<i>7. or</i>	24	<i>7. or</i>	15

Легенда:

	– от 10 001 и более вхождений на один миллион словоупотреблений
	– от 5001 до 10 000
	– от 1001 до 5000
	– от 101 до 1000
	– от 0 до 100

¹ ЯЕ сочинения маркированы по-разному: единицы с максимальной и высокой частотностью представлены на сильно заштрихованном фоне, единицы со средней частотностью – на менее темном фоне, а единицы с низкой и минимальной частотностью – на светлом фоне. Контрастная маркировка позволяет сопоставить употребительность единиц в диахронии.

В результате частотного ранжирования ЯЕ сочинения в диахронии установлено, что динамика их употребительности не совпадает по историческим периодам, за исключением последнего – современного – периода, в котором наблюдаются минимальные расхождения в количественных показателях частотности единиц *et*, *ou*, *mais*: 2500, 2393, 2339 вхождений на один миллион словоупотреблений соответственно.

Так, союз *et* демонстрирует большую частотность относительно других союзов, несмотря на сокращение относительной частотности почти в 11 раз с 27 281 до 2500. Существенным является уменьшение частотности союза *or* за тысячу лет почти в 50 раз с 745 до 15 с перемещением из группы низкой частотности в группу минимальной частотности. Тем самым он сохраняет статус самого низкочастотного сочинительного союза в ходе эволюции французского языка. Союз *car* переходит из группы средней частотности в группу низкой частотности, удерживая четвертую позицию первые четыре периода и опускаясь на шестую позицию в пятом периоде. В современном французском языке частотность союза *car* уменьшилась в 6,2 раза по сравнению с максимумом частоты его употреблений в 1300–1499 гг. Причем трижды происходит практически двукратное сокращение: 2090 > 1262 > 613 > 340.

Частные проявления общей тенденции к сокращению употребительности ЯЕ сводятся, таким образом, к следующему: динамика употребительности единиц *et*, *car* и *or* коррелирует с общей тенденцией к снижению количества употреблений французских сочинительных союзов; для единиц *ni* и *donc* характерна противоположная тенденция; единицы *ou* и *mais* демонстрируют волнообразные изменения употребительности.

В ходе обработки статистических корпусных данных в разных частях корпуса нами сделано предположение, что интерпретация количественных характеристик такого частотного грамматического феномена, как союзы, разнится в зависимости от следующих параметров: 1) макродиахрония и микродиахрония, 2) масштаб временного интервала и 3) диапазон частотности. Создается, таким образом, эффект, который можно назвать «**оптическая иллюзия**» в диахронической перспективе. Аналогичным образом в повседневной жизни в зависимости от степени отдаленности и от точки наблюдения предметы воспринимаются нами по-разному. Изменяются их величина, очертания, четкость линий.

Для подтверждения выдвинутого предположения нами сопоставлена относительная частота употребления ЯЕ сочинения в **макродиахронии** – в диахронической перспективе с 1100 г. по настоящее время со столетним интервалом – и **микродиахронии** – в двухсотлетнем синхронном срезе с 1800 г. по настоящее время с десятилетним интервалом. Для установления относительной частотности единиц *et*, *ou*, *mais*, *ni*, *donc*, *or*, *car* использовалась сглаженная форма кривой. Результаты проведенного сопоставления относительной частотности ЯЕ сочинения в макро- и микродиахронии представлены ниже.

2.4.1. Частотные характеристики ядерных единиц сочинения в макродиахронии

Графики кривых относительной частотности ЯЕ сочинения *et*, *ou*, *mais*, *ni*, *donc*, *or*, *car* с 1100 г. по настоящее время со столетним интервалом представляют их частотное распределение в макродиахронии. Эти графики продемонстрированы на диаграмме рис. 15.

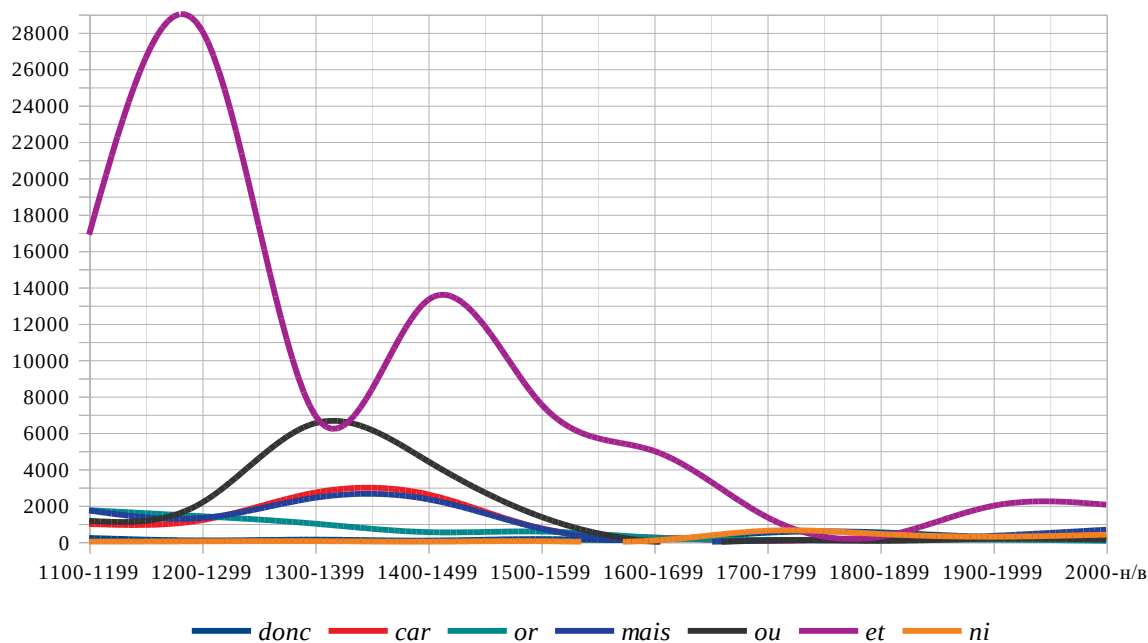

Рис. 15. Относительная частотность ЯЕ сочинения в макродиахронии (1100 – н/в)

Из диаграммы на рис. 15 следует, что на протяжении исторического развития французского языка частотность ЯЕ сочинения постепенно снижается. С 1800 г., периода современного французского языка, наблюдается постепенное сглаживание всех кривых частотности, возникающее вследствие минимальных расхождений в количественных показателях самого частотного союза *et* (270 вхождений) и самого низкочастотного союза *ni* (429 вхождений). Создается, таким образом, эффект «затухания частоты»¹ (термин А. Н. Баранова [Баранов 2021, с. 156]). Другими словами, большая сглаженность кривых для единиц *ou*, *mais*, *ni*, *donc*, *or*, *car* объясняется тем, что количество вхождений союза *et* столь велико, что выбор одинаковой размерности существенно сглаживает кривые распределения менее частотных единиц. Так, в 1200–1299 гг. фиксируется тысячекратное различие между самым частотным союзом *et* (28 106 вхождений) и самым низкочастотным союзом *ni* (28 вхождений).

Кривые частотности единиц *ou*, *mais*, *ni*, *donc*, *or*, *car*, представленные на диаграмме рис. 15, не позволяют проследить их индивидуальные траектории

¹ В синергетике при наблюдении процесса затухания какого-либо явления используется термин «диссипативные процессы» [Князева, Курдюмов 2002, с. 55].

в макродиахронии. Для установления индивидуальных траекторий развития единиц *ou*, *mais*, *ni*, *donc*, *or*, *car* в макродиахронии мы рассмотрели отдельно их частотное распределение в диапазоне их максимальной и минимальной относительной частотности. Полученные индивидуальные графики каждой единицы представлены на рис. 16.

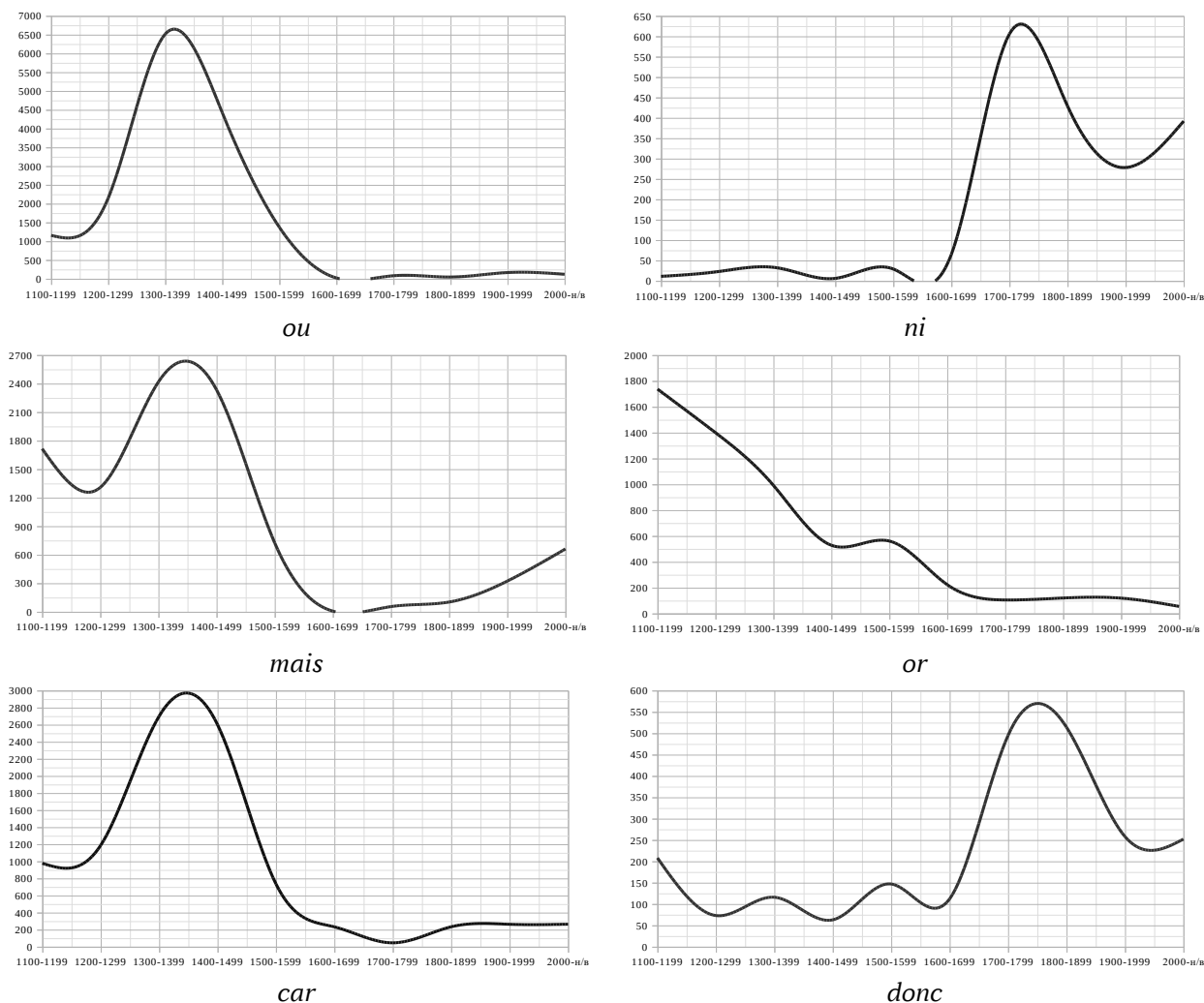

Рис. 16. Индивидуальные траектории ЯЕ сочинения в макродиахронии (1100 – н/в)

На диаграммах рис. 16 построенные графики индивидуальных траекторий употребительности единиц *ou*, *mais*, *ni*, *donc*, *or*, *car*, несмотря на кажущиеся различия (резкие колебания частотности одних единиц и более сглаженные колебания частотности других в разные периоды, скачок или пологое начало, резкое падение и т.д.), имеют ряд сходств (наличие выпуклых и вогнутых кривых в определенный временной интервал). Тип кривой отражает характер изменения частоты: «выпуклые кривые соответствуют постепенному возрастанию частоты, а вогнутые – более динамичному, резкому» [Баранов 2021, с. 148].

Анализ показывает, что в период раннего развития языка пять союзов из семи *et*, *ou*, *mais*, *or*, *car* демонстрируют скачок употребительности. Для союзов *ni* и *donc* рост употребительности приходится на начало – середину

XVIII в. Кривые единиц *ou*, *car* и *mais* демонстрируют «пик» употребительности в одном временном интервале – с 1300 по 1400 г. В современном языке (1800 – н/в) для союзов *ou* и *car* фиксируется сглаживание кривой, в то время как частотность противительного союза *mais* увеличивается. Полагаем, что скачки употребительности отражают изменения семантических и функциональных характеристик реляционных единиц, устанавливающих сочинительную связь.

Установленное выравнивание кривых относительной частотности ЯЕ сочинения на сегментах, представленных 100-летним интервалом, в макродиахронии не означает, что частотность этих единиц не обнаруживает колебаний после 1800 г. Результаты анализа относительной частотности ЯЕ сочинения в микродиахронии на двухсотлетнем синхронном срезе с 1800 г. по настоящее время с десятилетним интервалом представлены ниже.

2.4.2. Частотные характеристики ядерных единиц сочинения в микродиахронии

Для уточнения индивидуальной траектории употребительности каждой единицы нами построены графики их частотности с десятилетним интервалом на временном отрезке с 1800 г. по настоящее время, на котором в макродиахронии наблюдается «затухание» частотности (рис. 17).

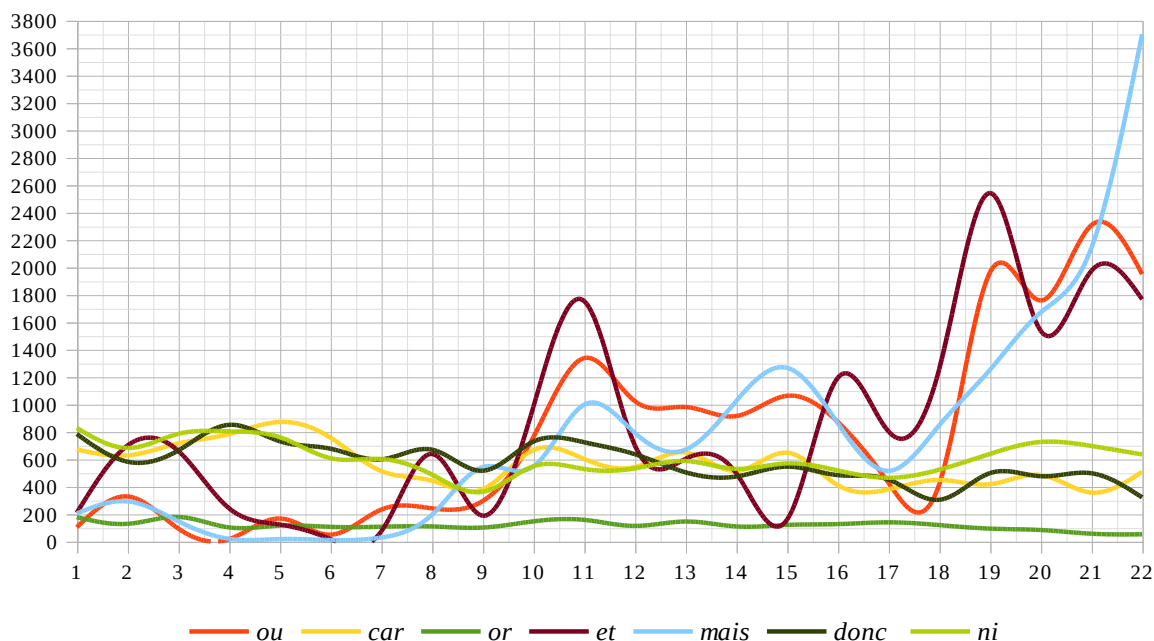

Рис. 17. Относительная частотность ЯЕ сочинения в микродиахронии (1800 – н/в)

Представленное частотное распределение ЯЕ в период современного французского языка (см. рис. 17) демонстрирует, что эффект «затухания частоты» в заданном десятилетнем интервале обнаруживают единицы *or*, *car*, *ni*, *donc*. Кривые их частотности характеризуются сглаженностью, отсутствием резких колебаний частотности. Между тем соединительный союз *et*, разде-

лительный союз *ou* и противительный союз *mais* индифферентны к этой тенденции. Частотность этих единиц варьируется существенно: от 17 до 2542 вхождений на один миллион словоупотреблений для единицы *et*, от 16 до 2307 – для единицы *ou*, от 16 до 3699 – для единицы *mais*.

Отметим сходство форм кривых соединительного *et* и разделительного *ou*, то есть совпадение выпуклых и вогнутых, и различие в амплитуде колебаний частоты после 1960 г. В то же время частотность противительного союза *mais* достигает максимальной точки в последнее десятилетие. При этом «пик» употребительности единицы *mais* значительно выше «пику» употребительности единиц *et* и *ou*: 3699 вхождений единицы *mais* в период 2010 – н/в, 2307 вхождений единицы *ou* в период 2000–2009 гг. и 2542 вхождения единицы *et* в период 1980–1989 гг. на один миллион словоупотреблений. Высокая относительная частотность противительного союза *mais* в последнее десятилетие по сравнению с частотностью соединительного союза *et* и разделительного союза *ou* (3699, 1766 и 1950 соответственно) свидетельствует о нарастающей потребности носителей языка в номинации противительных отношений.

Сглаженность кривых для союзов *ni*, *donc*, *or*, *car*, так же как и в случае частотного распределения единиц в макродиахронии, объясняется разностью диапазона их относительной частотности. Индивидуальные графики их употребительности, построенные соразмерно их максимальной и минимальной относительной частотности, представлены на рис. 18.

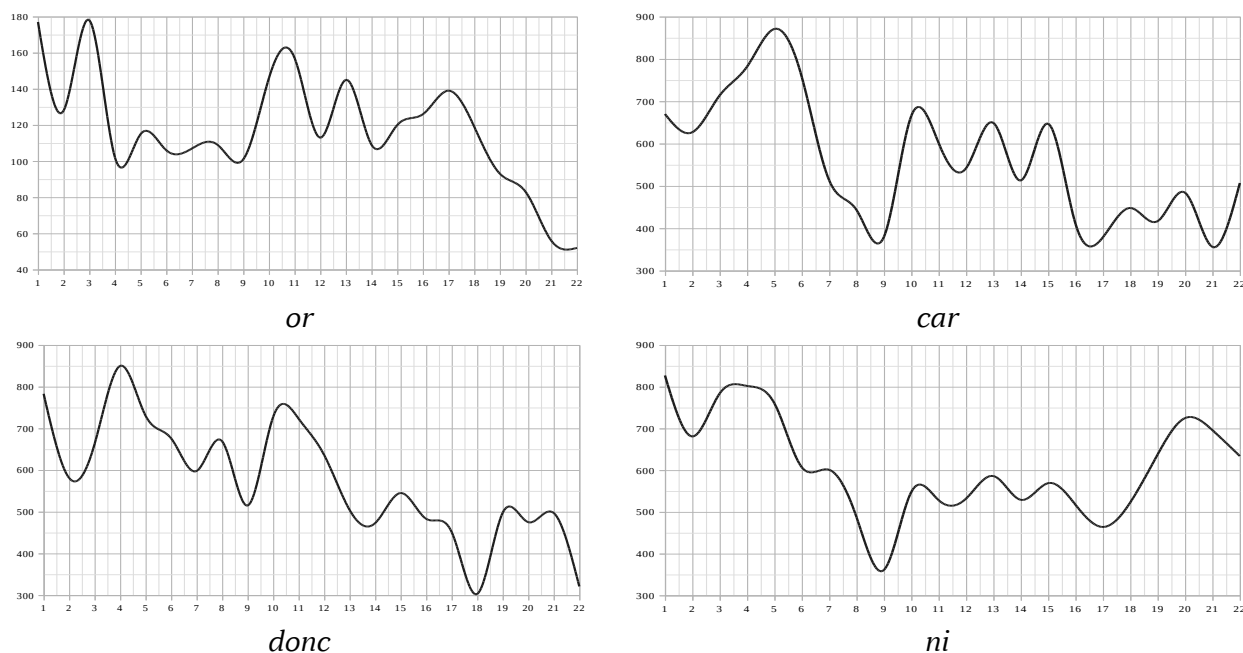

Рис. 18. Индивидуальные траектории частотности ЯЕ сочинения в микродиахронии (1800 – н/в)

Диапазон колебаний частотности союзов *ni*, *donc*, *car* составляет от 303 (минимум вхождений союза *donc* на один миллион словоупотреблений приходится на период 1970–1979 гг.) до 871 (максимум вхождений союза *car*

на один миллион словоупотреблений приходится на период 1840–1849 гг.). При этом насчитываем шесть «пиков» для единицы *donc* и семь – для единицы *car*, один из которых приходится на последнее десятилетие. Колебания относительной частотности каузального союза *or* не столь значительны: от 52 до 177 вхождений. Частотность этой единицы в современном языке имеет тенденцию к сокращению.

Особо отметим, что полученные результаты свидетельствуют о том, что в микромасштабе для более частотных единиц *et*, *ou*, *mais* характерны существенные флуктуации частотности (в среднем в 150–200 раз), для менее частотных единиц *ni*, *donc*, *or*, *car* наблюдаемый диапазон колебаний незначительный (трехкратный).

Сопоставление флуктуаций употребительности единиц в макро- и микромасштабах позволяет говорить, на наш взгляд, о своеобразной «оптической иллюзии» в диахронической перспективе. Другими словами, затухание частоты употребительности ЯЕ сочинения диагностируется в макромасштабе на большем временном отрезке с начала XI в. по настоящее время с интервалом в сто лет, а непрекращающиеся колебания относительной частотности фиксируются в микромасштабе с заданным десятилетним интервалом в период с 1800 г. по настоящее время.

Из вышесказанного следует, что для таких частотных единиц, как сочинительные союзы, выявленный эффект затухания колебаний в макродиахронии отражает результат процесса освоения дискурсивной практики, ее освоенность¹. Между тем фиксируемые непрекращающиеся флуктуации в микродиахронии, то есть исчезновение эффекта затухания, свидетельствуют о сохраняющейся функциональной востребованности исследуемых единиц.

Учет трех параметров – макро- и микродиахрония, масштаб временного интервала и диапазон частотности – позволил установить индивидуальные траектории употребительности ЯЕ сочинения, а именно: определить разнонаправленные частные тенденции в употребительности соединительных, противительных, разделительных и каузальных ЯЕ сочинения в микродиахронии, которые формируют общую тенденцию к снижению частотности исследуемых единиц в макродиахронии.

Индивидуальные траектории развития употребительности ЯЕ сочинения в диахронической перспективе на сопоставляемых временных отрезках демонстрируют, что потребность в номинации различных сегментов опыта говорящего варьируется. Преобладание соединительного союза *et* при оформ-

¹ Дискурсивная практика понимается в широком смысле как совокупность определенных правил производства и интерпретации коммуникативного поведения носителей языка (в нашем случае коммуникативная потребность в кодировании и декодировании абстрактных отношений между внеязыковыми сущностями), зафиксированная в разножанровых текстах в том или ином социальном, культурном и историческом контексте, которая отражает, с одной стороны, характерные для данной эпохи речевое поведение и мышление, а с другой – различные социокультурные сферы (художественный, юридический, научный, политический, деловой дискурс и т.д.) [Иссерс 2012, с. 73; Fairclough 1998, p. 145; van Dijk 2008 и др.]. Ср. понятие «освоенность дискурсивной практики» в [Баранов 2021, с. 144–204].

лении сочинения в ранний период развития языка и более высокая частотность противительного союза *mais* в последние десятилетия отражают когнитивную и прагматическую значимость тех или иных отношений между внеязыковыми сущностями в разные исторические периоды развития языка.

2.5. Развитие союзных функций у периферийных единиц сочинения: количественные показатели

Частично или полностью десемантизированные слова, относящиеся к разным грамматическим категориям, могут употребляться как в функции сочинительного союза, то есть выступать его функционально-семантическим эквивалентом, так и в функции конкретизатора сочинительного союза. Напомним, что в исследование включены 50 единиц, которые в ходе развития французского языка по-разному проявляют свои конъюнктивные свойства, одновременно совмещая функции знаменательной части речи, служебной части речи и дискурсивного слова.

В ходе анализа учитывалась полифункциональная природа ПЕ (о полифункциональности единиц сочинения см. [Овсейчик 2022 (а), (г), (д)]). Так, например, лексема *partant* функционирует как причастие (пример (51)) и как семантико-синтаксический эквивалент союза *donc* в значении ‘поэтому’ (пример (52)).

(51) *Pô, Rhin et Rhône prenant source tous trois dans les Alpes et **partant** chacun dans une direction différente* ‘Реки По, Рейн и Рона берут свое начало в Альпах, и каждая течет в своем направлении’ (M. Grangaud. *Souvenirs de ma vie collective: sujets de tableaux sans tableaux*, 2000).

(52) *Braves gens, bons époux, bons pères de famille et bons fonctionnaires qui n’auraient pas demandé mieux que de continuer à faire honnêtement leur métier, mais la guerre est arrivée, la défaite a suivi, l’invasion, l’Occupation. Plus de locomotives, plus de wagons, plus de voitures, **partant** moins à manger* ‘Смелые люди, хорошие супруги, хорошие отцы и хорошие государственные служащие, которым больше всего хотелось продолжать честно выполнять свою работу, но пришла война, последовало поражение, вторжение, оккупация. Больше нет локомотивов, больше нет вагонов, больше нет машин, *поэтому* меньше денег на пропитание’ (M. Aymé. *Nouvelles complètes*, 2002).

Приведем еще один пример. Сочетание *encore que* может соединять зависимые компоненты в значении уступки (пример (53)) либо присоединять к ранее изложенному уточняющий компонент, о чем свидетельствуют видо-временные формы глагола (пример (54)).

(53) *Rien ici, pour le moment, qui puisse la soutenir, sinon la tendresse innocente de la petite Nini. **Encore que** le bébé finisse toujours par la fatiguer, et elle remet promptement l’enfant aux bonnes* ‘Кроме невинной нежности маленькой Нини сейчас нет ничего, что могло бы ее поддержать. Хотя младенец в конце концов всегда ее утомляет, и она торопливо отдает ребенка нянечкам’ (M. Sizun. *La gouvernante suédoise*, 2016).

(54) *Elles étaient également adeptes du National Women's Party. Encore que l'une vertu a pu galvaniser l'autre et venger leur sort de fillettes exploitées* 'Они также были сторонницами Национальной женской партии. К тому же одна добродетель смогла воодушевить другую и отомстить за их судьбу эксплуатируемых девушек' (А.-М. Garat. Le grand Nord-Ouest, 2018).

Траектории развития конъюнктивных свойств ПЕ мы продемонстрируем на примере двух лексем *enfin* 'наконец' и *finalement* 'в конце концов'. Первая письменная фиксация этих единиц относится к периоду старофранцузского языка (1195 г. и 1280 г. соответственно). Они имеют общую этимологию (лат. < *finis* «fin, bout, extrémité, issue, terme, aboutissement, résultat» 'окончание, конец, край, исход, срок, завершение, результат' [Gaffiot; Godefroy]) и сохраняют в современном языке общее темпоральное значение, а именно: указание на определенную последовательность происходящего. Исследуемые единицы употребляются в трех схожих функциях в современном языке: наречия, союзного наречия и дискурсивного слова¹ [CNRTL].

На основании дистрибутивных свойств единиц *enfin*/*finalement* сопоставлена их употребительность в роли наречия и союза относительно абсолютного количества их вхождений в подкорпусах. При анализе дистрибуции отдельно учитывались контексты, в которых единицы *enfin* и *finalement* используются для: *i*) характеристики знаменательных частей речи (глагол, имя прилагательное, наречие) в качестве наречия, *ii*) связи двух независимых предложений в союзной функции (P₁; СО P₂) и *iii*) конкретизации ЯЕ сочинения. Результаты анализа представлены в табл. 12.

Т а б л и ц а 12

Динамика употребительности полифункциональных лексем *enfin* и *finalement*

Единицы	<i>enfin</i>					<i>finalement</i>				
Подкорпуса (гг.)	всего, 100 %	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	всего, 100 %	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄
1) 1001–1299	9	22,2	11,1	0,0	66,7	0	0,0	0,0	0,0	0,0
2) 1300–1599	124	25,0	12,9	17,74	44,36	14	14,29	50,0	14,29	21,42
3) 1600–1799	31 250	30,66	37,59	8,49	23,26	108	21,3	22,22	37,96	18,52
4) 1800–1979	76 224	28,04	42,82	6,2	22,94	4832	47,5	20,55	14,16	17,79
5) 1980 – н/в	17 771	43,81	31,24	4,78	20,17	4350	48,74	26,25	8,92	16,09
Всего	125 378	30,93	39,84	6,58	22,65	9304	47,72	23,28	11,98	17,02

Легенда: X₁ – количество вхождений лексем в роли наречия относительно общего количества вхождений лексемы, %; X₂ – количество вхождений лексем в роли союза относительно общего количества вхождений лексемы, %; X₃ – количество вхождений лексем в роли конкретизатора сочинительного союза, %; X₄ – иное, %

¹ При дискурсивном употреблении единицы используются для кодирования значения, отличного от пропозиционального содержания (см. также [Баранов 1993; Кибрик, 2009]. Анализ такого способа употребления единиц не входит в задачи исследования (см., например, [Алексеева 2005, Школьников 2015]).

Полученные данные свидетельствуют о том, что единицы *enfin/finalement* изначально обладают полифункциональной природой. На каждом синхронном срезе зафиксировано их использование с разной интенсивностью в роли наречия, союза или конкретизатора союза. При этом количество контекстов с наречным употреблением лексем *enfin/finalement* увеличивается с 22,2 % до 43,81 % и с 14,29 % до 48,74 % соответственно. Отметим, что в третьем, четвертом и пятом подкорпусах употребительность лексемы *enfin* в роли союза имеет более значительные колебания по сравнению с употребительностью лексемы *finalement*: от 31,24 % до 42,82 % vs. от 20,55 % до 26,25 % от общего количества вхождений лексемы в подкорпусах соответственно. В примерах (55) и (56) единицы *enfin/finalement* функционируют как показатель связи между двумя независимыми предложениями.

(55) *Monsieur de Fénelon ne me détrompa point* (P₁). **Enfin** [=et] *nous tombâmes d'accord sur tout* (P₂) 'Г-н де Фенелон не разубедил меня. И мы обо всем договорились' (Fr. Chandernagor. L'allée du roi, 1981).

(56) *Elles réclamèrent à boire et il y eut une discussion sordide à propos du prix des consommations* (P₁). **Finalement** [=et] *on servit aux dames des coupes de mousseux* (P₂) 'Они попросили выпивку, возникла грубая перебранка о цене напитков. И дамам подали бокалы с игристым вином' (R. Sabatier. Les Fillettes chantantes, 1980).

Тенденция к использованию лексем *enfin/finalement* в роли конкретизаторов сочинительных союзов изначально (во втором подкорпусе) носит точечный характер. В третьем и последующих подкорпусах отмечается существенный рост употребительности сочетания ЯЕ + *enfin* по сравнению с ЯЕ + *finalement* (табл. 13).

Таблица 13

Динамика употребительности сочетаний ЯЕ + ПЕ

Подкорпуса	1		2		3		4		5		Всего, ед.	
Единицы	FNL	ENF	FNL	ENF	FNL	ENF	FNL	ENF	FNL	ENF	FNL	ENF
<i>et</i>	0	0	1	13	31	1157	609	2115	306	401	947	3686
<i>mais</i>	0	0	1	9	2	882	48	1780	71	389	122	3060
<i>car</i>	0	0	0	0	0	431	4	477	3	36	7	944
<i>ou</i>	0	0	0	0	8	106	2	186	3	8	13	300
<i>donc</i>	0	0	0	0	0	50	20	150	5	14	25	214
<i>ni</i>	0	0	0	0	0	27	1	21	0	2	1	50
<i>or</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего	0	0	2	22	41	2653	684	4729	388	850	1115	8254

Легенда: FNL – *finalement*, ENF – *enfin*

Как следует из табл. 13, единицы *enfin/finalement* сочетаются со всеми союзами, кроме союза *or*, сочетаний с которым не установлено. При этом исследуемые единицы чаще используются для конкретизации соединительного союза *et* и противительного союза *mais*, например:

(57) *Les arbres et les plantes d'abord, puis les troupeaux de bêtes, les moutons, les chevaux, les chameaux, les oiseaux, et enfin les hommes, qui mouraient de soif dans les champs* 'Сначала деревья и растения, затем стада зверей, овцы, лошади, верблюды, птицы и, наконец, люди, которые умирали в полях от жажды' (J.-M. Le Clézio. *Le désert*, 1980).

(58) *Il ne faut pas avoir peur de répéter, ni de crier le commandement; mais enfin une réunion d'enfants ressemble à une mécanique bien engrenée: inutile que le conducteur touche toutes les pièces de la machine, il suffit de mettre en branle la force motrice* 'Не надо бояться ни повторять, ни выкрикивать команду; но в конце концов детский коллектив похож на хорошо отлаженный механизм: водителю не нужно прикасаться ко всем частям машины, достаточно запустить мотор' (R. Sabatier. *Les Fillettes chantantes*, 1980).

В ходе количественного анализа дополнительно устанавливаются контексты, в которых ПЕ используются при оформлении копулятивной связи. Например:

(59) *J'ouvre donc la porte à Lauranne titubante, dodelinante, enfin* [=et] *fragile* 'Итак, я открываю дверь Лоранне, пошатывающейся, кивающей и хрупкой' (Fr. Dorin. *Les jupes-culottes*, 1984).

(60) *...un suif épais, cependant translucide* 'плотный, но полупрозрачный жир' (A.-M. Garat. *Pense à demain*, 2010).

В качестве иллюстрации количественные показатели употребительности ПЕ в атрибутивных сочиненных рядах приведены в табл. 14.

Т а б л и ц а 14

Динамика употребительности единиц *puis/encore/enfin*
в атрибутивных сочиненных рядах, ед.

Конструкция	1300–1599 гг.	1600–1799 гг.	1800–1979 гг.	1980 – н/в	Всего
$X_1 + \textit{encore} + X_2$	10	11	301	112	424
$X_1 + \textit{puis} + X_2$	0	15	201	57	273
$X_1 + \textit{enfin} + X_2$	0	12	72	41	125

Фиксируемые спорадические случаи употребления единиц *puis/encore/enfin* в обозначенных синтагматических условиях постепенно приобретают характер устойчивой тенденции, о чем свидетельствует увеличение количества выявленных контекстов.

Заметим, что большинство ПЕ проявляют копулятивные свойства с разной интенсивностью: в образованиях такого рода одни единицы используются чаще, другие – реже. О развитии копулятивного потенциала единиц сочинения см. в главе 4.

Логично полагать, что употребительность полифункциональных единиц в роли единиц сочинения в современном языке есть результат накопления

и развития их конъюнктивных свойств, и, соответственно, можно предположить, что максимальное проявление своих конъюнктивных свойств эти единицы обнаруживают в современном языке (1980 – н/в).

Установление траектории развития союзных функций у полифункциональных единиц, которые существенно отличаются по употребительности, требует установления количественных показателей репрезентативности для решения исследовательской задачи. Ранжированный по абсолютной частоте список исследуемых единиц представлен в табл. 15.

Таблица 15

Абсолютное количество вхождений полифункциональных единиц
в подкорпусах, ед.¹

Единицы	Подкорпуса					всего
	1001–1299 гг.	1300–1599 гг.	1600–1799 гг.	1800–1979 гг.	1980 – н/в	
> 200 000 ед.						
<i>aussi</i>	607	13 801	58 773	100 000	60 281	233 462
<i>encore</i>	736	2128	66 088	100 000	62 121	231 073
200 000 ед. < ... > 100 000 ед.						
<i>puis</i>	5402	16 477	21 366	100 000	44 361	187 606
<i>ainsi</i>	837	13 850	38 687	100 000	21 436	174 810
<i>alors</i>	22	1195	21214	100 000	46 199	168 630
<i>enfin</i>	9	123	31 250	76 224	17 436	125 042
100 000 ед. < ... > 50 000 ед.						
<i>de plus</i>	120	951	15 038	48 684	12 940	77 733
<i>cependant</i>	0	191	21 703	47 620	6564	76 078
<i>pourtant</i>	0	611	7472	45 998	14 717	68 798
<i>d’ailleurs</i>	0	69	7757	41 394	10 233	59 453
50 000 ед. < ... > 10 000 ед.						
<i>en effet</i>	0	14	8913	32 264	4981	46 172
<i>soit... ou</i>	275	1278	10 319	29 686	3340	44 898
<i>ensuite</i>	0	4	10 080	24 467	9063	43 614
<i>au moins</i>	24	581	6404	21 893	6986	35 888
<i>soit... soit</i>	234	1131	7242	20 743	2522	31 872
<i>au contraire</i>	0	684	5494	21 314	3961	31 453
<i>du moins</i>	0	51	8881	17 241	3172	29 345
<i>ou bien</i>	27	248	1799	13 507	4526	20 107
<i>en fait</i>	99	686	2587	11 084	4905	19 361
<i>sinon</i>	0	786	1721	10 540	4988	18 035
<i>tantôt... tantôt</i>	0	0	3460	9619	1337	14 416
<i>néanmoins</i>	0	14	5464	7259	1440	14 177
<i>toutefois</i>	0	217	1955	9909	1486	13 567
<i>du reste</i>	0	11	1383	10 239	1319	12 952
<i>par conséquent</i>	0	198	4507	7222	792	12 719
<i>encore que</i>	14	47	2834	6714	1590	11 199

¹ Дата обращения: ноябрь 2021 г.

10 000 ед. < ... > 1000 ед.						
<i>après tout</i>	6	28	1098	5942	2192	9266
<i>finale ment</i>	0	14	108	4832	4211	9165
<i>en outre</i>	6	36	193	6629	858	7722
<i>au reste</i>	0	58	2681	3718	248	6705
<i>à savoir</i>	337	805	373	3231	937	5683
<i>de même (que)</i>	0	0	615	4217	713	5545
<i>à la vérité</i>	4	238	2580	2285	286	5393
<i>par suite</i>	0	0	8	4822	181	5011
<i>de fait</i>	19	903	459	2857	755	4993
<i>effectivement</i>	0	0	1412	2409	1162	4983
<i>partant</i>	0	84	950	3030	642	4706
<i>en revanche</i>	0	0	236	2902	1448	4586
<i>par contre</i>	0	0	9	2645	991	3645
<i>au surplus</i>	1	152	253	1681	236	2323
<i>c'est pourquoi</i>	0	3	1088	16	9	1116
1000 ед. < ... > 10 ед.						
<i>conséquem ment</i>	0	23	410	457	30	920
<i>c'est à dire</i>	4	121	104	36	50	315
<i>non moins que</i>	0	3	39	194	10	246
<i>et/ou</i>	0	0	4	15	37	56

Ввиду столь значительной разницы в употребительности исследуемых единиц на пяти синхронных срезах мы применили методику оценки репрезентативности языкового материала, разработанную А. Н. Барановым [Баранов 2001]. Эта методика основана на идее «накопления и коррекции» [Тарасевич 2017, с. 48] языкового материала в ходе его сплошного отбора из исследовательского корпуса (подробно о применяемой методике см. [Комарова, Краев 2008; Тарасевич 2014]).

На каждом синхронном срезе для выявления доли конъюнктивного употребления высокочастотных единиц (количество вхождений более 10 000) мы отобрали по 400 контекстов, менее частотных единиц (количество вхождений менее 10 000, но больше 1000) – по 200 контекстов, малочастотных единиц (количество вхождений меньше 1000) – по 100 контекстов. Для единиц, количество вхождений которых меньше 100, учитывалось зафиксированное в данном подкорпусе количество контекстов. Отобранное количество контекстов для каждой единицы принималось за 100 %. Мы использовали функцию смешивания, чтобы избежать следования контекстов из произведений одного автора. В ходе анализа определялась суммарная доля употреблений исследуемых единиц в конъюнктивной функции для *i*) оформления копулятивной связи, *ii*) для оформления коннективной связи.

Полученные данные использовались для построения индивидуальных траекторий употребительности ПЕ в диахронии, которые представлены на нижеследующих диаграммах¹ рис. 19–21.

¹ Дата обращения: ноябрь – декабрь 2021 г.

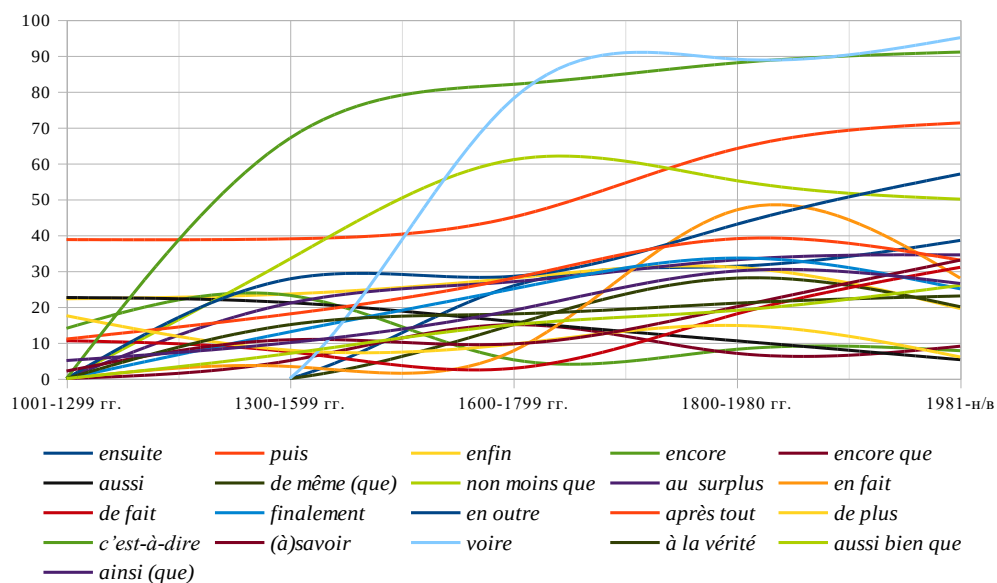

Рис. 19. Динамика употребительности соединительных ПЕ, %

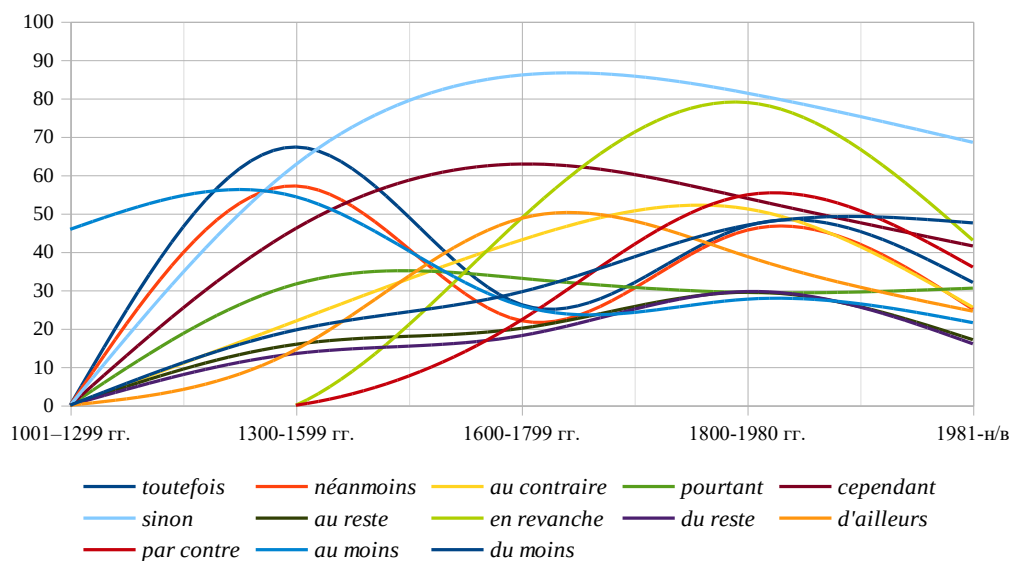

Рис. 20. Динамика употребительности противительных ПЕ, %

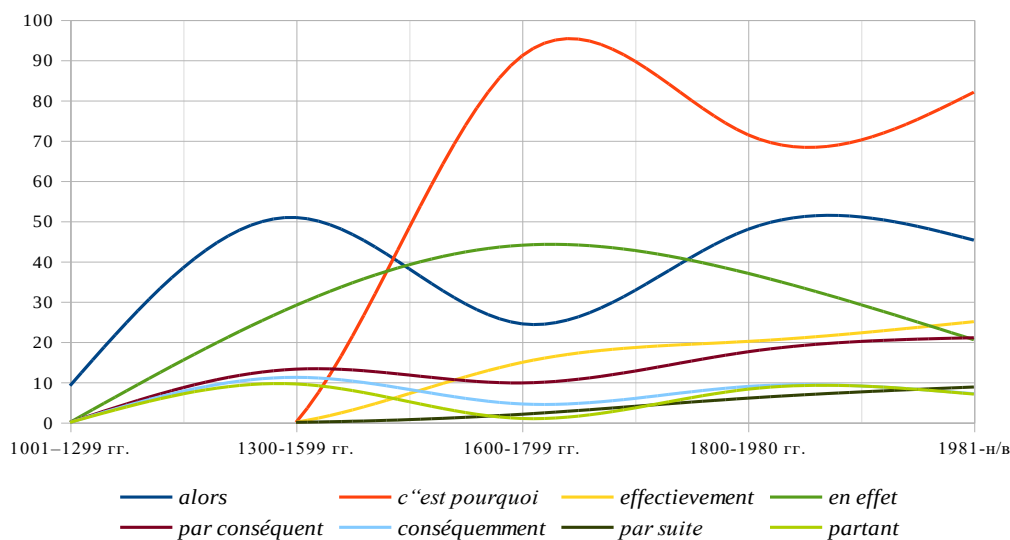

Рис. 20. Динамика употребительности каузальных ПЕ, %

Представленные на диаграммах рис. 19–21 графики демонстрируют колебания относительных показателей употребительности указанных единиц в роли сочинительного союза на пяти синхронных срезах. При этом кривые частотности соединительных ПЕ не имеют столь значительных колебаний (за исключением единиц *voire* и *en fait*) в отличие от кривых частотности противительных ПЕ с двумя «пиками» (за исключением единиц *sinon*, *cependant*, *en revanche* и *au contraire*).

Вопреки нашему предположению большинство ПЕ сочинения обнаруживают максимальное проявление своих конъюнктивных свойств в разные исторические периоды, которые относятся к более ранним этапам развития языка. Для исходно соединительных единиц этот скачок приходится на период 1800–1981 гг., для исходно противительных – на период 1600–1799 гг. Например, единица *aussi* проявляет конъюнктивные свойства в 22,57 % контекстов из первого подкорпуса (старофранцузский язык) и в 10,31 % контекстов пятого подкорпуса. В период среднефранцузского языка единицы *encore*, *toutefois*, *néanmoins*, *conséquemment* демонстрируют более высокие относительные показатели употребительности в роли союзов, чем в пятом подкорпусе: 23,17 % vs. 10,62 %, 67,28 % vs. 46,5 %, 57,14 % vs. 37,64 %, 52,17 % vs. 43,15 % соответственно. В период классического языка единицы *sinon*, *au reste*, *cependant* более употребительны в роли союзов, чем в современном языке: 86,05 % vs. 75,6 %, 80,04 % vs. 54,84 %, 62,85 % vs. 49,44 %. В четвертом подкорпусе, например, фиксируется рост употребительности единиц *au surplus*, *puis* в роли союза. Треть ПЕ максимально проявляют свои конъюнктивные свойства в последние десятилетия.

Исследование показало, что одни ПЕ сочинения демонстрируют незначительные колебания в относительных показателях по периодам, например, *sinon* (62,7 %, 86,05 %, 81,3 %, 68,5 %), *de plus* (17,5 %, 7,9 %, 9,6 %, 14,78 %, 6,0 %), другие – существенные колебания относительных показателей, например, лексема *alors* (9,09 %, 50,88 %, 24,46 %, 47,93 %, 45,25 %) (подробно об изменениях количественных показателей употребительности ПЕ сочинения см. в [Овсейчик 2022 (б), (е)]).

Особо отметим, что периоды «пиков» употребительности ПЕ в роли союзов следуют по времени после «пиков» употребительности соответствующих ЯЕ. Так, например, один из «пиков» употребительности противительных единиц в период 1600–1799 гг. по времени совпадает с сокращением употребительности противительного союза *mais* в этот период.

Процесс развития конъюнктивных свойств у языковых единиц представляется сложным и многоаспектным. Полученные количественные данные об употребительности ПЕ сочинения необходимы для последующего сопоставления с данными такого рода об изначально полифункциональных единицах сочинения *or*, *donc* и *car* в ранний период развития французского языка (об этом подробно в главе 3), а также для классификации отобранных нами единиц сочинения на основе проявления их конъюнктивных свойств в современном французском языке (об этом подробно в главе 4).

Проведенное исследование позволило представить систему единиц сочинения как открытую, динамическую, неравновесную и сложно организованную совокупность языковых средств и упорядочить на временной оси количественные изменения употребительности соединительных, разделительных, противительных и каузальных единиц сочинения в широкой диахронической перспективе.

Общая тенденция к сокращению употребительности ЯЕ сочинения сопровождается их количественным преобладанием над ПЕ сочинения и формируется из разнонаправленных частных тенденций, проявляющихся в регулярном снижении или увеличении частотности ЯЕ с разной интенсивностью на всех синхронных срезах. Построенные графики кривых частотности ЯЕ сочинения в макро- и микродиахронии свидетельствуют о различной когнитивной и прагматической значимости соединительных, разделительных, противительных и каузальных отношений в разные исторические периоды (ср. «пики» употребительности соединительного и противительного союзов в ранний период развития языка и в современном языке последних двух десятилетий соответственно). Фиксируемое выравнивание кривых частотности ЯЕ сочинения в макродиахронии и наблюдаемые непрекращающиеся флуктуации их частотности в микродиахронии демонстрируют результат и процесс освоения дискурсивной практики соответственно.

Выявленная корреляция по времени «пиков» употребительности ЯЕ сочинения и активного использования ПЕ сочинения, обозначающих соответствующий тип отношения, является своеобразным «индикатором» существенных изменений семантических и функциональных свойств ЯЕ сочинения. С позиции лингвосинергетики речь идет о точках бифуркации. Эти точки бифуркации на временной оси частично совпадают с последовательно осваиваемыми механизмами соединения, временной последовательности, причинности и противопоставления (additive < temporal < causal < adversative) в онтогенезе, которые упоминались в главе 1.

Обращение к раннему периоду развития языка (IX–XVI вв.) позволит установить в «калейдоскопе» изменений количественных и качественных характеристик исследуемых единиц магистральную траекторию – закономерность – семантической и функциональной эволюции единиц сочинения французского языка. Становлению системы французских единиц сочинения посвящена глава 3.

Глава 3. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЕДИНИЦ СОЧИНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В первой главе мы сформулировали ряд положений относительно развития семантических и функциональных свойств каждой ЯЕ сочинения, суть которых обобщенно сводится к признанию изначальной неоднозначности ЯЕ сочинения в ранний период развития французского языка. О недифференцированности синтаксической связи в ранний период развития французского языка свидетельствует прежде всего частотное преобладание ЯЕ сочинения *et* (см. § 2.3).

Поскольку тенденция к использованию ПЕ сочинения для дифференциации многообразных отношений исходно носит точечный характер (см. рис. 12, 13), мы предполагаем, что непосредственно в ранний период развития языка и унаследованные из латыни единицы *et*, *ou*, *ni*, и новообразованные в старофранцузский период единицы *mais*, *or*, *car*, *donc* активно используются в разнообразных синтаксических построениях и приобретают свои основные семантические свойства.

Ретроспективный анализ развития системы единиц сочинения французского языка направлен на установление корреляции между скачком употребительности ЯЕ сочинения в макродиахронии и изменениями их семантических и функциональных свойств, а также на выявление тенденций в становлении системы ЯЕ, а именно: какие способы употребления исследуемых единиц сохраняются начиная с периода старофранцузского языка, какие – претерпевают изменения, какие – полностью исчезают в последующем.

В настоящей главе диахронические изменения в системе ЯЕ сочинения представлены в такой последовательности: сначала проводится анализ эволюции семантических и функциональных свойств единиц «собственно» сочинения *et*, *ou*, *ni*, *mais*, далее – единиц «несобственно» сочинения *or*, *car*, *donc*.

3.1. Ядерные единицы «собственно» сочинения

В ранний период развития французского языка ядерные единицы «собственно» сочинения *et*, *ou*, *ni*, *mais* проявляют свои уникальные «строительные» свойства в организации синтаксических единиц различной степени сложности и демонстрируют значительный рост употребительности, за исключением ЯЕ сочинения *ni* в определенной последовательности 1200–1299 гг., 1300–1399 гг., 1400–1499 гг. соответственно.

3.1.1. Соединительный союз *et* как ведущая единица сочинения французского языка

Первая письменная фиксация союза *et* относится к 842 г. В древнейшем памятнике старофранцузского языка «Страсбургские клятвы» он встречается семь раз:

(61) *Pro Deo amur et₁ pro christian poblo et₂ nostro commun salvament, d'ist di en avant, in quant Deus savir et₃ podir me dunat, si salvarai eo cist meon fradre Karlo, et₄ in aiudha et₅ in cadhuna cosa... et₆ ab Ludher nul plaid num quam prindrai qui meon vol cist meon fradre Karle in damno sit. Si Lodhuvigs sacrament que son fradre Karlo jurat conservat, et₇ Karlus meos sendra de suo part non lostanit...* (Serments de Strasbourg, цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 2]) 'Во имя любви к Богу и во имя христианского народа и нашего общего спасения с этого дня впредь, насколько Бог мудрость и власть мне дает (или: дал), так спасу я этого своего брата Карла и в помощи, и в каждом деле... и с Лотарем никакого договора не заключу, который по моей воле этому моему брату Карлу в ущерб был бы. Если Людовик клятву, которую он дает своему брату Карлу, сдержит, а Карл, мой господин, со своей стороны ее нарушит...' (пер. [Томашпольский 2018, с. 140]).

В примере (61) используется и одинарный союз *et* для соединения прямых дополнений (*savir et₃ podir* 'мудрость и власть'), и повтор союзного показателя для соединения косвенных дополнений (*pro Deo amur et₂ pro christian poblo et₃ nostro commun salvament* 'во имя любви к Богу и во имя христианского народа и нашего общего спасения'), указывая на то, что перечисление является исчерпывающим. Причем в *et₄ in aiudha et₅ in cadhuna cosa* 'и в помощи, и в каждом деле' союз *et* уже используется перед первым сочиненным элементом, усиливая значение общности. В двух последних случаях приведенного примера союз *et* позволяет реализоваться сложным синтаксическим построениям: [..., (quant ...), (si...), et₆ ...], (qui...) и (si... (que ...), ...), et₇ (...)] [<...>].

Первое инициальное употребление союза *et*¹, маркирующего соединение двух самостоятельных предложений, фиксируется в агиографическом сочинении конца IX в. «Секвенции о Св. Евлалии»:

(62) *La polle sempre n[on] amast lo d[ō] menestier. / E por[]o fut p[re]sente de maximilien...* (Séquence de sainte Eulalie; цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 4]) 'Но предпочла она Творцу служить. / И вот предстает перед Максимилианом...' (пер. [Секвенция...]).

Количественное доминирование союза *et* в старо- и среднефранцузском подкорпусах (см. табл. 11) свидетельствует о значимости этой единицы в системе средств выражения сочинительных отношений в ранний период развития французского языка и отражает характер недифференцированной связи. Семантические свойства союза *et* при оформлении копулятивной и коннективной связи представлены ниже.

¹ Инициальное употребление союза *et* в старофранцузском подкорпусе фиксируется 11 479 раз, что составляет 14,87 % от общего количества вхождений единицы.

3.1.1.1. Копулятивные свойства союза *et*

Традиционно считается, что в основе сочинения лежит семантическая и синтаксическая однофункциональность элементов. Однофункциональность компонентов сочиненного ряда рассматривается с точки зрения отсутствия детерминации, функциональной синтаксической равнозначности (или однородности), грамматической равноценности, тождества (или однотипности синтаксической функции, или позиции), одинаковой роли в создании синтаксической конструкции, одного и того же синтаксического места в предложении и др. [Реформатский 1996, с. 183; Пешковский 2001 (1928), с. 57–58; Белошапкова 1989, с. 546–548; РГ 1980, с. 166; Перетрухин 1979, с. 16; Санников 2008; Теньер 1988, с. 325]. Все вышеперечисленное представляет собой каноническое сочинение. При этом синтаксическая однофункциональность сочиненных компонентов и вытекающее отсюда тождество их отношения к некоторому внешнему элементу являются основополагающими [Пекелис 2013, с. 234].

Рассмотрим структурные и содержательные особенности образования сочиненных рядов – канонических и неканонических – посредством союза *et* в ранний период развития французского языка.

В ранний период развития французского языка союз *et* преимущественно оформляет отношения «собственно» сочинительные, включающие отношения соединительные, перечислительные, а также отношения субъективно окрашенного, ассоциативного присоединения.

Сочинительный союз *et* в 94,6 % случаев представляет отношение «чистой конъюнкции», традиционно включающее **перечисление**, которое, согласно Е. В. Урысон, представляет семантически наиболее «пустое» употребление союза [Урысон 2011, с. 296], соединяющего однородные члены предложения: *lé galops e les salz* ‘вприпрыжку и вскачь’; *par honur e par ben* ‘по чести и добром’; *des fius e des honurs* ‘феоды и почести’; *par feid e par amor* ‘верно и любовно’; *plurent e crient* ‘плачут и кричат’¹; **соединение**, которое трактуется как отношение «совокупности» (фр. *ensemble*) [CNRTL], например:

(63) *Ki puis veïst Rollant e Oliver!* ‘Видели б вы Роланда с Оливьером!’ [Rol]².

Дистрибутивный анализ показал, что в основном союз *et* соединяет два или более члена простого предложения (более 80 % и 70 % контекстов в старом и среднефранцузском подкорпусах соответственно), образуя разнообразные сочиненные ряды, преимущественно именные, в которых два или более элемента ряда относятся к одному классу предметов: 7297 vs. 11 398 контекстов с именным сочиненным рядом, 6014 vs. 4309 – с атрибутивным сочи-

¹ Сюда же относятся плеонастические пары: *moerent paien a millers e a cent* ‘тысячи мрут и сотни’; *bassent lur chefs e lur mentun* ‘склоняют все главу и подбородок’ и т.д.

² Здесь и далее в примерах из текста «Песнь о Роланде» использован перевод Б. И. Ярхо [Песнь о Роланде 1934]. В авторском художественном переводе во многих контекстах союз опускается для сохранения метрики, в таких случаях союзный показатель указывается в квадратных скобках.

ненным рядом и 2371 vs. 4833 – с глагольным в подкорпусах соответственно. Союзный элемент присоединяет последний компонент сочиненного ряда либо повторяется перед каждым компонентом сочиненного ряда. Сводные данные об употребительности союзного показателя *et* при образовании сочиненных рядов представлены в табл. 16.

Т а б л и ц а 16

Динамика употребительности союза *et* в сочиненных рядах¹

Конструкции	Подкорпуса	
	Старо-французский	Средне-французский
	Количество, ед.	Количество, ед.
[N ₁] [et] [N ₂]	6151	9748
[et] [N ₁] [et] [N ₂]	674	974
[N ₁] [et] [N ₂] [et] [N ₃]	361	590
[et] [N ₁] [et] [N ₂] [et] [N ₃]	66	49
[N ₁] [et] [N ₂] [et] [N ₃] [et] [N ₄]	33	26
[et] [N ₁] [et] [N ₂] [et] [N ₃] [et] [N ₄]	6	4
[N ₁] [et] [N ₂] [et] [N ₃] [et] [N ₄] [et] [N ₅]	4	2
[et] [N ₁] [et] [N ₂] [et] [N ₃] [et] [N ₄] [et] [N ₅]	2	5
[ADJ ₁] [et] [ADJ ₂]	5166	3149
[et] [ADJ ₁] [et] [ADJ ₂]	521	682
[ADJ ₁] [et] [ADJ ₂] [et] [ADJ ₃]	275	402
[et] [ADJ ₁] [et] [ADJ ₂] [et] [ADJ ₃]	30	37
[ADJ ₁] [et] [ADJ ₂] [et] [ADJ ₃] [et] [ADJ ₄]	22	28
[et] [ADJ ₁] [et] [ADJ ₂] [et] [ADJ ₃] [et] [ADJ ₄]	0	4
[ADJ ₁] [et] [ADJ ₂] [et] [ADJ ₃] [et] [ADJ ₄] [et] [ADJ ₅]	0	7
[V ₁] [et] [V ₂]	2254	4115
[et] [V ₁] [et] [V ₂]	86	558
[V ₁] [et] [V ₂] [et] [V ₃]	30	140
[et] [V ₁] [et] [V ₂] [et] [V ₃]	1	17

Легенда: N – имя нарицательное, ADJ – имя прилагательное, V – глагол.

Количество контекстов с повтором союза *et* в подкорпусах старо- и среднефранцузского языков составляет приблизительно не более 5,5 % и 6,5 % соответственно. При этом контекстов с повтором союза *et* в двухкомпонентном сочиненном ряду (пример (64)) в десять раз меньше, чем без повтора (пример (65)) ([NC] [et] [NC] – 6151 vs. 9748 контекстов, [et] [NC] [et] [NC] – 674 vs. 974 в старо- и среднефранцузском подкорпусах соответственно). При соединении имен прилагательных и глаголов в личной форме наблюдается аналогичная тенденция.

(64) ...*habandonna tantost et vaissel et tuyau* ‘...вскоре бросил и посуду, и трубу’ (Les Cent nouvelles nouvelles, 1456–1467).

(65) ...*ès lieux et places nouvellement mises à labour* ‘..места и пространства, только недавно возделанные’ (Cartulaire de l’abbaye de Flines, 1391).

¹ Дата обращения: октябрь 2020 г.

Тенденция к маркированию каждого сочиненного компонента, включая и первый, союзным показателем представляет собой особенность синтаксиса раннего периода развития языка. Так, например, в тексте «Песнь о Роланде» повтор союза *et* перед каждым компонентом сочиненного ряда встречается около 80 раз, образуя наряду с одинарным союзом *et* синонимические пары, колеблющиеся от слабой синонимичности до полной тавтологии. Например: *endurer e granz chalz e granz freiz* ‘должен терпеть *и* сильный жар, *и* тяжкий холод’; *bataille avrum e forte e aduree* ‘битва нас ждет *и* сильная, *и* тяжелая’; *e veies e chemins* ‘*и* пути, *и* дороги’. Считается, что использование союзного показателя перед первым сочиненным компонентом усиливает «относительное единство» [Белошапкова 1989, с. 547].

Максимальное количество элементов с повтором союза *et* перед каждым компонентом для именного сочиненного ряда составляет пять (пример (66)), для атрибутивного ряда – не более четырех (пример (67)). При соединении глаголов в личной форме выявлено три контекста, в которых не более шести элементов оказываются сочиненными (пример (68)).

(66) *Et mer et terre et ciel et bois et pleigne* ‘И море, *и* земля, *и* небо, *и* лес, *и* равнина’ (Anonyme. Aspremont: chanson de geste du XIIe siècle, 1190).

(67) *Que la vis je belle et grande et droite et gracieuse!* ‘Чтоб я ее увидел красивой *и* высокой, *и* стройной, *и* грациозной!’ (Anonyme. La Farce de maître Pierre Pathelin, 1456).

(68) ... *si occupent le plain païs et guerroyent et expugnent et combattent et destruisent et tiennent et occupent les garnisons des nobles barons* ‘...если они завладеют всей страной *и* будут воевать, *и* бороться, *и* сражаться, *и* разрушать, *и* овладевать, *и* занимать имения почтенных баронов’ (F. Denis. Le policratique de Jean de Salisbury, 1372).

Рассуждая о порядке следования компонентов сочиненного ряда с соединительным союзом в разных языках, лингвисты неоднократно отмечали неравноценность позиций в сочиненном ряду [Коопер, Росс 1975; Бергельсон, Кибрик 1981; Якобсон 1983; Санников 1989 и др.]. Так, например, Р. Якобсон указывал на важность отражения порядка описываемых событий в сочиненном ряду [Якобсон 1983, с. 107]. Изменение же порядка следования элементов приводит или к «смысловому диссонансу, или к переосмыслению сравнительной значимости объектов» [Бергельсон, Кибрик 1981, с. 353].

Признается, что основной принцип упорядочивания сочиненных компонентов основан «на иерархических тезаурусных отношениях, таких как: человек/не человек, мужчина/женщина, старше/младше, социальное/общественное положение, большая активность/меньшая активность и т.д.» [Санников 1989, с. 78–80]. Так, главенствующая роль родителей, а не наставников (*maistres*), в освоении детьми законов божьих подчеркивается за счет вынесения *peres et meres* ‘отцы *и* матери’ на первое место в сочиненном ряду:

(69) ... *a tous peres et meres et maistres que ilz soient diligens a faire confesser leurs enfans* ‘...всем отцам *и* матерям, *и* учителям, чтоб они старались заставить своих детей исповедоваться’ (J. Gerson. Sermon pour la fête de la Conception de la Vierge, 1401).

Особо отметим, что в период старо- и среднефранцузского языков первую позицию в сочиненном ряду может занимать любая лексическая единица, указывающая на некоторое предпочтение в ходе осмысления действительности говорящим в текущий момент. Порядок следования одних и тех же элементов в сочиненном ряду варьируется и определяется когнитивной и прагматической значимостью при указании на: расположение (*dedans et dehors* ‘внутри и снаружи’, *loing et près* ‘далеко и близко’); окружающее пространство (*en terre et en mer* ‘на земле и на море’ и *en ciel et en terre* ‘на небе и на земле’); гендерную принадлежность (*ton père et ta mère* ‘твой отец и твоя мать’, *ami et amie* ‘друг и подруга’); социальный статус (*et duc et roi et conte et l’apostole* ‘и герцог, и царь, и граф, и апостол’) или родственные отношения (*neveux et filz et per et compaignon* ‘племянники и сыновья, и отец, и соратник’) и т.д.

Не подлежит сомнению, что исследование принципа упорядочивания компонентов сочиненного ряда представляет собой весьма интересную задачу в диахроническом аспекте, которая, однако, в силу своей объемности не может быть выполнена в рамках данной работы.

В примерах (63)–(69) представлены канонические, прототипические, сочиненные ряды (см. § 1.4). Между тем квазиканонические сочиненные ряды появляются уже в ранний период развития языка, хотя и не являются частотными. К их появлению приводит несоблюдение некоторых условий (семантической однородности, синтаксической тождественности и т.д. (см. [Норман 2013, с. 178])), а также отсутствие сформированных правил, когда за образец брался латинский текст [Катагощина 1963, Скрелина 2001], в котором разного рода неканоническое сочинение было распространено. Например: *si et in urbe et in eadem mente permanent* (si elle demeure en ville et dans le même état d’esprit) ‘если она живет в городе и в том же состоянии ума’ (Cicéron, цит. по: [Pinkster 1990, p. 11]) (см. подробно в [Pinkster 1969, 1990]).

В старофранцузском подкорпусе фиксируются контексты, в которых грамматически нетождественные компоненты выполняют в предложении одну синтаксическую функцию. Речь идет об асимметричных конструкциях типа Adj + *et* + Prép. + N и Adv + *et* + Prép. + N, абсолютное количество контекстов с которыми коррелирует в старо- и среднефранцузском подкорпусах (207 vs. 229 и 68 vs. 64 соответственно), хотя в лексикографических источниках появление данных конструкций относится к среднефранцузскому периоду [TLF, CNRTL].

Союз *et* соединяет имя прилагательное и предложную группу в функции именной части сказуемого (Adj + *et* + Prép. + N), наречие и предложную группу в функции обстоятельства образа действия (Adv + *et* + Prép. + N), а соединенные компоненты обладают общими семами ‘знание’ (пример (70)), ‘страх’ (пример (71)).

(70) *L’omme est nez tout ignorant et sans congnoissance* ‘Человек рожден несведущим (каким?) и без знания (каким?)’ (Ch. de Pizan. Epistre de la prison de vie humaine, 1418).

(71) *...tres horriblement et a terrible noise...* ‘очень ужасно (как?) и со страшным шумом (как?)’ (Perceforest. Cinquième partie, 1340).

Разнообразные сочиненные ряды с союзом *et* представляют ассоциации, основанные на лексико-семантической тождественности: *ton essence est immortelle et sans corruption* ‘твоя сущность бессмертная и без испорченности’; *esté tout irregulier et de travers* ‘все было неправильным и криво’; *devotement et de cuer* ‘преданно и от всего сердца (букв.)’.

Для исследуемых периодов характерно образование сочиненных предложных конструкций *Prép.₁ + N + et + Prép.₂ + N*. Абсолютное количество контекстов с такой конструкцией также коррелирует в старо- и среднефранцузском подкорпусах: 1548 и 1639 соответственно. Посредством союза *et* соединяются разнообразные предложно-именные компоненты сочиненного ряда при условии наличия общей семы: *par vertu et pour raison* ‘из-за добродетели и во имя разума’; *sur les champs et en places* ‘на полях и по площадям’; *par droite ligne et sans miroir* ‘по прямой линии и без зеркала’; *en paix et sans noises* ‘в мире и без шума’. Встречаются также случаи «сочинения несочиняемого», то есть соединение обстоятельств цели и образа действия (*pour l’amour d’eus et sans ordure* ‘ради любви к ним и без непристойностей’), времени и места (*a tout heure et en tout temploire* ‘в любое время и в любом храме’), времени и образа действия (*a siecle et en religion* ‘на век и в религии’). При повторе предлога в сочиненном ряду возможно соединение разных частей речи, например: *sans venterie et sans mesdire* ‘без похвалы и злословить (букв.)’.

Тенденция к частичному нарушению принципа равноправия при образовании сочиненных рядов в ранний период становления французского языка свидетельствует об основном предназначении союза *et* выражать соединительные отношения при условии наличия семантической или коммуникативной однородности, компенсирующей отсутствие однородности синтаксической.

Помимо обозначенных выше соединительных отношений (соединения и перечисления при образовании сочиненных рядов) союз *et* совмещает указание на соединение и количество, на соединение и время, на соединение и пояснение.

При выражении соединительно-количественных отношений союз *et* используется с порядковыми числительными. Например: *...l’an de grace mil trois cens et quarante* ‘...в тысяча триста [u] сороковом году (букв.)’, *par l’espace de mil trois cens soixante et dix ans* ‘на протяжении тысячи трехсот шестидесяти [u] десяти лет (букв.)’, *doibt avoir vingt et ung ans* ‘ему должно быть двадцать [u] один год (букв.)’ и т.д. Количество контекстов с союзом относительно аналогичных контекстов без союза увеличивается в среднефранцузском языке: 64,2 % и 35,8 % vs. 89,1 % и 11,9 % в подкорпусах соответственно.

Для обозначения временных промежутков (темпоральные отношения) характерно употребление союза *et* в значении наречия *plus* ‘более, далее’ (пример (72)), с которым союз образует сочетание *et plus* ‘и больше, более’ (пример (73)).

(72) *...en la fin dudit moiz de septembre et apres* ‘...в конце названного месяца сентября и после’ (Le Menagier de Paris, 1392).

(73) ...*par dis ans et plus* ‘...через десять лет и больше’ (Chartes et documents de l’abbaye de Saint-Magloire, 1335).

О росте употребительности сочетания *et plus* свидетельствует увеличение количества его вхождений в подкорпусе среднефранцузского языка в 5,5 раз по сравнению со старофранцузским с 422 до 2304. Употребительность сочетания *et plus* приводит к тому, что, помимо указания на количество и промежуток времени, оно начинает использоваться в среднефранцузском языке для выражения соединительно-пояснительных отношений в значении *c’est à dire* ‘а именно, это значит’ в атрибутивных сочиненных рядах. Например:

(74) ...*plus fort point, et plus agréé* ‘...более убедительная точка зрения и более приемлемая’ (G. de Machaut. Le Dit dou vergier, 1340) [= *plus fort point, c’est à dire agréé* ‘более убедительная точка зрения, то есть более приемлемая’].

В 196 контекстах (или 8,51 % от 2304) из среднефранцузского подкорпуса сочетание *et plus* используется для выражения пояснительных отношений, в то время как в старофранцузском подкорпусе их количество не превышает 5,5 %.

Во французской грамматической традиции различаются два типа сочиненных рядов: однопорядковый (фр. *coordination ordinative*) и ассоциативный (фр. *coordination associative*) [Grevisse 2018; Riegel et al. 2016 и др.]. К первому типу относят сочиненные ряды с одинаковыми именами прилагательными или числительными. Ко второму – сочиненные ряды, в которых союз соединяет компоненты, номинирующие живые сущности, выражая присоединение одного к другому на основе ассоциативного принципа. Данный грамматический феномен известен в лингвистике под названием «комитатив»¹. Два этих типа конструкций появляются в ранний период развития французского языка.

Для конструкций первого типа характерно соединение тождественных словоформ (модели: Adj₁ + *et* + Adj₁ и N_{nombre1} + *et* + N_{nombre1}): ..*petit et petit va on bien* ‘...постепенно все налаживается’; ...*s’en aloient deus et deus* ‘...они расходились парами’. В последующем замена союза *et* на предлог *à* приводит к преобразованию двухкомпонентного сочиненного ряда в идиоматические обороты: *petit à petit* ‘мало-помалу’, *un à un* ‘один за одним’, *deux à deux* ‘по парам’.

Конструкции второго типа представляют соединение одушевленных имен существительных (модель: N_{propre1} + *et* + N_{propre2}). Значение этих конструкций приближается по значению к современной аналитической конструкции с предлогом *avec* ‘с’ (N₁ + *avec* + N₂)². При этом каждый компонент выполняет в описываемой ситуации одну и ту же семантическую роль, о чем сигнализирует множественное число глагола в личной форме, например:

¹ О функциональной типологии комитативных конструкций подробно в [Архипов 2004].

² Предлог *avec* входит в употребление в середине XI в., обозначая «concomitance d’égalité» ‘совпадение равнозначности’, и только к 1376 г. приобретает значение *à l’égard de* ‘по отношению к к.-л.’, имеющее в современном языке значение *en compagnie de* ‘в сопровождение к.-л.’ [TLF, CNRTL].

(75) *Richart et sa femme en paieront* 'Ричард и его жена за это заплатят' (Chartes et documents de l'abbaye de Saint-Magloire, 1395) [= *Richart avec sa femme* 'Ричард и его жена вместе, а не каждый по отдельности'].

Разнообразные сочиненные ряды с союзом *et* демонстрируют структурную неоднородность: они различаются количеством входящих элементов и повтором союзного показателя *et* для усиления идеи общности. При этом порядок следования компонентов в сочиненном ряду определяется иерархией признаков в зависимости от когнитивной и прагматической значимости. Возможность перестановки компонентов именного сочиненного ряда с союзом *et* позволяет говорить о динамическом характере сочинительной связи. Фиксируемые в обозначенный период времени неканонические сочиненные ряды, которые частично удовлетворяют условиям равноправия, свидетельствуют об исходной способности союза *et* оформлять квазиканоническое сочинение.

3.1.1.2. Коннективные свойства союза *et*

Одинаковая продуктивность и паратактических, и гипотактических моделей построения как основная особенность старофранцузского синтаксиса (см. § 1.1) проявляется и при функционировании союза *et*. В старофранцузский период уже существуют сложные синтаксические построения, в которых одновременно реализуются три вида связи: сочинение, подчинение и бессоюзие (фр. *constructions imbriquées*, < *brique* 'кирпич' [Grevisse 2018]). Например, союз *et* соединяет однородные придаточные условия (*se* 'если'... *et* 'и'...) и цели (*que* 'чтоб'..., *et* 'и'...), соподчиненные одной главной части в составе сложного предложения:

(76) *Se mon seignor le roi plesoit / et une chose me faisoit / que il vousist je fusse moines, / reclus, hermites ou chanoines, / et me feïst vestir la here, / certes, se ce li voloît plaire, / icel mortel siecle et l'anvie / lairoie: plus n'an ai anvie* 'Если бы это понравилось моему королю и он сделал бы мне одолжение, чтоб я был монахом, отшельником или каноником, и заставил бы меня принять постриг, конечно, если бы ему это понравилось, я бы покинул этот смертельный век и зависть, я больше этого не хочу' (цит. по: [Chrétomatie..., 1887, p. 87]).

Доля использования союза *et* при оформлении коннективной связи постепенно увеличивается: с 5,4 % от всех случаев его употребления в подкорпусе старофранцузского языка до 15 % контекстов в подкорпусе среднефранцузского языка.

Отношения «несобственно» сочинительные, «нечистой конъюнкции», определяются содержанием соединяемых пропозиций. Явления или события реального мира, непосредственно наблюдаемые говорящим и осознаваемые им как «естественные», закономерные с точки зрения его чувственного опыта, репрезентируются универсальной моделью P_1 et P_2 .

В ранний период развития языка при соединении двух частей сложного предложения союз *et* маркирует разнообразные отношения между действиями, событиями и явлениями: (i) последовательность, (ii) следствие, (iii) одновре-

менность, (iv) сопоставление, (v) противопоставление, (vi) уступка. При этом происходит обогащение и способов обозначения отношений посредством союза: самостоятельное использование единицы, использование сочетания *et* + ПЕ или других синтаксических построений с союзом. Типы отношений и способы их обозначения посредством союза *et* обобщенно представлены в табл. 17.

Т а б л и ц а 17

Типология обозначаемых союзом *et* отношений в ранний период развития языка

Тип отношения	<i>et</i>		<i>et</i> + ПЕ (сочетание с наречиями)		Специальные конструкции с <i>et</i>	
	1	2	1	2	1	2
Последовательность	+	+	+	+	-	-
Следствие	+	+	-	-	-	-
Одновременность	+	+	-	-	+	+
Сопоставление	+	+	-	+	-	+
Противопоставление	+	+	-	+	-	-
Уступка	-	-	-	-	-	+

Легенда: 1 – старофранцузский период, 2 – среднефранцузский период

Следуя схеме, предложенной в табл. 17, мы проиллюстрируем развитие семантических свойств соединительного союза при оформлении коннективной связи.

i. Союз *et* преимущественно обозначает последовательность действий, когда он соединяет предложения, связанные друг с другом временной последовательностью излагаемых событий. В русском языке союз *и* в подобном случае трактуется Е. В. Урысон как маркер «нормального развития повествования» [Урысон 2011, с. 285]. При этом сохраняется иконический порядок следования пропозиций по принципу «цепочечного нанизывания» в мире реальном и мире воображаемом, например:

(77) *Qu'il devendrat jointes ses mains tis hom / E tute Espaigne tendrat par vostre dun...* 'Как вассал, вам длани протянуть, / И царство принять из ваших рук...' [Rol].

(78) *Li dux atant d'eulx se depart Et est retourné celle part Ou il laissa sa legion* 'Герцог отделяется от них *и* возвращается туда, где он оставил свой легион' (Trois contes français du XIVe siècle tirés, 1337).

(79) *Vous retournerez devers nostre belle ante, et le nous saluerez* 'Вы вернетесь к нашей любимой тетушке, *и* вы ей передадите от нас привет' (J. Froissart. Chroniques. Troisième livre, 1375).

Следует отметить, что для выражения последовательности событий в старофранцузском языке с 980 г. начинает использоваться темпоральное наречие *puis* в значении *après*, *depuis* 'затем', 'с тех пор' (пример (80)). Лексеме *puis* уже свойственно соединять однородные сказуемые (пример (81)).

(80) *Kar chascun jur de mort s'abandunet. / Seit ki l'ociet, tute pais puis avriumes* 'Он каждый день рискует головою. / Убить его – и прекратятся войны' [Rol].

(81) *De sa main destre l'ad asols e seignet, / Puis li livrat le bastun* 'Посланца осенил крестом, / Потом протянул ему жезл' [Rol].

Для конкретизации отношения последовательности в единичных случаях отмечается совместное употребление союза *et* и наречия *puis*¹:

(82) *Par les oreilles fors se ist la cervel. / De ses pers priet Deu ques apelt, / E puis de lui a l'angle Gabriel* 'Уж из ушей текут его мозги. / Молится он, чтоб перов бог простил / И принял их архангел Гавриил' [Rol].

В среднефранцузском подкорпусе количество контекстов, в которых при соединении частей сложного предложения используются сочетания союза *et* и наречий *puis* 'потом', *alors* 'тогда', *lors* 'тогда, в то время' для дифференциации выражаемого отношения последовательности действий, событий, явлений во времени, существенно возрастает: 6726 контекстов, или 44,8 % от 15 000. Из них количество контекстов с сочетаниями союза *et puis* и *et lors* составляет 496 vs. 512 и 4920 vs. 1600 контекстов в старо- и среднефранцузском подкорпусах соответственно. Например:

(83) *Tout le creux de sablon emplissent, Et puis au poix tout accomplissent* 'Вся впадина наполнилась песком, и потом воссоздался мир' (Le Roman de Renart, 1328).

Отсутствие контекстов с сочетанием *et alors* в старофранцузский период дает основания утверждать, что подобное употребление является инновацией непосредственно среднефранцузского языка. Следует предположить, что общее происхождение двух единиц (*alors* > *a* + *lors* > *lur* в значении *à ce moment-là* 'в данный момент' [CNRTL]) послужило предпосылкой для возникновения по аналогии с сочетанием *et lors* сочетания *et alors*, для которого характерно использование в инициальной позиции в среднефранцузском языке (170 контекстов из 196):

(84) *Et alors lui qui parle,...* 'И тогда он заговорил...' (Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392, 1389).

ii. Причинно-следственные отношения между двумя пропозициями, соединенными посредством союза *et*, отражают иконическую последовательность событий. Например:

(85) *Fors de la teste li met les oilz ansdous, / E la cervelle li chet as piez desuz* 'Из головы повыбил оба ока, / И до самых ног стекают капли мозга' [Rol], где P_1 'выбитые глаза' → P_2 'стекающая кровь'.

(86) *Franceis murrunt e France en ert deserte* 'Франки падут, [et] их край осиротеет' [Rol], где P_1 'поражение Франков' → P_2 'обезлюдение'.

Последовательность действий, репрезентируемых в сложносочиненном предложении, не всегда соотносится с координатами «я-здесь-сейчас». В единичных контекстах вводимая сочинительным союзом *et* пропозиция соотно-

¹ Совместное использование союза *et* и наречия *puis* фиксируется с 1200 г. в [CNRTL].

сится с будущим. Устанавливаемое союзом отношение интерпретируется как следствие. В текущий момент говорящий не имеет возможности констатировать некоторое событие, однако его собственный опыт позволяет прогнозировать будущие действия либо брать на себя обязательства при выполнении определенных условий адресатом. Союз *et* указывает на отношение следствия между двумя положениями дел, выраженными видовременными формами глаголов-сказуемых (настоящее время → будущее) при отсутствии эксплицитно маркированного условия (отсутствие союза *si* 'если'), например:

(87) *Or vous levez delivrement, Cousine, Et jamais je ne vous fauldray Jour de ta vie* 'Сейчас вы спокойно встанете, кузина, и никогда я вас больше не побеспокою' (Miracle de la femme du roy de Portugal, 1342 [FR]), где P₁ 'покинуть помещение' → P₂ 'не преследовать в будущем'.

iii. Союз *et* соединяет две не противопоставленные друг другу части, каждая из которых соответствует действительности, маркируя одновременность состояний или событий (пример (88)). При этом союз связывает простые предложения в составе сложного при логически параллельных построениях, где наблюдается тенденция к изменению симметричного порядка (пример (89)).

(88) *Un jur fu Karleün al saint Denis muster, / Rout prise sa corune / E ad ceinte s'espee* 'Однажды Карл был в монастыре Сен-Дени, на нем была надета корона, и на поясе висел его меч' (Pèlerinage de Charlemagne, (цит. по: [Сабанеева 1990, с. 167])).

(89) *Clers est li jurz e li soleilz luisant* 'Сияет день, и солнце светит жарко' [Rol].

Особенностью синтаксиса этого периода является параллельное использование сложноподчиненного предложения (*Quant A, B*) и сложносочиненного предложения (*A et* (темпоральное) *B*). В результате возникает третий, смешанный, способ (*Quant A, et B*), в котором придаточное времени предшествует главной части, вводимой союзом *et*.

Темпоральное союзное наречие *quand* 'когда', обозначая текущий момент *à ce moment-là* 'в этот самый момент', выражает более или менее очерченный промежуток времени, а наличие союза *et* подчеркивает одновременность действий или состояний¹. Оба действия соотносятся либо с настоящим (пример (90)), либо с будущим (пример (91)).

(90) *Quant je chaleng, e il challenge* 'Когда я ему бросаю вызов, и он мне бросает вызов' (La geste du roi Arthur, 1155).

(91) *Quant jo serai en la bataille grant / E jo ferrai mil colps* 'Врагов в бою я сумею найти / И тысячу ран нанести' [Rol].

¹ В современном французском языке такая одновременность передается иначе – исключительно союзными наречиями без употребления союза *et*. Ср.: *Plus il regardait moins il voyait* 'Чем больше он смотрел, тем меньше он видел'. Однако в период классического языка допускалось наличие союза, например: *Plus je vous envisage, Et moins je me remets* 'Чем больше я созерцаю вас, тем меньше я прихожу в себя' (J. Racine. Les plaideurs, 1668 [FR]). Данный тип конструкции подробно рассматривается в [Torterat 2000, p. 235].

Несмотря на спорадичные употребления¹ в языке двух периодов гибридных построений (*quand...*), [*et...*], так называемых собирательных конструкций (фр. *les constructions à cumul*), именно возможность совмещения сочинения и подчинения привлекает внимание исследователей. Подобные образования фиксируются и в поздней латыни, и в раннем итальянском языке и квалифицируются как «пара-гипотаксис» [Sorrento 1949(а,б), Pesini 2018]. Ср.: фр. *syndète hypotactique* [Tortorat 2000].

Спорный статус сочинительного союза *et* в обозначенной гибридной конструкции был объектом детального изучения в работах [Antoine 1958, Tortorat 2000, 2007, Rebuschi 2002, Foulet 1930, Lambert 2001, Combettes 2010]. Согласно одной точке зрения, лексическая единица *quand* функционирует скорее как дискурсивный маркер, чем как подчинительный союз, что дает основание признать сочинительную связь ведущей в данной конструкции [Rebuschi 2002]. Согласно другой точке зрения, за обоими союзами признается сохранение их статуса, но с переосмыслением их функционального предназначения [Tortorat 2000; 2007]. Указывается также, что данный тип соединения частей предложения скорее свидетельствует об их «автономности, чем о цельности» [Combettes 2010, p. 126].

Следует отметить, что модель построения гибридной конструкции (*quand...*), [*et...*] оказывается весьма продуктивной. В период старофранцузского языка на ее основе образуются восемь других. Вокруг центрального элемента – сочинительного союза *et* – создается целая «микросистема». К союзу присоединяются не только темпоральные придаточные, но и относительные, сравнительные, придаточные образа действия, уступки и т.д., вводимые союзами и союзными сочетаниями: *se, qui, puis que, entruisque, la u, quoi que, que que, che que*. Например:

(92) *E li message descendirent a piet, sil saluerent par amor e par bien* ‘И посланцы спешили, когда приветствовали его по любви и подобию’ [Rol].

По аналогии с ЯЕ сочинения *et* создаются еще три гибридные конструкции с другими ЯЕ: *Se A donc B; Quant A, mais B; Quant A, lors (>or) B*. Однако новообразованные конструкции, как и сама исходная, оказываются «нежизнеспособными»: их нечастое употребление фиксируется исключительно до XV–XVI вв. (см. § 3.2).

iv. В ряде контекстов союз *et* служит для сопоставления при связывании предложений с повторяющимися или семантически близкими предикатами:

(93) *Rollant est proz e Oliver est sage* ‘Роланд удал, а Оливьер умен’ [Rol].

(94) *Cist nus sunt pres, e trop nus est loinz Carles* ‘Нечестивые близко от нас, а Карл слишком далеко’ [Rol].

Сочинительный союз *et* используется при организации сложных предложений, где содержание частей сопоставляется в плане временном,

¹ Согласно нашим данным контексты с такого рода конструкциями в старо- и среднефранцузском подкорпусах встречаются нечасто.

количественном или качественном. Так, например, при выражении сопоставительных отношений союз *et* приобретает значение *alors que* ‘в то время как’:

(95) *Se regrettez voz dolens jours, Et, je regrette mon argent Que j'ay delivré franchement, Cuidant de vous donner secours* ‘Если вы сожалеете о своих несчастных днях, и я сожалею о деньгах, которые я вам искренне предложил, желая вам помочь’ (Ch. d'Orléans. Rondeaux, 1443) [= *alors que moi, de mon côté, je regrette mon argent* ‘в то время как я сожалею о деньгах’].

Для конкретизации сопоставительных отношений используется сочетание союза *et* и наречия *atant* (>*altretant* [CNRTL]) ‘столько же, также’. В подкорпусе старофранцузского языка выявлено два контекста с сочетанием *et atant*, а в подкорпусе среднефранцузского языка таких контекстов фиксируется значительно больше (90 контекстов). Сочетание *et atant* используется преимущественно в начальной позиции высказывания (76,7 % из 90 контекстов):

(96) *Et atant se achemina pour retourner à Luc* ‘И также он ускорился, чтобы вернуться к Люку’ (J. de Bueil. Le Jouvencel, 1461).

При соединении двух сопоставляемых частей значение постепенного возрастания признака в количественном отношении передается специальной сочиненной конструкцией *moins/plus P et plus/moins Q* ‘чем меньше/больше..., тем...’. В работах [Antoine 1958, Torterat 2000] утверждается, что функционирование союза *et* в сложных предложениях данного типа связано с исчезновением инициальных подчинительных союзов *quant*, *qui*, *comme*, которые вводили придаточное (см. модель (*quand...*), [*et...*]). Параллельное употребление на протяжении длительного периода времени двух функционально тождественных конструкций, сочиненной и гибридной, для обозначения одновременности и сопоставления сопровождается опущением подчинительных союзов, что влечет за собой опущение сочинительного союза *et*. Ср.:

(97) [*Quant*] *je plus vous acoint, et je plus vous truis faus* ‘[Когда] чем больше я вас знаю, и тем больше нахожу вас сумасшедшим’ (Suite du roman de Merlin, 1235, цит. по: [Antoine 1958, p. 872]).

(98) *Mes [comme] il plus le demanderent, et meins an apristrent* ‘Но (так как) чем больше он просил, и тем меньше ему давали’ (Anonyme. La mort le roi Artu, 1218, цит. по: [Torterat 2000, p. 191]).

Для сочиненной конструкции (*plus A et plus B*) характерны однородность видовременных форм глаголов-сказуемых, синтаксический параллелизм частей сложного предложения, обязательное присутствие наречий в сравнительной степени, которые указывают на зависимость между пропозициями:

(99) *...plus yront et mains de pourveances trouveront* ‘...чем больше будут идти, и тем больше найдут изменений’ (J. Froissart. Chroniques. Troisième livre, 1375).

(100) *...plus parl on et moins dist on* ‘...чем больше говорят, и тем меньше скажут’ (Le Somme abregiet de theologie, 1477).

Отсутствие равноправия и равнозначности частей сложного предложения в примерах (97)–(100) позволяет говорить о формальности сочини-

тельной связи, а сами предложения квалифицировать как особые случаи, переходные от сочинения к подчинению, – неканоническое сочинение. Впоследствии союз *et* исключается из сопоставительно-сочинительной конструкции (*plus A et plus B*). Появление новой бессоюзной конструкции *plus A, plus B* начиная с XV в. [Antoine 1958, p. 872] свидетельствует о процессе синтаксического опрощения.

v. В единичных контекстуально обусловленных случаях союз *et* маркирует отношения противопоставления, выступая функционально-семантическим эквивалентом противительного союза *mais* как «но противодействия» (пример (101)) и «но обманутого ожидания» (пример (102)), согласно трактовке Е. Урысон [Урысон 2011, с. 191], например:

(101) *Si vunt ferir, que fereient il el ? / E Sarrazins nes unt mie dutez* ‘Спешат разить. А что им делать боле? Но сарацин не испугался боя’ [Rol].

(102) *Vos deüssiez or consoil prandre / De vostre fontaine defandre, / Et vos ne finez de plorer!* ‘Вы должны были бы сейчас принять решение, как защитить ваш источник, а вы не перестаете плакать!’ (Ch. de Troyes. Chevalier au lion, 1235).

Союз *et* используется для выражения противительных отношений при эксплицитном характере противопоставленных сочиненных компонентов (пример (103)). Между тем становится допустимым сокращение второго компонента при введении наречия *autrement* ‘иначе’ (пример (104)).

(103) *J'iray devant et vous venrez après* ‘Я буду идти впереди, а вы пойдете позади’ (G. de Machaut. Le Jugement dou Roy de Behaingne, 1340).

(104) *Et tout cor de cerf se puet conter, et autrement non* ‘И все туловище оленя можно оценить, а по-другому нет’ (G. Phébus. Livre chasse, 1387).

Количество контекстов с сокращенной второй частью и наречием *autrement* в среднефранцузском подкорпусе по сравнению со старофранцузским увеличивается с 4 до 144.

vi. Союз *et* в среднефранцузский период начинает использоваться в составе предложно-инфинитивной конструкции *et + de + V_{inf}*, которая квалифицируется как уступительная. Например:

(105) *Et de vivre? et de faire toutes autres manieres de seremens* ‘И жить? и давать разные другие клятвы’ (Fr. Villon. Le Testament Villon, 1461) [= *Et même s'il vivait?* ‘И даже если б он жил?’].

В подкорпусе старофранцузского языка контексты с конструкцией такого рода отсутствуют и фиксируются только в подкорпусе среднефранцузского языка (выявлено 108 контекстов), что свидетельствует об инновации в среднефранцузском синтаксисе.

Конструкция *et + de + V_{inf}* функционирует преимущественно как парцелированная (80 % из 108 контекстов), что позволяет говорить об упрощении синтаксических нагромождений, свойственных старофранцузскому языку, и о прерывании синтагматической цепочки. Изменяется ритм повествования, наблюдается тенденция к сжатости, экономности высказывания и вместе с тем к емкости информационной или эмоциональной насыщенности.

Отдельно отметим, что в старофранцузском языке существовал не сохранившийся до XVII в. сочинительный соединительный союз *si*, восходивший к латинскому наречию *sic* 'так, таким образом'. Старофранцузская лексема *si* имеет двойственный характер: наречие, с одной стороны, полностью сохраняет значение латинского этимона, а с другой стороны, функционирует как союз. В роли союза (в отличие от *et*) союз *si* соединял исключительно однородные глаголы-сказуемые (пример (106)) и помимо последовательности событий обозначал также и противопоставление (примеры (107), (108)).

(106) *Il vos sivat en France le regnet / Si recevrat la lei que vos tenez* 'Как он придет во Францию, наш дом; / И примет он там христианский закон' [Rol].

(107) *Tant l'ai vedut si nel poi aviser* 'Сколько я на него смотрю, а узнать не могу' (Vie de St Alexis, цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 2]).

(108) *Les portes sunt uvertes, si n'en poum cisser* 'Двери открыты, а выйти из них мы не можем' (Pélerinage de Charlemagne, цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 2]).

Предполагается, что исчезновению союза *si* способствовала омонимия с закрепившейся в среднефранцузском периоде латинизированной формой *si* старофранцузского условного союза *se*¹, произошедшего от латинского условного *si* [Сабанеева 1990 и др.].

Функциональные свойства союза *et* раскрываются в разнообразных синтаксических конструкциях. Союз используется при соединении линейно соположенных и функционально равноправных сочиненных компонентов, которые не варьируют свои позиции относительно друг друга, а также в единичных случаях при совмещении сочинения и подчинения. Принцип экономии приводит к сжатию синтаксических конструкций, выражающих отношения противопоставления и уступки, и к выбору бессоюзной конструкции в случае синтаксической синонимии при обозначении отношений одновременности и сопоставления. Для дифференциации отношения последовательности в среднефранцузском языке предпочтение отдается сочетаниям союза *et* с темпоральными наречиями.

Таким образом, союзу *et* свойственно оформлять сочинение как в наиболее чистом, неосложненном виде, соединяя части простого (копулятивное сочинение) и сложного предложения (коннективное сочинение) на основе содержательной тождественности, синтаксической однофункциональности и полной позиционной равнозначности, так и ввиду отсутствия нормативных правил и подражания латинским текстам в неканонических сочиненных рядах и в гибридных построениях, в которых совмещаются сочинение и подчинение.

Единица *et* изначально обладает широкими функциональными и семантическими свойствами на уровне простого и сложного предложений, обусловленными принципом «цепочечного нанизывания» всего наблюдаемого.

¹ Об эволюции условного союза *si* подробно в [Corminboeuf 2009].

3.1.2. Разделительный союз *ou*:

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ vs. ИНКЛЮЗИВНАЯ ДИЗЬЮНКЦИЯ

В старофранцузском языке сохраняется разделительный союз *ou*, письменная фиксация которого относится к первой половине X в. [DAF] (пример (109)). Разделительный союз *ou*, как мы отмечали выше (см. § 1.2.2.3), обладает широкими конъюнктивными способностями в отличие от латинского союза *vel*, который не заимствуется старофранцузским языком.

(109) *Voillent o nun, sil laissent metra an terre* 'Хотят они *или* нет, они оставят его на земле' (Vie de St Alexis, цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 2]).

Скачкообразное увеличение употребительности ЯЕ *ou* (см. § 2.4), которая становится второй по частотности ЯЕ сочинения, уступая союзу *et* в употребительности в среднефранцузский период (см. табл. 11), является следствием расширения ее семантических и функциональных характеристик, что отражается и в дистрибутивных свойствах единицы *ou*.

Данные среднефранцузского подкорпуса демонстрируют рост употребительности единицы *ou* в разнообразных синтаксических построениях, в которых она может повторяться перед сочиненными компонентами. Для иллюстрации изменений в употребительности единицы *ou* отобраны контексты с именными, атрибутивными и глагольными сочиненными рядами (табл. 18).

Т а б л и ц а 18

Динамика употребительности союза *ou* в сочиненных рядах¹

Конструкции	Подкорпуса	
	Старофранцузский	Среднефранцузский
	Количество, ед.	Количество, ед.
[N ₁] [ou] [N ₂]	670	8866
[ou] [N ₁] [ou] [N ₂]	64	207
[N ₁] [ou] [N ₂] [ou] [N ₃]	14	114
[ou] [N ₁] [ou] [N ₂] [ou] [N ₃]	3	13
[N ₁] [ou] [N ₂] [ou] [N ₃] [ou] [N ₄]	1	9
[ou] [N ₁] [ou] [N ₂] [ou] [N ₃] [ou] [N ₄]	0	2
[ADJ ₁] [ou] [ADJ ₂]	149	1838
[ou] [ADJ ₁] [ou] [ADJ ₂]	3	82
[ADJ ₁] [ou] [ADJ ₂] [ou] [ADJ ₃]	0	33
[ou] [ADJ ₁] [ou] [ADJ ₂] [ou] [ADJ ₃]	0	1
[ADJ ₁] [ou] [ADJ ₂] [ou] [ADJ ₃] [ou] [ADJ ₄]	0	4
[V ₁] [ou] [V ₂]	92	1318
[ou] [V ₁] [ou] [V ₂]	0	18
[V ₁] [ou] [V ₂] [ou] [V ₃]	0	14

Легенда: N – имя нарицательное, ADJ – имя прилагательное, V – глагол

¹ Дата обращения: февраль 2021 г.

Согласно нашим данным, в среднефранцузском языке активно начинает использоваться повтор союзного показателя *ou*, который сигнализирует о формировании множества альтернатив. Максимальное количество компонентов сочиненного ряда с повтором союза *ou* достигает четырех, например:

(110) *Ou par envie ou bien par ire Ou par mesdit ou par meffait* 'Или из-за ревности, или из-за гнева, или из-за сплетен, или из-за недоверия' (Miracle de la mère du pape, 1355).

Между тем в среднефранцузском подкорпусе количество контекстов с повтором союзного показателя *ou* в двухкомпонентном сочиненном ряду значительно меньше, чем без его повтора: 8866 контекстов с конструкцией [N₁] [ou] [N₂] vs. 207 контекстов с конструкцией [ou] [N₁] [ou] [N₂], 1838 контекстов с конструкцией [ADJ₁] [ou] [ADJ₂] vs. 82 контекста с конструкцией [ou] [ADJ₁] [ou] [ADJ₂], 1318 контекстов с конструкцией [V₁] [ou] [V₂] vs. 18 контекстов с конструкцией [ou] [V₁] [ou] [V₂].

Тенденцию к повтору союзного показателя *ou* можно было бы объяснить уподоблением ведущему сочинительному союзу *et*, повтор которого в сочиненном ряду активно используется в языке этого периода (принцип аналогии). Закономерно возникает вопрос: является ли повтор союзного элемента *ou* формальным показателем связи, стилистическим приемом либо этот повтор обусловлен семантической и функциональной дифференциацией двойного союза *ou...ou* и одинарного *ou*? Так, например, в российской традиции, согласно В. Санникову, существенное отличие между одинарным *или*, двойным *или...или* и повторяющимся союзом *или...или...или* заключается «не в указании на взаимоисключение компонентов X и Y и не в исключении какого-то третьего компонента, отличного от X и Y, а в «указании на обязательность хотя бы одного из компонентов (или X, но не Y, или Y, но не X)» [Санников 2008, с. 202], что объясняет различия в их сочетаемостных и функциональных свойствах.

Анализ контекстов старофранцузского языка показал, что изначально использование одного союзного показателя или двух не основывается на дифференциации строгой и нестрогой дизъюнкции.

В схожих контекстах, в которых указывается на выбор одного элемента из множества, который противопоставлен другому элементу этого множества, используется или один союзный показатель (примеры (111), (112)), или два (примеры (113), (114)). Два сочиненных компонента репрезентируют взаимоисключающие сущности. А единицы маркируют отношение чистой разделительности, или *взаимоисключения*, которое предполагает, что только один из сочиненных компонентов соответствует действительности.

(111) *Si trouverait en une terre / La fille d'un conte o d'un roi* 'Если бы он нашел в другой стране дочь графа или короля' (Vengeance Raguidel, 1200).

(112) *La vostre amors me donra mort o vie* 'Любовь к Вам принесет мне смерть или жизнь' (Chansonnier de Zagreb, 1255).

(113) *Lequel atendrai ge de vos, ou pes ou guerre?* 'Что ждать мне от вас, или мира, или войны?' (Anonyme. La mort le roi Artu, 1230).

(114) *Si vos ensavrai a respondre ou en nuit ou le matin* ‘Если вы сможете на это ответить *или* ночью, *или* утром’ (Anonyme. *La mort le roi Artu*, 1230).

Для указания на альтернативу без жесткого противопоставления двух компонентов также допустимо использование одного или двух союзных показателей. При этом для описываемой ситуации различие между двумя возможными альтернативами либо равноценно в силу особого эмоционального состояния говорящего, хотя при обычных обстоятельствах данные компоненты не должны быть таковыми (примеры (115), (116)), либо указывает на согласие говорящего с любой из двух или более описываемых ситуаций (примеры (117)–(119)).

(115) *Ne seit ocis u devient chrestien* ‘Что не убит *иль* не крещен водою’ [Rol].

(116) *U pris u mort i fust li reis Marsilie* ‘Марсильи царь был бы *или* пленным, *или* трупом’ [Rol].

(117) *Rendre le quidet u mort o recreant* ‘Или убьет его, *или* сделает поганым’ [Rol].

(118) *Ne seit ocis o en Sebre neiet* ‘Что не убит *иль* не утоплен в Себре’ [Rol].

(119) *S’or i ad cel qui Carle cuntredie, / Il le fait pendre o ardeir ou ocire* ‘А если кто захочет Карлу прекословить, / Будет убит, [ou] сожжен *или* закован’ [Rol].

На основании изложенного можно говорить об изначальной семантической и функциональной недифференцированности единиц *ou* и *ou...ou*. Полагаем, что по причине исходной неоднозначности указанных единиц траектории их развития отличны. Процессу формирования инвентаря языковых единиц, предназначенных для обозначения разделительных отношений, посвящены следующие разделы.

3.1.2.1. Развитие семантики одинарного союза *ou*: конкретизация разделительных отношений

В ранний период развития языка одинарный союз *ou* используется для оформления копулятивной и коннективной связи. При этом он сохраняет свое основное предназначение маркировать взаимоисключение, разделительную дизъюнкцию, и, согласно лексикографическим и грамматикографическим изданиям [CNRTL; DMF; TLF], увеличивает свой семантический объем за счет развития инклюзивной семантики в период среднефранцузского языка.

При копулятивном соединении одинарный союз *ou* продолжает активно использоваться для соединения либо антонимических пар *pire ou meilleur condicion* ‘худшее *или* лучшее условие’, *foible ou fort* ‘слабый *или* сильный’, *yver ou esté* ‘зима *или* лето’, либо компонентов, обозначающих взаимоисключающие действия или состояния *estre roys ou empereres* ‘быть королем *или* императором’.

Эволюция семантики союза *ou* происходит за счет дифференциации отношения инклюзивной, неразделительной, дизъюнкции. Союз *ou* начинает использоваться для обозначения отношений а п п р о к с и м а т и в н ы х (фр. *approximation*) в значении *ou peut-être* 'или может быть', равноценности (фр. *équivalence*) взаимозаменяемых понятий, приближаясь по значению к латинскому союзу *vel*, вышедшему из употребления, и у т о ч н е н и я (фр. *rectification*) в значении *ou du moins* 'или по крайней мере'.

Сочинительный союз *ou* маркирует аппроксимативные отношения, в интерпретации В. Санникова «или приблизительного количества» [Санников 2008, с. 196], например:

(120) *Et une heure ou [peut-être] deux m'attendez Que je revienigne* 'И один час или [может быть] два подождите меня, пока я не вернусь' (Miracle de un marchand et un juif, 1377).

Для конкретизации аппроксимативных отношений, выражаемых союзом *ou*, в период среднефранцузского языка начинает использоваться сочетание союза *ou* и наречия *environ* 'приблизительно, примерно'. Например: *a sept piez et demy ou environ pres de la maison* 'в семи с половиной шагах или приблизительно рядом с домом (букв.)'; *quatorze ans et demi ou environ* '14 лет с половиной или приблизительно (букв.)'; *une heure ou environ* 'час или около того (букв.)'. Если в подкорпусе старофранцузского языка не установлено ни одного контекста с сочетанием *ou environ*, то в среднефранцузском подкорпусе фиксируется 842 контекста.

Союз *ou* маркирует отношение равноценности при сопоставлении разнообразных сущностей: предметов (*qui retient fourme ou empreinte* 'который сохраняет форму или оттиск'); живых существ (*aussi preus comme Alixandres Ou comme Hector* 'такой же отважный, как Александр или как Гектор'); свойств (*affublée ou adournée par diversité* 'наделенные или окруженные разнообразием') и т.п. Соединяя лексические единицы, относящиеся к одной лексико-тематической группе, союз *ou* указывает на альтернативу для номинации живых существ, предметов, явлений, состояний или действий: *un arrest ou jugié* 'арестованный или судимый'; *la demande ou requeste* 'просьба или требование'; *par quelque voye ou maniere* 'каким образом или способом'; *tres grandement ou tres bien amis* 'очень крепкие или очень хорошие друзья'; *savoir ou congnoistre* 'знать или быть компетентным'; *veoir ou regarder* 'видеть или смотреть'.

В следующих примерах (121) и (122) союз *ou* используется для уточнения первого компонента в сочиненном ряду, что подтверждается трансформацией (121a, 122a). Перед вторым сочиненным компонентом возможно использование наречия *du moins* 'по крайней мере', которое конкретизирует значение первого компонента.

(121) *Les autres sont après leur mort par le contraire, qui ne font riens ou tres pou de ce que Dieu commande* 'Другие же после смерти ведут себя иначе, они ничего не делают или делают очень мало из того, что требует Бог' (J. Gerson. Sermon pour la commémoraison des défunts. Beati qui lugent!, 1400).

(122) *...car d'iceulx n'eschappoit nul ou bien peu* '...так как никто из них не избежит (наказания) или мало кто' (Ph. de Commines. Mémoires, 1489).

(121a) *...qui ne font riens [du moins] tres pou.*

(122a) *...car d'iceulx n'eschappoit nul [du moins] bien peu.*

При коннективной связи союзу *ou* свойственно обозначать разделительную, эксклюзивную, дизъюнкцию между частями сложносочиненного предложения (пример (123)) и неразделительную, инклюзивную, дизъюнкцию, например при соединении двух придаточных в сложном предложении (пример (124)).

(123) *Si ne savoie De deus choses la quelle je feroie, D'aler vers eaus, ou je m'en tenroie* 'Если бы я знал, какую из двух вещей я совершу, я бы пошел к ним *или* я бы воздержался от этого' (G. de Machaut. Le Jugement dou Roy de Behaingne, 1340).

(124) *Puis que je suis plain de vendange, Ne me chaut se l'en me le dange Ou s'on me ruse* 'Так как я занимаюсь сбором винограда, мне не важно, угрожают ли мне *или* лукавят' (Miracle de l'evesque que l'arcediacre murtrit, 1341).

В примере (124) отрицание в главном предложении относится к каждому взаимоисключающему компоненту сочинения, где речь идет не о том, что не важно, что вокруг происходит то или иное действие (не (X или Y)), но важно, чтобы либо одно, либо другое имело место, а именно «не X или не Y». Иначе говоря, имплицитно присутствует третий компонент «либо X и Y вместе». В терминах В. Санникова, наличие объединительного компонента «либо X и Y вместе» дает основание говорить о неразделительной дизъюнкции [Санников 2008, с. 190].

Так, следующую ситуацию можно интерпретировать как включающую три альтернативы: 'Есть люди, которые уже имеют причину (=X), есть люди, которые сейчас не имеют причины, но будут иметь (=Y), и есть люди, которые сейчас имеют и будут иметь причину (=X и Y вместе)':

(125) *...et pour ceus qui cause ont ou auront...* '...и для тех, кто причину имеет *или* будет иметь...' (Anonyme. Chartes et documents de l'abbaye de Saint-Magloire, 1330).

Обратим внимание на то, что в составе сложносочиненного предложения логические связи между предложениями, соединенными союзом *ou*, могут быть более сложными. Например:

(126) *Par mun chef, ço dist Carle, otendreit le me dirrez, / U je vus frai ja cele teste couper* 'Клянусь головой, сказал Карл, вы тотчас же мне это скажете, *или* (=иначе, в противном случае) я прикажу вам отрубить голову' (Pélerinage de Charlemagne; цит. по: [Сабанеева 1990, с. 253].

Союз *ou* в примере (126) вводит следствие Q 'приказ обезглавить' из условия P 'если вы мне это не скажете'. Такой способ употребления единицы трактуется как гипотетический в [Corminboeuf 2009]. Причем считается, что для соединительного союза *et* такой способ употребления более характерный [ibid]. Ср. в современном языке: *Encore un pas, et je pars* 'Еще один шаг, и я уйду' (см. § 1.3.1). Любопытно, что, несмотря на то, что так называемые условные *et*-конструкции фиксируются в поздней латыни [Orlandini, Roccetti 2014], во французском языке они появляются после условных *ou*-конструкций. В подкорпусах старо- и среднефранцузского языков фиксируются

единичные контексты с *ou*-конструкциями. В современном же языке для обозначения условия используются в большинстве случаев ПЕ сочинения, такие как *sinon* ‘в противном случае’ и *autrement* ‘по-другому’.

В ранний период развития языка для снятия неоднозначности одинарного союза *ou* при копулятивном и коннективном соединении начинают использоваться разнообразные уточнители, конкретизаторы. В этот период входят в употребление три сочетания: *ou autrement* ‘или по-другому’, *ou sinon* ‘или в противном случае’ и *ou bien* ‘или лучше’. Сравнительный анализ количества контекстов с указанными сочетаниями в старо- и среднефранцузском подкорпусах представлен в табл. 19.

Таблица 19

Динамика употребительности сочетаний союза *ou* с наречиями

Сочетание единиц	Количество вхождений в подкорпусе, ед.	
	Старофранцузский	Среднефранцузский
<i>ou autrement</i> ‘или по-другому’	12	360
<i>ou bien</i> ‘или лучше’	14	212
<i>ou sinon</i> ‘или в противном случае’	0	14

Единичные случаи сочетаний *ou autrement*, *ou sinon* и *ou bien* в период старофранцузского языка становятся более употребительными в среднефранцузском языке, но суммарно не превышают 1 % от количества вхождений союза *ou* в двух подкорпусах. Дистрибутивный анализ показал, что сочетания *ou autrement* и *ou sinon* соединяют исключительно два компонента в отличие от сочетания *ou bien*. Причем эксклюзивное значение характерно для сочетания *ou sinon*, эксклюзивное и инклюзивное – для сочетания *ou autrement*, а инклюзивное – для сочетания *ou bien*.

Большая употребительность характерна для сочетания *ou autrement*. Наречие *autrement* фиксируется с 1100 г. в значении *d’une autre manière, d’une façon différente* ‘другим образом, отличным способом’ при эксплицитном или имплицитном сопоставлении [CNRTL]. Сочетание *ou autrement* маркирует разделительные отношения, а наличие или отсутствие взаимоисключения одной из альтернатив выводится из ситуации. Рассмотрим два примера.

(127) *Mais malice est volontaire, ou autrement il convendroit doubter des choses devant dites* ‘Но хитрость умышленна, или иначе следовало бы подумать прежде, чем говорить’ (N. Oresme. *Le Livre de Ethiques d’Aristote*, 1370).

(128) *Si vous mande monseigneur l’empereur que tout sanz guerre vous vous veniez rendre et mettre en sa mercy, et rendez a sa mere son heritage, ou autrement je vous deffie de par lui* ‘Если Вы, господин император, придете с миром и сдадитесь на его милость и вернете его матери ее наследство, или иначе я бросаю Вам вызов от его имени’ (Bérinus. *Roman en prose du XIVe siècle*, 1350).

Так, сочетание *ou autrement* в примере (127) указывает на наличие двух альтернативных действий в прошлом: ‘Если бы вы, прежде чем говорить, думали, то не допустили бы насмешливых слов в чей-то адрес’. Получается, что выбор между двумя альтернативами «X (=думать, прежде чем сказать) или Y (=сказать, прежде чем подумать)» уже осуществлен, а само высказывание интерпретируется как упрек в умышленных действиях.

Отношение взаимоисключения в примере (128) выводится из двух противопоставленных возможностей «либо X, либо Y» и актуализируется следующим образом: первая альтернатива представлена соединением при помощи союза *et* трех пропозиций (X = ‘прийти с миром, сдаться и вернуть наследство’) и противопоставлена второй альтернативе, имплицитной, (Y = не-X ‘прийти с войной, продолжать бороться и оставить наследство’). Сочетание *ou autrement* используется для выражения угрозы (объявление войны), представленной как следствие невыполнения определенных условий.

Сочетание *ou autrement* может выражать разделительные отношения, которые предполагают нестрогий взаимоисключающий характер между сочиненными компонентами. Например:

(129) *Le premier signe est parler de son amy, soit par lettres, soit par messages ou autrement* ‘Первый знак – это поговорить о своем друге или письмом, или посланием, или по-другому’ (J. Gerson. Sermon pour la fête de la Conception de la Vierge, 1401).

В примере (129) возможность объединительного компонента («X = ‘письмо’ и Y = ‘послание’ вместе»), вводимого сочетанием *ou autrement*, не исключается. Отметим, что в 10 % контекстов за сочетанием *ou autrement* следует точка, а экспликация альтернативы изложена в последующем контексте либо имплицитно, либо общепринятым представлением о положении дел.

Наименьшая употребительность характерна для сочетания *ou sinon*, которое соединяет простые предложения в составе сложного. Наречие *sinon* в значении *si ce n'est, sauf, excepté* ‘если не, кроме, исключая’ фиксируется с 1350 г. [DAF]. Лексема образована в результате слияния отрицательной частицы *non* ‘не’ с союзом *se* ‘если’ в среднефранцузский период (> *ou si non* ‘или, если нет (букв.)’) [CNRTL]. Сочетание *ou sinon*, обозначая невозможность совмещения компонентов X и Y, то есть отношение **в з а и м о - и с к л ю ч е н и я**, обеспечивает разнообразие в системе средств выражения разделительных отношений. Так, возможность альтернативы Y (= ‘не выносить приговор’) исключается:

(130) *Je vendray dire ma sentence Ou si non en mon absence G'y commectray ung lieutenant* ‘Я вынесу приговор или в противном случае в мое отсутствие отправлю туда лейтенанта’ (Sottie à trois personnages: Estourdi, Coquillart et Desgouté, 1460).

Сочетание *ou bien* фиксируется в период старофранцузского языка, начиная с XII в. [DAF]. В единичных контекстах оно образует сочиненный ряд с повтором союзного показателя *ou (bien)...* *ou (bien)* ‘или (лучше)... или (лучше)’ с возможностью опущения наречия перед первым или вторым компонентом:

(131) *Il li estoit toz tens en ese, / savoir s'il veïst leu ne ese / qu'il la ferist an dessotant, ou bien de pres ou an lançant* ‘Ему же было легко, если он предчувствовал момент или случай, он пользовался этим, будь то близко или далеко’ (Eneas: Roman du XIIe siècle: Tome II, 1155).

Употребительность сочетания *ou bien* в образовании разного рода сочиненных синтагм (пример (132)) и предложений вплоть до образования полисиндетона (пример (133)) отмечается к концу XIV в. [Furetière]. Это сочетание эксплицирует осложненный характер отношений, одновременно указывая на разделительные и пояснительные отношения, при образовании градационных пар (*ou par envie ou bien par ire* ‘или от зависти, или от ненависти’), а также при соединении частей сложного предложения. Причем возможность существования двух альтернатив не исключается.

(132) *On deveroit envouer taster sii li pont sont desfait ou bien gardé* ‘Необходимо проверить, разрушены ли мосты или хорошо защищены’ (J. Froissart. Chroniques, 1369).

(133) *...ou bien qui est delitable ou bien qui est utile, c’est a dire proffitable* ‘...или же это преступно, или же это полезно, то есть выгодно’ (N. Oresme. Le Livre de Ethiques d’Aristote, 1370).

В сочетании *ou bien* союзный элемент *ou* не элиминируется (*ou bien* > **bien*) [Nizia 2021, p. 950], а также не допускается введение дополнительного элемента (*ou bien [alors]* > **ou alors bien*) в отличие от сочетания *ou autrement*, где допустимы два вида трансформаций (*ou autrement* > *autrement* и *ou autrement* > *ou bien autrement*). Сказанное позволяет заключить, что в первом случае речь идет об устойчивом союзном обороте, а во втором – о свободном сочетании. Аналогичным образом трактуется сочетание с союзом *et* в [Nizia 2021, p. 950]. Ср.: *et si* > *si* и *et si [alors]* > **et alors si*.

Таким образом, семантическое приращение одинарного сочинительного союза *ou* происходит за счет дифференциации отношения неразделительной дизъюнкции: посредством союза эксплицируются отношения аппроксимативные, равнозначности и уточнения. Изначально одинарный союз обозначает разделительные и неразделительные отношения и оформляет копулятивную и коннективную связь. Маркируя «новые» неразделительные отношения, союз соединяет исключительно члены простого предложения. Вместе с тем наличие уточняющих наречий в постпозиции к разделительному союзу создает условия для реализации более сложных синтаксических образований, а сама система средств выражения разделительной дизъюнкции обогащается за счет сочетания *ou sinon*. Появление условных *ou*-конструкций, иллюстрирующих неканоническое сочинение, свидетельствует о нарушении условия равноправия сочиненных компонентов.

3.1.2.2. Вариативность сочинительных конструкций с повтором союза *ou*: появление новой единицы сочинения *soit*

Свойство союза *ou* повторяться перед каждым сочиненным компонентом приводит к появлению в старофранцузском языке следующих сочинительных конструкций: *o (que) + V_{subj}... o (que) +*

V_{subj} в значении *soit que... soit que* ‘либо то... либо то’ (первая письменная фиксация – 1090 г.); *o bien... o* в значении *ou... ou, soit... soit* ‘или... или’ (первая письменная фиксация – 1130–40 гг.); *se... o se* в значении *si... ou si* ‘если... или если’ в косвенной речи перед вторым присоединяемым элементом (первая

письменная фиксация – 1160 г.) [DAF]. Некоторые исследователи констатируют «широкое использование» перечисленных конструкций в ранний период развития языка [Реферовская 1969, с. 124]. Однако согласно данным старофранцузского подкорпуса количество контекстов с этими конструкциями не превышает 20 % от выявленных 413 контекстов с повтором союза *ou*, что, безусловно, не может свидетельствовать об их высокой частотности в указанный период.

Самая употребительная конструкция *ou + V_{subj}... ou + V_{subj}* представлена двумя вариантами: с наличием союза *que* ‘чтоб’, после которого обязательно следует употребление глагола в сослагательном наклонении (пример (134)), или без этого союза (пример (135)). При этом в большинстве контекстов при отсутствии *que* используется глагол *être* ‘быть’ в сослагательном наклонении (пример (136)). (О свойстве союзного оборота *ou bien* образовывать двухкомпонентный сочиненный ряд см. выше.) Для конструкции *se... o se* характерно отсутствие союзного показателя *ou* в первом сочиненном компоненте, что ставит под сомнение ее отнесение в разряд конструкций с повтором союза (пример (137)).

(134) *C'est assavoir que il feussent plus fort ou que il m'occissent, ou que je muire par quelcunquez cas loing de vous* ‘Нужно знать, что они были сильнее, или что они меня убьют, или что я умру в любом случае вдали от вас’ (Ab. Pierre, Ab. Héloïse, J. de Meung. *La vie et les Epistres*, 1290).

(135) *..ou il puisse remanoir et ou il soit bien veüz* ‘или он мог бы остаться и или (букв.) его было бы хорошо видно’ (Anonyme. *La mort le roi Artu*, 1230).

(136) *Ou soit a mort ou soit a vie* ‘Или живым, или мертвым’ (J. Le Marchant. *Miracles de Notre-Dame de Chartres*, 1262).

(137) *Ne seit se dort ou se someille* ‘Не знает, не то он спит, не то дремлет’ (G. de Coinci. *Miracles de Notre Dame*, 1218).

Отметим, что повтор союза *ou* используется во всех выявленных контекстах для связи либо однородных членов предложения (конструкция *ou + V_{subj}... ou + V_{subj}*), либо простых предложений в составе сложного (конструкции *ou que...ou que / o (bien)...o*).

Отдельного внимания заслуживает появление в сочинительной конструкции нового элемента *soit*, который некоторые лингвисты причисляют к разряду сочинительных союзов, например [Martinet 1979]. Процесс диахронной трансформации в ранний период развития языка (XI–XVI вв.) личной формы широкозначного глагола *soit* ‘будь’ (пример (138)) в раздельный союз *soit* ‘либо’ (пример (139)) приводит к появлению функциональных омонимов¹ – *soit*_{глагол} и *soit*_{союз}, одинаково звучащих, этимологически родственных слов, относящихся к разным частям речи.

(138) *Si qu'il n'i a nul contredit, que Edippus soit nostre sire* ‘Если никто не против, пусть Эдип будет нашим господином’ (Anonyme. *Le Roman de Thèbes*, 1150).

¹ Появление функциональных омонимов признавал А. А. Шахматов и называл конкретные процессы перехода слов из одной части речи в другую латинскими терминами «субстантивация», «адъективация», «вербализация», «прономинализация», «адвербиализация», «конъюнкционализация» [Шахматов 2001 (1927)].

(139) *Mes l'ame de honme est pardurable, soit en bien ou en mal* 'Но человеческая душа вечна, будь то в хорошем или в плохом' (J. de Vignay. *Les Oisivetés des emperieres*, 1330).

Процесс перехода *soit*_{глагол} в *soit*_{союз} не являлся ранее предметом специального рассмотрения.

Безусловно, одним из возможных способов компенсации недостаточности грамматических средств для выражения отношений между сущностями, регулируемым принципом экономии, является использование уже существующих в языке единиц для новой функции. Начиная с периода старофранцузского языка при сохранении звукового и графического облика лексем *soit*_{глагол} и *soit*_{союз} наличествуют следующие признаки¹ трансформационного процесса: 1) изменение синтаксической функции (часть именного и глагольного сказуемых → связующая единица); 2) изменение категориального значения (глагол → союз); 3) изменение лексического значения ('будь' → 'либо'); 4) изменение сочетаемостных свойств (соединение частей сложного предложения → соединение членов простого предложения).

Заметим, что первая письменная фиксация разделительного союза *soit* в составе сочинительной конструкции *ou soit... ou soit* относится к 1070 г. [CNRTL]. Количественные показатели употребительности указанных функциональных омонимов в старо- и среднефранцузском подкорпусах представлены в табл. 20.

Т а б л и ц а 20

Динамика употребительности функциональных омонимов *soit*_{глагол} и *soit*_{союз}²

Периоды (гг.)	1001–1299	1300–1599
Количество вхождений лексемы в подкорпусах, ед.	2836	13 280
Из них <i>soit</i> _{глагол}	90,5 %	89,3 %
Из них <i>soit</i> _{союз}	9,5 %	10,7 %

Анализ корпусных данных показал, что относительные количественные показатели употребительности лексем в двух периодах коррелируют: лексема *soit* в роли союза употребляется примерно в каждом десятом случае.

Процесс появления новой единицы сочинения *soit* обусловлен как грамматикализацией личной формы глагола *être* 'быть' (*soit*), так и одновременным ее функционированием в старофранцузском языке в составе двух свободных синтаксических глагольных построений: с союзом *ou* (*soit X ou soit Y*) и с повтором союза *ou* (*ou soit X, ou soit Y*).

Употребительность сочетания *ou soit* до XVI в. отмечается в работах по диахронической лингвистике (см., например, [Nizia 2021, p. 950]). Анализ показывает, что контексты с сочетанием *ou soit* встречаются в старофранцузском языке, при этом второй элемент сочетания *soit* опускается перед вторым сочиненным компонентом:

¹ В лингвистической литературе признаки функциональных омонимов систематизированы, уточнены и дополнены В. Н. Мигириным [Мигирин 1971, с. 150–167].

² Дата обращения: март 2021 г.

(140) *Bien vialt qu'il praingne a son plaisir / Quanqu'il voldra por lui servir. / Ou soit d'argent ou [soit] de tresor* 'Нужно, чтоб он брал все, что может ему послужить. Будь то серебро или богатство' (Ch. de Troyes. Cligès, 1176).

Опущение второго элемента позволяет толковать первый элемент конструкции *ou soit X, ou soit Y* не как последовательность автономных элементов (сочинительный союз и глагол), а как союзный оборот в целом, который требует наличия второго сочиненного компонента, введенного союзом, для оформления альтернативного сочиненного ряда. Рассмотрим процесс появления элемента *soit* в составе современного двойного разделительного союза *soit... ou*.

Как было отмечено выше, в старофранцузский период образуется сочинительная конструкция *ou (que) V_{subj.}... ou (que) V_{subj.}...* (пример (141)). Причем количество контекстов с конструкцией указанного типа не превышает 15 % от общего количества контекстов с повтором союзного показателя *ou*. Грамматическое ограничение на использование других наклонений кроме сослагательного после союза *que* для выражения оптативности предопределяет появление личной формы глагола *soit* (*être* 'быть') (пример (142)).

(141) *Ou que les hommes eussent chascun deux femmes, ou que chascune feme eust deux mariz* 'Или у мужчин по две жены, или у каждой женщины два мужа' (Fillastre, Traité Conseil H., 1272).

(142) *...ou il puisse remanoir et ou il soit bien veüz* 'или он мог бы остаться и или (букв.) его было бы хорошо видно' (Anonyme. La mort le roi Artu, 1230 [FR]).

В подкорпусе среднефранцузского языка по сравнению с подкорпусом старофранцузского языка количество контекстов данного типа увеличивается с 51 до 566. В условиях отсутствия нормативных правил формы индикативного и сослагательного наклонений в соединенных частях сложного предложения варьируются. Фиксируются три варианта: (CO) *V_{ind.} CO V_{subj.}*; (CO) *V_{ind.} CO V_{ind.}*; (CO) *V_{subj.} CO V_{subj.}* (пример (143)). В контекстах с глаголом *être* 'быть' в 90 % случаев используется сослагательное наклонение.

(143) *Dieu, notre juge, nous baille yci election: ou que nous soyons yci batuz de la verge de penitence, ou que nous aurons jugement rigoureux après la mort* 'Господь, наш судья, нас принуждает к выбору: либо мы будем здесь высечены розгами в наказание, либо нас ждет суровый суд после смерти' (J. Gerson. Sermon pour la commémoraison des défunts, 1400).

Количество контекстов, в которых личная форма глагола в сослагательном наклонении *soit* присоединяется к сочетанию *ou que* (*ou que + V_{subj.} > ou que soit*), в подкорпусе среднефранцузского языка по сравнению с подкорпусом старофранцузского языка увеличивается с 9 до 66 соответственно. В большинстве случаев происходит элиминация союза *que*, что приводит к появлению сочинительной конструкции *ou soit... ou soit*, которая в дальнейшем претерпевает сокращение (*ou soit... ou (soit) > soit... ou*). Союз *ou* сохраняется перед вторым сочиненным компонентом, а лексема *soit* – перед первым. В ходе синтаксических преобразований двойной союз *soit... ou* становится указателем отношения **в з а и м о и с к л ю ч е н и я** между двумя

альтернативными сущностями, представленными функционально тождественными и семантически однородными компонентами сочиненного ряда: *soit demandeur ou deffendeur* ‘либо истец, либо защитник’; *soit près ou loing* ‘либо рядом, либо далеко’; *soit mariée ou pucelle* ‘либо замужем, либо девственница’; *ou soit au champs ou en chambre ou en lit* ‘либо в поле, либо в комнате, либо в кровати’; *soit pour lui ou contre lui* ‘либо за него, либо против него’.

За более чем пятисотлетнюю историю развития французского языка форма *soit* широкозначного глагола *être* в сослагательном наклонении в составе сочиненной конструкции *ou que soit... ou que soit* грамматикализуется, проходя путь от полнозначного до служебного слова, то есть соединительного элемента. Для процесса перехода *soit* ‘будь’ в *soit* ‘либо’ характерно: а) фиксация синтаксической позиции нового элемента *soit* перед первым сочиненным компонентом; б) сокращение сферы употребления новообразованного двойного союза *soit... ou* (соединение однородных членов в составе простого предложения в среднефранцузском языке для указания на отношение взаимоисключения); в) рост употребительности двойного союза *soit... ou* по сравнению с исходным двойным союзом *ou... ou* (933 vs. 370 контекстов в подкорпусе среднефранцузского языка соответственно¹).

Градуальный характер перехода одной части речи в другую мы продемонстрируем, используя разработанную В. В. Бабайцевой «шкалу переходности» $A > A\delta > AB > aB > B$ [Бабайцева 2000]. Результатом диахронной трансформации являются функциональные омонимы А (исходная форма *soit*_{глагол} ‘будь’) и Б (трансформант *soit*_{союз} ‘либо’). Гибридные контаминационные факты, так называемые переходные явления, занимают промежуточные звенья АБ, Аδ, аБ. «Шкала переходности» функциональных омонимов *soit*_{глагол} и *soit*_{союз} в ранний период развития французского языка представляет собой следующий ряд:

А (глагол): *...si qu’il n’i a nul contredit, que Edippus soit nostre sire* ‘...если никто не против, пусть Эдип будет нашим господином’ (Anonyme. Le Roman de Thèbes, 1150);

Аδ (гибрид): *soit ou mort ou pris* ‘будь то мертв или взят в плен’, *soit ou sens ou folie* ‘будь то благоразумие либо безрассудство’;

АБ (гибрид): *Sivre le me covient adés, ou soit de loig ou soit de pres* ‘Чтобы мне следовать всегда за ним, будь то далеко или близко’ (Ch. de Troyes, Érec et Ênide, 1170);

Ба (гибрид): *soit de boire ou soit de manger* ‘либо выпить, либо поесть’, *soit à bien ou soit à contreraire* ‘либо хорошо, либо наоборот’;

Б (союз): *soit pour elle ou contre elle* ‘либо для нее, либо против нее’, *soit le père ou le fils* ‘либо отец, либо сын’, *soit en santé ou maladie* ‘либо в здравии, либо в болезни’, *soit en paix ou en adversité* ‘либо в мире, либо во вражде’.

Согласно представленной «шкале переходности» функциональных омонимов *soit*_{глагол} и *soit*_{союз} звенья А и Б представляют единицы одной части речи с полным набором дифференциальных признаков: глагол *soit* в личной форме

¹ При подсчете учитывались все возможные варианты: *soit...ou soit, soit ou... ou, ou soit... ou soit* и *soit... ou*.

в бытийном значении (А), разделительный союз *soit*, указывающий на взаимоисключение (Б). Границы между функциональными омонимами в зоне переходности размываются, а переходные звенья характеризуются синкретизмом свойств, что указывает на градуальность процесса. В звеньях Аб, АБ и Ба в разной степени проявляются как приобретенная способность союза соединять две альтернативы (*soit à bien ou soit à contrerai* 'либо хорошо, либо наоборот'), так и сохранившиеся, несущественные, свойства глагола как части речи (*soit ou mort ou pris* 'будь то мертв или взят в плен' ← *être mort ou être pris* 'быть мертвым или быть взятым в плен').

Гибридные случаи *soit...ou soit*, *soit ou...ou*, *ou soit...ou soit* существуют параллельно в старо- и среднефранцузский периоды развития языка и представляют для современного носителя языка избыточное сочетание двух элементов *soit* и *ou*. Приведенные переходные случаи употребления *soit* аннотированы в подкорпусах как союз и представлены количественно в равных соотношениях. Однако их употребительность значительно уступает употребительности двойного разделительного союза *soit...ou* и составляет не более 30 % от 933 контекстов с союзным элементом *soit*. Количественное доминирование варианта *soit...ou* позволяет дифференцировать окказиональное и узуальное употребления в указанный период развития языка. В последующем французскими академиками уже в начале XVII в. предписывается использовать двойной разделительный союз *soit...ou* и исключать из употребления другие варианты как ненормативные (см. [Benoist 1877]).

Система средств выражения разделительных отношений в ранний период развития французского языка обогащается двойным союзом *soit... ou*, который изначально служит для обозначения отношения взаимоисключения между компонентами сочиненного ряда. Дальнейшие изменения употребительности единицы *soit*, ее семантических, функциональных и сочетаемостных свойств требуют дополнительных исследований.

Из сказанного следует, что интенсивное увеличение употребительности ЯЕ сочинения *ou* в период среднефранцузского языка является следствием расширения ее семантических и функциональных свойств, которые отражаются в ее дистрибутивных свойствах. Выход из употребления латинского союза *vel*, предназначенного для неразделительной дизъюнкции, компенсируется, таким образом, за счет активного использования повтора союзного показателя *ou*, а также сочетаний *ou environ*, *ou autrement*, *ou bien* и *ou sinon*, разнообразных разделительных сочинительных конструкций и появлением новой единицы *soit*. Такое многообразие языковых единиц в ранний период развития языка свидетельствует о коммуникативной востребованности в номинации разного рода разделительных отношений.

3.1.3. Сочинительный союз *ni in potentia*

Сочинительный союз *ni*, согласно традиционной грамматике, квалифицируется по характеру выражаемых им отношений наравне с союзом *et* как соединительный (фр. *copulative*) [Grevisse 2008, p. 326]. Однако на протяже-

нии более чем тысячелетней истории развития французского языка союз *et* значительно превосходит союз *ni* в частотности (см. рис. 15), что закономерно вызывает вопрос о причинах низкой употребительности последнего.

Лексема *ni* является самой низкочастотной из семи ЯЕ сочинения. Употребительность союза *ni* характеризуется стабильно низкими показателями (21 и 26 вхождений на 1 миллион словоупотреблений в подкорпусах старо- и среднефранцузского языка соответственно) и сопровождается резким, интенсивным, скачком после 1750 г. (см. рис. 16).

Этимологически восходящая к латинской лексеме *nes* современная форма *ni* является результатом слияния исходной формы *ne* со старофранцузским демонстративом *icel* > *celui* ‘этот’ или с личным местоимением *il* ‘он’ (*ne* + *icel* > *n’icel* > *n’il* > *ni*) [Fouché 1969, p. 339; Soutet 1992(б), p. 82].

Первая письменная фиксация союза *ni* относится к старофранцузскому периоду (842 г.). В «Страсбургских клятвах» уже используется повтор союзного показателя *ni* для оформления двухкомпонентного сочиненного ряда (пример (144)), а в «Секвенции о Св. Евлалии» – для оформления многокомпонентного сочиненного ряда (пример (145))¹.

(144) ...*ne io ne neuls cui eo returnar int pois, in nulla aiudha contra Lodhuuwig nun li iu er* (Serments de Strasbourg, цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 2]) ‘...ни я, ни другой, кому я в этом смогу помешать, никакой помощи против Людовика ему не окажет’ (пер. [Томашпольский 2018, с. 140]).

(145) *Ne por or ned argent ne paramenz. / Por manatce regiel ne preiement. / Niule cose non la pouret omq[ue] pleier* (Séquence de sainte Eulalie; цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 4]) ‘Ни злато, ни серебро, ни похвалы, / Ни царские угрозы, ни мольбы – / Ничто святую не могло сломить’ (пер. [Секвенция...]).

В лексикографических источниках [Furetière; Godefroy; DMF] отмечается два варианта написания единицы *ni*: форма *ne*, которая сохраняется до XVII в. особенно в устойчивых выражениях, и форма *ny* (или *ni*), которая фиксируется с XIII в. и входит в употребление только в XVI в. [Marchello-Nizia 1979]. Вплоть до конца XV в. форма *ny*² малоупотребительна и только с начала XVI в. начинает активно использоваться [Fouché 1969, p. 339; Soutet 1992(б), p. 82].

В нашей выборке (325 контекстов из [FR]³, из них 51 – из старофранцузского подкорпуса, 274 – из среднефранцузского) фиксируется использование нескольких вариантов *ni* в одном предложении. Например, посредством двух разных форм *ni* соединяются два компонента сочиненного ряда:

(146) *Le medecin ny froit ni chault Ne me faict* ‘Врач не делает мне ни тепло, ни холодно’ (A. de La Vigne. Le Mystère de saint Martin, 1496).

Существуют две противоположные точки зрения относительно грамматического статуса единицы *ni* на протяжении старо- и среднефранцузского

¹ В [CNRTL; DAF] отмечается участие союза *ni* в создании отрицательного сочиненного ряда с 1050 г.

² Французские исследователи Средневековья отмечают авторское предпочтение в употреблении той или иной формы. Так, в произведениях А. Шартье и Фр. Вийона фиксируется только форма *ne*, форма *ni* – только 4 раза в произведениях Г. де Машо, и одно-единственное использование *ny* в произведениях Фр. Вийона [Badiou-Monferran 2005].

³ Дата обращения: декабрь 2020 г.

периодов. Согласно одной точке зрения, единица *ni* выполняет роль отрицательного сочинительного союза (фр. *coordonnant négatif*) либо еще не является союзом *stricto sensu* [Soutet 1992(б), р. 239]. Другие полагают, что эта единица используется в качестве ограничителя отрицания (фр. *forclusif de la négation*) [Badiou-Monferran 2005, 2004].

Полагаем, что низкая частотность единицы *ni* по сравнению с другими ЯЕ сочинения обусловлена как неоднозначностью самой лексемы в контекстах с отрицанием, так и активным употреблением в старо- и среднефранцузском языках ЯЕ сочинения *et* и *ou*, «положительных сочинительных союзов» (фр. *coordonnants positifs*) в интерпретации [Badiou-Monferran 2005]. Рассмотрим дистрибутивные свойства исследуемой единицы в контекстах с отрицанием и ее функциональный потенциал в образовании сочиненных рядов.

3.1.3.1. Союз *ni* и отрицание

Сохранение вариативности письменной формы союза *ni* в старо- и среднефранцузском языках (см. табл. 8) приводит к омонимии, совпадению его написания с приглагольной отрицательной частицей *ne* ‘не’ (фр. *discordancier* ‘различителем’ [Теньер 1988, Blondet 2004]), восходившей к латинскому превербальному *non* [Fouché 1969, р. 321]. В старофранцузском языке с помощью приглагольной отрицательной частицы *ne* выражалось монологативное (однокомпонентное) отрицание. В период старо- и среднефранцузского языков система средств выражения отрицания только формируется. Специально предназначенные для выражения отрицания единицы латинского происхождения, начинающиеся на *ne-*, постепенно исчезают из системы. Так, например, лексема *même* ‘даже’ замещает лексему *neis*; *aucun, personne* ‘никто’ – *nul*; *rien* ‘ничто’ – *néant* (об этом подробно в [Badiou-Monferran 2004]). Омонимия двух лексем *ne* (одна из которых является отрицательной частицей, а вторая – союзом) предопределяет функциональные свойства союза *ni* в контекстах, в которых совмещаются сочинение и отрицание.

Контексты, в которых одновременно употребляются отрицательная частица и союз, фиксируются в старо- и среднефранцузском подкорпусах. Союз *ni* используется при оформлении копулятивной и коннективной связи. При этом употребление лексемы *ni* в роли союза для соединения частей простого предложения сохраняется в современном языке, а ее использование для связывания частей сложного предложения претерпевает существенные изменения.

В простом предложении союз *ni* соединяет однородные сказуемые с отрицанием:

(147) *Ceste gent, dont ie vous parle, il ne courtillent ni ne labourent point en terre* ‘Эти люди, о которых я вам говорю, не ухаживают и не возделывают землю’ (J. de Mandeville. Voyages, 1360).

Аналогичное употребление сохраняется в современном французском языке и признается нормативным [Grevisse 2018]. При наличии отрицания перед первым глаголом в личной форме союз *ni* маркирует второй компонент, а отрицательная частица *ne* сохраняется перед вторым глаголом в личной форме (пример (148)). Однако возможны и исключения, где в роли соединителя выступает ЯЕ сочинения *et* (пример (149)).

(148) *Je ne l'estime ni ne l'aime* 'Я его не люблю и не уважаю' (цит. по: [Grevisse 2008, p. 1395]).

(149) *M.Guitrel ne parlait pas et ne mangeait pas = M.Guitrel ne parlait pas ni ne mangeait pas* 'Господин Гитрель не разговаривал и не ел' (цит. по: [Grevisse 2008, p. 1395]).

В старо- и среднефранцузском языках союз *ni* обеспечивает соединение двух частей сложного предложения, каждая из которых содержит отрицание (пример (150)). В современном французском языке в аналогичном контексте используется ЯЕ сочинения *et* (пример (151)).

(150) *Alez vous en Et de cecy plus ne parlez, Ne jamaiz ne le revelez A homme du monde vivant* 'Уходите отсюда и об этом больше не говорите, и никогда не рассказывайте об этом никому живому' (Le Livre et mistere du glorieux seigneur et martir saint Adrien, 1450).

(151) *Ne réfléchissez pas et surtout ne raisonnez pas* 'Не думайте и особо не рассуждайте' (H. Bergson. Le Rire. Essai sur la signification du comique, 1899; цит. по [Grevisse 2008, p. 1396]).

Активное употребление ЯЕ *et* и *ou* с широкой семантикой в разнообразных контекстах для оформления сочинения в утвердительных и отрицательных высказываниях приводит к состоянию «противоборства» между употреблением союза *ni* и союзов *et* и *ou*, которое продолжается вплоть до периода классического французского языка.

Так, например, в старофранцузском языке при соединении двух предложений, одно из которых утвердительное, а второе отрицательное, употребляется либо союз *ni* (пример (152)), либо *et* (пример (153)). В современном французском языке при соединении частей сложного предложения предпочтение отдается союзу *et* (пример (154)).

(152) *S'ele voit ne lieu ne tens ele li dira ausi tost, ne ja ne cèlera tel chose* 'Если она не увидит ни места, ни времени, она это скажет сразу же и не спрячет этот секрет' (G. de Coinci. Les Miracles de Nostre Dame, 1236).

(153) *Toujours rede il ou cante ou brait, et si ne set onques k'il fait* 'Всегда он говорит, или поет, или плачет и даже не знает, что делает' (G. de Coinci. Les Miracles de Nostre Dame, 1236).

(154) *La journée n'était pas finie, et les hommes ne se préparaient pas encore à partir* 'День еще не закончился, и люди еще не собирались расходиться' (H. Bergson. Le Rire. Essai sur la signification du comique, 1899; цит. по: [Grevisse 2008, p. 1397]).

В период среднефранцузского языка одинарный союз *ni* используется для соединения разнофункциональных элементов. Так, например, соединение придаточного изъяснительного и обстоятельства места в примере (155) является результатом упрощения более сложной синтаксической единицы. В результате трансформации в (155а) восстанавливается исходная, сложная синтаксическая единица.

(155) *Nulz ne savoit dire De voir ou vous estiez, sire, Ni en quel lieu* 'Никто не может сказать, что видел, где вы были, господин, и в каком месте' (Anonyme. Miracle de un prevost que Nostre Dame delivra, 1352).

(155a) *Nulz ne savoit dire De voir ou vous estiez, sire, ni* [personne ne savait dire] *en quel lieu* ‘Никто не смог сказать, что видел, где вы были, господин, ни [никто не мог сказать] в каком месте’.

Напомним, что тенденция к опрощению в среднефранцузском языке характерна для синтаксических образований, сочиненных посредством самого употребительного союза *et* (см. § 3.1.1.2).

Не подлежит сомнению, что исследование семантических и функциональных свойств сочинительного союза *ni* в контекстах с отрицанием представляет собой весьма интересную задачу с точки зрения диахронического аспекта, которая, однако, в силу своей объемности не может быть выполнена в рамках данной работы.

В период старо- и среднефранцузского языков при эксплицитно выраженном отрицании одинарный союз *ni* и двойной союз *ni...ni* образуют именные и неименные сочиненные ряды. Роль ЯЕ сочинения *ni* в образовании сочиненных рядов раскрывается в следующем подразделе.

3.1.3.2. Сочиненные ряды с союзом *ni*

Одинарный союз *ni* проявляет по сравнению с союзами *et*, *ou* низкую активность в образовании сочиненных рядов. Дистрибутивный анализ позволил установить, что количество контекстов с двойным союзом в среднефранцузский период по сравнению со старофранцузским не увеличивается, как это характерно для союзов *et* и *ou*.

Количественное сопоставление контекстов с одинарным союзом *ni* и двойным союзом *ni...ni* в выборке демонстрирует преобладание в старо- и среднефранцузском языках контекстов с именными и атрибутивными сочиненными рядами (*ni*) N *ni* N и (*ni*) Adj *ni* Adj. Неименные сочиненные ряды (V_{pers} *ni* V_{pers}) не частотны, что, на наш взгляд, объясняется одновременным употреблением приглагольного отрицания и союза (см. примеры выше). Количественная корреляция контекстов с одинарным и двойным союзами (48 % vs. 52 %) при соединении двух компонентов именного сочиненного ряда позволяет говорить о факультативной маркированности первого сочиненного компонента союзным показателем. Ср.:

(156) *Ne portoit perches ne bastons* ‘Не носили жердей ни палок (букв.)’ (G. de Machaut. *La Louange des dames*, 1377).

(157) *Mes il ne avoient ne sacrefices ne prestres* ‘Но они не имели ни жертв, ни священников’ (N. Oresme. *Le Livre de Ethiques d’Aristote*, 1370).

Сочиненные ряды с одинарным и двойным союзами представляют собой синонимические пары, колеблющиеся от слабой синонимичности до полной тавтологии. Например: *ne plur ne pleigne* ‘ни плача, ни печали’, *ne pur mort ne pur destreit* ‘ни ради смерти, ни ради невзгоды’, *ne vestut ne saisit* ‘ни облачен, ни принят’, *que nus perduns l’onur ne la deintet*, ‘чтоб мы утратили славу и почет’, *n’orrat de nos paroles ne nuveles* ‘не будет от нас ни гласа, ни весточки’ [Rol] (ср. со схожими контекстами из «Песни о Роланде» с союзом *et* (см. § 3.1.1.1).

Необходимо отметить, что в современном французском языке при отсутствии частицы *pas* (ограничителя отрицания) в именном сочиненном ряду используется двойной *ni...ni* или повторяющийся союз *ni...ni...ni*. Например: *Heureux qui n'a ni dettes ni procès* 'Счастлив тот, у кого нет ни долгов, ни судебных тяжб'; *Il ne fut content ni des mets, ni des vins, ni du service* 'Он не был доволен ни блюдами, ни вином, ни обслуживанием' [Grevisse 2008, p. 1397]. В противном случае при наличии отрицательного ограничителя нормативная грамматика современного французского языка предписывает использовать союз *ni* для введения второго компонента: *Il n'a pas de parents ni d'amis* 'У него нет родителей, ни друзей (букв.)' [ibid]. Однако при принятой норме отмечаются отклонения: допускается использование союза *et* в аналогичном контексте, как, например: *Les mathématiques n'admettant pas l'hypocrisie et le vague* 'Математика не допускает лицемерия и неопределенности' [ibid].

Сочиненные ряды с двойным союзом *ni...ni* не выполняют самостоятельной функции отрицания, а служат только для его усиления, придавая ему исключаящий характер ('не-Х и не-У'). В старо- и среднефранцузском языках отрицательно-усилительный двойной союз *ni...ni* используется для указания на несуществование предметов, явлений в следующих случаях: наличие в именном сочиненном ряду лексемы с обобщающим значением *rien* 'ничто' (примеры (158), (159)); соединение предложных или наречных групп, например: *ne en fais ne en dis* 'ни в делах, ни на словах'; *n'avant n'arrière* 'ни вперед, ни назад'; *ni a l'ostel ne a la bataille* 'ни в жилище, ни в битве'; *ni del'un ni de l'autre* 'ни от одного, ни от другого'; *ne comment ne par qui elles sont gouvernees* 'ни как, ни кем они управляются' (пример (160)); соединение семантически противоположных единиц для выражения значения промежуточности (пример (161)), когда одинаково отрицаются два соединенных компонента, например: *ne ben ne mal* 'ни хорошо, ни плохо'; *ne a dreit ne a tort* 'ни прав, ни виноват'.

(158) *De lui rien ne remaingne Ni char ny os* 'От него ничего не осталось, ни плоти, ни костей' (Anonyme. Miracle de une femme que Nostre Dame garda d'estre arse, 1368).

(159) *Ne arque ni table ne rien ne pavoit se tenir en son lieu* 'Ни арки, ни столов, ничто не могло стоять на его месте' (N. de Caumont. Le Voyatge d'Oultremer en Jherusalem, 1420).

(160) *Ne fait damage ne de mei ne d'altrui* 'Не нанес урон ни мне, ни другому' [Rol].

(161) *Etoit celle seinte eawe ne trop froide ne trop chaude, mes bien tieve* 'Была это святая вода, ни очень холодная, ни очень горячая, но достаточно теплая' (Anonyme. Le Livre de seyntz Medicines, 1354).

Свойство двойного союза *ni...ni* соединять два компонента, обозначающих противопоставленные сущности, приводит к появлению устойчивых сочетаний, как, например:

(162) *Suis je donc devenu ane? Je en porte bien les ensenhes: Ne plus ni meyns, come ung ase!* 'Неужто я стал ослом? У меня все признаки его: ни больше, ни меньше как мастер!' (Anonyme. Farce à quatre personnages: le Fol, le Mari, la Femme et le Curé, 1470).

В старо- и среднефранцузском подкорпусах не фиксируется повторяющийся союз *ni...ni...ni*. В этот период времени в условиях отсутствия строгих грамматических правил можно говорить о намечающейся тенденции к оформлению многокомпонентного сочиненного ряда с ЯЕ *ni* при эксплицитно выраженном отрицании. Выделяется два способа оформления многокомпонентного сочиненного ряда с участием ЯЕ *ni*: многокомпонентный сочиненный ряд с одновременным использованием союзов *et* и *ni* либо *ou* и *ni*; разные варианты конструкции с предлогом *sans* 'без'. Контексты, в которых используются указанные способы оформления сочиненного ряда, фиксируются только в подкорпусе среднефранцузского языка, что позволяет говорить о нововведении в среднефранцузском синтаксисе.

Для контекстов, в которых многокомпонентные сочиненные ряды образованы с одновременным использованием союзов *ni* и *et* (пример (163)) или *ni* и *ou* (пример (164)), характерно отсутствие союзного показателя перед первым компонентом (обозначено знаком $\emptyset$).

(163) *...quand un noble homme venoit en eage compétent de porter armes, jamais ne cessoit, non doutant $\emptyset$ péril de corps, e peines, ni travaux que advenir luy pust* '...когда благородный человек достигает возраста носить оружие, он никогда не перестает сомневаться *ни* в рисках для тела, *ни* в тяготах, *ни* в должных работах' (Anonyme. Le Livre des faits du bon chevalier messire Jacques de Lalaing, 1470).

(164) *Ilz ne sont pas $\emptyset$ pelez ou chauves ne barbus* 'Они не волосатые, *ни* лысые, *ни* бородатые' (M. de Saint-Gille. Les Commentaires sur les Amphorismes Ypocras, 1362).

Отсутствие союзного показателя перед первым компонентом в отрицательном многокомпонентном сочиненном ряду допустимо и в современном языке. Например:

(165) *Je ne dispose malheureusement de la volonté $\emptyset$ de la jeune personne, ni de celle de sa mère, ni de celle d'une cousine* 'К сожалению, у меня нет воли молодого человека, ни воли его матери, ни воли двоюродной сестры' (цит. по: [Grevisse 2008, p. 1395]).

Между тем использование нескольких союзов в образовании отрицательного сочиненного ряда признается в современном французском языке ненормативным [Grevisse 2018], хотя еще в классическом французском языке в исключительных случаях возможно использование одинарного союза *ni* в многокомпонентном ряду. Например: *Coufre, banc, ny rocher, n'exigea de réage* 'Сундук, скамейка *ни* камень не просят платы (букв.)' (La Fontaine, цит. по: [Grevisse 2008, p. 1395]).

Двух- или многокомпонентный сочиненный ряд с предлогом *sans* 'без' образуется по следующим моделям: *sans* + N + ***ni*** + N, *sans* + V + ***ni*** + V, *sans* + V + ***ni*** + N + ***ni*** + N. Предлог *sans* обозначает «la privation, l'absence, l'exclusion» 'лишение, отсутствие, исключение' [TLF] и выступает в роли отрицательного различителя, маркируя начало сочиненного ряда. Выявленные двух- и трехкомпонентные сочиненные ряды удовлетворяют всем условиям канонического сочинения. Эти ряды характеризуются лексико-семантической тождествен-

ностью и синтаксической однофункциональностью: *sans boire ne citre ne vin* ‘не выпив ни сидра, ни вина’; *sans sentir le chaut ni l’odour Dou feu ne de sa grant ardour* ‘не чувствуя ни тепла, ни запаха огня, ни его огромной страсти’; *sans en ce parler ne comprendre* ‘не говоря об этом и не понимая’.

О продуктивности перечисленных моделей с предлогом *sans* свидетельствуют многочисленные фразеологические обороты, такие как: *sans feu ni lieu* ‘бездомный’, *sans foi ni loi* ‘без веры или закона’, *sans queue ni tête* ‘бессмысленный’, *sans rime ni raison* ‘ни в пять ни в десять’, *sans sou ni maille* ‘без гроша и рубахи’, *sans tambour ni trompette* ‘тишком’, *sans peur ni reproche* ‘без страха и упрека’ [TLF] (перевод дается по: [Гак 2010]).

Таким образом, в период старо- и среднефранцузского языков союз *ni*, несмотря на низкую употребительность, демонстрирует широкие функциональные возможности, образуя единицы разной синтаксической сложности, что отражается в его сочетаемостных свойствах.

Начиная с раннего периода развития языка сохраняется устойчивая тенденция использовать ЯЕ сочинения *ni* при соединении двух неименных компонентов (*ne V_{pers} ni ne V_{pers}*), а также в двухкомпонентных именных сочиненных рядах при сохранении отрицательной частицы (*pas N ni N*, *pas Adj ni Adj*). ЯЕ сочинения *ni* утрачивает свои функциональные свойства при соединении частей сложного предложения, а также при соединении разнофункциональных сочиненных компонентов в результате опрощения сложного предложения в пользу союза *et*. О копулятивном потенциале ЯЕ сочинения *ni* свидетельствуют разнообразные фразеологические обороты современного французского языка, процесс появления которых заслуживает отдельного внимания.

3.1.4. Феномен противительного союза *mais*

Новыми противительными союзами в старофранцузском языке являются *mais* (< наречие *magis* [TLF]) и *ainz* (< наречие *antius* [TLF]), параллельное существование которых неоднократно являлось объектом лингвистических исследований. Развитие значений от *magis* ‘больше’ к *mais* ‘но’ (*mais, maix, maiz, mies, mes, mez, mees, mai, mas*) и от *antius* ‘раньше, скорее’ к *ainz* ‘но, а’ (*a[/]czo, ains, eins, einz*) объясняется в [Melandier 1916, Meillet 1982 (1922), Antoine 1958, Сабанеева 1990 и др.] предполагаемым эмфатическим употреблением в позднелатинской разговорной речи наречий *magis* и *antius* после противительного союза *sed*. Сочетания *sed magis* и *sed antius* сопоставимы по значению с русским ‘но скорее’, ‘а предпочтительнее, а вернее’ и с современными французскими *mais plutôt, mais bien plus*. В результате контаминации *magis* и *antius* приобрели противительное значение, а латинский союз *sed* исчез [Сабанеева 1990].

Сопоставление количественных характеристик двух единиц *mais* и *ainz* в старофранцузском и среднефранцузском подкорпусах позволяет говорить о большей употребительности единицы *mais* по сравнению с союзом *ainz* (5109 vs. 605 и 26 163 vs. 710 вхождений в подкорпусах соответственно¹).

¹ Дата обращения: декабрь 2020 г.

При этом в среднефранцузском подкорпусе лишь 10 вхождений союза *ains* из 710 приходится на период с 1360 по 1409 г. Процесс выхода из употребления сочинительного союза *ains*, последняя письменная фиксация которого относится к 1650 г., подробно описан в [Melander 1916].

В ряде работ указывается как на синтаксическую и семантическую общность, так и на различие двух противительных союзов *mais* и *ainz* в период старо- и среднефранцузского языков [Kleiber 1978; Медведева 1997; Rodriguez-Somolinos 2000, 2002 и др.].

Союзы *mais* и *ainz* служат для соединения компонентов Р и Q, содержание которых противопоставляется. Употребляемые в схожих контекстах исследуемые единицы предшествуют утверждению, противоречащему ранее высказанному отрицанию (об этом подробно в [Медведева 1997]). Союзы *mais* и *ainz* квалифицируются романистами как выступающие в роли союза исключаящего (фр. *excluant*) [Melander 1916, p. 97], в трактовке О. Дюкро, исправляющего (фр. *rectificatif*) [Anscombre, Ducrot 1977, p. 33]. В подобных контекстах Ж. Клайбер присваивает им статус «оператора инверсии» [Kleiber 1978, p. 283]. Союзы *mais* и *ainz* сообщают о невозможности сосуществования двух явлений или событий в реальной действительности, основанной на жизненной закономерности. Между соединяемыми компонентами устанавливается отношение собственно противопоставления: существование Р исключает существование Q. В общем виде союзы обозначают отношение, которое имеет следующую формулировку: 'если существует Р, то не существует Q' (см. § 1.3.3). В приведенных ниже примерах отношение между компонентами Р и Q основано на взаимоисключении: Р 'быть смертным' ≠ Q 'быть дьяволом' (пример (166)) и Р 'быть слугой' ≠ Q 'быть господином' (пример (167)).

(166) *Ce n'est mie un homme mortel, ains est un deable* 'Он не смертный человек, но дьявол' (цит. по: [Медведева 1997]).

(167) *Vallet ne seray plus, mais maistre* 'Я не буду больше слугой, но господином' (Anonyme. *Miracle de un marchand et un larron*, 1349).

Отличие между союзами *mais* и *ainz* сводится к следующему: функционирование союза *ains* ограничено наличием отрицания в первом сочиненном компоненте. Между тем союз *mais* обладает свойством маркировать второй сочиненный компонент как предпочтительный, более уместный для данного положения дел [CNRTL; DMF], решающим для описываемой ситуации является второй компонент. Вводимый союзом второй компонент предназначен для модификации первого и не отрицает его полностью: существование двух компонентов не взаимоисключается (см. § 1.3.3). С помощью союза *mais* говорящий кодирует разнообразные отношения противопоставления между любыми типами фактов, событий, положений дел и суждений.

Сказанное позволяет выделить в семантической структуре старофранцузского союза *mais* два компонента: *mais*₁ (= исп. *pero* и нем. *aber*) и *mais*₂ (= ст.фр. *ains* = исп. *sino* и нем. *sondern*). Лексема *mais*₁ вводит изменение, исправление или сужение семантического содержания первого сочиненного компонента и, в трактовке Ж. Меландера, является модифицирующим (фр.

modifiant) союзом, в отличие от лексемы *mais*₂, в его интерпретации исключающей [Melander 1916]. Таким образом, союз *ainz* противопоставляется исключительно союзу *mais*₂.

Высказываются разнообразные точки зрения о причинах исчезновения старофранцузского сочинительного союза *ains*, проявляющего «величайшую силу противопоставления»: от тенденции к экономии (один знак = одна форма) [Antoine 1958] до замены союза *ains* наречием *au contraire* ‘напротив’ [Danjou-Flaux 1983; Mokni 2008] (см. также [Kleiber 1978; Melander 1916; Rodriguez-Somolinos 2000, 2002]). В нашем исследовании мы исходим из тезиса французского лингвиста К. Марчело-Нициа о том, что «исчезновение языковых единиц обычно проявляется только как эпифеномен, следствие другого изменения» [Marchello-Nizia 2006, p. 103].

Поскольку «исчезновения без замещения не существует» [Combettes 1995, p. 3], полагаем, что выход из употребления единицы *ainz* обусловлен изначально большим семантическим и функциональным потенциалом единицы *mais*, отвечающей коммуникативным потребностям говорящих, и появлением ряда единиц другого класса, которые выполняют аналогичные функции, то есть обозначают противительные отношения в схожих контекстах.

В диахронических исследованиях отмечается семантическая неоднозначность союза *mais* в старо- и среднефранцузском языках. Для иллюстрации приведем примеры из «Песни о Роланде»¹, в которых союз обозначает разнообразные отношения, контекстуально и ситуативно обусловленные: ненормального следствия, когда союз указывает на нарушение некоторой жизненной закономерности, имеющее место в недавнем прошлом (пример (168)), противоположной оценки, когда из двух компонентов, выражающих противоположную оценку, второй важнее (пример (169)), уступки (пример (170)), несоответствия норме (пример (171)), сопоставления (пример (172)), желательности действия (пример (173)), гипотетичности (пример (174)), нежелательности действия (пример (175)).

(168) *Tut li detrenchet d'ici qu'al nasel; / Mais en la teste ne l'ad mie adeseit* ‘Златой шолом до нанося разбил, / Но головы нигде не повредил’ [Rol].

(169) *Nos avum dreit, mais cist glutun unt tort* ‘Нехристь неправ, а христиане правы’ [Rol].

(170) *Jo i puis aler, mais n'i avrai guarant* ‘Пойти пойду, хотя на верную гибель’ [Rol].

(171) *Ne poet muer qu'il ne s'en espaent. / Fuïr s'en voel, mais ne li valt nient* ‘И тут его объял невольный страх, / Хотел бежать, но не сумел никак’ [Rol].

(172) *Cist nus sunt près, mais trop nus est loinz Carles* ‘Они близки, а Карл далек отсюда’ [Rol].

¹ В тексте «Песнь о Роланде» лексема *mais* используется преимущественно в роли союза в простых предложениях, сложносочиненных предложениях и сложносочиненных комплексах в одинаковом соотношении. Полученные данные соотносятся с данными старофранцузского подкорпуса. Так, например, в инициальной позиции для установления связи между двумя самостоятельными высказываниями союз *mais* встречается почти в трети случаев, или 38,77 % (1984 из 5118 вхождений союза). Наречное использование единицы, как, например: *Ja n'avrez mais guere en tut vostre vivant* ‘Во весь бы век войны не видеть вам’ [Rol] – здесь не рассматривается.

(173) *Mai saives hom il doit faire message* 'Но кто мудрей, тот должен быть в посольстве' [Rol].

(174) *Saveir i ad, mais qu'il seit entendud* 'Мудрый совет: [mais] его послушать надо' [Rol].

(175) *Mais de s'espee ne volt mie guerpir* 'Но с мечом расстаться граф не хочет' [Rol].

В лексикографических источниках фиксируются два способа употребления лексемы *mais* в роли союза в старо- и среднефранцузском языках [DMF]. Первое, «чистое», неосложненное, представляет собой соединение двух компонентов (модель *P mais Q*). Второе, осложненное, обусловлено сочетанием с многозначным простым союзом *que* 'что', употреблявшимся для введения придаточных предложений различной семантики (модель *P mais que Q*).

В подкорпусах старо- и среднефранцузского языков контексты с сочетанием *mais que* малочисленны: 104 и 695 контекстов, или 1,7 % и 2,41 % от общего количества вхождений союза *mais* в подкорпусах соответственно. Наличие в ранний период развития языка сложных синтаксических построений с союзным сочетанием *mais que*, связывающим два неавтономных высказывания, является еще одной иллюстрацией этапов эволюции сложного предложения во французском языке, отличных от традиционной индоевро-пейской схемы (см. § 1.1).

Для объяснения постепенного исчезновения противительного союза *ainz* и роста употребительности союза *mais* в ранний период становления французского языка сначала мы представим семантические и функциональные свойства ЯЕ сочинения *mais* при неосложненном и осложненном соединении компонентов, далее мы продемонстрируем появление новых противительных единиц.

3.1.4.1. Дифференциация противительных отношений: неосложненное соединение компонентов (*P mais Q*)

При неосложненном соединении компонентов (*P mais Q*) различаются отмеченные выше два основных семантических свойства единицы: указывать на доминирование второго сочиненного компонента над первым (*mais₁*) и маркировать взаимоисключение (*mais₂*).

На основании трех семантических критериев, выделенных в исследовании коннекторов противопоставления [Инькова-Манзоти 2001], – характер противопоставления (прямой/косвенный), тип реализации компонентов (существование/несуществование) и наличие/отсутствие элемента ожидания, – мы различаем два типа противительных отношений, выражаемых союзом *mais* в ранний период развития французского языка: собственно противопоставление и противопоставление «вопреки ожиданию».

Для выделенных двух типов отношений значимым является существование обоих противопоставляемых компонентов. Прямой (компоненты противопоставлены непосредственно друг другу) или косвенный (компоненты противопоставлены относительно некоторого вывода) характер противопоставления позволяет различать отношение «вопреки ожиданию». Третий критерий – элемент ожидания – позволяет объяснить основу несоответствия, служащего для создания отношения противопоставления.

При собственно противопоставлении два положения вещей представлены как полярные, расположенные на противоположных концах шкалы данного признака (см. пример (167), в котором союз *mais* указывает на очевидное противопоставление по социальной принадлежности человека (*vallet* ‘слуга’, *maistre* ‘господин’)). При противопоставлении «вопреки ожиданию» второе положение дел представляется как противоположное ожиданиям, индуцированным первым компонентом высказывания. Например:

(176) *Prenés .ix. racines de yebles et triblés avec vin blanc et donnés a boire au malade et gardés qu'il ne dorme, ce oste toute fievre selonc ce que j'ai trouvé mais je ne l'ai pas esprouvé* ‘Возьмите девять корневищ ягод, смешанных с белым вином, и давайте пациенту для питья, и смотрите, чтобы он не спал, пока не уйдет лихорадка в соответствии с тем, что я обнаружил, но я этот метод еще не испытывал’ (J. Pitart. Le réceptaire Jean Pitart. Pour toute maniere de fievre en general, 1365).

В примере (176) на основании того, что утверждается в первом компоненте высказывания (Р ‘возможность вылечить с помощью некоторого снадобья’), мы можем сделать вывод о том, что его следует принимать. Однако, вопреки нашим ожиданиям, во втором компоненте (Q ‘не испытывал на себе’) утверждается обратное. И об этом несоответствии нам сигнализирует союз *mais*.

В большинстве случаев союз *mais* используется для обозначения связи между двумя противоположными положениями дел и выступает синонимом старофранцузского союза *ains* в значении *mais bien au contraire* ‘напротив же’. Одновременное существование Р и Q исключается, и, как следствие, союз *mais* выражает отношение несовместимости.

Универсальная модель Р *mais* Q имеет две модификации в зависимости от наличия отрицания в первом или втором сочиненном компоненте, что является необходимым условием для противопоставления двух компонентов. Либо отрицается первый сочиненный компонент, а второй, противоположный ему, утверждается (non-Р *mais* Q). Либо, наоборот, утверждается первый сочиненный компонент, а второй, противоположный ему, отрицается (Р *mais* non-Q). Два типа моделей употребляются с одинаковой частотой: 6884 vs. 5596, или 55,2 % vs. 44,8 % от 12 480, соответственно). Следует различать контексты, в которых союз *mais* оформляет копулятивную и коннективную связь.

В простом предложении для обозначения собственно противопоставления отрицание относится к первому сочиненному компоненту. Несовместимость – контрарикторная либо контрарная – двух компонентов выводится на основании общих знаний об окружающем мире и репрезентируется противопоставленными лексическими единицами.

В случае контрарикторных отношений сопоставляются понятия, из которых одно отражает наличие у предметов каких-либо признаков, а другое – их отсутствие. Например, положительное и отрицательное нравственное качество человека *vertu* ≠ *vices* ‘добродетель ≠ порок’:

(177) *N'avoit vertu une seule en luy, mais vices et rudesses* ‘В нем не было ни одной добродетели, но пороки и жестокость’ (G. Chastellain. Chronique, 1471).

Отрицание одного из компонентов, в нашем случае первого (*n'avait vertu, ne soit malicieuse*), является необходимым условием для репрезентации отношения собственно противопоставления. В случае отсутствия отрицания при сохранении противительного союза *mais* имеет место другое положение дел, которое не соответствует действительности, что очевидно из трансформации (177a):

(177a) *...*avait vertu une seule en luy mais vices et rudesses* '...в нем была одна добродетель, но пороки и жестокость'.

Компоненты, соединенные посредством союза *mais*, в преобладающем количестве контекстов обозначают противоположные понятия. Ср.: *non pas homes mais femmez* 'не мужчины, но женщины', *non mie grant mais petitete* 'не большая, но маленькая', *non point par neccessité mais par liberté* 'не по необходимости, но по свободе' и т.п. Вместе с тем возможен сочиненный ряд, в котором соединяемые компоненты представляют не антонимические понятия, а отражают группировки некоторых сущностей «в конкретных ситуациях, в зависимости от восприятия субъекта в данный момент и в данном месте» [Гак 1998, с. 34]. Ср.: *non pas de volenté mais pour paour* 'не из-за желания, а из-за страха', *non pas pour cause d'apprendre, mais pour tempter* 'не ради обучения, а для искушения' и т.п.

В случае контрарных отношений противопоставляются понятия, которые, будучи взаимоисключающими по содержанию, могут не исчерпывать объема родового понятия. Например, между понятиями *malicieuse* 'хитрая' и *simple* 'простая', *hardie* 'дерзкая' и *humble* 'смирренная' и т.д. возможны разные градации:

(178) *Voie dont qu'elle ne soit malicieuse mais simple et bonne, ne soit aussi hardie ne importune mais humble et vergongneuse, ne soit pas luxurieuse mais chaste, ne ireuse mais debonnaire...* 'Посмотри же, чтоб она была не хитра, но проста и добра, не дерзка и навязчива, но смирненна и стыдлива, не роскошна, но целомудренна, не строптива, но добродушна...' (J. Daudin. *De la erudition ou enseignement des enfans nobles*, 1380).

Отметим, что для выражения немаркированного противопоставления в старо- и среднефранцузском языках допустимо использование в сложном предложении союза *et*, который, как мы отмечали выше, выполняет роль «*corule la plus banale de coordination ou de subordination*» [Brunot 1956, p. 716]. В случае замены противительного союза *mais* на соединительный *et* необходима трансформация (178a) простого предложения в сложное.

(178a) *Voie dont qu'elle ne soit malicieuse et qu'elle soit simple et bonne, ne soit aussi hardie ne importune et qu'elle soit humble et vergongneuse...* 'Посмотри же, она не хитра, и (=а) она проста и добра, не дерзка и навязчива, и (=а) она смирненна и стыдлива...'.

Между тем союз *et* для выражения противительного отношения употребляется в единичных случаях (см. § 3.2.1), что свидетельствует о стремлении к более сжатой, синтаксически неосложненной структуре.

При соединении частей сложного предложения возможно отрицание как первого, так и второго сочиненного компонента, то есть *non-P mais Q* и *P mais non-Q*. Отличие заключается в характере сопоставляемых явлений, действий или состояний.

При отрицании в первой сочиненной части (non-P *mais* Q) речь идет об одном и том же явлении, действии или состоянии, которое уточняется во второй части, а союз *mais* указывает на противительно-пояснительные (пример (179)) или противительно-присоединительные отношения (пример (180)).

(179) *Et ne devons arrester en nulle maniere en pechié d'ingratitude; mais devons rendre tousjours graces a li* 'И мы ни в коем случае не должны пребывать во грехе неблагодарности; но мы должны быть всегда ему благодарны' (J. Daudin. De la erudition ou enseignement des enfans nobles, 1380).

(180) *Par quoy Ypolitus ne fut mie seulement tué et mort mais le corps de lui fut desnervé et froissé par membres* 'Из-за чего Ипполит был не только убит и мертв, но и тело его лишено чувствительности и разорвано на части' (Juvenal des Ursins, 1435).

При отрицании во второй сочиненной части (P *mais* non-Q) сопоставляются различные явления, действия или состояния. При всем своем несходстве они не отменяют друг друга, а как бы сосуществуют: сообщаемое во второй части совершается вопреки тому или независимо от того, что было бы естественно (Q 'жаловаться на боль' (пример (181)) и закономерно (Q 'провести дополнительное расследование' (пример (182))), желательно или необходимо при тех условиях или обстоятельствах, о которых сообщается в первой части. Союз указывает, таким образом, на «ненормальное следствие» [Санников 2008, с. 249], «обманутое ожидание» [Урысон 2011, с. 180]. Ср.:

(181) *Ce vilain cy est tout estaint Et tout defforme sa figure; Mais, pour peine ne pour bature, Il ne murmure ne se plainct* 'Этот негодяй там находится, и его лицо обезображено; но даже под страхом боли и ударов он не шепчет ничего и не жалуется' (J. Michel. Le Mystère de la Passion, 1486).

(182) *Et lors furent à lui apportées certaines informations, fu ordonné que le dit maistre Dominique seroit ajourné pour respondre sur le contenu es dictes informations. Et fu adjourné, mais il ne compara point, et pource fu pris et mené en prison a Campo* 'И затем ему была доведена некоторая информация, было принято решение, что дело упомянутого мастера Доминика будет отложено до рассмотрения упомянутой информации. И дело было отложено, но он (судья) ничего не сопоставил, и из-за этого (Доминик) был взят под стражу и заключен в тюрьму в Кампо' (Anonyme. Le Canarien, Pièces justificatives, 1327).

В среднефранцузском языке союз *mais* соединяет части сложного предложения и при отсутствии эксплицитного отрицания (пример (183)). В этой связи важно отметить, что возможность перестановки соединенных компонентов, то есть P *mais* Q → Q *mais* P, приводит к нарушению логической связи: новое содержание не соотносится с наблюдаемыми и сопоставляемыми явлениями и событиями в действительности. Так, перестановка сочиненных частей в трансформации (183а) нарушает хронологическую последовательность.

(183) *Et puis vint regarder la terre, et pour la grant chaleur devant dicte la trouva encores seiche et decrevée [P]. Mais remist icelle terre en verdure et si y remplist et fist courir les rivières et les fontaines et aussi les arbres feuillir et fructifier comme paravant [Q]* 'И затем пришел посмотреть на землю, иссу-

шенную и потрескавшуюся из-за сильной жары. Но вновь превратил ее в покрытую зеленью и наполнил ее, и реки с фонтанами заструились, и деревья покрылись листьями и плодами как раньше' (Ovide moralisé en prose, 1466).

(183a) **remist icelle terre en verdure et si y remplist et fist courir les rivières et les fontaines et aussi les arbres feuillir et fructifier comme paravant* [Q]. **Mais** *puis vint regarder la terre, et pour la grant challeur devant dicte la trouva encores seiche et decrevée* [P].

При неосложненном соединении компонентов союз *mais* маркирует, таким образом, два типа противительных отношений: собственно противительное и «вопреки ожиданию». Модель *P mais Q* реализуется как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения при представлении одного положения дел с разных точек зрения, сопоставлении противоположных положений дел, сопоставлении сосуществующих положений дел.

3.1.4.2. Осложненное

соединение компонентов:
модель *P mais que Q*

В старофранцузском синтаксисе сосуществовали различные средства связи частей сложного предложения. При автономном семантико-синтаксическом характере соединения частей сложного предложения используются сочинительные союзы *et, ne, ou, mais, se, ains, car, or, donc*. При семантическом характере зависимости между главным предложением и придаточным – подчинительные союзы *comme < quoto, si < si, quand < quando, que < quod*, в том числе и производные от *que* и *come* [Сабанеева 1990].

В ранний период развития языка использование союзного сочетания *mais que* для соединения частей сложного предложения представляет собой переходное явление от выражения отношения противопоставления (*P mais Q*) к обозначению более сложного отношения – отношения уступки (*bien que* 'хотя' *P, Q*).

В [CNRTL; DAF; Nicot] фиксируется использование сочетания *mais que* после отрицания с 1050 г., с 1100 г. – сослагательного наклонения после сочетания (пример (184)) и с 1165 г. – наречия *bien* 'хорошо, же' для усиления выражения гипотетичности, что приводит к появлению конструкции *mais bien + V_{subj}*, которая в последующем специализируется в выражении уступки¹ (пример (185)). Уже во второй половине XVI в. для обозначения уступки преобладает современный вариант *bien que P, Q*. Между тем союзное сочетание *mais bien que* встречается и после XVI в. (пример (186)). В корпусе фиксируются единичные контексты с указанной конструкцией в третьем, четвертом и пятом подкорпусах, например:

(184) *De rien ne li chaussit que il devenenist Mais que sa douce amie a lui venist* 'Его не беспокоит, что с ним станет, но лишь бы к нему пришла его возлюбленная' (G. de Coinci, Miracles de Notre Dame, 1218).

¹ Подробно о различных способах выражения уступки в ранний период развития французского языка в [Soutet 1992(a)] (см. также [Rossari 2014]).

(185) *Celluy qui nous apprint à tirer ne nous deffendoit point de lascher la flesche, **mais bien que** ne faillissions de frapper le but* 'Тот, кто учит нас стрелять, не запрещает нам бросать стрелу, *но хотя* нам не удалось поразить цель' (P. de St-Julien. De non se courroucer, 1546).

(186) ***Mais bien que** le loyer de la pension fût modique, l'argent fondait* 'Но *хотя* арендная плата за пансионат была низкой, деньги таяли' (J.-M. Le Clézio. Révolutions, 2003).

В примерах (184)–(186) союзные сочетания маркируют уступительность, которая предполагает две имеющих место ситуации Р и Q. Второй компонент содержит в себе сообщение о факте, противоположном тому, чего можно было бы ожидать на основании того, о чем говорится в первом компоненте [Morel 1996]. Суть уступительных отношений определяется традиционно как оппозиция, конфликт, который «состоит в сближении двух фактов, в норме исключаящих друг друга» (Morel 1996, цит. по: [Апресян В. 2008, с. 87])¹. Рассматривая соотношение смысла уступительности с близкими ему языковыми смыслами (отрицание, причина, условие, противительность), В. Ю. Апресян признает главным фактором в употреблении уступительных слов, выражений и конструкций мнение говорящего: «Если сочетание неких ситуаций является, с точки зрения говорящего, необычным или неестественным, то употребление уступительных лексем оправдано, даже если принцип, к нарушению которого говорящий апеллирует своим высказыванием, никому, кроме него, неизвестен или вообще противоречит обычным представлениям о мироустройстве» [Апресян В. 2006, с. 101].

Контексты, в которых в старо- и среднефранцузском языках используется сочетание *mais que* для связи двух предикативных единиц, представляют ситуации, в которых переплетаются разнообразные отношения. При этом в зависимости от прагматической значимости ситуаций в фокус выводится либо ситуация Р, либо ситуация Q. Соответственно, меняется и порядок следования компонентов. Различается препозитивная модель *mais que* Р, Q и постпозитивная модель Q, *mais que* Р. Так, при препозитивном использовании союзного сочетания *mais que* (модель *mais que* Р, Q) сообщение о ситуации Р является менее важным и формирует фон сообщения, а в фокусе внимания находится более важная ситуация Q.

Применение трех изложенных выше критериев для дифференциации противительной семантики союза *mais* релевантно и при осложненном соединении компонентов: характер противопоставления (прямой/косвенный), тип реализации компонентов (существование/несуществование) и наличие/отсутствие элемента ожидания. В то же время союз *que* создает значение ирреального условия, которое блокирует возможность употребления каких-либо других наклонений, кроме сослагательного (см. § 3.1.2.2). Союзное сочетание *mais que* служит опорой для соединения неравноправных компонентов Р и Q, о чем свидетельствуют модально-временные формы глаголов (индикативная и сослагательная).

¹ См. работы [Grevisse 2008, p. 1499; König 1986, 1991; Morel 1996; Храковский 1998 и др.].

Рассмотрим примеры, в которых противительный союз используется при препозитивном осложненном соединении компонентов *mais que* P, Q.

(187) *Monsieur, mès que nostre chapitainne soit arivés par de delà* [P], *nous ferons bonne guerre et forte* [Q] 'Мой господин, но *хоть* бы наш капитан прибыл оттуда, мы проведем славную и сильную войну' (J. Froissart. *Chroniques*, 1375), где P 'прибытие капитана', Q 'победа в войне'.

(188) *Mais que bon vent ayons arriere* [P], *Nous serons tost en noz pays* [Q] 'Но *хоть* бы дул хороший попутный ветер, мы быстро окажемся в нашей стране' (Le Livre et mistere du glorieux seigneur et martir saint Adrien, 1450), где P 'попутный ветер', Q 'скорое возвращение'.

В примерах (187) и (188) речь не идет о реальных фактах. Говорящий интерпретирует имеющую место ситуацию как исключение из общих правил. Соответственно, он предполагает иной, благоприятный, ход ее развития (ситуация Q) при некотором условии (ситуация P). Другими словами, положение дел ('обычно если не-P, то не-Q') в реальном мире таково, что говорящий противопоставляет его другому положению дел ('обычно если P, то Q'), в мире воображаемом. Об этом противопоставлении сигнализирует союз *mais*. Осложненное соединение компонентов в модели *mais que* P, Q квалифицируем как гипотетическое противопоставление. Поясним сказанное.

Так, в примере (187) говорящий полагает, что обычно достаточно P 'прибытие капитана' для потенциальной ситуации Q 'победа в войне'. Гипотетическое положение дел противопоставляется реальному положению дел, неблагоприятному, не-Q 'поражение в войне' при нарушении условия не-P 'отсутствие капитана'. Приведенные ниже трансформации примера с придаточным условия и с изменением сослагательного наклонения на индикативное иллюстрируют либо две потенциальных взаимоисключающих ситуации 'прибытие капитана и победа на войне' (187а) и 'отсутствие капитана и поражение в войне' (187б), либо две ситуации с несовместимыми фактами или событиями 'отсутствие капитана и победа в войне' (187в) либо 'прибытие капитана и поражение в войне' (187г). Причем содержание последних двух трансформаций нарушает логику событий и противоречит мироустройству в понимании говорящего.

(187а) *Si notre capitaine arrive, nous ferons bonne guerre* 'обычно если P, то Q'.

(187б) *Si notre capitaine n'arrive pas, nous ne ferons pas bonne guerre* 'обычно если не-P, то не-Q'.

(187в) **Si notre capitaine arrive, nous ne ferons pas bonne guerre* 'обычно если P, то не-Q'.

(187г) **Si notre capitaine n'arrive pas, nous ferons bonne guerre* 'обычно если не-P, то Q'.

В примере (188) ситуация Q 'скорое возвращение' возможна при определенном условии P 'попутный ветер'. Естественно полагать, что при попутном ветре можно быстрее добраться до места. При нарушении условия не-P 'встречный ветер' невозможно изменить положение дел Q. Аналогичные трансформации для этого примера демонстрируют либо две потенциальных

взаимоисключающих ситуации ‘попутный ветер и скорое возвращение’ (188а) и ‘встречный ветер и опоздание’ (188б), либо две ситуации с несовместимыми явлениями и событиями ‘попутный ветер и опоздание’ (188в) либо ‘встречный ветер и скорое возвращение’ (188г). Последние две трансформации представляют нарушение некоторой объективной закономерности.

(188а) *Si le bon vent est en arrière, nous serons tôt* ‘естественно если Р, то Q’.

(188б) *Si le bon vent n'est pas en arrière, nous ne serons pas tôt* ‘естественно если не-Р, то не-Q’.

(188в) **Si le bon vent est en arrière, nous ne serons pas tôt* ‘естественно если Р, то не-Q’.

(188г) **Si le bon vent n'est pas en arrière, nous serons tôt* ‘естественно если не-Р, то Q’.

Таким образом, считаем допустимым толковать употребление противительного союза при препозитивном осложненном соединении компонентов *mais que P, Q* следующим образом: ‘говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа Q, а не наоборот’. Лаконичная структура *mais que P, Q* позволяет выразить сложные многогранные логико-семантические отношения асимметричного характера емко, однако для ее интерпретации необходимо наличие определенных фоновых знаний о ситуации или о закономерностях устройства мира.

В отличие от препозитивной модели *mais que P, Q*, в постпозитивной модели *P, mais que Q* содержание первой пропозиции Р представляет реальный факт.

(189) *Il est presque chault, se me semble. Soufflons encor une allenee; Il n'y a plus de fumee* [Р], **Mesque** *tout soit bien embrasé* [Q] ‘Думаю, что почти тепло. Давай еще раз подуем; больше нет дыма, но *хоть* бы все разгорелось’ (Le Mystère de saint Laurent, 1499) где Р ‘отсутствие огня’, Q ‘воспламенение’.

(190) *Ja ne sera reprocié que par lasqueté il roy vous refusse* [Р], **mais que** *vous le voelliez atendre* [Q] ‘Меня упрекнут только в том, что король отказал вас принять, но *хоть* бы вы сообразовали его подождать’ (J. Froissart. Chroniques, 1375) где Р ‘отказ короля от аудиенции’, Q ‘ожидание аудиенции’.

В примерах (189) и (190) содержание второй пропозиции противопоставлено ожиданиям говорящего на основании общих знаний об окружающем мире, так как некоторое положение дел Q (‘разгорелось пламя’, ‘быть принятым королем’) имеет место при определенном условии не-Р (‘раздуть огонь’, ‘согласие короля’). Естественно, что дыма без огня не бывает, но появление огня желательно для говорящего. Обычно, если король отказал в приеме, можно уходить, однако в данной ситуации «вопреки ожиданию» можно остаться. Иначе говоря, ситуация Q осмысливается как желательная, и тот факт, что она имеет или будет иметь место – как преодоление неблагоприятного обстоятельства Р.

В примерах (189) и (190) нет необходимости опираться на семантику условия при трансформации, поскольку опущение элемента *que* влечет за собой появление индикатива, не изменяя характера отношений между пропозициями на семантическом уровне (то есть нет дыма, но все воспламеняется,

вас не приняли, но вы можете ожидать). В интерпретации Е. Урысон реализуется *но* «ненормального следствия» [Урысон 2011]), однако теряется компонент желательности ситуации *Q* (трансформации (189а, 190а)). При элиминации противительного союза и сохранении союза *que* нарушается семантическая и прагматическая целостность высказывания: как появится огонь? зачем оставаться ждать? (трансформации (189б, 190б)).

(189а) *Il n'a plus de fumée, mais tout s'enflamme.*

(190а) *Le roi ne vous a pas accepté, mais vous pouvez l'attendre.*

(189б) **Il n'a plus de fumée, que tout s'enflamme pas.*

(190б) **Le roi ne vous a pas accepté, que vous le voelliez atendre.*

Осложненное соединение компонентов в модели *P, mais que Q* квалифицируем как совмещение противопоставления и желательности. Отсюда следует толкование употребления противительного союза при постпозитивном осложненном соединении компонентов *P, mais que Q*: 'говорящий считает, что обычно или естественно ситуация типа *P* влияет на положение дел; в результате если *P*, то не-*Q*, однако вопреки ожиданию желательно, чтобы *Q*'.

Таким образом, в период старо- и среднефранцузского языков союз *mais* при осложненном соединении компонентов устанавливает коннективную связь между двумя неавтономными высказываниями, демонстрируя асимметричное сочинение (семантическое подчинение). Семантическое наращение союза *mais* при соединении частей сложного предложения происходит за счет значения гипотетичности и желательности, что приводит в последующем к появлению новых конструкций для выражения противительно-уступительного отношения.

3.1.4.3. Новые противительные единицы в ранний период развития языка

В ранний период развития французского языка для конкретизации и дифференциации противительных отношений между компонентами как онтологических, так и неонтологических, прагматических, классов используются: единицы без противительной семантики в постпозиции к ЯЕ сочинения *mais*, усложнение синтаксического построения и новые единицы с противительной семантикой как самостоятельно, так и в постпозиции к ЯЕ сочинения *mais*.

В среднефранцузском языке количество контекстов, в которых ЯЕ сочинения *mais* сочетается с единицами, маркирующими темпоральные отношения (*puis* 'затем' (99 контекстов в подкорпусе)¹, *avant* 'раньше' (75 контекстов), *toujours* 'всегда' (71 контекст)), присоединительные (*aussi* 'также' (326 контекстов), *encore* 'еще' (168 контекстов)) и пояснительные (*bien* 'лучше' (347 контекстов), *ainsi* 'таким образом' (59 контекстов)), увеличивается по сравнению со старофранцузским подкорпусом с 0,9 % до 6 %.

Для дифференциации присоединительных отношений в постпозиции к союзу *mais* дополнительно используется наречие *aussi* 'также':

(191) *Et ne default pas seulement de bonté **mais aussi** de verité* 'И не только в отсутствии доброты, но и истины' (J. Daudin. De la erudition ou enseignement des enfans nobles, 1360).

¹ Дата обращения: март 2021 г.

Для указания на пояснительный характер отношений допустимо расширение второго компонента за счет открытого сочиненного ряда:

(192) *Les simples prestres ne sont mie seulement entechiés, mais arcevesques, evesques et prelas* ‘Простые священнослужители – это не только преданные вере, но и архиепископы, епископы и прелаты’ (Juvenal des Ursins, 1435).

Для экспликации противительно-пояснительных отношений при сопоставлении разных предметов или явлений на основании общей характеристики, например ‘быть невысокого роста’, первый сочиненный компонент утверждается, второй – отрицается (P *mais* non-Q):

(193) ...*car il sont petis comme nayn, mais non pas si petis que les pignes* ‘...потому что они маленькие, как карлики, но не такие маленькие, как шишки’ (J. de Mandeville. Voyages, 1360).

Для обоснования отсутствия логической связи между противопоставляемыми явлениями или событиями синтаксическое построение усложняется разнообразными вводными конструкциями, включающими эпистемические, эвиденциальные и истинностные показатели (не более 1 % от всей выборки): *mais comme il couvenoit* ‘но как было условлено’, *mais comme dist qn* ‘но как говорит к.-л.’, *mais ainsi comme la pensoie* ‘но как он и думал’, *mais il est comme injuste* ‘но так несправедливо’, *mais je croy* ‘но я верю’, *mais selon mon propos* ‘но согласно моим словам’, *mais selon ce que vertu est bien* ‘но согласно тому, что добродетель – это благо’, *mais selon verité* ‘но по правде’ и т.д.

В ранний период развития языка фиксируются семь новых единиц со значением противопоставления: *au contraire* ‘наоборот’, *seulement* ‘только’, *pourtant* ‘однако, тем не менее, все-таки’, *toutefois* ‘однако, все-таки’, *néanmoins* ‘тем не менее, однако, при всем том’, *cependant* ‘между тем’, *nonobstant* ‘тем не менее, однако’ [CNRTL; TLF; DMF]. Появление новых единиц – функционально-семантических эквивалентов современного противительного союза *mais* – является процессом постепенным и ступенчатым и охватывает промежуток времени в три столетия. Хронологическая последовательность вхождения в употребление перечисленных единиц от момента их первой письменной фиксации (T₁) до момента, когда впервые фиксируется употребление единицы со значением противопоставления (T₂), приведена в табл. 21.

Таблица 21

Хронология появления лексических единиц с противительной семантикой
(составлено по: [TLF; DMF])

Лексические единицы	T ₁	T ₂
<i>au contraire</i>	1100 г.	1370 г.
<i>seulement</i>	1121 г.	нач. XVI в.
<i>pourtant</i>	1160 г.	1445 г.
<i>toutefois</i>	1180 гг.	1284 г.
<i>néanmoins</i>	2-я пол. XIII в.	не фиксируется
<i>cependant</i>	1278 г.	1541 г.
<i>nonobstant</i>	1336 г.	1480 г.

Новые единицы представляют собой результат грамматикализации причастных, именных, наречных оборотов либо предложных и наречных сочетаний. Согласно этимологическим словарям, эти единицы исходно несут следующую информацию: причина (*pourtant* < *per cette raison* 'по этой причине'), время (*cependant* < *cela étant pendant* 'в то время как', *toutefois* < *totes les foiz que* 'каждый раз'), пространство (*nonobstant* < *obstare* 'стоять напротив', *au contraire* < *contra* 'напротив'), исключение (*seulement* < *sulement* 'исключительно', *néanmoins* < *niënt meins* 'не менее') [CNRTL; TLF]. Указание на определенный тип отношений послужило в последующем основанием для обозначения данными единицами отношения противопоставления между разнообразными сущностями.

Результаты сопоставления количественных показателей вхождения новых лексических единиц в подкорпусах старо- и среднефранцузского языков свидетельствуют об их увеличивающейся употребительности, отражающей растущую потребность носителей языка в экспликации разнообразных противительных отношений: *seulement* 'только' (239 vs. 2546¹), *au contraire* 'наоборот' (1 vs. 684), *pourtant* 'однако' (5 vs. 611), *nonobstant* 'несмотря на' (0 vs. 464), *toutefois* 'однако, все-таки' (0 vs. 216), *cependant* 'между' (0 vs. 191), *néanmoins* 'при всем том' (0 vs. 14).

Отметим, однако, что употребительность новообразованных единиц с семантикой противопоставления значительно ниже употребительности союза *mais*, количество вхождений которого в 5,5 раз превышает общее количество вхождений всех упомянутых единиц в подкорпусе среднефранцузского языка: 26 163 vs. 4726 соответственно.

В период среднефранцузского языка новые единицы соединяют противопоставленные части Р и Q при сохранении порядка следования компонентов по аналогии с союзами *mais* и *ainz*. Реализуется модель Р СО Q (где СО – единица сочинения), в которой все семь единиц занимают позицию непосредственно перед вторым компонентом, выдвигая в коммуникативный фокус его когнитивную и прагматическую значимость.

Дифференцируются два нетождественных способа употребления указанных лексем в зависимости от содержания соединяемых компонентов. В первом случае речь идет о ситуациях, содержание которых интерпретируется следующим образом: 'если существует Р, то не существует Q'. Говорящий производит своеобразное одномоментное «двойное движение опровержения и утверждения» [Danjou-Flaux 1986, p. 103]. Толкование противительной семантики единиц идентично толкованию союза *mais*₂. Во втором случае наблюдается ситуация 'если существует Р, то существует и Q'. Говорящий модифицирует содержание первого компонента с последующей заменой на утверждение, соответствующее существующему положению дел. Единицы с противительным значением проявляют сходие с союзом *mais*₁ семантические свойства. Рассмотрим противительную семантику анализируемых единиц.

¹ Дата обращения: апрель 2021 г.

Лексема *au contraire* указывает на противопоставление двух утверждений, представляющих либо несовместимые положения дел, первое из которых опровергается вторым (пример (194)), либо противоположные по содержанию высказывания, каждое из которых соответствует действительности (пример (195)).

(194) *Mais il ne prit pas son chemin vers Amurat comme il disoit, au contraire [= mais₂] il tourna court tout aussi tost qu'il fut hors des tranches, pour aller gagner le Danube* 'Но он не двинулся в Амурат, как он говорил, наоборот, как только он вышел из окопов, он быстро свернул, чтобы выйти к Дунаю' (B. de Vigenière. *L'Histoire de la décadence de l'Empire grec*, 1577).

(195) *Pour che dist l'Apostre: «Instruiséz chelui qui aprend en esperit de bonne doulceur». Au contraire [= mais₁] est dit en Proverbes: «L'esperit qui se corrouche de legier, qui le pourra soubstenir?»* 'И как говорит Апостол: «Наставляйте обучающегося в духе добра». Напротив, в Притчах сказано: «Дух, испорченный легкостью, кто сможет его поддержать?»' (J. Daudin. *De la erudition ou enseignement des enfans nobles*, 1360).

Функционируя в качестве реляционных единиц, лексемы *toutefois* и *pourtant* маркируют второй компонент как сопутствующий, но противоположный первому, обозначая противительно-присоединительные отношения.

(196) *Et ja soit che que la doctrine de poetrie soit proufitable quant aux rigles des metres ou des vers, toutefois [= mais₁] elle est inutile, voire tres mauvaise, au regart des fables* 'И я уверен, что доктрина поэзии полезна в отношении правил метрики или стихов, однако она бесполезна, даже очень плоха по отношению к басням' (J. Daudin, *De la erudition ou enseignement des enfans nobles*, 1360).

(197) *...il ontz eut ensemble aulcune question pourtant [= mais₁] n'az pas layssé a fayre son menage et ovrage* '...у них вместе не было никаких вопросов, тем не менее он не перестал заниматься домашними делами и работой' (Collectivité. *Registres du Consistoire de Genève au temps de Calvin*, 1542).

Лексема *sependant* в период среднефранцузского языка выполняет функцию союзного оборота, обозначая одновременность действий, событий или состояний, представленных в соединенных компонентах. Постепенно развивается значение противопоставления двух одновременных действий, событий или состояний. Например:

(198) *L'escrivain de la gallée et deux de nos truchemens descendirent en Terre Sainte pour porter les lettres de nostre patron pour avoir congié de descendre en terre. Cependant [= mais₁], nous demourasmes là, sans aller avant et arriere, quatre jours jusques au retour dudict escrivain* 'Летописец нашего похода и двое наших братьев отправились в Святую Землю, чтобы отнести письма нашего покровителя для позволения спуститься на землю. Однако мы пробыли там, не покидая места, четыре дня до возвращения нашего летописца' (Anonyme. *Le Voyage de la Sainte Cyté de Hierusalem*, 1480).

Лексема *néanmoins* присоединяет предикативную единицу, содержание которой уточняет первый компонент, маркируя отношения противительно-пояснительные.

(199) *La Sainte Escripature soit incomparablement plus a prisierque philosophie ne autre science humaine, **neanmoins** [= mais₁] la doctrine est plus agreable la quelle contient en soy tesmoignages divers et sciences pluseurs* ‘Священное Писание ценится несравнимо выше, чем философия и любая другая гуманитарная наука, *тем не менее* та доктрина более приятна, которая содержит в себе различные свидетельства и многие науки’ (J. Legrand, Archiloge Sophie, 1400).

Для указания на несовместимый характер отношения между событиями, явлениями, состояниями используются наречия *nonobstant* и *au contraire*:

(200) *Je ne suis pas de ceux qui l'ont accusé d'avoir tué Cléandre, **au contraire** [= mais₂] je suis celle qu'ay defendu son innocence* ‘Я не из тех, кто обвинил его в убийстве Клеандра, *напротив*, я защищала его невиновность’ (V. d'Audiguier, Histoire trage-comique de nostre temps, 1424).

(201) *Nul mouvement de chose pesante ou legiere ne peut estre regulier du tout, que la vertumotive et la resistance soient tellement proporcionees et moderees que aucune partie de tel mouvement seroit reguliere, **nonobstant** [= mais₂] celle qualité desusdite* ‘Никакое движение тяжелого или легкого предмета совершенно не может быть регулярным, и вращательное движение, и сопротивление настолько пропорциональны и уравновешены, что никакая часть такого движения не будет регулярной, *несмотря на* указанное выше качество’ (N. Oresme, Le Livre du ciel et du monde, 1377).

Новые единицы в 12 % выявленных контекстов выступают в роли конкретизатора ЯЕ сочинения *mais* (табл. 22). В роли конкретизатора союза *ains* в единичных контекстах используется наречие *au contraire*, что в последующем, в период классического языка, признается избыточным и исключается грамматистами-пуристами из употребления [Vaugelas 2009 (1647), p. 151].

Т а б л и ц а 22

Употребительность ЯЕ *mais* в сочетании с новыми противительными единицами в среднефранцузском подкорпусе¹

ЯЕ + ПЕ	Количество вхождений	%, от общего количества вхождений ПЕ
<i>mais seulement</i> ‘но только’	534	88
<i>mais au contraire</i> ‘но наоборот’	34	5,6
<i>mais pourtant</i> ‘но однако’	15	2,5
<i>mais nonobstant</i> ‘но несмотря на’	12	2
<i>mais toutefois</i> ‘но все-таки’	7	1,2
<i>mais cependant</i> ‘но между тем’	3	0,5
<i>mais néanmoins</i> ‘но при всем том’	2	0,3
Всего	607	100

Как следует из табл. 22, новообразованные единицы по-разному проявляют себя в роли конкретизатора ЯЕ сочинения *mais*. Очевидно, что единица с высокой частотностью *seulement* чаще других выступает в этой роли.

¹ Дата обращения: май 2021 г.

Остальные единицы в сочетании с союзом демонстрируют низкую частотность. Закономерно возникает вопрос о плеонастическом характере сочетаний. Однако ни в одном лексикографическом издании не указывается на употребление сочетания ЯЕ *mais* и перечисленных единиц при соединении двух противопоставленных частей как излишнее для смысловой полноты. Их сочетаемость рассматривается с точки зрения уточнения типа противительного отношения, маркированного ЯЕ *mais* [Danjou-Flaux 1986].

Высокая частотность сочетания лексики *seulement* и союза *mais* объясняется как препозитивным (47,6 % от 534), так и постпозитивным (52,4 % от 534) употреблением наречия в роли уточнителя союза. Присутствие наречия *seulement* в первой сочиненной части приводит к образованию конструкции *non/pas/mie seulement P mais Q* 'не только P, но Q'. При этом в среднефранцузском подкорпусе фиксируется резкое увеличение количества контекстов с конструкцией данного типа по сравнению со старофранцузским подкорпусом с 5 до 254 контекстов.

Противительная семантика союза *mais* в конструкции *non/pas/mie seulement P mais Q* 'не только P, но Q' осложняется. Два сочиненных компонента представляют понятия, которые сосуществуют в языковом сознании говорящего на основании обобщения любых признаков, существенных для воспринимающего лица (*ego*), здесь (*hic*) и сейчас (*nunc*), и, дополняя друг друга, не нарушают общепринятого положения дел.

В зависимости от содержания второго сочиненного компонента союз *mais* либо выражает противительно-присоединительные отношения, вводя более значимую для текущего момента информацию и акцентируя идею единства двух компонентов (пример (202)), либо указывает на противительно-пояснительные отношения, расширяя содержание понятия первого компонента (пример (203)).

(202) *Liquels fu excellens non pas seulement par force de courage, mais par forces de corps* 'Они были восхитительны не только за счет силы мужества, но и за счет силы тела' (P. Bersuire. Les Décades de Titus Livius, 1359).

(203) *Mais par l'opposite, l'omme rioteux, noiseux et discordant puet esconmouvoir, non seulement la court d'un prince, mais tout un pays ou une ville par semer ses mauvaises parolles* 'Наоборот, смеющийся, шумный и несогласный человек мог переполошить не только двор принца, но и целую страну или город, произнося свои плохие речи' (Ch. de Pizan. The Livre de la Paix, 1412).

Сочетание *mais seulement* 'но только' выражает противительно-возместительные (пример (204)) и противительно-ограничительные (пример (205)) отношения и не является на данном этапе развития языка устойчивым, о чем свидетельствует возможность использования других лексем между двумя единицами.

(204) *...ne procede point du Filz, mais du Pere seulement* '...не исходит от сына, а только от Отца' (P. Bersuire, Les Décades de Titus Livius, 1354).

(205) *Toute chose ne soit pas a amer, mais tant seulement ce qui est bien honneste ou bien qui est utile* 'Не все можно любить, а только то, что очень честно или полезно' (J. Daudin, De la erudition ou enseignement des enfans nobles, 1360).

Низкую частотность демонстрируют сочетания союза с лексемами *au contraire*, *pourtant* и *nonobstant*, которые соединяют два утверждения, относящиеся к одному положению дел. Несмотря на то, что одно утверждение не опровергает другое, они все же противопоставлены, поскольку рассматриваемое положение дел представляется с иной точки зрения. Используемые лексические единицы только подчеркивают противопоставление, которое уточняется, поясняется, конкретизируется: *gouvernee sans injure* 'управляемая без оскорблений' / *gouvernee sans justice* 'управляемая без справедливости' (пример (206)); *largece est vertu* 'щедрость есть добродетель' / *prodigalité est vice* 'расточительство есть порок' (пример (207)); *à grant peine venir à leurs deffenses* 'защищать их с трудом' / *se deffendoyent asprement* 'защищаться отчаянно' (пример (208)).

(206) *...il feust confermé que ce que l'en dit que la chose publique ne puist estre gouvernee sans injure n'est pas seulement faux, mais au contraire est tres vraye chose que elle ne puest estre gouvernee sans souverainne justice* '...было подтверждено, что сказанное ему о том, что общественным делом нельзя управлять без оскорбления, не только ложно, но наоборот очень верно, что им нельзя управлять без суверенной справедливости' (R. de Presle, La Cité de Dieu de Saint Augustin, 1371).

(207) *Si comme par exemple, largece est vertu, mais non pourtant quant elle est excessive et trop, elle tourne en fole largece que on dit prodigalité, laquelchoses est vice* 'Если, например, щедрость – это добродетель, но однако не тогда, когда она чрезмерна и слишком велика, когда она превращается в расточительство, которое сводит с ума, что, мы считаем, есть порок' (Ch. de Pisan, Epistre de la prison de vie humaine, 1416).

(208) *Les archiers tiroient fleches si dru et si souvent que les Gantois povoient à grant peine venir à leurs deffenses; mais nonobstant ilz se deffendoyent asprement* 'Лучники стреляли стрелами так сильно и так часто, что жители Гента с трудом могли встать на их защиту, но тем не менее они защищались отчаянно' (O. de La Marche, Mémoires, 1470).

Из вышеизложенного следует, что существенные изменения в системе средств выражения противительных отношений представляют два разнонаправленных взаимообусловленных процесса в старо- и среднефранцузский периоды развития языка. Во-первых, в системе сочинительных союзов из двух противительных союзов *mais* и *ainz* сохраняется более употребительный союз *mais*, проявляющий больший семантический и функциональный потенциал. Во-вторых, одна исчезнувшая единица (союз *ains*) компенсируется появлением новых морфологически более сложных единиц другого класса (наречия *pourtant*, *cependant*, *toutefois*, *nonobstant*, *au contraire*, *seulement*, *néanmoins*) с узкоспециализированным противительным значением. Новые единицы обладают схожими с союзом *mais* семантическими и сочетаемостными свойствами, а именно: соединяют две предикативные единицы, содержание которых либо противопоставляется, либо модифицируется.

Одновременное упрощение и усложнение в частной системе единиц сочинения свидетельствует о потребности говорящего дифференцировать

сложные и многогранные противительные отношения между внеязыковыми сущностями (несовместимость, присоединение, замещение, пояснение, ограничение и т.д.) и отражает значимость противительных отношений для языковой репрезентации окружающей действительности в ранний период развития языка.

3.2. Ядерные единицы «несобственно» сочинения

В ранний период развития французского языка проявление союзных функций у единиц «несобственно» сочинения *car*, *donc* и *or* является результатом продолжительного процесса их грамматикализации. Эти единицы в отличие от ЯЕ «собственно» сочинения *et*, *ou*, *mais* демонстрируют низкую употребительность в роли связующих единиц (см. рис.15).

Принимая во внимание, что процесс грамматикализации – «the development from lexical to grammatical forms and from grammatical to even more grammatical forms» [Kuteva et al., 2019, p. 3] – имеет градуальный характер [Lehmann 2002], а «синхронность сложная или неоднородная» [Marchello-Nizia, 2006, p. 22] среднефранцузского языка отражает процессы, начавшиеся еще в старофранцузском языке, полагаем, что развитие логико-конъюнктивного значения у лексем *car*, *donc* и *or* начинается непосредственно в старофранцузском языке, так как любая лексическая единица «once grammaticalized, continue to develop new grammatical functions» [Hopper, Traugott 2003, p. 187].

Несмотря на общее основание выделения единиц *car*, *donc* и *or* в отдельную подсистему единиц «несобственно сочинения» – обозначение каузальных отношений преимущественно между самостоятельно оформленными предложениями – функционирование каждой единицы в обозначенный период в силу различных факторов обладает своей спецификой.

Траектории развития указанных единиц в роли союза в старо- и среднефранцузском языках обнаруживают как ряд сходств, так и различий, которые изложены ниже.

3.2.1. Лексема *or*: от темпорального дейктика к сочинительному союзу

Французская лексема *or* восходит к темпоральному дейктическому латинскому наречию *hāc horā* в значении *à cette heure, maintenant, alors* ‘в это время, сейчас, тогда’ [TLF, Nølke 2006, Badiou-Monferran 2003].

Изначально, в период старо- и среднефранцузского языков, современный французский узкоспециализированный сочинительный союз *or* выполняет в предложении различные синтаксические функции: наречия, частицы и союза. На своеобразие лексемы *or*, ее полифункциональность, обращает внимание в середине прошлого века французский лингвист Ж. Антуан [Antoine 1958, p. 1203]. Особое внимание уделяется способам ее употребления в старо- и среднефранцузский периоды выступать в роли темпорального дейктика [Nølke 2006], частицы [Antoine 1958, Guillot 2008, Ollier 2000(a), (b), Школьников 2022], наречия [Buridant 2007, Librova 2008, Ollier 200(6), Torterat 2008]. Выход

из употребления перечисленных способов употребления единицы *or* в ходе развития языка объяснялся как нарастающей окситонической тенденцией современного французского языка, так и преимущественным употреблением единицы в аргументативных контекстах, а также конкуренцией с лексемой *donc* в повелительных и вопросительных высказываниях [Antoine 1958, p. 1205].

Вследствие одновекторных подходов к описанию единицы *or* в романистике отсутствует системное и целостное представление о ее функционировании в ранний период развития языка. Для устранения этого пробела мы продемонстрируем полифункциональный характер лексемы, постепенную утрату темпорального значения и потерю синтаксической автономии единицы, которые дополняют предшествующие научные знания о процессе ее грамматикализации в ранний период развития языка.

Траектория процесса грамматикализации лексемы *or* на основании сопоставления ее количественных и качественных характеристик в ранний период развития языка (XI–XVI вв.) представлена ниже.

3.2.1.1. Грамматикализация лексемы *or* сквозь призму корпусных данных

В лексикографических источниках [TLF; CNRTL; DMF; Godefroy] присутствуют разночтения в описании исследуемой единицы в период старо- и среднефранцузского языков. Так, в старофранцузском языке фиксируются два значения лексемы *or*. Первичное значение обусловлено этимологически: исследуемая единица используется для указания на текущий момент, выступая в роли темпорального дейктика. В ходе семантического развития единица приобретает вторичное значение и используется для обозначения «логической последовательности» [Nølke 2006, p. 394], «важного момента в последовательности изложения мысли» [Ollier 1995, p. 27].

Проиллюстрируем темпоральный и нетемпоральный способы употребления лексемы *or*. Она выступает в роли темпорального наречия (пример (209)) и связующего элемента между двумя независимыми синтаксическими единицами (пример (210)).

(209) *Et pour lors estoient les sciences chier tenues et prisiees plus qu'elles ne sont ores* 'И тогда науки ценились больше, чем *сейчас*' (J. d'Arras. Mélusine, 1393).

(210) *Il demeure a Escalot avec une damoisele que il ainme par amors. Or poons nos bien dire que je et vos l'avons perdu* 'Он остается в Эскалоте с деуазель, которую он любит. *Итак*, мы можем сказать, что мы с вами его потеряли' (Ch. de Troyes. Chevalier au lion, 1235).

Процесс приобретения единицей логико-конъюнктивного значения охватывает временной интервал в три столетия: *or* = *maintenant, alors* 'теперь, сейчас' (1-я пол. X в.) → *or* = *donc* 'следовательно' (1176–1181 гг.) → *or* = *et assurément, et comme chacun sait* 'и конечно, и как все знают' (1210 г.) → *or* = *à la vérité, en réalité* 'на самом деле, в действительности' (1286 г.) [TLF, DMF, Godefroy]. Схематично становление двух значений лексемы *or* и, соответственно, двух ее функций представлено на рис. 22.

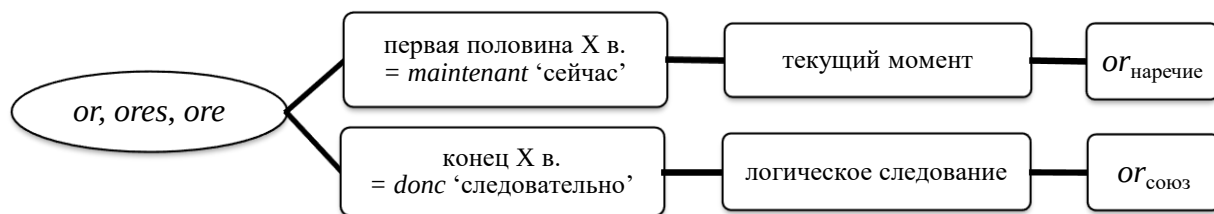

Рис. 22. Полифункциональность лексемы *or* в старофранцузском языке

Уже в среднефранцузский период единица *or* трактуется как наречие, которому присущи следующие функции: темпорального наречия в значении *maintenant, à présent* ‘сейчас, в настоящее время’ или *à ce moment-là, alors* ‘в этот момент, тогда’ (пример (211)); частицы (пример (212)); связующей единицы в значении *alors, donc* ‘тогда, итак’, *et assurément, et comme chacun sait* ‘и конечно, и как все знают’ и *cependant* ‘между тем’ (пример (213)) [DMF].

(211) ...*le corps de la benoicte vierge Madame sainte Katerine, qui ores ist en l'esglise de Sainte Marie de Rubo* ‘...тело Пресвятой Богородицы Святой Катерины, которое *сейчас* хранится в церкви Святой Марии Рубонской’ (A. de La Sale. Jehan de Saintré, 1442).

(212) **Ore** *Diex y soit! 'Так с Богом!'* (Miracle de l'empereris de Romme, 1369).

(213) **Or**, *pour venir au fait, ce chaperon fourré devint amoureux a Paris de la femme d'un cordoannier* ‘Между тем ближе к делу, этот богатый шапочник влюбился в Париже в жену сапожника’ (Les Cent nouvelles nouvelles, 1467).

Между тем относительно времени появления у единицы реляционной функции мнения ученых расходятся: употребление единицы в данной функции приходится либо на период старофранцузского языка [Librova 2008, p. 5], либо на конец среднефранцузского периода [Badiou-Monferran 2003, p. 229].

Результаты нашего исследования подтверждают данные [Librova 2008]: развитие у лексемы *or* логико-конъюнктивного значения начинается в старофранцузском языке, о чем свидетельствуют два примера из текста «Песнь о Роланде». Лексема *or* соединяет два независимых предложения, между которыми существует следующая связь: говорящий на основании своих знаний об окружающем мире выводит умозаключение Q о текущем событии P. Союз *or* сигнализирует о связи между двумя внеязыковыми ситуациями. Например:

(214) *A Rollant rendent un estur fort e pesme* [P]. / **Or** *ad li quens endreit sei asez que faire* [Q] ‘К Роланду мчат; их натиск зол и крут: / [Or] Граф должен бить не покладая рук’ [Rol], где P ‘враги наступают’ → Q ‘бить врагов’.

(215) *Creire voelt Deu, chrestientet demandet. / Baptizez la, pur quei Deus en ait l'anme* [P]. / *Cil li respundet: Or seit fait par marrenes!* [Q] ‘Алчет принять наш закон христианский. / Крещения ждет, чтоб упасть от ада. / А те в ответ: [Or] Найти ей крестных надо, / Надежных дам, и почтенных и знатных’ [Rol], где P ‘спасение от ада’ → Q ‘выбор крестных’.

Как показывает исследование, в ранний период развития французского языка намечается тенденция к переходу полнозначной лексической единицы *or* в разряд служебных слов. Этот процесс сопровождается (i) фонетической редукцией (превалирование односложной формы *or*), (ii) постепенной потерей

синтагматической автономии (преобладание инициальной позиции), (iii) полифункциональным характером (употребление лексемы *or* в роли союза, наречия, частицы) и (iv) сужением семантического содержания (утрата темпорального и приобретение логико-конъюнктивного значения). Рассмотрим процесс грамматикализации лексемы *or* в старо- и среднефранцузском языках.

i. В ранний период развития языка в лексикографических источниках фиксируется три письменных варианта единицы – *or/ore/ores* [TLF; DMF; Godefroy]. Лексема *or* с учетом письменных вариантов и снятой омонимии (*or*, n.m. ‘золото’) имеет 4494 и 8045 вхождений в старо- и среднефранцузском подкорпусах соответственно¹. Количественные данные употребительности указанных вариантов лексемы по подкорпусам представлены в табл. 23.

Т а б л и ц а 23

Динамика употребительности трех вариантов лексемы *or*
в ранний период развития языка, %

Подкорпуса	Письменные варианты лексемы		
	<i>or</i>	<i>ore</i>	<i>ores</i>
Старофранцузский подкорпус	45,34 %	29,53 %	25,13 %
Среднефранцузский подкорпус	78,57 %	14,29 %	7,14 %

Сопоставление количественных показателей вхождения лексемы *or/ore/ores* в подкорпусах демонстрирует рост употребительности односложной формы *or* с 45,34 % до 78,57 %, что свидетельствует о фонетической редукции.

ii. Начиная с периода старофранцузского языка потеря синтагматической автономии для трех графических вариантов единицы *or/ore/ores* представляет разнонаправленные процессы: лексикализация vs. грамматикализация. Лингвисты сходятся во мнении, что короткая, односложная, форма *or* развивает грамматическое значение и употребляется в начале высказывания [Nølle 2006; Ollier 1995, 2000(в)]. Двухсложная форма *ore/ores* входит в состав разнообразных темпоральных наречий как словообразующая морфема. Например, современные темпоральные наречия *lors, alors* ‘тогда’ < *or*; *dorénavant* ‘впредь’ < *dès or en avant, d’or en avant, d’or à jà; désormais* ‘отныне’ < *dès or mais* [TLF] (об этом подробно в [Badiou-Monferran 2003]).

В этой связи показателен пример (216), в котором одновременно функционируют односложная и двухсложная формы лексемы. Их семантическая и функциональная дифференциация очевидна: односложная лексема *or* в препозиции к глаголу в повелительном наклонении связывает высказывание с предыдущим контекстом, а двухсложная лексема *ore* в постпозиции к глаголу указывает на текущий момент.

(216) **Or** *ne m'en parlez ore plus* ‘Итак, больше не говори сейчас со мной об этом’ (Miracle de l'abbesse grosse, 1340).

¹ Дата обращения: апрель 2021 г.

Наблюдение французских лингвистов [Guillot 2008; Ollier 2000(в)] о преобладании инициальной позиции *or* в среднефранцузском языке подтверждается результатами нашего исследования. Количество контекстов, в которых лексема *or* оформляет самостоятельное предложение, следуя сразу после сильной пунктуационной маркированности, значительно увеличивается с 47,31 % до 83,27 % от общего количества вхождений лексемы в подкорпусах соответственно. При этом следует отметить, что лексема *or*, которая либо маркирует начало реплики, апеллирующей к слушающему в диалогическом единстве, либо используется после восклицательного и вопросительного предложений, выполняет роль частицы [Antoine 1958; Buridant 2007; Librova 2008; Nølke 2006; Ollier 2000(в)]. Нами зафиксировано увеличение количества контекстов данного типа в среднефранцузском подкорпусе по сравнению с подкорпусом старофранцузского языка с 8,08 % до 15,42 % от общего количества вхождений лексемы в подкорпусах.

Изменение дистрибутивных свойств единицы *or* (рост употребительности после сильной пунктуационной маркированности, устойчивое использование в препозиции к глагольной группе) отражает изменение ее семантических и функциональных свойств, свидетельствуя о градуальном процессе перехода полнозначного наречия к служебной лексеме.

iii. Логично предположить, что значимость единицы *or* в роли союза, наречия или частицы отличается, что отражается в количественных показателях ее употребительности. Выявление этих показателей на материале корпусных данных осложняется тем, что функционирование единицы в роли наречия или частицы в подкорпусах не дифференцируется: все вхождения аннотированы как союз. Поскольку лексикографическая интерпретация единицы и ее аннотация в подкорпусах исключительно как союза не совпадают, нами разработан пошаговый алгоритм определения частеречной принадлежности единицы, базирующийся на дифференциации дистрибутивных свойств единицы *or* в ранний период развития языка. Схематично он представлен на рис. 23.

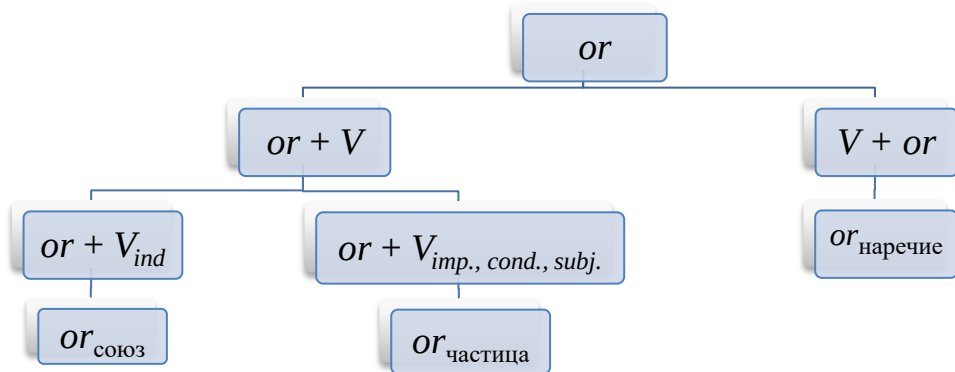

Рис. 23. Дифференциация функциональных свойств лексемы *or*

Поясним предложенную схему. В старо- и среднефранцузский периоды сферой действия лексемы *or* в большинстве случаев является глагольная группа, относительно которой данная единица может находиться как в пре-

позиции, так и в постпозиции. В работах, посвященных функционированию единицы в ранний период развития языка, утверждается, что единица в роли наречия (*or*_{наречие}) полностью сохраняет темпоральное значение и находится в постпозиции к глаголу (*V + or*) [Buridant 2007; Librova 2008; Ollier 2000(б); Torterat 2008], в то время как препозиция (*or + V*) характерна для использования единицы в роли союза (*or*_{союз}) или частицы (*or*_{частица}) [Antoine 1958; Guillot 2008; Ollier 2000(а), (в)]. Для различения последних двух способов употребления необходим учет темпоральной рамки высказывания, так как единица используется в роли усилительной частицы перед глаголами в повелительном и в сослагательном наклонениях [Ollier 2000(в)]. Таким образом, основным критерием для определения статуса единицы является ее поствербальное употребление. Соответственно, в роли союза лексема *or* соединяет две предикативные единицы после пунктуационной маркированности (точка, точка с запятой, запятая) в препозиции к глаголу в индикативе.

Исходя из разработанного алгоритма дифференциации функциональных свойств лексемы *or*, мы установили и сопоставили количественные показатели ее употребительности в функциях частицы, наречия и союза на двух временных срезах. Полученные данные обобщены в табл. 24.

Т а б л и ц а 24

Динамика употребительности полифункциональной лексемы *or*

Функции	Подкорпуса			
	Старофранцузский		Среднефранцузский	
	количество ед.	%	количество ед.	%
<i>or</i> _{наречие}	1157	25,75	1159	14,41
<i>or</i> _{частица}	1363	30,33	2063	25,64
<i>or</i> _{союз}	1974	43,93	4283	53,24
Всего	4494	100	8045	100

Как следует из табл. 24, для двух периодов характерно преобладание контекстов, в которых функционирует *or*_{союз}. Причем в среднефранцузском языке наблюдается тенденция к сокращению функционирования *or*_{наречие} и *or*_{частица}, которая сопровождается ростом употребления лексемы в роли союза. Важно отметить, что, несмотря на увеличение контекстов с союзом *or* с 43,93 % до 53,24 % от общего количества вхождений лексемы в подкорпусах, союз сохраняет статус одной из низкочастотных ЯЕ сочинения. Доля ее участия в установлении сочинительной связи не превышает 2 % от общего количества вхождений ЯЕ в старо- и среднефранцузском подкорпусах. Экспликация полученных данных приводится ниже.

iv. Для выявления изменений в семантическом содержании единицы *or* нами отдельно рассмотрены синтагматические условия реализации **темпорального** и **логико-конъюнктивного** значений лексемы, которые позволяют проследить траекторию ее развития на двух временных срезах.

О постепенном «выветривании» (термин [Бирцер 2011]), «fading», или «bleaching» (термин, используемый в англо-американской теории грамма-

тикализации [Hopper, Traugott 1993]), темпоральной семы единицы *or* свидетельствуют контексты, в которых наряду с единицей *or* одновременно используются дополнительные темпоральные показатели.

Так, в старофранцузском языке начиная с 1135 г. фиксируется употребление темпорального наречия *maintenant* в значении *aussitôt* 'тотчас, немедленно', образованного от латинского герундия *manu tenendo* [Gaffiot 1934]. Полагаем, что новообразование старофранцузского языка – современное французское наречие *maintenant* 'сейчас' – используется для компенсации темпорального значения лексемы *or*, о чем свидетельствуют контексты, в которых одновременно используются две лексические единицы. При этом лексема *or* всегда предшествует наречию *maintenant*.

В подкорпусе старофранцузского языка фиксируется 722 контекста с наречием *maintenant* и лексемой *or*. Наличие двух лексем, передающих одинаковую информацию – «указание на текущий момент» [Ollier 2000(6)], – признается избыточным в исследованиях [Nølle 2006; Ollier 2000(6) и др.], так как на соотношенность с текущим моментом указывают личные формы глагола в настоящем и будущем времени.

Одновременное функционирование в одном контексте двух темпоральных показателей *or* и *maintenant*, обладающих схожим значением, позволяет говорить о начале процесса утраты темпорального значения единицы *or* и приводит впоследствии к их функциональной и семантической дифференциации.

Проиллюстрируем на примерах, относящихся к одному синхронному срезу, градуальность процесса утраты темпорального значения лексемы *or* в зависимости от синтагматического окружения.

(217) *Lors remist l'espee ou fuerre et la coucha la ou vos la veez **ore** [= à présent], et **maintenant** [= immédiatement] oirent une voiz* 'Тогда он вложил саблю в ножны и положил туда, где вы ее видите *сейчас*, и сразу они услышали голос' (Queste del Saint Graal, 1220).

(218) *Sire, fait ele, cui g'enbras, Mes pere estes **or maintenant*** 'Господин, сказала она, тот, кого я *сейчас* обнимаю, есть мой отец' (J. Renart. Escoufle, 1200–1202).

(219) ***Ore** [= alors] m'atendes chi, et je revenrai **maintenant** [= immédiatement]* 'Тогда подождите меня здесь, и я вернусь *тотчас*' (Suite du roman de Merlin, 1235).

(220) ***Or** [= donc] sachies k'il n'i a **maintenant** [= pour l'instant] que deus cevaliers u monde que je doutaïsse* 'Итак, знайте, что на данный момент есть два рыцаря, которых я опасаюсь' (Tristan en prose, 1240).

Шкала постепенной утраты темпоральной семы единицы *or* включает следующие случаи:

А) полная реализация темпорального значения 'сейчас' характерна для контекстов, в которых лексема *or* используется в постпозиции к глаголу, а наречие *maintenant* указывает на ближайшее будущее или недавнее прошлое в значении *à l'instant* 'в данный момент' или *immédiatement* 'немедленно' (пример (217));

аБ, Ба) частично темпоральное значение лексемы *or* реализуется в сочетании *or maintenant* (не более 1,5 % от 722), поскольку наречие *maintenant* в постпозиции к лексеме служит для ее конкретизации¹ (пример (218));

Б) полная утрата темпорального значения свойственна лексеме *or* в позиции к глаголу в императиве, которая обозначает, согласно М. Ольеу [Ollier 1995], *rupture* ‘разрыв’, тогда как *maintenant* означает ‘немедленно’ (высказывание соотносится с будущим) (пример (219)) или *pour l’instant* ‘на данный момент’ (высказывание соотносится с настоящим) (пример (220)).

Инициальное употребление лексемы *or* демонстрирует, таким образом, постепенную утрату темпоральной семы.

Еще одним доказательством утраты лексемой темпорального значения служат контексты, в которых помимо лексемы *or* используются другие темпоральные показатели. Заметим, что одновременное функционирование двух темпоральных показателей в одном контексте по времени совпадает с образованием целого ряда темпоральных наречий, производных от двухсложных форм *ore* и *ores*. В период среднефранцузского языка в контекстах с лексемой *or* наблюдается появление дополнительных поствербальных темпоральных показателей для указания на текущий момент, которые не фиксируются в подкорпусе старофранцузского языка. Выявленные контексты характеризуются синтаксическим осложнением, например: *or est à present temps de dire* ‘итак, пришло время сказать’ + *P*; *or est ja temps de veoir et regarder* ‘а теперь пора увидеть и посмотреть’ + *P*; *or est temps de moy adrescier* ‘а теперь пришло время мне обратиться’ + *P* и т.д.

Показательно, что относительные показатели употребительности *or*_{наречие} уменьшаются с 25,75 % до 14,41 % от общего количества вхождений лексемы в старо- и среднефранцузском подкорпусах при сохранении корреляции абсолютных количественных показателей ее вхождения (1157 и 1159 в двух подкорпусах соответственно).

Согласно результатам нашего исследования, развитие логико-конъюнктивного значения у исследуемой лексемы начинается уже в старофранцузском языке, о чем свидетельствуют примеры (214), (215).

Изменение дистрибутивных свойств единицы *or*, проявляющихся в тенденции к ее употребительности после сильной пунктуационной маркированности и в препозиции к глагольной группе, полагаем, обусловлено изменением семантических и функциональных свойств исследуемой лексемы.

Лексема *or* используется чаще в препозиции к глагольной группе (*or* + *V*) по сравнению с постпозицией (*V* + *or*) в двух подкорпусах: 3290 вхождений, или 73,21 %, и 5908 вхождений, или 73,41 % от общего количества вхождений в подкорпусах соответственно. При этом отмечается преимущественно препозитивное использование лексемы (*or* + *V*) с определенными глаголами говорения, восприятия, знания и мнения, действия и состояния.

¹ В целом старофранцузское предложение характеризовалось стремлением к постановке определяемого слова перед определяющим [Anglade 1934; Buridant 2007].

Количественные показатели употребительности лексемы *or* в препозиции к самым частотным глаголам на основании данных двух подкорпусов¹ приведены в табл. 25.

Т а б л и ц а 25

Динамика употребительности *or* в препозиции к глаголам (*or* + *V*)

<i>or</i> + <i>V</i>		Кол-во употреблений в подкорпусах, %	
		Старофранцузский	Среднефранцузский
Глаголы говорения	<i>dire</i> 'сказать'	64,6	72,6
	<i>parler</i> 'говорить'	57,1	91,1
Глаголы восприятия	<i>voir</i> 'видеть'	51,2	72
	<i>regarder</i> 'смотреть'	59	63,64
	<i>entendre</i> 'слышать'	93,8	98,2
	<i>écouter</i> 'слушать'	96,7	98,6
Глаголы знания и мнения	<i>savoir</i> 'знать'	84,1	91,9
	<i>penser</i> 'думать'	87,2	91,9
	<i>avisier</i> 'заметить'	56	94,3
Глаголы действия и состояния	<i>faire</i> 'делать'	45,5	53,7
	<i>aller</i> 'идти'	87,5	87,7
	<i>venir</i> 'приходить'	77,6	78,9
	<i>prendre</i> 'брать'	74,47	76,5
	<i>laisser</i> 'оставлять'	91,9	93,2
	<i>mettre</i> 'класть'	62	72,8
	<i>garder</i> 'хранить'	75	82,1

Контексты с лексемой *or* в препозиции к глагольной группе обозначают каноническую речевую ситуацию². Лексема, выполняя анафорическую роль, сообщает «дедуктивный нюанс» [Sakari 1992, p. 116], который имеет логическую связь с предыдущим контекстом [Guillot 2008], основываясь на данном событии, состоянии или явлении, например:

(221) **Or** *sai bien son corage par bouche et par escrit* 'Итак, я хорошо знаю его храбрость, об этом говорят и пишут' (Al.de Paris. Roman d'Alexandre, 1180).

В среднефранцузском языке лексема *or* преимущественно предшествует глаголам в индикативе (72,5 % контекстов из 5908, из них в 68 % случаев используется настоящее время). Между тем контексты, в которых единица используется перед глаголами в повелительном (17 %) и в сослагательном (10,5 %) наклонениях, представляют случаи несоюзного употребления (*or*_{частица}) согласно [Librova 2008, p. 6]. Аналогичная тенденция отмечается и в старофранцузском языке.

Ряд лингвистов полагают, что соотносённость темпорального наречия со временем рассказчика или читателя (фр. *présent du locuteur*) в интерпретации

¹ Дата обращения: май 2021 г.

² Под канонической речевой ситуацией понимается следующее: «когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга, и т.д.» [Падучева 1985, с. 2].

М. Олье́ра [Ollier 2000(a)] послужила основой для выражения логического отношения «перехода или заключения» [Antoine 1958, p. 1195] в старо- и среднефранцузском языках (см. также [Librova 2008, Guillot 2008]).

Сохраняющееся дейктическое свойство единицы *or* указывать на текущий момент является необходимой предпосылкой для ее использования говорящим при кодировании когнитивной операции вывода на основании существующего положения дел. Квалификация частеречной принадлежности единицы может быть затруднена в случае совмещения темпорального и логико-конъюнктивного значений, например:

(222) *Or di li contes que qant Galaad se fu partiz...* ‘Теперь=Итак говорят, что когда Галад уехал...’ (цит. по: [Antoine 1958, p. 1195]).

Поскольку приведенный пример недостаточен по объему для уточнения функционального предназначения единицы, проиллюстрируем употребление лексемы *or*_{союз}, которая служит для обозначения несобственно причинно-следственных отношений между Р и Q, оформленными двумя независимыми синтаксическими единицами. Как связующий элемент она маркирует когнитивную операцию вывода на основании сказанного, увиденного, наблюдаемого при иконической последовательности событий, вводя умозаключение:

(223) *Il demeure a Escalot avec une damoisele que il ainme par amors* [P]. *Or poons nos bien dire que je et vos l'avons perdu* [Q] ‘Он остается в Эскалоте с демуазель, которую он любит. Итак, мы можем сказать, что мы с вами его потеряли’ (Ch. de Troyes. Chevalier au lion, 1235), где Р ‘остаться в другом городе’ → Q ‘потерять товарища’.

Таким образом, переход полнозначной лексической единицы *or* в разряд служебных слов начинается в старофранцузский период. В результате сложных и взаимосвязанных процессов (потеря синтагматической автономии, фонетическая редукция, утрата темпорального значения, а также расширение контекстов употребления) происходит формирование будущего союза *or*, который сигнализирует о наличии связи между двумя самостоятельными высказываниями. Семантические свойства лексемы *or* как единицы сочинения представлены ниже.

3.2.1.2. Семантические свойства ядерной единицы сочинения *or*

Как было отмечено выше, инициальное употребление лексемы *or* в препозиции к глаголам в индикативе свидетельствует о постепенной утрате темпорального значения и доминировании логико-конъюнктивного значения. В период среднефранцузского языка дальнейшее функционирование исследуемой единицы является «a product of context-induced reinterpretation» [Heine 2002] и сопровождается расширением контекстов ее употребления не только для обозначения связи фактического характера между последовательными действиями, событиями, состояниями, но и для указания на связь логического характера при соединении двух самостоятельных предложений.

Отобранные контексты с лексемой *or* (1974 и 4283 контекста из старо- и среднефранцузских подкорпусов соответственно), в которых она проявляет

свои логико-конъюнктивные свойства как ЯЕ сочинения, удовлетворяют следующим условиям: лексема *or* соединяет две предикативные единицы после пунктуационной маркированности (точка, точка с запятой, запятая) в препозиции к глаголу в индикативе.

Согласно проведенному анализу союз *or* обозначает *i*) асимметричное и *ii*) симметричное сочинение. В первом случае говорящий/пишущий кодирует связь между двумя положениями дел на основании каузальных отношений, во втором случае посредством союза соединяются пропозиции, репрезентирующие противоположную или схожую информацию относительно текущей ситуации. Рассмотрим логико-конъюнктивные свойства лексем *or*.

i. В большинстве контекстов при наличии показателей темпоральности единица *or* в роли союза служит для оформления несобственно причинно-следственных отношений между пропозициями, представляющими сказанное, увиденное, наблюдаемое, усиливая утверждение говорящего в значении *à présent donc, vraiment, à l'évidence* 'так что теперь, действительно, очевидно'. Неоднозначность исследуемой единицы проявляется в способности обозначать как когнитивную операцию вывода, так и когнитивную операцию обоснования в зависимости от порядка следования соединяемых компонентов. Если обоснование предшествует выводу ($P \rightarrow or Q$), союз вводит умозаключение *Q*, которое говорящий делает на основании своего представления о сложившейся ситуации *P* (пример (224)). При инвертированной последовательности компонентов ($or P \leftarrow Q$) союз маркирует вывод, который предшествует обоснованию *Q* (пример (225)).

(224) *Chier pere, veulliez moy pardonner vostre yre, et je vous jure que je feray refaire l'abbaye plus belle et plus riche qu'elle ne fut oncques. Par foy, dist Remond, tout ce se puet bien faire, mais aux mors ne povez vous rendre la vie [P]. Ores il ne puet autrement estre [Q]* 'Дорогой отец, простите мне ваш гнев, и я клянусь вам, что сделаю аббатство более красивым и богатым, чем когда-либо. Клянусь, говорит Рэймонд, все это можно сделать, но мертвым не вернуть вам жизнь. Так что теперь и не может быть иначе' (E. Deschamps. *L'art de dictier*, 1392), где *P* 'гибель людей' $\rightarrow$ *Q* 'вернуть былую славу аббатству';

(225) *Or est il temps de vous vengier [P]; il est tous desarmez, sans coustel et sans espee [Q]* 'Итак, пришло время отомстить за себя; он весь безоружен, без ножен и шпаги' (Miracle de saint Lorens, 1380), где *P* 'пришло время отомстить' $\leftarrow$ *Q* 'быть безоружным'.

Свойство союза *or* обозначать несобственно каузальное отношение вывода-обоснования создает предпосылки для его использования при порождении силлогизмов (около 1 % контекстов в двух подкорпусах), употребительность которых традиционно приходится на более поздний период классического языка. В период среднефранцузского языка переводчики античных авторов калькируют латинские синтаксические структуры и используют связующий элемент *or* в контекстах, в которых дополнительно функционирует лексическая единица *donc*, также указывающая на выводное знание. Происходит функциональная дифференциация двух единиц для обозначения вывод vs. обоснование. Показателен в этом плане следующий пример, в котором речь идет о выборе подходящих, идеальных, вещей:

(226) *Se il est une seule chose parfaite, c'est celle que nous querons; et se plusieurs choses sont dont chascune est parfaite, celle que nous querons, ce est la tres plus parfaite* [P → Q]. **Or** *disons nous que la chose que l'en poursuit et quiert pour elle meisme est plus parfaite que n'est celle que l'enquiert pour un autre. Et la chose que l'en quiert et estes lisible pour elle et onques n'est eslisible pour autre, elle est plus parfaite que ne sont celles qui sont eslisibles ou desirees pour elles ou pour autre* [Q → R]. **Donques** *se ensuit il que celle chose est simplement parfaite qui est elisible pour elle* [P → R] 'Если и существует одна совершенная вещь (цель конечная), она и будет искомой; многие цели совершенны, та, которую мы ищем, есть самая совершенная. *Итак*, скажем, что то, что преследуют и выбирают само по себе, более совершенно, чем то, к чему стремятся (как к средству) для другого. И эта вещь, не избранная для другого, считается более совершенной, чем те, которые выбраны или желаемы для другого. Отсюда следует, что та вещь, которая избираема сама по себе и (никогда как средство), безусловно совершенна' (N. Oresme. Le Livre de Ethiques d'Aristote, 1370).

Несмотря на синтаксическую перегруженность (пример (226)), логическая структура представляет собой дедуктивное умозаключение $((P \rightarrow Q) \cap (Q \rightarrow R)) \rightarrow (P \rightarrow R)$. Из первого суждения P 'существует конечная цель' и второго суждения Q 'существует несколько целей' выводится третье суждение R 'то, что избираемо как конечная цель, совершенно'. Ср. с известным силлогизмом: *Tous les hommes sont mortels, or Socrate est un homme; donc Socrate est mortel* 'Все люди смертны, Сократ – человек; следовательно, Сократ смертен'. Непосредственно *or* вводит вторую посылку, обеспечивая связь первой посылки с выводом: $((P \rightarrow Q) \text{ or } (Q \rightarrow R)) \text{ donc } (P \rightarrow R)$.

Встречаются также контексты, в которых союз *or* используется для указания на вывод, достоверность которого подчеркивается дополнительными показателями (*est il verité que* 'верно то, что'):

(227) **Donques** *se il est ainsi et nous mectons que oeuvre d'omme est une vie et ceste vie est operacion d'ame et faite avecques raison, il convient que celui qui est bon homme face bien ceste operacion et que celui qui est tres bon la face tres bien. Or est il verité que chascune chose a sa perfeccion et se parfait en bien selon sa propre vertu* 'Поэтому, если это так и мы верим, что человеческий труд – это жизнь, а эта жизнь – духовное творение и сделано с разумом, следует, чтобы хороший человек выполнял работу хорошо, а очень хороший человек выполнял ее еще лучше. *Итак*, верно то, что каждая вещь имеет свое совершенство и совершенствуется в соответствии со своей добродетелью' (N. Oresme. Le Livre de Ethiques d'Aristote, 1370).

Небольшое количество контекстов данного типа в подкорпусе средне-французского языка свидетельствует о начале существенных изменений в семантической структуре исследуемой единицы, которая маркирует логическую связь между суждениями без соотнесенности с текущим моментом.

ii. Помимо указания на каузальное отношение союз *or* при соединении самостоятельных предложений сигнализирует о согласованности или несогласованности вводимой информации с актуальным положением дел, обозначая соединительно-присоединительные и соединительно-противительные отношения соответственно.

Рассмотрим присоединительное употребление союза *or*, который выдвигает в фокус прагматически и когнитивно значимую информацию для текущей ситуации с новой точки зрения. Контексты представляют собой осложненные синтаксические образования, отражающие присущую разговорной речи расчлененность (см. проявление «пишущегося разговора» в § 2.2).

Поверхностная структура высказываний строится по модели сложного предложения, включающего главную часть, вводимую союзом *or*, и изъяснительную придаточную часть (пример (228)). В случае отсутствия темпорального показателя в поверхностной структуре высказывания союз *or*, вводя новую информацию, одновременно указывает на текущий момент и присоединяет пояснение, уточнение существующего положения дел (пример (229)). Сохраняющееся свойство дейктика позволяет говорить о синкретичном характере семантики самой единицы.

(228) *Or est temps que je vous parle de Guyon et du maistre de Rodes, qui avoient enquesté aux Sarrasins que ilz tenoient prisonniers* ‘И менерь пришло время рассказать вам о Гийоне и хозяине Родоса, которые задали вопросы сарацинам, которых они держали в пленниках’ (N. de Caumont. *Le Voyatge d’Oultremer en Jherusalem*, 1420).

(229) *Or vous devez entendre que nostre marchand de blé fist son Saint Omer de l’ostel d’un de ses amys* ‘И менерь вы должны услышать, что наш торговец пшеницей сделал Свой Сент-Омер из постоянного двора одного из своих друзей’ (J. d’Arras. *Mélusine*, 1392).

Согласно академическим правилам современного французского языка, опущение глаголов говорения, восприятия, знания и темпорального показателя при сохранении союза *or* приводит к опрощению структуры (трансформации (228a) и (229a)). В результате трансформации становится очевидно, что союз относится не к главной части предложения, а к придаточной. При этом содержательная и прагматическая целостность высказывания не нарушается, однако затрудняется процедура декодирования сущности связи слушающим.

(228a) *Or [il est temps] [que je vous parle] (...).*

(229a) *Or [vous devez entendre que] (...).*

Трансформации (228a) и (229a) подтверждают, что наличие в структуре высказывания вышеперечисленных глаголов и темпорального показателя облегчает когнитивную операцию установления логической связи между существующим положением вещей, описание которого часто опускается, так как говорящий и слушающий связаны «единством места и времени» [Падучева 1985], и новой информацией, которая представляет текущую ситуацию с другой точки зрения.

О присоединительном характере союза *or* свидетельствует возможность его замены на союз *et* (трансформации (228б) и (229б)).

(228б) *Et [il est temps] [que je vous parle] ilz tenoient prisonniers...*

(229б) *Et [vous devez entendre que] nostre marchand de blé fist son Saint Omer de l’ostel...*

Получившиеся в результате трансформаций структуры (228а, б) и (229а, б) интерпретируются как неполные: в них пропущен компонент, который обеспечивает установление связи между текущей ситуацией и вводимой

говорящим новой информацией. В современном русском языке такое употребление квалифицируется В. Санниковым как синтаксический эллипсис [Санников 2005, с. 126]. Существует и другая точка зрения, согласно которой речь идет об иллокутивном употреблении союза, который, по мнению Е. Падучевой, «выражает соответствующее отношение между пропозициональным смыслом одного предложения и иллокутивной функцией другого» [Падучева 1985, с. 46]¹.

Полагаем, что в ходе исторического становления синтаксической системы французского языка перегруженность расчлененной синтаксической структуры приводит к сокращению избыточных элементов, что дает основание говорить применительно к присоединительному употреблению союза *or* о синтаксическом эллипсисе (рис. 24).

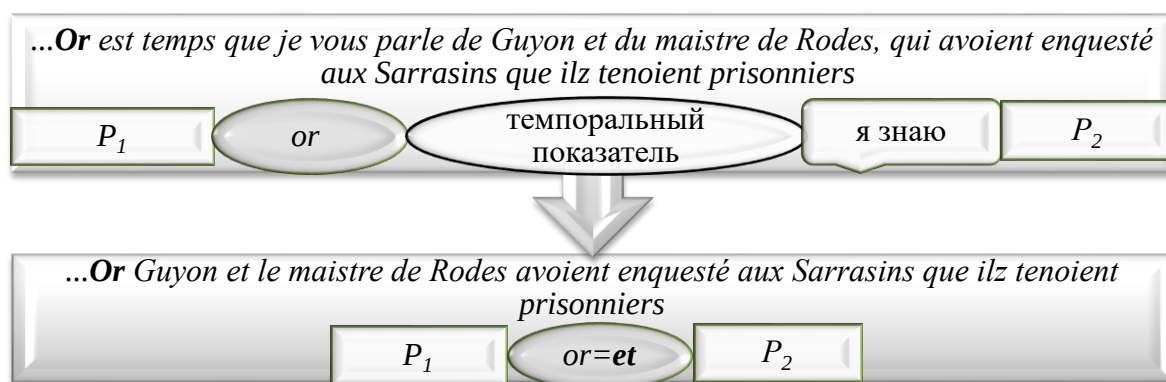

Рис. 24. Опрощение структуры с союзом *or*

Согласно представленной схеме, пропозициональное знание говорящего ('я знаю, что P '; 'я вам говорю, что P '; 'я сообщаю, что P ') относительно реально существующего положения дел является основанием для осуществления речевого действия. Иными словами, союз *or* может иметь следующее толкование: 'говорящий считает, что в ситуации P_1 , которая имеет место, совершенно естественно то, что говорящий делает высказывание P_2 '.

Перейдем к рассмотрению противительного употребления союза *or*, который соединяет два независимых предложения, логическая связь между которыми основывается на отношении противопоставления между положением вещей в норме и ее нарушением в настоящий момент. При этом следствие, выводимое из содержания второго компонента, существенно изменяет «ход рассуждений или положения дел» [Ollier 1995, р. 18]. Логическое отношение между двумя ситуациями находится в пресуппозиции и базируется на общем знании, на «обиходной энциклопедии», либо на мнении, предположении говорящего, а непосредственно союз «указывает на нарушение некоторой жизненной закономерности» [Урысон 2011, с. 178]. Предложенная Е. Урысон трактовка для описания семантики русского противительного союза *но* приложима и для семантической интерпретации французского союза *or*. Так, формулировка 'обычно ситуация типа P влияет на положение дел;

¹ Научные изыскания в области иллокутивного употребления союзов нашли отражение в трудах ряда лингвистов [Groupe λ-1 1975; Иорданская 1988, 1992; Пекелис URL; Rossari 2000].

в результате если *P*, то не-*Q*' [Ibid, с. 173] восстанавливает логическую связь между соединенными посредством союза *or* компонентами. Приведем примеры.

(230) *Le troisieme enseignement que mon pere me bailla si fut que jamais n'espousasse femme d'etrange region. Or [=mais] y ay je failly* 'Третий урок, который дал мне мой отец, заключался в том, чтоб никогда не вступать в брак с женщиной из чужой страны. Но я чуть было так не сделал' (Les Cent nouvelles nouvelles, 1456).

(231) *Il disoit a sa dame qu'il vouloit doresnavant servir Dieu. Or [=mais] fist il tout le contraire* 'Он сказал своей даме, что теперь хочет служить Богу. Но он сделал наоборот' (Les Cent nouvelles nouvelles, 1456).

(232) *Ce chevalier, qui ceens est, est l'homme ou monde que je plus ayme. Or [=mais] ne me peut il bonnement dire ce qu'il a sur le cueur* 'Этот рыцарь есть тот, кого я больше всего люблю в мире. Но он не может просто сказать мне, что у него на сердце' (J. Legrand. Livre de bonnes moeurs, 1410).

В вышеприведенных контекстах первое предложение представляет собой высказывание, в котором некое положение вещей соответствует норме: *P*₁ 'дети следуют советам родителей' в примере (230), *P*₁ 'данное даме сердца обещание выполняется' в примере (231), *P*₁ 'о взаимной любви говорят' в примере (232). Второй компонент репрезентирует свершившееся или несвершившееся действие субъекта, которое нарушает эту норму: *P*₂ 'чуть было не послушался' в примере (230), *P*₂ 'не сдержал обещание' в примере (231), *P*₂ 'не признается в любви' в примере (232). Противительная семантика союза *or*, которая заключается в обозначении норма vs. нарушение, подтверждается заменой союза *or* на союз *mais*.

Союзы *or* и *mais* проявляют схожие сочетаемостные свойства в указанных периоды. Для дифференциации противительных отношений в постпозиции к союзам используются либо эвиденциальные и истинностные показатели *or est vrai que* 'итак, на самом деле', *or est verité que* 'итак, истина в том, что', *or est ainsi que* 'итак, следует, что', либо уточняющие наречия *toutefois* 'однако, все-таки', *pourtant* 'однако' и др. (см. § 3.1.4.3).

Свойство союза *or* маркировать присоединение и противопоставление сохраняется в современном французском языке, о чем свидетельствуют два нижеследующих примера. Союз *or* сигнализирует о наличии логической связи между двумя положениями дел, а содержание второго сочиненного компонента оказывается значимым для текущей ситуации, что предопределяет последующее развитие событий и действий. Так, в примере (233) союз *or* присоединяет новую информацию ('появление волка в лесу в тот момент, когда там проходила девочка'), а в примере (234) союз указывает на противоречие в рассуждениях ('подозреваемый не умеет водить машину, следовательно, не является убийцей').

(233) *Le Petit Chaperon Rouge prit le chemin de la forêt; or le loup y rôdait* 'Красная Шапочка пошла по тропинке в лес; а там рыскал волк' (цит. по: [Riegel et al. 2016, p. 527]).

(234) *L'assassin s'est enfui en voiture, or le suspect ne sait pas conduire* 'Убийца скрылся на машине, но подозреваемый не умеет водить машину' (цит. по: [Riegel et al. 2016, p. 527]).

Таким образом, в период старо- и среднефранцузского языков формируется будущий сочинительный союз *or*, который обозначает связь между двумя самостоятельными высказываниями.

Синкретичный характер семантики исследуемой единицы, одновременно маркирующей темпорально-дейктическое и логическое отношения, сохраняется продолжительное время. Дейктическое свойство является основанием для использования единицы в канонических речевых ситуациях, а активно развивающееся конъюнктивное свойство позволяет использовать ее в сложных синтаксических построениях для обозначения несобственно причинно-следственных отношений. Союз *or* обозначает симметричный (отношение присоединения и противопоставления) или асимметричный (вывод и обоснование) характер сочинительной связи между соединяемыми компонентами. В случае присоединительного и противительного употребления в аналогичных контекстах допустимо использование более частотных ЯЕ сочинения *et* и *mais*, что объясняет низкую употребительность союза *or* в исследуемые периоды.

Для облегчения слушающему декодирования логико-семантической связи между соединяемыми компонентами говорящий дополнительно использует темпоральные показатели, глаголы говорения, восприятия, знания в настоящем времени, эвиденциальные и истинностные показатели и т.п. Расчлененность синтаксической структуры является необходимым условием для реализации конъюнктивного значения единицы *or* и отражает растущую тенденцию к аналитизму в языке, свидетельствуя о продолжающемся процессе конвенционализации сочиненной структуры P_1 *or* P_2 .

3.2.2. Неоднозначность лексемы *car*: следствие vs. причина

Слияние двух латинских единиц *qua* и *re*, сопровождаемое утратой референциальной сущности существительного *res* «chose, objet, affaire» ‘вещь, предмет, дело’ и фонетической редукцией (*qua re* > *quare* > *quar* > *car*) [Fagard 2008, p. 212], способствует генерализации значения (или «semantic bleaching») и служит «подготовительной базой» [Lehmann 2002, p. 7–9] для дальнейшей постепенной грамматикализации лексемы *car*, первая письменная фиксация которой как каузального сочинительного союза относится к концу X в. [DAF]. Период старо- и среднефранцузского языков характеризуется грамматистами-романистами как «эпоха величия» союза *car* [Fagard 2008 и др.].

Свойство единицы *car* маркировать собственно-причинные и несобственно-причинные отношения в современном языке (см. § 1.3.4) есть результат продолжительных диахронических изменений неоднозначной единицы, которая изначально используется как для обозначения причины, так и для обозначения следствия и выступает в роли наречия, частицы и союза, что отражается в росте ее употребительности (см. рис. 15).

Рост употребительности единицы *car*, типичное для грамматикализации явление [Hopper, Traugott 1993, p. 103], отмечается в исследовании [Fagard 2008]. Французский лингвист отмечает значительное увеличение частотности союза *car* (в 24 раза) в среднефранцузском языке на основании сопоставления

количества его вхождений с учетом всех письменных вариантов в корпусах латинского, старофранцузского и среднефранцузского языков общим объемом по 10 000 словоупотреблений каждый [Fagard 2008, p. 212–214].

Данное наблюдение также подтверждается результатами нашего исследования. Фиксируется скачкообразное увеличение количества вхождений лексемы *car* с 4054 в подкорпусе старофранцузского языка до 23 509 вхождений в подкорпусе среднефранцузского языка (или 4,2 % и 11,05 % соответственно от общего количества вхождений ЯЕ сочинения в подкорпусах¹). Столь значительная употребительность союза *car* сопоставима с употребительностью союза *mais* в среднефранцузском периоде (см. § 2.4) и обусловлена рядом факторов, изложенных ниже.

Скачок употребительности лексемы *car*, на наш взгляд, является следствием постепенного нарастания аналитизма в языке, только начинающегося формирования инвентаря каузальных связующих единиц и функционально-семантического потенциала самой единицы.

Стремление говорящего/пишущего к эксплицитному выражению логических связей предопределено постоянно развивающейся мыслительной деятельностью носителей языка, связанной с углублением и усложнением представлений об окружающей действительности, что находит отражение в синтаксисе сложного предложения, для которого характерна присущая устной речи расчлененность (см. § 2.2).

Инвентарь языковых средств выражения каузальной связи в языке еще только формируется². Так, например, употребление союза *par ce ke > parce que* 'потому что' для ввода придаточного причины фиксируется с 1200 г. [DMF; Furetière]. Согласно Б. Фагару, частотность причинного союза *parce que* существенно уступает частотности союза *car* в старо- и среднефранцузском языках (7,2 vs. 40,0 и 8,6 vs. 41,9 на 10 000 словоупотреблений соответственно) [Fagard 2008, p. 214]³.

Способность старофранцузской единицы *car* указывать как на причину в значении *c'est parce que > c'est par cela que* 'это потому что', так и на следствие в значении *c'est pourquoi > c'est la raison pour laquelle* 'вот почему' [Buridant 2000, p. 562] обуславливает расширение ее сочетаемостных свойств в разнообразных контекстах. В этой связи закономерно возникает вопрос: какое значение лексемы *car* первично? Существуют две гипотезы относительно истории причинного значения единицы *car*: либо предполагается, что она первично обозначает следствие, а значение причины вторично, либо признается, что единице изначально свойствен синкретизм.

Согласно первому предположению, сочинительный союз *car* образовался, как было отмечено выше, в результате лексикализации латинского синтаксического сочетания *quīā rē*, в котором существительное *res* и относительное место-

¹ Дата обращения: март 2021 г.

² О формировании системы каузальных связующих единиц см. [Bertin 1997; Bertin, Bat-Zeev Shyldkrot 2008].

³ О частотном превосходстве союза *car* среди других союзов, обозначающих отношение обусловленности в старофранцузском языке (*que* 'что', *puis que* 'поскольку', *por ce que* 'потому что'), см. также в [Delbey 1988].

имение *quae* были в *ablatives causae*. Следовательно, предполагает М. Сабаньева, словосочетание *qua re* > *quare* означало первично ‘по каковой причине’, ‘поэтому’, а причинное значение возникло из синтагмы *de (ex) ea* в первом предложении в сочетании с *qua re* в начале последующего [Сабаньева 1990, с. 253]. Однако такое сочетание, обозначающее причину, не зарегистрировано в текстах, но предполагается его наличие в позднелатинской устной речи [ibid].

Сторонники второго предположения объясняют семантический синкретизм единицы *car* в ходе становления французского языка связью с этимологически исходным предлогом (предлоги *par* ‘из-за’ и *pour* ‘для’ восходят к одному латинскому предлогу *por*) и референциальной природой местоимений (*laquelle* ‘которая’, *cela* ‘это’), которые могут быть как анафорическими ‘вот почему’, так и катафорическими ‘это потому что’ [Buridant 2000, p. 562; Bertin 1997]. Схематично семантическая структура лексемы в период старофранцузского языка представлена на рис. 25.

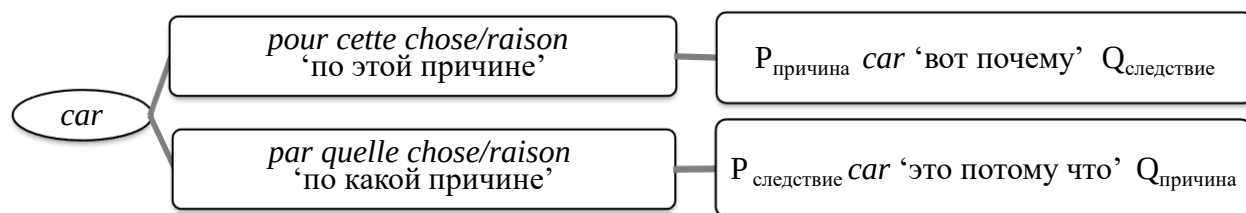

Рис. 25. Каузальная семантика лексемы *car* в старофранцузском языке

В нашем исследовании мы исходим из того, что единица изначально обладает диффузностью из-за неоднородности означаемого понятия (см. § 1.1). Неоднозначность как свойство языковых единиц проявляется в способности иметь различные смыслы [Черепанова 2007], являясь «источником возникновения семантической диффузии» [Власова 2014, с. 131]. Иными словами, «совмещение значений» представляет собой «конституирующее явление для семантической системы языка» [Зализняк Анна А. 2004] (см. также [Колесов 1991]).

Принимая во внимание, что синкретизм «разрешается» контекстом в пользу языковой симметрии: один знак – одно значение, одно значение – один знак, сначала мы рассмотрим способы функционирования лексемы, далее установим ее коннективные свойства и отдельно остановимся на развитии ее семантических свойств в роли сочинительного союза.

3.2.2.1. Функциональная

омонимия: *car*_{союз}, *car*_{наречие}
и *car*_{частица}

В ранний период развития языка существуют три функциональных омонима *car*_{союз}, *car*_{наречие} и *car*_{частица}. Одинаково звучащие этимологически родственные слова различаются синтаксической функцией, категориальным значением и другими свойствами, например сочетаемостью.

Начиная с X в. лексема функционирует в качестве сочинительного союза *car* в значении *certes* ‘разумеется’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’ [Furetière]. Однако уже в старофранцузском языке в XI в. *quer* используется как подчинительный союз в значении *pur ço quer* (синоним *por se que* ‘для того, чтобы’ (1120 г.)),

а с 1167–1170 гг. союз *car* употребляется в значении *parce que* ‘потому что’ вплоть до XVI в. [DAF]. До XVI в. фиксируется использование лексемы *car* в роли каузального наречия в значении *c’est pourquoi, en conséquence* ‘вот почему’, ‘вследствие’ [TLF]. Отмечается также употребление лексемы *car* как частицы в инициальной позиции повелительных и восклицательных высказываний в XI в. [Вадюшина 1975; Сабанеева 1990; Школьников 2022] (см. схожий способ употребления лексемы *or* как частицы в § 3.2.1).

Важно, что значение следствия и логического вывода, содержащееся в *qua re*, сохранилось в старофранцузской побудительной частице *car*, употреблявшейся при глагольных формах волеизъявления (примеры (235), (236)). Между тем в причинном значении союз *car* встречается часто в старофранцузских текстах (примеры (237), (238)).

(235) *Filz **quar** t’en vas colcer* ‘Сын, так иди ложись спать’ (Vie de St Alexis, цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 3]).

(236) ***Car** chevalcez!* ‘Скачите же!’ [Rol].

(237) *Bons fut li secles al tens ancienur, / **Quer** feit I ert e justise e amur* ‘Хорошим был мир в старые времена, ибо была в нем вера и справедливость, и любовь’ (Vie de St Alexis, цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 3]).

(238) *A tort vos curruciez, / **Quar** ço vos mandet Carles* ‘Напрасно вы сердитесь, ибо это вам повелевает Карл!’ [Rol].

В отличие от союза *car*, сохранившегося вплоть до наших дней, частица *car* исчезла, уступив место побудительной частице *donc*. М. Сабанеева объясняет ее исчезновение тем, что «семантика побудительной частицы *car* в старофранцузском языке не получала поддержки от семантики сочинительного союза *car*» [Сабанеева 1990, с. 253], поскольку союз имел значение причины, а частица – значение следствия, вывода в отличие от частицы *donc*, обладающей преимуществом в виде семантического соответствия сочинительному союзу *donc*, который выражал временное следование и следствие (о семантике союза *donc* см. § 3.2.3). Соглашаясь с изложенным, полагаем, что исчезновение частицы *car* и сохранение причинного сочинительного союза *car* обусловлено рядом взаимосвязанных причин. Рассмотрим семантические и функциональные свойства лексемы в зависимости от ее дистрибутивных свойств.

Наметившаяся в старофранцузском языке тенденция к расширению дистрибутивных свойств лексемы *car* претерпевает в среднефранцузском языке существенные изменения. Употребление лексемы *car* в роли сочинительного союза становится доминирующим, а в роли наречия, подчинительного союза и усилительной частицы подвергается сокращению и исчезает уже в период классического французского языка. Суммарно количество контекстов в среднефранцузском подкорпусе с несохранившимися способами употребления лексемы не превышает 250. При этом все вхождения лексемы в корпусе аннотированы как союзное употребление.

Проиллюстрируем на примерах не сохранившиеся в языке способы употребления лексемы *car*. Они распределяются на две группы в зависимости от порядка следования ситуаций: и к о н и ч е с к и й порядок «причина → следствие», н е и к о н и ч е с к и й – «следствие → причина».

В нашей выборке контексты первого типа преобладают. Лексема *car* функционирует в них исключительно как частица (пример (239)). При этом в большинстве случаев фиксируется сочетание *et car* в препозиции к глаголу в императиве, как, например: ***Et car m'aidiés!*** 'Так помогите же мне!'; ***Et car t'esveilles!*** 'Так просыпайся!'; ***Et car nos secorrez!*** 'Так помогите нам!'. Контексты второго типа малочисленны. Лексема *car* со значением причины выступает в качестве подчинительного союза в конструкции *la cause/la raison/la consideration (est) car...* 'причина/повод/понимание (в том), что...'¹ (пример (240)) и относительного наречия после эпистемических глаголов (пример (241)) и глаголов говорения (пример (242)). Впоследствии лексема *car* исчезает из конструкций указанного типа, что, безусловно, объясняется законом экономии.

(239) ***Car me donnez cuer et courage De vous servir tout mon eage*** 'Так дайте же мне храбрость и отвагу, Чтобы служить вам все время' (Miracle de l'enfant donné au diable, 1339).

(240) *Et la raison est ceste, car les plus fors mesprisent les plus feibles et combatent en orgueil, et les feibles requierent l'aide de Dieu, qui les conforte et est pour eulz* 'И причина в том, что сильнейшие презирают самых слабых и сражаются с гордостью, а слабые нуждаются в помощи Бога, который утешает их и помогает им' (A. de la Sale. Jehan de Saintré, 1456).

(241) *Seigneurs, sachs quar le filz Marie Est relever de mort a vie* 'Господа, знайте, что сын Марии вернулся из смерти в жизнь' (Ph. Biard, La Passion d'Autun, 1471).

(242) *Je dix car quil fiert d'ungne espee, La plaie est plux tost resanee Que d'ungne langue venimeuse De quoy la personne est joieuse Quil de son voisin mal raconte* 'Я говорю потому, что он гордится своей шпагой, рана быстрее заживет, чем ядовитый язык того, кто с радостью говорит плохо о своем соседе' (Passion de Semur, 1420).

Особо отметим единичные контексты в среднефранцузском подкорпусе, в которых лексема *car* со значением причины выступает в качестве подчинительного союза в сочетании с ЯЕ сочинения *mais*. Схожий контекст фиксируется и в подкорпусе современного языка (1980 г. – н/в).

(243) *Semblablement nous disons que Dieu doit presider a toutes gens, non pas qu'y soit obligiez de presider a toutes gens, mais car toutes gens sont obligiez de estre subjettz a Dieu comme a leur presidant* 'Точно так же мы говорим, что Бог должен главенствовать над всеми людьми, не потому, что он обязан главенствовать над всеми, но потому, что все люди обязаны подчиняться Богу как своему господину' (P. Crapillet. Cur Deus homo, 1460).

(244) *Elle s'était jetée sous un train. Dans cette version-là, elle s'était suicidée, non pas par peur d'être séparée de l'étudiant noir, mais car elle avait pris conscience d'avoir attiré sur eux un grand déshonneur avec le violoniste* 'Она бросилась под поезд. В этой версии она покончила жизнь самоубийством

¹ Конструкция *la raison (est) car...* 'причина (в том), что ...' остается в употреблении до XVII в. и была как объектом критики Ф. Малербом, так и объектом превозношения К. Вожа (цит. по: [Brunot, Bruneau 1956, p. 385–388]).

не из страха быть разлученной с чернокожим студентом, *а потому*, что осознала, что навлекла на них великий позор со скрипачом' (A. Roux. *La solitude de la fleur blanche*, 2009).

Приведенные выше примеры демонстрируют нарушение нормы с точки зрения современной академической грамматики французского языка, однако их существование в течение продолжительного периода времени в языке представляет важный этап эволюции самой единицы. Другими словами, использование единицы при иконической и неиконической репрезентации событий обуславливает развитие семантики ЯЕ сочинения *car*.

Так, например, в тексте «Песнь о Роланде» ЯЕ сочинения *car* соединяет преимущественно автономные предложения, репрезентирующие ситуации внеязыковой действительности, связанные отношением обусловленности, уже существующим между двумя пропозициями. Существенным условием для идентификации одного события как причины другого является знание того, что они либо следуют друг за другом во времени, либо разворачиваются одновременно. Отношение обусловленности однозначно задано взаиморасположением событий во времени. При этом в тексте доминирует иконический порядок следования пропозиций, отражая реальную хронологию событий $P_{1\text{причина}} \text{ car } P_{2\text{следствие}}$. Рассмотрим примеры.

(245) *Seignurs barons, dist li emperere Carles, / Veez les porz e les destreiz passages! [P₁] / Kar me jugez ki ert en la reregarde [P₂]* 'Карл говорит: О, господа-вассалы! / Видите вы теснины и провалы. / [Car] Назначьте мне вождя для арьергарда' [Rol].

(246) *Jo vos aim mult, sire, dist ele al cunte, [P₁] / Car mult vos prisent mi sire e tuit si hume [P₂]* 'Я чту вас, граф! – она проговорила: [Car] Хвалят вас все – мой супруг и эмиры' [Rol].

Функционирование лексемы *car* в примере (245) представляет собой переходное явление, совмещающее свойства двух частей речи: *car*_{союз} и *car*_{частица}. При иконическом линейном порядке следования элементов ситуации лексема *car* обнаруживает синкретизм. Она одновременно обозначает мотивировку поведения, логическую необходимость призыва к действию ('*me jugez*') и вводит следствие действий, событий, состояний или явлений, то есть сигнализирует о том, что некоторое положение дел P_1 'нехорошее расположение для боя' является необходимым условием для P_2 'назначить вождя для арьергарда'. В контекстах указанного типа граница между функциональными омонимами *car*_{союз} и *car*_{частица} размывается.

При параллельном разворачивании событий в примере (246), когда одно событие P_2 'все хвалят' является фоном для другого P_1 'я вас чту', лексема *car* однозначно выступает в роли союза и вводит причину в постпозиции к следствию. Семантика союза интерпретируется следующим образом: 'если в данный момент имеет место положение дел P_1 , то непременно или естественно следует положение дел P_2 '.

Использование лексемы *car* в роли сочинительного союза при оформлении коннективной связи подробно анализируется ниже.

3.2.2.2. Коннективные свойства союза *car*

Сочинительный союз *car* в старо- и среднефранцузском языках служит для соединения двух синтаксически независимых, автономных, предложений, связанных отношением обусловленности между фактами, событиями, состояниями или действиями. Его наличие облегчает когнитивную работу распознавания причинно-следственной связи, а опущение не изменяет синтаксическую структуру или тип связи между двумя предложениями.

Как в старофранцузском, так и в среднефранцузском языке предложение или часть предложения, вводимые союзом *car*, преимущественно отделяются знаком препинания. Ср.: 98 %, или 5719 из 5835, vs. 95,6 %, или 30 030 из 31 404 вхождений в двух подкорпусах соответственно¹. Наблюдается тенденция к увеличению контекстов, в которых единица оформляет самостоятельное предложение в инициальной позиции: 24,6 %, или 1410 из 5719, vs. 59 %, или 17 754 из 30 030 соответственно².

Функциональный потенциал сочинительного союза *car* проявляется как при соединении разнообразных коммуникативных типов предложений, так и при оформлении разнообразных синтаксических построений, которые квалифицируются современными грамматистами как ненормативные.

Количество контекстов, в которых союз *car* соединяет повелительное и повествовательное предложения, повелительное и вопросительное предложения, не превышает 2 % от общего количества вхождений единицы в подкорпусах. При соединении двух разных коммуникативных типов предложений сочинительный союз *car* используется для обоснования предписания (пример (247)), пожелания (пример (248)), недопонимания сложившейся ситуации (пример (249)).

(247) *Vierge, priez a vo doulx hoir, Car li dyable plain de triche Me tente par nuit et par jour* 'Дева, молитесь вашему милому наследнику, Потому что дьявол, полный обмана, испытывает меня ночью и днем' (Miracle de l'enfant donné au diable, 1339).

(248) *Diex, qui pour nous morut en croix, Puist estre de cel enfant garde; Car s'en pitié ne le regarde, Par père et par mère est perduz* 'Господь, который за нас умер на кресте, может быть опекуном этого ребенка; Ибо он сжалится над ним, потерявшим отца и мать' (Miracle de l'enfant donné au diable, 1339).

(249) *Par ou donques ou par quelle part irons nous a noz ennemis? Car certes tous, quanque nous sommes, armez et non armez, et fors et feibles, sommes pris et vaincu* 'Как или каким путем мы пойдем к нашим врагам? Потому что, конечно, все, кто мы есть, вооруженные или нет, сильные и слабые, мы в плену и побеждены' (P. Bersuire. Les Décades de Titus Livius, 1359).

Союз *car* используется при ответах на вопросы в значении *c'est que, parce que* 'это потому что' (пример (250)). В современном языке такое употребление

¹ Дата обращения: декабрь 2020 г.

² Согласно нормативной грамматике современного французского языка, сильная пунктуационная маркированность союза (точка или начало абзаца) теоретически недопустима [Grevisse 2008, §1038], как и недопустимо инициальное использование союза в самостоятельном предложении [Grevisse 2008, §1090].

считается недопустимым, особенно в ответах на вопрос, содержащий вопросительное наречие *pourquoi*? ‘почему?’. Нехарактерное для современного французского языка употребление единицы *car* (пример (251)) фиксируется в среднефранцузском подкорпусе в 0,15 % контекстов.

(250) *Et, pour Dieu, quelx en sont les noms? C'est grace et si est gloire es cieulx. Et comment? car son filz est Dieux* ‘И, во имя Бога, каковы их имена? Это благодать, а если это слава, то небеса. И как? потому что его сын – Бог’ (Miracle de l'abbesse grosse, 1340).

(251) *Après li dist l'ange, qu'elle estoit beneite entre toutes les femmes. Pour quoy? Car avec sa virginité fu ajointe fecondité* ‘Затем молвил ангел, что она была благословенна среди всех женщин. Почему? Потому что к ее девственности было добавлено плодородие’ (Miracle de la Nativité de Nostre Seigneur Jhesu Crist, 1343).

В качестве сочинительного союза *car* непосредственно может вводить риторический вопрос, что также нехарактерно для современного французского языка:

(252) *Tu qui ploures tes amis mors, de quoy te plains, ne quel tort reçois-tu? Car n'ont-ilz receu chose qui commune ne soit à tous?* ‘Ты, кто оплакивает своих умерших друзей, на что ты жалуешься, что не так? Разве они не получили чего-то, что не является общим для всех?’ (Ch.de Pizan. Epistre de la prison de vie humaine, 1418).

В период среднефранцузского языка для союза *car* свойственны полисиндетон и образование сложных гибридных построений.

В единичных контекстах союз *car* соединяет несколько самостоятельных предложений по принципу «цепочечного нанизывания», что также нехарактерно для современного языка, в котором вместо повтора союза *car* используется союз *que* [Grevisse 2008, § 1090]. Так, в примере (253) *car* вводит несколько причин, основанных как на личном восприятии, так и на общепризнанном представлении некоторого положения дел (P₂ ‘непревзойденная красота’, P₃ ‘умение танцевать и петь’, P₃ ‘красота волос’), для обоснования положения дел P₁ ‘выбор лучшей девушки’.

(253) *Si en choisi entre les autres l'une Qui Avoit elle les autres seurmonté d'onneur, de grace et de biauté, [P₁] Car, a voir dire, On ne porroit en tout le monde eslire Sa pareille, Ne porroit pas, pour sa biauté descrire Parfaitement [P₂]. Car je la vi dancier si cointement Et puis chanter si très joliment, Rire et jouer si gracieusement, Qu'onques encor Ne fu veü plus gracieus tresor [P₃]. Car si cheveus ressembloient fil d'or... [P₄]* ‘Если из всех выбирать одну, которая превзошла всех честью, изяществом и красотой, ибо, собственно говоря, невозможно было во всем мире выбрать ей подобную, невозможно было описать ее красоту идеально. Ибо я видел, как превосходно она танцует, как красиво она поет, грациозно смеется и играет, что до сих пор никто не видывал такого сокровища. Ибо волосы ее напоминали золотую нить...’ (G. de Machaut. Le Jugement dou Roy de Behaingne, 1340).

Присущее среднефранцузскому языку изобилие разнообразных осложненных синтаксических «нагромождений» закономерно затронуло функционирование сочинительного союза *car*. Речь идет о гибридных конструкциях,

построенных по модели: [*car* 'так как' (*si* 'если' / *quand* 'когда' ...)...] (ср. со схожими контекстами с союзом *et* в § 3.1.1.2). Единица *car* в главном предложении вводит следствие или обоснование, которые непосредственно связаны с определенным условием (пример (254)) или ограничены временным промежутком (пример (255)), представленными в придаточном.

(254) *Et Maguerite la Regratiere qui fu dolente de cel enfant, que ele avoit norri, le prist et dist que ele ne l'enseveliroit mie adonques. Car s'aucun i metoit la main ele le morderoit a ses denz* 'И Магерит ла Регратьер, скорбящая по этому ребенку, которого она вскормила, взяла его и сказала, что она не похоронит его. Ибо, если кто-нибудь к нему прикоснется, она искусает его зубами' (G. de Saint Pathus. *Miracles de saint Louis*, 1300).

(255) *Or resgarde que je ne mente! Car vraiment, se je mentoie, Confus et honteus en seroie* 'Смотри же, что я не лгу! Потому что, на самом деле, если бы я лгал, я был бы от этого смущен и пристыжен' (G. de Machaut. *La fonteinne amoureuse*, 1361).

Гибридные конструкции, в которых придаточное предложение следует непосредственно за сочинительным союзом *car*, появляются в системе не сразу. В подкорпусе старофранцузского языка фиксируются исключительно контексты с придаточным условия, в то время как в подкорпусе среднефранцузского языка установлено их пятикратное увеличение (129 и 637 контекстов соответственно) и появление построений с придаточным времени (ни одного контекста в старофранцузском подкорпусе и 54 контекста в среднефранцузском подкорпусе).

Из сказанного следует, что скачок употребительности единицы *car* и расширение контекстов ее употребления в период среднефранцузского языка обусловлены в первую очередь коннективными свойствами самой единицы. Вопрос, о каком характере связи – наглядно-действенном (собственно-причинные отношения) или вербально-логическом (несобственно-причинные отношения) – сообщает союз *car*, координируя между собой соположенные предикативные единицы в период старо- и среднефранцузского языков (XI–XVI вв.), решается ниже.

3.2.2.3. Развитие семантических свойств ядерной единицы сочинения *car*

При установлении коннективной связи союз *car*, сохраняя свое основное свойство указывать на собственно причинно-следственные отношения, постепенно приобретает способность маркировать несобственно-причинные отношения.

Разнообразные контексты, в которых фиксируется вхождение союза, классифицированы на основании иконического/неиконического следования пропозиций. Модель $P_{1\text{причина}} \text{ car } P_{2\text{следствие}}$ репрезентирует естественное развертывание событий в направлении от причины к следствию, что облегчает когнитивную обработку информации, а сама лексема вводит следствие. В инвертированной модели $P_{1\text{следствие}} \text{ car } P_{2\text{причина}}$ лексема вводит причину, что, в свою очередь, затрудняет прогнозирование причин, приведших к существующей ситуации, так как основанием для следствия могут служить разнообразные причины (см. § 1.3.4).

В период среднефранцузского языка в контекстах с союзом *car* прева-лирует неиконический порядок следования элементов ситуации в отличие от старофранцузского языка, где иконический линейный порядок следования элементов ситуации доминирует. Так, в следующем примере следствие пред-шествует причине, введенной союзом *car*:

(256) *Et lors la dite Marie revint ele trouva l'enfant gueri* [P₁]. **Car** *il metoit sa main destre a sa bouche et a sa teste* [P₂] 'А когда названная Мария вернулась, она обнаружила, что ребенок выздоровел. Ибо он (целитель) приложил правую руку ко рту и к голове (ребенка)' (G. de Saint Pathus. *Miracles de saint Louis*, 1300), где P₁ 'избавление от болезни' ← P₂ 'манипуляции целителя'.

Именно актуализация неиконической модели P₁ следствие *car* P₂ причина приводит к семантическим изменениям союза *car*. Говорящий/пишущий кодирует глубокие связи и отношения, в которые вступают вещи, и имеет возможность делать заключение не на основе наглядного опыта, а на основе рассуждения [Лурия 1979]. Инвертированная последовательность пропозиций позволяет поставить обоснование в постпозицию. В результате союз уста-навливает связь между препозитивной частью, содержащей вывод, и пост-позитивной частью, представляющей обоснование уже изложенного в пре-позитивной части (P₁ вывод *car* P₂ обоснование), маркируя тем самым несобственно-причинные отношения.

При соединении повествовательных предложений, в которых нарушается иконический порядок следования событий и явлений, союз *car* маркирует обоснование или объяснение в значении *étant donné que* 'при условии, что' [Dauzat 1930]. Обусловленность носит обобщенный характер и не соотносится с текущим моментом: говорящий представляет некоторое универсальное правило, которое отражает накопленный им опыт (пример (257)) или знание (пример (258)). Следствие или вывод предшествует обоснованию.

(257) *Ces motz que je cy vous sermonne Puis ge bien dire en la personne De ceulx qui sunt en purgatore, Quar* [=étant donné que] *trop pou nous vient en memore* 'Эти слова, которые произношу вам, я могу сказать лично тем, кто находится в чистилище, так как мало кто приходит почтить их память' (Le Tombel de Chartrose. *Trois contes français du XIVe siècle*, 1339), где P₁ 'продолжать молиться за усопших' ← P₂ 'почитать их на земле'.

(258) *Et la droite ligne finie n'est pas parfaite quar* [=étant donné que] *l'en puet a elle adjouster et la alongier tant comme l'en veult* 'И законченная прямая линия не совершенна (закончена), потому что ее можно продолжить и сделать настолько длинной, насколько пожелаешь' (N. Oresme. *Le Livre du ciel et du monde*, 1377), где P₁ 'незаконченность линии' ← P₂ 'продолжить линию'.

Для дифференциации выражаемых союзом несобственно-причинных отношений говорящий/пишущий использует непосредственно следующие за союзом вводные конструкции с пропозициональными предикатами знания и мнения, «которые обозначают наличие некоторой информации в сознании человека» [Апресян 2003, с. 390]. Такое осложнение синтаксических образова-ний представляет собой частный случай проявления «пишущегося разговора».

Количество контекстов, в которых используются модально-временные формы глаголов говорения (*dire* ‘сказать’), восприятия (*voir* ‘видеть’, *comprendre* ‘понимать’), знания (*savoir* ‘знать’, *penser* ‘думать’), мнения (*croire* ‘считать’) и т.д. в составе разнообразных вводных конструкций для облегчения когнитивной операции вывода между P_1 и P_2 в подкорпусе среднефранцузского языка, увеличивается по сравнению с подкорпусом старофранцузского языка с 2,4 % до 13,6 % от общего количества контекстов с союзом. Рассмотрим примеры.

(259) *Mahonmet, mon dieu a quy je me suis donné, viens moy seccourir* [P_1], ***car tu voys bien*** *que je me meurs* [P_2], *et ne tarde plus !* ‘О Магомет, мой бог, которому я отдал себя, приди и помоги мне, ибо ты видишь, что я умираю, и не медли!’ (J. Bagnyon. L’Histoire de Charlemagne, 1465).

(260) *Qu’elle soit de bonne heure née* [P_1]! ***Car je sçay bien*** *il vault miex estre De bonne heure* [P_2] ‘Пусть она родится на заре! Ибо я хорошо знаю, что лучше быть рожденным рано утром’ (Anonyme. Miracle de la fille d’un roy, 1379).

(261) *Nostre felicité n’est en nul bien corporel* [P_1]. ***Car, comme dit Senegue,*** *les bestes nous passent en telx biens* [P_2]; *comme le lyon en force, le oysel en mouvement et ainsi de pluseurs autres* ‘Наше счастье не в телесном благе. Ибо, как говорит Сенека, животные в этом превосходят нас; лев силой, птица движением и так далее’ (N. Oresme. Le Livre de Ethiques d’Aristote, 1370).

Союз *car* в примерах (259)–(261) сигнализирует о наличии логической связи между двумя предикативными единицами. Между тем вводные предложения представляют либо апелляцию к слушающему/читающему (*tu voys bien*), сообщая, что у адресанта есть важная для текущей ситуации информация ‘я умираю’ (знай, что Q = ‘Я знаю, что Q , и говорю тебе, что Q , потому что считаю, что это знание важно для тебя’) в примере (259), либо эмфатическое утверждение простого наличия знания ‘лучше родиться на рассвете’ без уточнения его качества и полноты (*je sçay bien*) для существующего положения дел в примере (260), либо весомое мнение (*comme dit Senegue*) для облегчения понимания связи между сложными фактами или ситуациями в общепринятом представлении ‘счастье не в телесном благе’ в примере (261).

Вводные конструкции, хотя и представляют факультативный компонент с точки зрения формальной организации предложения, обеспечивают содержательную и прагматическую цельность высказывания, так как благодаря их наличию устанавливается связь между двумя ситуациями реальной действительности на основании либо представленного мнения говорящего, либо апелляции к мнению слушающего, либо отсылки к чужому мнению. При опущении вводной конструкции союз сохраняется, маркируя логико-семантическую связь между двумя предикативными единицами, что подтверждается трансформациями (259а–261а):

(259а) ...*viens moy seccourir* [P_1 вывод], ***car je me meurs*** [P_2 обоснование].

(260а) *Qu’elle soit de bonne heure née* [P_1 вывод]! ***Car il vault miex estre De bonne heure*** [P_2 обоснование].

(261а) ...*nostre felicité n’est en nul bien corporel* [P_1 вывод]. ***Car les bestes nous passent en telx biens*** [P_2 обоснование].

Конструкции данного типа необходимо отличать от контекстов, в которых союз *car* во вторичной – пояснительной – функции оформляет вводную конструкцию (пример (262)). Количество таких контекстов незначительно (около 0,5 % контекстов в подкорпусе среднефранцузского языка). Опускание вводной конструкции приводит к опущению союза *car* (262a).

(262) *Le Paisant fouilloit en sa gibessiere, c'estoient deux carolus à l'espée, dequoy il vouloit faire present à Lupolde. Mais Eutrapel retint gracieusement sa cholere (car le vilain ne daigneroit prendre son argent) et luy dist : – Mon amy, ne te scandalize point de grace* 'Крестьянин покопался в пастушьей сумке и достал две монетки, которые он хотел подарить Леопольду. Но Евтрапель милостиво сдержал свой гнев (потому что злодей не соизволил бы забрать деньги) и сказал ему: – Друг мой, обойдемся без скандала' (Noël du Fail. Les Baliverneries d'Eutrapel, 1548).

(262a) *Mais Eutrapel retint gracieusement sa cholere [(car le vilain ne daigneroit prendre son argent)] et luy dist....*

Если при использовании некоторой грамматической формы возникает определенная прагматическая импликация, со временем она может утвердиться в качестве неотъемлемой части значения этой формы, и произойдет «конвенционализация» сопутствующего, выведенного значения. Иными словами, появление конструкции P_1 вывода *car* P_2 обоснования, как частного случая неиконической модели собственно-причинных отношений, свидетельствует о расширении семантических свойств *car* в период среднефранцузского языка. Развитие семантических свойств союза *car* схематично представлено на рис. 26.

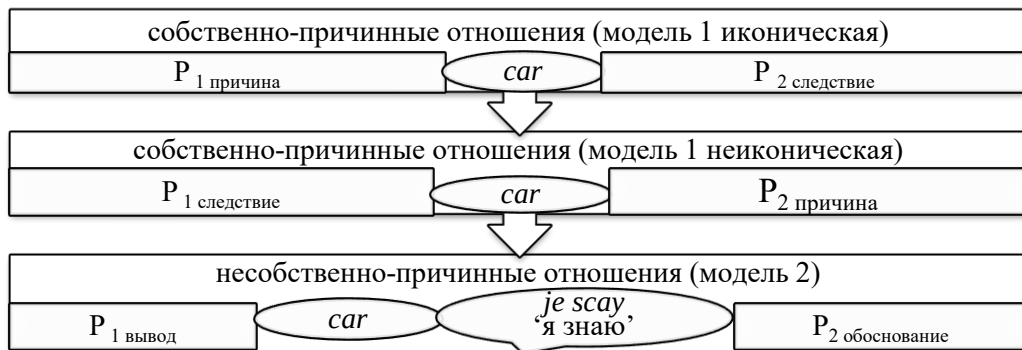

Рис. 26. Семантические изменения союза *car* в период среднефранцузского языка

В период среднефранцузского языка параллельно функционируют модели двух типов: исходная, собственно-причинная (иконическая и неиконическая), и производная, несобственно-причинная (вывод-обоснование). Появление второй модели позволяет говорить о «синтаксической реинтерпретации» (*syntactic reanalysis*), или «синтаксическом переразложении» [Dahl 1985, p. 11; Hopper, Traugott 1993, p. 75–77]: глубинная структура языкового выражения меняется, однако ее поверхностная структура сохраняется. В результате одновременного сосуществования исходной и производной моделей выражения каузальных отношений происходит обогащение семантического содержания союза *car*, с помощью которого говорящий/пишущий кодирует логику своего рассуждения. Семантическая

неоднозначность союза (*car*_{причина}, *car*_{следствие}, *car*_{обоснование}) снимается в контексте с учетом порядка следования пропозиций согласно принципу иконичности, знания темпоральной соотнесенности событий, а также наличия вводных конструкций в структуре предложений.

В период среднефранцузского языка союз *car* становится указателем мыслительной деятельности субъекта и логики его рассуждения, вербализуя когнитивный механизм субъективного отражения объективных связей. Именно сохранение союза *car* в высказываниях, построенных по второй модели, требует дополнительного пристального внимания с учетом многих внутрилингвистических факторов и представляет собой весьма интересную задачу в диахронической перспективе.

Таким образом, резкое увеличение частотности союза *car* и расширение контекстов его употребления в среднефранцузском языке по сравнению со старофранцузским языком отражают семантические изменения неоднозначной единицы при соединении самостоятельных предложений и двух частей сложного предложения. Союз *car* указывает на логико-семантическую обусловленность, которая либо основывается на последовательности событий в реальной действительности (причина-следствие), либо является результатом когнитивных операций говорящего (вывод-обоснование). Для конкретизации выражаемых союзом несобственно-причинных отношений, вывода-обоснования, используются разнообразные вводные конструкции с ментальными предикатами мнения и знания, указывающие на субъективность вывода о сущности связи.

3.2.3. Категориальный статус единицы *donc*

Огромное количество работ посвящено единице *donc*. В центре внимания находятся вопросы ее грамматического статуса [Ferrari, Rossari 1994; Nome, Hobaek 2011 и др.] и дискурсивного употребления [Hansen 1997; Bolly, Degand 2009 и др.]. Выделяется конклюдивная функция единицы *donc* [Bolly, Degand 2009], которая совпадает с функцией следствия в [Hansen 1997] и с аргументативной функцией по [Ferrari, Rossari 1994]. В этом случае функционально-семантическими эквивалентами единицы будут выступать единицы *par conséquent*, *de ce fait*, *j'en déduis que*. Несмотря на разнообразие подходов традиционная грамматика трактует эту единицу как сочинительный союз или соединительную частицу со значением следствия или вывода¹. Некоторые французские лингвисты высказывают сомнения в первичности значения логического соединения в семантике единицы (см., например, [Damourette 1971]).

Существует несколько версий появления единицы *donc* в старофранцузском языке. Согласно одной из них, единица восходит к латинскому *donique*, удлинённой форме от *donec* в значении *jusqu'au moment où* > *tant que*, *aussi longtemps que* 'в то время как', 'так долго как'. Другая заключается в том, что единица *donc* представляет собой латинскую темпоральную частицу *dum*

¹ В [Grevisse 2008, p. 1311] единица квалифицируется как наречие логического отношения «причина – следствие».

(syn. *donec*), выражающую одновременность двух происходящих действий. Латинская энклитика *dum* часто используется в этом значении как усиительная частица, объединяясь с предшествующими наречиями, восклицательными словами и глаголами в императиве. Старофранцузский заимствует такой способ употребления единицы, который сохраняется и в современном языке, например: *allez donc!* ‘идите же’. Поскольку в семантике частицы *dum* преобладает значение длительности, то полагают также, что единица *donec* восходит к корню глагола *durare* > *durer* и представляет слияние глагольной формы *dum* и союза *que*, фиксируемое в поздней латыни [Rey; TLF].

В целом принимается версия, изложенная в этимологическом словаре французского языка Дюбуа-Миттерана-Доза: *donec* происходит от латинского императива *dunc*, образованного скрещиванием форм *dumque* (удлиненной формы глагола) и наречия *tum*, *tunc* в значении *pendant que* ‘в то время как’, схожего по употреблению с современным наречием *alors* ‘тогда’ [Dubois, Mitterand, Dauzat 2007].

Добавим также, что в старофранцузских переводах латинских текстов новообразованная единица *donec* используется в роли латинских единиц со значением противопоставления (*autem*) и со значением следствия (*igitur*, *ergo*). См.: *Dicam ergo* ‘Je dirai **donec**’; *Cogito ergo sum* ‘Je pense **donec** je suis’ (о дискурсивных функциях единицы *donec* в переводных текстах см. [Школьникова 2015, с. 92]).

Наше исследование показало, что в ходе своего развития ЯЕ сочинения *donec* обнаруживает сходства в семантических и функциональных свойствах как с ЯЕ *or* (темпоральная семантика), так и с ЯЕ *car* (каузальная семантика). При этом она значительно уступает им в употребительности (см. табл. 9).

Для выявления траектории развития логико-конъюнктивных свойств единицы *donec*, сохраняющей в современном французском языке полифункциональность, мы продемонстрируем развитие ее качественных характеристик с привлечением результатов дистрибутивного анализа на основании корпусных данных.

3.2.3.1. Темпоральность и каузальность в семантике единицы *donec*: функциональная омонимия

Большинство союзных слов и оборотов, выражающих одновременность, входят в употребление начиная с самых ранних периодов становления французского языка (XII–XIII вв.) [Moignet 1976, p. 234–235; Ménard 1998, p. 236–241; Buridant 2000, p. 604–609]. Между тем первая письменная фиксация единицы *donec* в темпоральном значении *alors* ‘тогда, в этот момент’¹ относится к 980 г. В период старофранцузского языка происходит переход от выражения лексемой *donec* одновременности к обо-

¹ Лексемы *donec* и *or* фактически столетие конкурировали в обозначении текущего момента, выступая в функции дейктика, о чем свидетельствуют многочисленные контексты, в которых используются две лексемы, одна из которых (*or*) предшествует глаголу действия, другая (*donec*) за ним следует. Ср.: *Or fai donc tost*; *Or va donc tost et si revien*; *Or alez donc a Deu*; *Or venons doncque* (об этом подробно в [Antoine 1958]).

значению каузальности (temporal > causative в теории грамматикализации [Kuteva et al. 2019]), который занимает промежуток времени в двести лет, с 980 по 1175 г., согласно [CNRTL; DAF]¹.

Схематично развитие значения единицы *donc* в старофранцузском языке представлено на рис. 27.

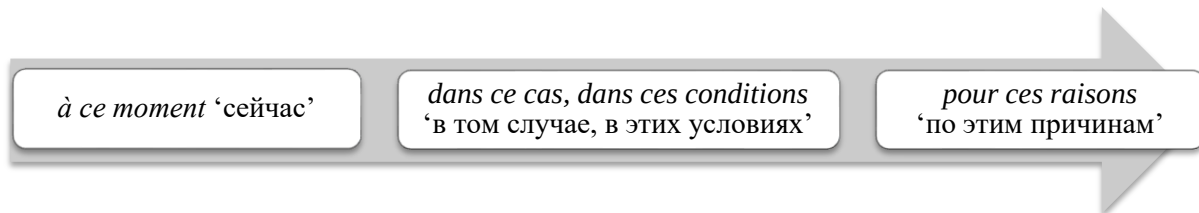

Рис. 27. Эволюция семантики лексемы *donc* в старофранцузском языке по: [CNRTL; DAF]

Согласно лексикографическим источникам, в ранний период развития языка лексема *donc* используется и как союз, и как наречие [DAF]. Функционирование в роли частицы не отмечается, но указывается, что для наречного употребления характерно выражение двух значений, одно из которых – темпоральное (унаследованное), а второе – модальное (приобретенное) [DAF]. При этом, как отмечает М. К. Сабанеева, исходное темпоральное значение единицы сохраняется в старо- и среднефранцузском языках [Сабанеева 1990, с. 254]. Проиллюстрируем на примерах функционирование единицы в роли частицы, наречия и союза.

В качестве частицы единица *donc* используется после относительного местоимения *ki* ‘который’ в конструкции *Ki dunc + V_{pers}*, усиливая значение одновременности:

(263) *Ki **dunc** veïst cez escuz si malmis, / Cez blancs osbercs ki **dunc** oïst fremir / Cez chevalers ki **dunc** veïst caïr* ‘Кто [*dunc*] увидал, как там ломают щит, / Кто [*dunc*] услышал, как там броня трещит, / Как всадник там [*dunc*] со скакуна летит’² [Rol].

Изначально единица *donc* обнаруживает семантический синкретизм: обозначения следствия и текущего момента (схожее проявление мы отмечали у лексемы *or* в § 3.2.1 и лексемы *car* в § 3.2.2). Семантическое соответствие – выражение следствия в текущий момент – между *donc*_{союз} и *donc*_{частица}, о котором мы упоминали выше, обнаруживается в следующих двух примерах, в которых *donc* сигнализирует о том, что между двумя высказываниями существует отношение обусловленности:

(264) *Or volt que prenet moyler a sun vivant [P₁]; / **Dunc** [=donc_{союз}] li acatet filie ad un noble franc [P₂]* ‘Теперь хочет, чтобы тот женился при

¹ В период среднефранцузского языка некоторые единицы с исходной темпоральной семантикой также начинают использоваться для обозначения следствия. Так, например, первая письменная фиксация наречия *alors* в значении *à ce moment là* ‘в этот момент’ относится к 1100 г., в значении логического следствия – к 1271 г. Наречие *ainsi* в значении *de cette façon* ‘таким образом’ фиксируется словарями в 1100 г., а в значении логического следствия – в 1330 г. Две единицы *par suite* (первое упоминание в 1150 г.) и *par conséquent* (первое упоминание в 1308 г.) восходят к латинским глаголам, обозначающим непосредственное следование, и приобретают значение следствия в 1538 г. и 1530 г. соответственно [CNRTL].

² В схожих контекстах латинский коррелят единицы *donc* квалифицируется как дискурсивная частица. Ср.: *Quis ergo est qui te laudet* [Школьникова 2015, с. 92].

его жизни, *поэтому (тогда)* сватает ему дочь очень знатного франка' (Vie de St Alexis, цит. по: [Chrétomatie... 1887, p. 2]), где P₁ 'женить сына' → P₂ 'сватать дочь знатного человека'.

(265) – *Et oseriez vous anprendre / Por moi ma fontaine a deffandre? – Oil voir, dame, vers toz homes – Sachiez, **donc** [=donc_{частица}] bien qu'acordé somes* 'И осмелились бы вы ради меня защищать мой источник? – Да, сударыня, от всех людей. – Знайте же (тогда), что мы договорились' (Ch. de Troyes. Chevalier au lion, 1235), где P₁ 'защищать источник' → P₂ 'договориться'.

В современном французском языке лексема *donc* в роли частицы в ряде контекстов продолжает совмещать указание на следствие и текущий момент, например:

(266) *Vous êtes jolie, mademoiselle, dînez **donc** avec moi ce soir, et demain je serai bien capable d'esquisser le plan d'un Nobel* 'Вы хорошенькая, мадемуазель, пообедайте же (тогда) со мной сегодня вечером, и завтра я буду вполне способен набросать план Нобеля' (M. Rheims. Les Greniers de Sienne, 1987).

В роли наречия единица демонстрирует анафоричное употребление, маркируя следствие и занимая позицию непосредственно после описания событий или явлений, которые предшествовали. В среднефранцузском языке наблюдается ранее не характерная для нее сочетаемость с единицами, которые акцентируют последовательность действий (*de donc en avant* 'с этого момента', *jusques à donc que* 'до того момента, как', *tres donc* 'с тех пор'), а также в единичных случаях с наречием образа действия *ainsi* 'таким образом' и с презентативом *voici* 'вот'. Например:

(267) *Et **tres dont en avant** se conmenchierent a engendrer et nourir haines entre les Alemans et les François* 'И с тех пор они начали порождать и подпитывать ненависть между аламанами и французами' (J. Froissart. Chroniques, 1400).

(268) ***Vezi donc** comment elle nous est donnée pour estre de nostre chemin vray conducteur* 'Вот, следовательно, как она (вера) дана нам быть на нашем пути истинным проводником' (Miracle de l'empereur Julien, 1351).

В современном языке сохраняется тенденция к использованию сочетаний *ainsi donc* и *voici donc*. Ср., например, количество вхождений сочетания *ainsi donc* во втором, третьем, четвертом и пятом подкорпусах: 7, 253, 707, 164 вхождения соответственно.

В роли союза лексема *donc* используется в контекстах, в которых изложенные события или действия следуют во времени друг за другом, а отношения внутренней обусловленности раскрываются в контексте и в конкретной речевой ситуации. Так, например, союз *donc* указывает на то, что из содержания первого компонента следует содержание второго компонента:

(269) *La toison me cousta huit blans, par mon serment, de laine que je souloye avoir pour quatre. Sans plus debatre, puisqu'ainsi va, **donc** je marchande* 'Руно шерсти стоило мне восемь белых, клянусь, та шерсть, которую я думал приобрести за четыре. Без дальнейших споров, раз так происходит, *поэтому* я торгуюсь' (Anonyme, La Farce de maître Pierre Pathelin, 1456), где P₁ 'высокая цена изделия' → P₂ 'торговаться'.

Учитывая синтаксическую мобильность (см. § 1.2.2, 1.3.4), полифункциональный характер, а также вариативность письменной фиксации единицы *donc*

(см. табл. 8), для выявления контекстов с союзом *donc* используем ранее разработанный алгоритм дифференциации функциональных свойств единицы *or* (см. § 3.2.1.1), модифицируя его в соответствии с дистрибуцией самой единицы.

3.2.3.2. Дистрибутивная специфика единицы сочинения *donc*: корпусные данные

Анализ дистрибутивных свойств единицы *donc* проводился с учетом всех ее письменных вариантов¹ в старо- и среднефранцузском языках (7 vs. 26 письменных вариантов соответственно (см. табл. 8)). В нашем исследовании

мы руководствуемся принципом, что для лексемы *donc* как единицы сочинения характерно три способа употребления.

Как все ядерные ЯЕ сочинения, она используется для соединения двух независимых предикативных единиц в инициальной позиции, то есть устанавливает коннективную связь. Например:

(270) *Ele aluma la chandele et regarda le berz ou l'enfant gisoit delez le lit de la dite Marie, et vit les drapelez que il avoit seur lui ensanglentez, de quoi ele fu mout esbahie. Donc ele leva le dit enfant du bers* 'Она зажгла свечу и взглянула на колыбель, где лежал ребенок в постели Марии, и увидела, что простыни на нем окровавлены, от чего она остолбенела. Поэтому она достала ребенка из колыбели' (G. de Saint Pathus. *Miracles de saint Louis*, 1300 [FR]), где P₁ 'ребенок в окровавленных простынях' → P₂ 'достать ребенка из кровати'.

Согласно корпусным данным, обозначенный способ употребления единицы присущ только 18 из 28 письменных вариантов, зафиксированных в лексикографических источниках (табл. 26).

Т а б л и ц а 26

Динамика употребительности лексемы *donc* в модели P₁ *donc* P₂²

Письменные варианты	1		2		Письменные варианты	1		2	
	X ₁	X ₂	X ₁	X ₂		X ₁	X ₂	X ₁	X ₂
<i>donc</i>	519	145	1230	284	<i>donqs</i>	0	0	2	0
<i>doncq</i>	0	0	68	3	<i>dontques</i>	0	0	1	0
<i>doncq'</i>	0	0	25	3	<i>dunc</i>	777	374	0	0
<i>doncque</i>	0	0	10	3	<i>dunque</i>	1	1	0	0
<i>doncques</i>	9	1	1353	233	<i>dunques</i>	10	1	0	0
<i>doncquez</i>	44	3	94	11	<i>idonc</i>	9	3	0	0
<i>donkes</i>	1	0	4	1	<i>idunc</i>	46	17	0	0
<i>donq</i>	0	0	26	3	<i>idunches</i>	4	3	0	0
					<i>idunkes</i>	2	1	0	0

Легенда: 1 – старофранцузский подкорпус, 2 – среднефранцузский подкорпус, X₁ – абсолютное количество вхождений единицы, X₂ – количество вхождений единицы в роли ЯЕ сочинения

¹ Во многих вариантах на конце пишется буква *s*. Эту букву добавляли на письме в среднефранцузском языке наречиям, предлогам и союзам, которые этимологически ею не обладали: *lors* < *illa hora*, *volontiers* < *voluntarie*, *tandis* < *tamdiu* по аналогии с наречиями *plus*, *moins*, *jadis*. Так, К. Вожла осуждал написание предлога *avecques* [Vaugelas 2009 (1647), p. 311] и восхвалял написание союза *doncques* [ibid, p. 392]. В своих первых пьесах П. Корнелю пришлось исправить вариант *doncque* на *doncques* в 1660 г. (Bruno F. *Histoire*, Т. 3, p. 348; цит. по: [Grevisse 2008, p. 1187]. Французская Академия принимает современное написание лексемы *donc* только в 1718 г. [ibid].

² Дата обращения: июнь 2022 г.

Как следует из табл. 26, для выполнения роли союза в инициальной позиции между двумя независимыми предложениями не все письменные варианты одинаково востребованы. Три варианта *donc*, *doncques*, *doncquez* фиксируются в двух подкорпусах. Остальные или менее частотны, или не используются в старо- или среднефранцузском языках в обозначенной позиции.

С учетом всех письменных вариантов доля употреблений лексемы в качестве соединителя двух независимых предложений уменьшается с 30,96 % (или 549 из 1773) в старофранцузском языке до 10,23 % (или 541 из 5023) в среднефранцузском языке. Особо отметим, что такой способ употребления единицы преобладает в художественных текстах (эпические поэмы, писания, жития, сказания, романы).

Исследование показывает, что использование единицы во фронтальной дистрибуции для обозначения коннективной связи ($P_1 \text{ donc } P_2$) имеет тенденцию к сокращению. В подкорпусе классического языка (1600–1799 гг.) доля употреблений лексемы в роли единицы сочинения составляет 4,39 % (или 1948 от 44 356), в подкорпусе современного языка (1800–1979 гг.) – 4,21 % (или 4206 от 100 000) и в подкорпусе современного языка (1980 – н/в) – 16 % (или 3912 от 23 466). Данный способ употребления единицы не является для нее преобладающим в отличие от ЯЕ *car* и *or*.

Второй способ употребления единицы в роли союза заслуживает особого внимания ввиду ее синтаксической мобильности. По-видимому, свойство единицы примыкать к предикативному элементу объясняется происхождением единицы от латинской энклитики и сохранением механизма ее функционирования¹. В нашем исследовании мы учитываем контексты, в которых единица следует за глаголом в личной форме². При этом перемещение единицы в инициальную позицию допустимо. Ср.: *Je pense, **donc** je suis* = *Je pense, je suis **donc*** ‘Я мыслю, следовательно существую’, но $\neq$ *Je pense, je suis* ‘Я мыслю, я существую’ [Wilmet 2007, p. 127]. Однако ее элиминация из структуры предложения не позволяет восстановить логическую связь между P_1 и P_2 . Для иллюстрации приведем примеры из среднефранцузского и современного языков. Наличие единицы облегчает декодирование связи между изложенным и выводом о необходимости писать букву *z* в интервокальной позиции (пример (271)), между изложенным и принятым решением не направляться сразу домой после длительного отсутствия (пример (272)).

(271) *Aussi bonne est l'écriture de dignitez par z, que celle d'aymez. Combien que veritablement le z n'est point letre finale en la langue Françoise. Nous escrirons doncq* [=doncq nous escrirons] *ung z au lieu de s, entre deux voyelles, comme en dizons, fezons, plezançe* ‘Так же хорошо писать dignitez через *z*, как и aymez. На самом деле *z* не является конечной буквой во французском языке.

¹ В латинском языке союзные энклитики представляют распространенное явление. Ср.: *venit vicique, senatus populusque romanus*. В классической латыни союзы *enim* и *autem* помещались после первого слова второго сочиненного компонента, например: *Ego autem filius ancillae tuae* (см. [Pinkster 1969, 1990]). См. также о частеречной дифференциации древнерусских энклитик в [Зализняк 2008].

² Контексты, в которых энклитика *donc* используется в императивных и восклицательных предложениях как частица, как, например: *T'es médaillé toi dis **donc**!*.. ‘Медалист, говоришь!..’, *Calme-toi **donc*** ‘Успокойся же’, – исключаются.

Поэтому мы будем писать z вместо s между двумя гласными, как в словах *dizons, fezons, plezançe* (L. Meigret. *Traité touchant le commun usage de l'écriture françoise*, 1545).

(272) *Tout de suite chez lui. Il aurait pu chercher Eliott et les autres, mais il n'en avait pas envie non plus. Il revenait après une longue absence, auréolée de rumeurs et de questions. Il ne souhaitait pas dilapider trop vite cette sorte de crédit flou qu'avait produit l'éloignement. Il choisit donc d'aller faire un tour en ville* [=donc il choisit] 'Сразу дома. Он мог бы поискать Элиота и остальных, но у него не было желания. Он возвращался после долгого отсутствия, окруженный слухами и расспросами. Ему не хотелось слишком быстро рассеять эту неизвестность, порожденную его удаленностью. Поэтому он решил прогуляться по городу' (N. Mathieu. *Leurs enfants après eux*, 2018).

В ранний период развития языка только 9 из 28 письменных вариантов лексемы *donc* используются обозначенным способом и фиксируются преимущественно в научных и официально-деловых текстах (табл. 27).

Т а б л и ц а 27

Динамика употребительности лексемы *donc* в роли союзной энклитики

Письменные варианты	Подкорпуса				Письменные варианты	Подкорпуса			
	1		2			1		2	
	X ₁	X ₂	X ₁	X ₂		X ₁	X ₂	X ₁	X ₂
<i>donc</i>	519	86	1230	347	<i>doncques</i>	9	1	1353	313
<i>doncq</i>	0	0	68	14	<i>doncquez</i>	44	14	94	19
<i>doncq'</i>	0	0	25	12	<i>donkes</i>	0	0	4	2
<i>doncque</i>	0	0	10	5	<i>donq</i>	0	0	26	12
					<i>dunc</i>	777	49	0	0

Легенда: 1 – старофранцузский подкорпус, 2 – среднефранцузский подкорпус, X₁ – абсолютное количество вхождений единицы, X₂ – количество вхождений единицы в роли ЯЕ сочинения

С учетом всех письменных вариантов указанный способ употребления ЯЕ сочинения в отличие от предыдущего имеет тенденцию к постепенному увеличению с 8,46 % (или 150 вхождений из 1773) до 14,43 % (или 725 вхождений из 5023) в старо- и среднефранцузском подкорпусах соответственно. В последующем данный способ употребления лексемы становится основным и составляет 48,95 %, 50,88 % и 44,95 % относительно общего количества вхождений лексемы в третьем, четвертом и пятом подкорпусах соответственно.

В современном французском языке использование единицы *donc* в превербальной и поствербальной позициях сохраняется в ряде контекстов и отличается употребительностью. Для иллюстрации мы воспользовались данными французского корпуса системы Google books Ngram Viewer¹ [GBNgrV]. Корпус обеспечивает возможность проследить изменения в частотности того или иного сочетания единиц за последние 200 лет относительно общего количества словоупотреблений в оцифрованных документах. Тенденция употребительности *donc* в превербальной и поствербальной позициях

¹ Подробно об особенностях работы с корпусом Google books Ngram Viewer в [Захаров, Масевич 2014].

проиллюстрирована на примере сочетаний *donc j'ai dit/j'ai donc dit* 'поэтому я сказал' и *donc j'ai fait/j'ai donc fait* 'поэтому я сделал' на нижеследующих графиках (рис. 28, 29).

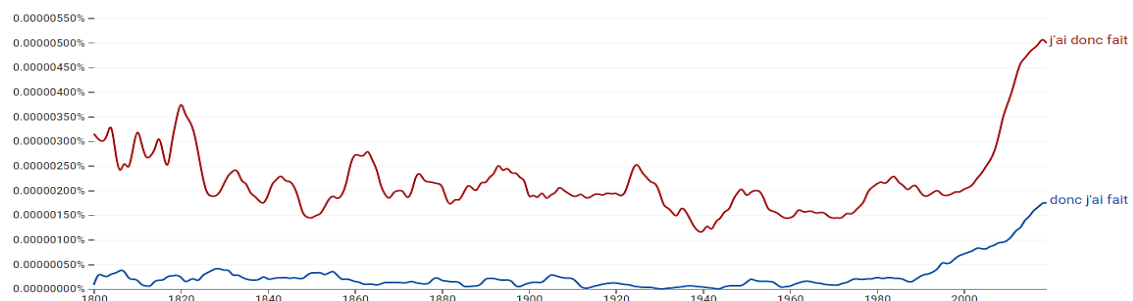

Рис. 28. Частотное распределение сочетаний *donc j'ai fait/j'ai donc fait* в [GBNgrV]

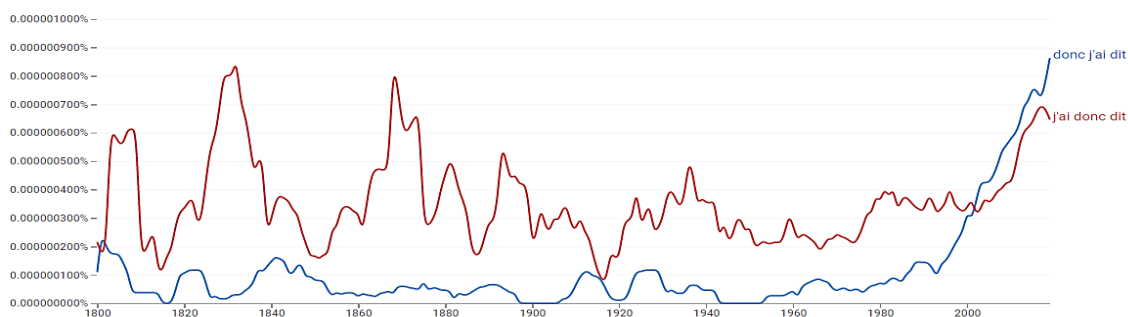

Рис. 29. Частотное распределение сочетаний *donc j'ai dit/j'ai donc dit* в [GBNgrV]

Графики кривых частотного распределения указанных сочетаний демонстрируют флуктуации в употребительности единицы *donc* в двух обозначенных позициях и свидетельствуют о разной функциональной востребованности препозитивного и постпозитивного ее использования. При этом не всегда препозитивное употребление единицы преобладает, как, например, для сочетания *donc j'ai dit*, частотность которого в последние десятилетия увеличивается.

Третий способ употребления единицы следует из способности лексемы *donc* сочетаться с другими сочинительными союзами (*et donc*, *ou donc*, *mais donc* и т.д.). Для некоторых лингвистов такая особенность единицы является основанием для ее исключения из состава сочинительных союзов (см., например, [Rossari, Jayez 1996, Rossari 2002]. Анализ корпусных данных показывает, что такие сочетания представляют частный случай функционирования единицы. Доля вхождений такого рода сочетаний не превышает 0,9 % от общего количества вхождений единицы *donc* в подкорпусах (табл. 28).

Т а б л и ц а 28

Динамика сочетаемости лексемы *donc* с другими ЯЕ сочинения

ЯЕ + <i>donc</i>	Подкорпуса				
	1001–1299 гг.	1300–1599 гг.	1600–1799 гг.	1800–1979 гг.	1980 – н/в
<i>et donc</i>	7	28	4	715	825
<i>mais donc</i>	0	0	0	2	7
<i>ou donc</i>	0	1	1	2	0
<i>ni donc</i>	0	0	0	3	1
<i>or donc</i>	1	5	18	136	13

Прокомментируем отдельно сочетания *et donc* и *or donc*, которые заслуживают внимания по причине большей частотности относительно других сочетаний.

Мы различаем два типа синтаксических контекстов с сочетанием *et donc*. В контекстах первого типа сочетание *et donc* оформляет коннективную связь (соединение двух предикативных независимых единиц), отражая иконическую последовательность событий. Сочетание *et donc* используется в темпоральном значении (пример (273)). В контекстах второго типа это сочетание оформляет копулятивную связь (эллиптированное соединение двух именных компонентов): во втором сочиненном компоненте отсутствует глагол-связка. Сочетание используется в каузальном значении (пример (274)).

(273) ...*et si tenoie en ma main un encensier; et donc nous commençâmes à chanter a haute vois: Veni Creator* ‘...и я держал кадило в руке; и тогда мы начали громко петь: Приди, Создатель’ (J. Le Long. *Les Voyages en Asie au XIVe s. du bienheureux frère Odoric de Pordenone, religieux de saint François*, 1351).

(274) *Dans l'intervalle, voici que Plotine apprend enfin le secret de sa véritable identité: elle n'est autre que la fille de Clélius, née d'un premier mariage, et donc demi-sœur de Clélie, d'Octave, et même d'Horace, car la mère de ce dernier, qui l'avait conçu d'un premier lit, est celle aussi de Plotine* ‘Тем временем Плотина наконец узнает тайну своего происхождения: она не кто иная, как дочь Клелиуса, рожденная от первого брака, и поэтому сводная сестра Клелии, Октавия и даже Горация, потому что мать последнего, который был рожден от первого брака, также мать Плотины’ (M. de Clélie. *Scudéry, Histoire romaine*, 1654).

Интересно, что в грамматике К. Вожла сочетание *et donc* трактуется как наследие гасконского диалекта и принимается как нормативное [Vaugelas 2009 (1647), p. 488]. О том, что сочетание *et donc* вышло из употребления, утверждается в [Littré]. Нами установлено, что это сочетание продолжает использоваться в современном языке для соединения двух атрибутивных¹ (пример (275)) или именных компонентов (пример (276)), а также редко в сложносочиненном предложении (пример (277)).

(275) *Je sais que les demoiselles sont bien plus à craindre, étant nécessairement plus spontanées, et donc plus moqueuses* ‘Я знаю, что молодых девушек следует опасаться гораздо больше, потому что они неизбежно более спонтанны, поэтому более насмешливы’ (P. Valéry. *Variété*, 1938).

(276) *J'avais cru bon d'informer les rimbaldistes qu'il était question de déplacer le cimetière de Charleville et donc la tombe d'Arthur Rimbaud* ‘Я счел нужным сообщить поклонникам Рембо, что речь идет о переносе Шарлевильского кладбища и соответственно могилы Артюра Рембо’ (цит. по: [Grevisse 2008, p. 1185]).

(277) *Elle devait avoir vingt-deux ans, et donc elle était majeure* ‘Ей должно было быть двадцать два года, и поэтому она была совершеннолетней’ (G. Duhamel. *Cri des profondeurs*, 1951).

¹ Для сочинения двух атрибутивных компонентов допустимо два варианта: *il est jeune donc naïf* или *il est jeune et donc naïf* ‘он молод, поэтому наивен’ [Grevisse 2008, p. 1185].

Сочетание *or donc* указывает на смену повествования или возвращение к ранее изложенному. Сходное употребление для русского союза *а* Е. В. Урысон называет «*а поворота повествования*» [Урысон 2011]. Сочетание *or donc* плеонастично, поскольку каждая единица самостоятельно способна выполнять указанную функцию. При этом очень часто в одном высказывании наряду с этим сочетанием используются вводные конструкции со схожим предназначением: *pour revenir au recit commencé* ‘чтобы вернуться к начатому рассказу’, *pour venir au prepos* ‘чтобы вернуться к изложенному’ и т.д. Сочетание *or donc* встречается редко и в ранний период развития языка (пример (278)), и в современном языке (пример (279)).

(278) *Aucy en celluy temps courroit Blaise et faisoit moult de malz au país de Mets, et print plussieur prisonniét. Or donc, pour venir au prepos, le maire de Vignuelle parlait arrier au maire Le Sairte de Lessey et fit parler pour sa fille qu’il demendoit pour son filz Phelippe* ‘В то время управлял Блез и сделал много зла в стране Мец, и многих посадил в тюрьму. Итак, чтобы вернуться к нашему разговору, мэр Виньюэля говорил с мэром Ле-Сэрта де Лесси и договорился сосватать свою дочь за его сына Филиппа’ (P. de Vigneulles. Mémoires, 1522).

(279) *Je me hasarde à vous répondre, c’est sans doute parce que je ne suis plus médecin depuis longtemps après l’avoir été fort peu durant toute ma carrière. La question que vous me posez, monsieur le Président, me fait songer à un chat que j’ai eu jadis, ou plutôt il s’agissait d’une chatte. Or donc cette chatte ayant des petits à naître avait eu la fantaisie de les faire dans un taillis qui s’étend à perte de vue de l’autre côté du mur de mon jardin* ‘Смею вам ответить, наверное, потому, что я давно не врач, и был им недолго. Вопрос, который вы мне задаете, господин судья, напомнил мне историю с моим котом, вернее, это была кошка. Итак, эта кошка вздумала окотиться в зарослях, которые простираются, насколько может видеть глаз, по другую сторону ограды моего сада’ (M. Tournier. Le Médianoche amoureux, 1989).

В результате проведенного дистрибутивного анализа нами отобраны контексты из старо- и среднефранцузского подкорпусов (706 и 1294 соответственно), в которых лексема *donc* проявляет свои логико-конъюнктивные свойства как ЯЕ сочинения. Сопоставление полученных количественных данных с данными такого рода относительно других единиц сочинения позволило определить траекторию развития конъюнктивных свойств единицы *donc*. Изначально, в период старофранцузского языка, доля употребительности единиц *or* и *donc* в роли союзов в относительных количественных показателях отличается несущественно: 43,93 % и 40,1 % от общего количества вхождений единиц в подкорпусе соответственно. В период среднефранцузского языка отмечается существенное сокращение употребительности единицы *donc* в роли союза (25,34 %) в отличие от единицы *or* (53,24 %). В следующих трех периодах наблюдается тенденция к преимущественному использованию единицы *donc* в роли союза, что обусловлено кодификацией в период классического языка: 54,34 %, 56,09 % и 61,95 % соответственно. В отличие от *car* и *or*, которые полностью переходят в разряд сочинительных союзов, полифункциональность единицы *donc* сохраняется до настоящего времени. В сопоставлении с ПЕ сочинения со схожей семантикой ситуация иная (табл. 29).

Динамика употребительности каузальных единиц сочинения, %¹

Единицы	Подкорпуса		
	1600–1799 гг.	1800–1979 гг.	1980 – н/в
<i>donc</i>	54,34	56,09	61,95
<i>alors</i>	26,46	47,93	54,66
<i>par conséquent</i>	19,64	43,51	53,79
<i>ainsi</i>	46,93	39,54	34,1
<i>par suite</i>	13,0	34,0	40,0

По сравнению с ПЕ сочинения единица *donc* чаще проявляет свой конъюнктивный потенциал, чем представленные в табл. 29 единицы. Таким образом, полагаем, что правомерно говорить о единице *donc* как низко-частотной ЯЕ сочинения. Семантические свойства ЯЕ сочинения *donc* проанализированы ниже.

3.2.3.3. Логико-конъюнктивные свойства единицы *donc*: следствие и вывод

В контекстах с союзом *donc* наблюдается своеобразное переплетение, совмещение различных хронологических и логических связей, что соответствует реальным отношениям явлений действительности: следствие следует за причиной, вывод – за обоснованием. Эта единица служит «оператором» связи между смысловыми компонентами. При этом *donc* изначально используется для обозначения причинно-следственных отношений, выявляемых как на наблюдаемом, так и на умозрительном уровнях познания.

При обозначении темпорального следствия сохраняется иконический порядок следования явлений или событий реального мира, которые говорящий наблюдает непосредственно и осознает как «естественные», закономерные с точки зрения его чувственного опыта. Между P_1 и P_2 существует такого рода отношение, которое означает 'если есть P_1 , то обычно следует P_2 '. В этом прослеживается сходство с семантикой ЯЕ сочинения *or* и *car*, которые исходно маркируют фактивное и объективное отношение в текущий момент (см. § 3.2.1.2, 3.2.2.3).

При обозначении логического следствия союз *donc* соединяет две предикативные единицы следующим образом: первая – репрезентирует то или иное действие, событие или явление, вторая – представляет умозаключение, которое делает говорящий, основываясь на данном событии и фоновых знаниях. Следует различать прямое и сложное отношение между двумя положениями вещей: прямое – наличие эксплицитного обоснования (а), сложное – эксплицитное обоснование отсутствует (b).

(a) *Socrate est un homme. Or les hommes sont mortels. Donc Socrate est mortel* 'Сократ – человек. Все люди смертны. Значит, Сократ смертен'.

(b) *Socrate est un homme, donc il est mortel* 'Сократ – человек, поэтому он смертен'.

¹ От общего количества вхождений единиц в подкорпусах соответственно. Дискурсивное употребление единиц не учитывалось. Дата обращения: июль 2022 г.

Контексты второго типа (b) представляют сокращенный силлогизм. Мы уже отмечали появление союза *donc* в силлогизмах (см. § 3.2.1.2). Так, согласно Г. Вейнриху, выражаемое союзом *donc* логическое следствие подчеркивает связь с некоторым более общим положением вещей, существующим вне дискурса [Weinrich 1989]. В результате логическое следование передает связь между идеализированными объектами, то есть логическими конструктами, выступающими в качестве продуктов мыслительной деятельности человека [ibid]. Другими словами, отношение между P_1 'быть человеком' и P_2 'быть смертным' основывается на общей энциклопедии знаний говорящего, на обобщении его наблюдений за тем, как явления и события разворачиваются в реальной действительности, его представлений о смене одних явлений или событий другими. Между P_1 и P_2 существует такого рода отношение, которое означает 'если есть P_1 , то естественно и закономерно следует P_2 '.

Свойство единицы *donc* соединять P_1 и P_2 при имплицитном обосновании отличает ее от других каузальных ПЕ сочинения, обозначающих следствие, таких как *par conséquent*, *alors*, *ainsi* и *aussi* (логико-семантический анализ перечисленных единиц в сопоставлении с союзом *donc* подробно представлен в [Zénone 1981, 1982, 1983]). Данное свойство обуславливает большую употребительность лексемы *donc* в роли союза по сравнению с указанными ПЕ сочинения¹.

Перейдем к рассмотрению контекстов, в которых функционирует союз *donc*. Союз соединяет два самостоятельных предложения, два придаточных, а также используется в гибридных и осложненных синтаксических построениях.

По аналогии с ЯЕ сочинения *or* и *car* союз *donc* соединяет два независимых предложения. В большинстве контекстов говорящий постулирует в ы в о д на основании общепризнанных причин, а не личных и случайных (пример (280)), или обобщения опыта (пример (281)). Контексты, в которых содержание второго компонента репрезентирует непосредственно наблюдаемые след ст в и е (пример (282)) и р е з у л ь т а т (пример (283)), малочисленны.

(280) *Altre bataille lur livrez de meïsme: / Dunc avrez faite gente chevalerie* 'Вторичный бой вам придется начать. / [donc] Подвиг большой совершит ваша рать' [Rol], где P_1 'вести бой' → P_2 'совершить подвиг'.

(281) *Mes par eulz meïsmes ilz ne la tendroient ja, se levriers ne metoient la beste en destri. Donc, tout home qui veut hanter la chasce des ours ou des sanglers doit avoir et alanz et levriers et veautres* 'Но даже они сами (охотники) никогда не выдерживали, их борзые не загоняли зверя в загон. Поэтому любой человек, который хочет охотиться на медведей или кабанов, должен иметь и гончих, и борзых, и прочих' (G.Phébus. Livre de chasse, 1387), где P_1 'неспособность борзых загонять зверя' → P_2 'наличие разных пород собак для успешной охоты'.

(282) *...il commanda que ilz feussent tres bien gardez et que on les feïst mengier a table. Donc s'assirent les messages au disner* '...он приказал, чтобы за ними ухаживали и чтобы они были приглашены к столу. Тогда (поэтому) сели посланники ужинать' (Bérinus. Roman en prose du XIVe siècle, 1350), где P_1 'пригласить за стол' → P_2 'сесть за стол'.

¹ Ср.: единица *alors* используется как ПЕ сочинения в 9,09 % и 25,04 % от общего количества вхождений в старо- и среднефранцузском подкорпусах соответственно.

(283) *Et fist crier par tout son royaulme que, qui li sauroit dire la verité de cest fet, que il li donroit tel don comme il li demanderoit. **Donc** vint une damoiselle qui estoit en la tour quant le roy Apollo de Lionois fu mort...* 'И он оповестил все свое королевство о том, что тому, кто сможет ему рассказать об этом правду, он (король) сделает такой дар, о котором тот только пожелает. Тогда (поэтому) явилась девушка, которая находилась в башне, когда умер король Аполлон Львиный...' (G. Phébus, Livre de chasse, 1387), где P₁ 'заявление короля' → P₂ 'появление девушки'.

В единичных случаях союз *donc* соединяет придаточные (схожие контексты мы отмечали с ЯЕ *car* в § 3.2.2.3), репрезентирующие события в мире «воображаемом». Так, положение вещей P₂ соотносится с будущим (*perdreit*) и основывается на предположении о том, что гибель преданного вассала и племянника Карла Великого приведет к поражению самого короля:

(284) *Chi purreit faire que Rollant i fust mort, / **Dunc** perdreit Carles le destre braz del cors* 'Кто сделал бы так, чтоб Роланда сгубить, / [*donc*] Карлу от плеч десницу отрубить' [Rol], где P₁ 'убить Роланда' → P₂ 'обезвредить Карла'.

В гибридных построениях, в которых совмещается подчинение и сочинение, функционирование союза *donc* схоже с функционированием ЯЕ сочинения *et* и *car* (см. § 3.1.2, 3.2.2). Фиксируются контексты с придаточными времени (модель: (*quand...*), [*donc...*]) и условия (модель: (*se...*), [*donc...*]). Появляются предложения и с другими подчинительными союзами, например: (*puisque...*), [*donc...*]. В нашей выборке контексты такого рода количественно превосходят схожие контексты с ЯЕ сочинения *et*: 20 vs. 30 соответственно.

В гибридных построениях союз *donc* обозначает следствие (действие, событие, состояние), непосредственно наблюдаемое говорящим (пример (285)) или отдаленное по времени от причины¹ (пример (286)), вводит вывод, основанный на наблюдениях за явлениями в окружающей действительности (примеры (287)) или на общепризнанных правилах (пример (288)). Допустима коммутация союзов *donc* и *et*, а также элиминация союзов как подчинительных, так и сочинительных.

(285) ***Quant** ço veit Guenes qu'ore s'en rit Rollant, / **Dunc** [=et] ad tel doel pur poi d'ire ne fent* 'Роландов смех Гуенелон увидал. / [*donc*] Лопнуть готов с досады и со зла' [Rol], где P₁ 'смех Роланда' → P₂ 'гнев Гуенелона'.

(286) ***Quant** li nostre home i sunt u cinc u dis E li paen i sunt u cent u mil, **Dunc** [=et] n'avrun nus qui nus puisse tenir...* 'Когда наших людей здесь или пять, или десять, а язычников или сотня, или тысяча, поэтому мы не выдержим натиск' (Anonyme. La chanson de Guillaume, 1150 [FR]), где P₁ 'перевес сил на стороне противника' → P₂ 'поражение'.

(287) ***S'ilz oyent les chienz, donc** [=et] doivent il crier plus fort et plus haut* 'Если они слышат собак, то должны кричать все сильнее и громче' (G. Phébus, Livre de chasse, 1387 [FR]), где P₁ 'приближение собак' → P₂ 'подать сигнал'.

(288) ***Puisque** citez et royaumes sont ordenez pour congregacion humaine mener en vie ordennée, il convient **donc** [= **donc** il convient] que le peuple soit moriginé en vertus et en toutes bonnes meurs* 'Поскольку города и королевства создаются для объединения людей, ведущих упорядоченную жизнь,

¹ Появление формы глагола в будущем времени после союза *donc* происходит по аналогии с союзом *et* (см. § 3.1.1.2).

поэтому уместно, чтобы люди вели себя целомудренно и благопристойно' (Ch. de Pizan. Le Livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V, 1404), где P_1 'благоустройство городов' $\rightarrow$ P_2 'соблюдение норм поведения'.

В среднефранцузском языке контексты с союзом *donc* осложняются введением вставных конструкций, которые предназначены для облегчения понимания сути связи между сложными и неоднозначными фактами и событиями (см. схожие примеры с союзами *or* и *car* в § 3.2.1, 3.2.2). В них содержится указание на источник информации (пример (289)), апелляция к собеседнику с целью внушить определенное отношение к излагаемым событиям (пример (290)). Они акцентируют внимание на том, что адресату изложена важная для текущей ситуации информация, на основании которой делается заключение (*быть убитым, а не утопленным*), вывод (*потерять покой из-за угрозы жизни*).

(289) *Après son pere ala au lieu ou la dite Marote fu trouvee et traite hors de l'iaue, si comme certains tesmoins jurez ont tesmoigné, donc il apert apertement que ele par son droit non fu naiee et par le ruissel portee au lieu ou ele fu trouvee et traite hors de l'iaue* 'Затем ее отец пошел к месту, где Марот была найдена и извлечена из воды, как клянутся некоторые свидетели, поэтому очевидно, что она не был утоплена и ее не приносило ручьем к тому месту, где она была найдена и извлечена из воды' (G. de Saint Pathus. Miracles de saint Louis, 1300), где P_1 'быть найденным мертвым в воде' $\rightarrow$ P_2 'быть убитым'.

(290) *Ly dyable Dit que se l'en te baptisoit Toy et ta mère estrangleroit. D'ilec vint, Après la setiesme année, Et vouloit sa promesse avoir. Donc peuz tu pour certain savoir Ta mère n'ot joye onques puis* 'Дьявол сказал, что, если бы над тобой совершили обряд крещения, ты и твоя мать были бы задушены. С тех пор прошло семь лет, он пришел и захотел исполнить обещанное. Поэтому ты, конечно, можешь знать, твоя мать с тех пор потеряла всякую радость' (Miracle de l'enfant donné au diable 1339), где P_1 'угроза жизни' $\rightarrow$ P_2 'беспокойство'.

Между тем о сохраняющемся темпоральном значении связующей единицы *donc* (см. выше) в современном языке свидетельствуют также контексты, в которых одновременно функционируют две лексемы с противоположной семантикой: *donc* (следствие) и *car* (причина). Порядок следования компонентов – неиконический: *donc* $P_{\text{следствие}}$ *car* $P_{\text{причина}}$. Контексты такого типа фиксируются во всем корпусе. Большинство контекстов (61,81 % от 707) приходится на период после 1800 г. Приведем примеры.

(291) *...doncques avra il la teste copee, quar il m'a mon pere occis* 'поэтому голова его будет отрублена, потому что он убил моего отца (букв.)' (Anonyme. Artus de Bretagne, 1305), где P_1 'быть наказанным' $\leftarrow$ P_2 'быть виновным в убийстве'.

(292) *...donc on est mal instruit; car il n'a révélé ce secret qu'à moi qui vous le confie* 'поэтому мы плохо воспитаны; потому что он доверил мне тайну, которую я вам раскрываю' (N. Lemercier. Pinto ou la Journée d'une conspiration, 1800), где P_1 'быть плохо воспитанным' $\leftarrow$ P_2 'быть болтливым'.

В таких случаях необходимо, руководствуясь академическими правилами, использовать одну из двух возможных моделей построения причинно-следственной конструкции с указанными единицами (см. § 1.3.4):

(а) P_1 'быть виновным в убийстве отца' *donc* 'поэтому' P_2 'отрубить голову'; P_1 'быть болтливым' *donc* 'поэтому' P_2 'быть плохо воспитанным';

(b) P_2 'отрубить голову' *car* 'потому что' P_1 'быть виновным в убийстве отца'; P_2 'быть плохо воспитанным' *car* 'потому что' P_1 'быть болтливым'.

Одновременное использование двух единиц *donc* и *car* не является ни избыточным, ни неприемлемым, о чем свидетельствуют большие по объему контексты (примеры (293), (294)), в которых единица *donc* отсылает к ранее изложенному. Полагаем, что при одновременном использовании единиц *donc* и *car* для соединения двух частей сложного предложения ($donc$ $P_{\text{следствие}}$ *car* $P_{\text{причина}}$) единица *donc* обнаруживает синкретизм: она совмещает каузальное значение (= *par conséquent* 'следовательно') и темпоральное (= *alors* 'тогда').

(293) *Et les lieux qui sont pres des palus et des estangs, ou qui sont en pays concavé, ou qui ont leur regard vers midy, ou vers occident, sont mauvais, et maladifz. Donc il fault edifier les maisons en lieux qui soyent bien haultz, car tel lieu, tant pour la veuë, que pour regarder le pays à l'entour, est grandement convenable* 'И места, которые находятся возле болот и прудов, или которые находятся в низменности, или которые обращены к полудню или к западу, плохи и нездоровы. Поэтому (= тогда) необходимо строить дома на возвышенностях, потому что такое место как для обзора, так и для осмотра окрестностей очень подходит' (A. Pierre. Les XX. livres de Constantin Cesar, 1543).

(294) *La duchesse d'Agen s'en va, quand Mlle Meyer revient à l'Albéniz, donc elle est bête car rien, que l'amour, ne m'enlèverait à Meyer ce soir* 'Герцогиня Аженская уезжает, когда мадемуазель Мейер возвращается в Альбенис, поэтому (= тогда) она глупа, потому что сегодня вечером только любовь может увести меня от Мейер' (C. Pozzi. Journal..., 1997).

В ранний период развития языка союз *donc* в разнообразных синтаксических построениях, таким образом, вводит следствие как темпоральное, так и логическое. Исходное темпоральное значение обуславливает употребление единицы при установлении связи фактивного характера между наблюдаемыми внеязыковыми ситуациями. В этом прослеживается ее сходство с единицами сочинения *car* и *or*. Различие заключается в том, что союзу *donc* изначально свойственно маркировать нефактивное и субъективное следствие, часто опосредованное и отдаленное по времени от причины. Это свойство объясняется уподоблением латинским текстам.

Несмотря на сходство с единицами *car* и *or* в «строительных» свойствах, процесс эволюции лексемы *donc* характеризуется сохранением ее полифункциональности до настоящего времени, в отличие от ЯЕ сочинения *car* и *or*, которые полностью переходят в разряд союзов в ходе своего развития. При исходно приблизительно одинаковых относительных количественных показателях употребительности единиц *donc*, *car* и *or* в роли союзов в современном французском языке продолжается параллельное функционирование единицы *donc* и как союза, и как частицы. В этом видится суть проявления ее резистентности системе единиц сочинения. Сохранение функциональной омонимии, по-видимому, объясняется взаимосвязанными факторами: неопределенность ее происхождения, калькирование латинских текстов, сохранение темпоральной семы, дискурсивный потенциал и т.п.

3.3. Функциональный потенциал французских ЯЕ «несобственно» сочинения

Как отмечалось в § 1.2.2.2, не все ЯЕ сочинения обладают одинаковой способностью к оформлению копулятивной и коннективной связей, что и породило ряд дискуссий о количественном составе сочинительных союзов во французской романистике (см. § 1.2.2.1). Напомним, что в прототипическом случае сочиняются одинаковые члены предложения, как, например: *Le héros est [grand] et [puissant]* ‘Герой [великий] и [сильный]’.

Исследование показало, что начиная с периода классического языка формируется тенденция к использованию ЯЕ «несобственно» сочинения для оформления копулятивной связи, как, например:

(295) *Cette lecture toujours changée par les errements du concept, est précaire, donc dangereuse* ‘Это прочтение, которое всегда изменяется из-за заблуждений в понятии, ненадежно, поэтому опасно’ (Y. Bonnefoy. *Un Rêve fait à Mantoue*, 1980).

Для раскрытия копулятивного потенциала ЯЕ сочинения *car, donc, or* нами отобраны контексты, в которых все ЯЕ сочинения используются в образовании атрибутивных сочиненных рядов ([Adj] + CO + [Adj]). Полученные данные позволили сопоставить частоту употребления тех или иных ЯЕ сочинения в установлении копулятивной связи в обозначенной конструкции. Количественные данные представлены в табл. 30.

Т а б л и ц а 30

Употребительность ЯЕ сочинения в конструкции [Adj] + CO + [Adj] в диахронии¹

Конструкции	Подкорпуса				
	1001–1299 гг.	1300–1599 гг.	1600–1799 гг.	1800–1979 гг.	1980 – н/в
Adj + <i>et</i> + Adj	6225	22 503	44 418	95 492	57 493
Adj + <i>ou</i> + Adj	164	1875	5712	29 859	5752
Adj + <i>mais</i> + Adj	10	36	115	2541	1629
Adj + <i>ni</i> + Adj	0	7	539	1720	612
Adj + <i>donc</i> + Adj	0	0	8	225	119
Adj + <i>car</i> + Adj	0	0	7	8	26

Как следует из табл. 30, начиная с периода старофранцузского языка в конструкции [Adj] + CO + [Adj] используются преимущественно единицы *et* и *ou*. Более частотный элемент *et* чаще других используется в конструкциях данного типа при соединении прилагательных, обозначающих разные признаки. Низкая частотность ЯЕ *mais* в конструкциях данного типа объясняется тем, что противительный союз соединяет два элемента, репрезентирующих не взаимоисключающие признаки, например: *brillante mais fugitive* ‘яркая, но мимолетная’, *désillusionné mais joyeux* ‘разочарованный, но радостный’, *exténué mais riche* ‘утомленный, но богатый’ и т.д.

В современном французском языке (XVIII – н/в) намечается тенденция к использованию ЯЕ *car* и *donc* в конструкциях [Adj] + CO + [Adj].

¹ Дата обращения: март 2022 г.

Частотность ЯЕ *donc* и *car* значительно уступает частотности ЯЕ *et*, *ou*, *ni* и сопоставима с частотностью ЯЕ *mais* в конструкциях данного типа до начала XIX в. Употребительность двух каузальных единиц различна: количество выявленных контекстов с ЯЕ *donc* в разы превышает употребительность ЯЕ *car* (41 vs. 352 контекста соответственно). В конструкциях такого типа союз *or* в корпусе не зафиксирован.

Единицы *donc* и *car* сохраняют свою каузальную семантику и устанавливают копулятивную связь между не более двумя элементами предикативного характера, представляющими собой «свернутые предикаты», то есть однородные предикативные элементы. Единицы *car* и *donc* обозначают несобственно причинно-следственные отношения между разнообразными сущностями во внеязыковой действительности (*car* указывает на обоснование, *donc* – на вывод), проявляя по-разному свои копулятивные свойства. Рассмотрим их.

Лексема *donc* указывает на связь между двумя квалификативными признаками носителя, отражающую некоторую жизненную закономерность, фоновые знания говорящих. Наличие определенного признака носителя является основанием полагать, что носитель обладает и другим признаком, то есть $P_{\text{обоснование}} \text{donc} P_{\text{вывод}}$. Семантику единицы *donc* можно интерпретировать следующим образом: 'обычно или естественно, если кому-то свойствен признак X_1 , то естественно, что ему свойствен признак X_2 '.

Сферой действия ЯЕ *donc* являются качественные имена прилагательные в роли предикатива, репрезентирующего бенефактивность (*вредный*, *выгодный*, *опасный*, *полезный*, *ценный* и т.д.), известность (*знакомый*, *знаменитый*, *известный* и т.д.), типичность (*обыкновенный*, *обычный*, *привычный* и т.д.), содержание (*богатый*, *бедный*, *полный* и т.д.), физические свойства (*крепкий*, *твердый*, *громкий* и т.д.). Приведем примеры.

(296) *Toutes les tyrannies du monde sont intéressées à ce que l'homme soit discordant, donc faible* 'Все тирании мира заинтересованы в том, чтобы человек не был в согласии с самим собой, а потому слаб' (J. Michelet. Journal, 1848).

(297) *Tous ceux qui ne sont ni intelligents, ni saints, qu'ils quittent le froc, ils sont médiocres, donc nuisibles* 'Все те, кто ни умны, ни святы, пусть оставят рясу, они бездарны, а потому вредны' (J. Péladan. Le Vice suprême, 1884).

(298) *Mais exiger une égalité totale, donc réductrice ajouta l'excès à l'excès* 'Но требовать полного равенства, а потому редуктивного, – сверхизбыточно' (G. Halimi. Le lait de l'oranger, 1988).

(299) *C'est un fait bien connu que nombre de malades, touchés par une crise aiguë, donc transitoire peuvent devenir des drogues et de l'enfermement psychiatrique, des «chroniques», de vrais malades mentaux* 'Общеизвестно, что больные, подверженные острому и, следовательно, временному кризису в результате приема наркотических средств и заключения в психиатрическую лечебницу, могут стать «хроническими», настоящими психическими больными' (L. Althusser. L'Avenir dure longtemps, 1985).

Обычно кому не хватает гармонии, единства (X_1 être discordant), тому не хватает сил, физической бодрости (X_2 être faible) (пример (296)); то, что находится посередине, неважно, посредственно (X_1 être médiocre), может навредить (X_2 être nuisible) (пример (297)); полное выравнивание прав (X_1

égalité totale) может привести к дискриминации некоторых слоев населения (X_2 *égalité réductrice*) (пример (298)); любое острое проявление заболевания (X_1 *être aigu*) проходит быстро (X_2 *être transitoire*) (пример (299)).

В корпусе современного языка фиксируются разнообразные атрибутивные ряды с союзом *donc*: *catégorique donc abusif* ‘категоричный, поэтому оскорбительный’, *originaire donc définitive* ‘исходный, поэтому окончательный’, *sexué donc coupable* ‘гендерный, поэтому преступный’, *mobile donc susceptible* ‘подвижный, поэтому восприимчивый’, ‘*effrayant donc mémorable* ‘пугающий, поэтому запоминающийся’, *naturel donc indiscutable* ‘естественный, поэтому бесспорный’, *faible donc vindicatif* ‘слабый, поэтому мстительный’ и т.д.

Частный случай представляют контексты (менее 10 % от выборки), в которых фиксируется сочетание *et donc*, о котором мы уже упоминали в § 3.2.3.2. Связь между двумя соединенными компонентами имеет собственно причинно-следственную зависимость. Так, в примере (300) наличие хромоты (P_1 *être boiteux*) является причиной для профессиональной непригодности (P_2 *être inapte*), в примере (301) признание действующей организации запрещенной (P_1 *être interdit*) приводит к ее преобразованию в подпольную организацию (P_2 *être clandestin*).

(300) *Hermant, guéri d'une blessure à la jambe, était resté boiteux et donc inapte à l'infanterie* ‘Герман, вылечившийся после ранения в ногу, остался хромым и поэтому негодным для службы в пехоте’ (M. Genevoix. *Trente mille jours*, 1980).

(301) *À quel titre règne-t-il sur l'organisation? Je l'ignore. «Officiellement» interdite et donc clandestine, celle-ci ne connaît pas de parlement interne* ‘В каком качестве он возглавляет организацию? Я не знаю. «Официально» запрещенная и поэтому подпольная, она не имеет внутреннего правления’ (Cl. Arnaud. *Qu’as-tu fait de tes frères?* 2010).

Для объяснения употребления союзного сочетания *et donc* напомним, что самой частотной ЯЕ сочинения *et* присуще обозначать причинно-следственные отношения при оформлении коннективной связи (примеры (16)–(18)), при копулятивной связи союз *et* такого свойства не обнаруживает. Соответственно, элиминация союза *donc* и сохранение союза *et* – (300a) *boiteux et inapte*, (301a) *interdite et clandestine* – не выводит в фокус причинно-следственную связь, а указывает на одновременное существование двух признаков носителя, что не соответствует действительности, поскольку связь между признаками имеет временную обусловленность. В то же время элиминация союза *et* и сохранение союза *donc* – (300b) *boiteux donc inapte*, (301b) *interdite donc clandestine* – не позволяет соотнести связь двух признаков с текущим моментом. Союзное сочетание *et donc* при оформлении копулятивной связи, таким образом, служит для указания на два типа отношений – соединительное и каузальное, – прагматически значимые в текущий момент.

Перейдем к рассмотрению контекстов с ЯЕ *car*. Причинно-следственная зависимость между двумя квалификативными признаками носителя, обозначаемая союзом *car*, в отличие от ЯЕ *donc* отражает определенную часть субъективного опыта говорящего. Полагаем, что союз *car* в конструкции Adj + *car* + Adj обладает «эгоцентрической семантикой», акцентируя субъективность момента с позиции говорящего (о присутствии субъекта сознания в семантике сочинительных союзов в [Падучева 1997]).

Функционирование единицы *car* в таких конструкциях предполагает наличие двух ситуаций, состояний, репрезентируемых единицами, маркирующими оценочность и эмоциональное отношение. Признаки носителя соотносятся с определенным моментом времени и проявляются в разной степени в разные моменты времени.

Неиконическая последовательность мыслительных операций, то есть в рассуждениях обычно обоснование предшествует выводу, а не наоборот ($P_{\text{вывод}} \text{ car } P_{\text{обоснование}}$), отражена в конструкции Adj + *car* + Adj. Такой порядок следования пропозиций затрудняет когнитивную обработку информации – декодирование слушающим связи, – поскольку, как мы указывали в § 1.3.4, причин для текущей ситуации может быть несколько. Другими словами, знание текущей ситуации, отношения говорящего к этой ситуации способствует прогнозированию обоснования для имеющегося вывода. Проиллюстрируем на примерах.

(302) *Un jour de très grand froid, Paulette n'a pas retrouvé son manteau. On le lui avait volé. C'était dramatique car vital* 'В один очень холодный день Полетт не смогла найти свое пальто. У нее его украли. Это было драматично, потому что жизненно важно' (A. Dupuy. Les engelures, 2013).

(303) *Terrible, car silencieuse, Parole de Dieu. Nous échappera toujours sa portée* 'Ужасно, потому что безмолвно, Слово Божие. Его значение всегда будет ускользать от нас' (E. Jabès. Un étranger avec, sous le bras, un livre de petit format, 1989).

(304) *...y compris Kant qu'il tenait pour un cartésien légèrement hérétique car allemand* '...включая Канта, которого он считал слегка еретиком-картезианцем, потому что тот был немцем' (L. Althusser. Les Faits, 1976).

В примере (302) множество причин может вызвать сильную озабоченность ($X_2 \text{ être dramatique}$), но в лютый холод жизненно важно ($X_1 \text{ être vital}$) украденное пальто. В примере (303) именно отсутствие посторонних звуков ($X_1 \text{ être silencieux}$) во время чтения молитвы навеивает невероятный ужас ($X_2 \text{ être terrible}$). В примере (304) поддерживать доктрину, противоречащую общепринятой ($X_2 \text{ être hérétique}$), могут люди разных национальностей, а не только немцы ($X_1 \text{ être allemand}$).

Полагаем, что неиконичность следования пропозиций ограничивает употребление единицы *car* в атрибутивных сочиненных рядах, накладывая запрет на сворачивание второй пропозиции, репрезентирующей причину. Такое положение подтверждается многочисленными контекстами в корпусе (в общей сложности 2650), в которых для пояснения приобретенного носителем признака эксплицируется вся ситуация. Соответственно, расширенный контекст позволяет обосновать наличие любого признака без ограничения (размер, физические свойства, черты характера и состояния человека и т.д.). Например, ужасающая бедность одной искалеченной девушки, оставшейся без денег, в примере (305), нарастающий из-за роя пчел шум в примере (306), комичность заявления критиков в примере (307) и т.п.

(305) *On dut couper une jambe à la jeune fille, elle devint laide, sinistre et pauvre car tout l'argent s'engloutit dans les soins assurant sa survie* 'Молодой девушке пришлось отрезать ногу, она стала уродливой, мрачной и нищей, потому что все деньги ушли на поддержание ее здоровья' (S. de Beauvoir. Lettres à Nelson Algren: un amour transatlantique, 1947).

(306) ...son dernier vêtement, plus vibrant et ajusté, et bientôt bruyant *car* toutes les grosses abeilles de nuit y vinrent bourdonner '...его последнее одеяние, более яркое и облегающее, вскоре ставшее шумным, потому что все большие ночные пчелы прилетели туда жужжать' (J. Giraudoux. *Suzanne et le Pacifique*, 1921).

(307) *C'est comique car* tous les critiques, après avoir décrété que Sartre ne devrait pas écrire de bons romans, étant donné ses idées sur la littérature, reconnaissent qu'il en a pourtant écrit 'Это смешно, потому что все критики после заявления о неспособности Сартра создавать хорошие романы, учитывая его взгляды на литературу, признают то, что он их все-таки написал' (S. de Beauvoir. *Lettres à Nelson Algren: un amour transatlantique*, 1964).

Единица *or*, не образуя атрибутивных сочиненных рядов, между тем участвует в «сочинении несочиняемого», когда она выступает формальным показателем связи между двумя компонентами, соединенными на основании отношения обусловленности:

(308) *Le souvenir de ces deux femmes dont les joues brûlaient était celui que j'évoquais en pareil cas. Il me servait de garantie – or pour mes verdicts* 'В такие моменты ко мне приходило воспоминание о тех двух женщинах с горящими щеками. И оно служило гарантией моих решений' (J.-P. Sartre. *Carnets de la drôle de guerre*, 1983).

Таким образом, единицы сочинения *donc* и *car* способны соединять не более двух компонентов, репрезентирующих признаки, между которыми существует причинно-следственная зависимость, отражая общепринятую закономерность или часть индивидуального опыта говорящего. При этом иконичность следования пропозиций (сначала выражается то, что предшествует, а затем то, что следует (во времени, в пространстве, в рассуждениях)) предопределяет большую употребительность единицы *donc* в атрибутивных сочиненных рядах. Развитие копулятивных свойств *or* требует дополнительных изысканий.

Обобщенные результаты анализа развития копулятивных и коннективных свойств ЯЕ сочинения представлены в табл. 31.

Таблица 31

Развитие копулятивных и коннективных свойств ЯЕ сочинения

Тип связи	Модели	ЯЕ сочинения						
		<i>et</i>	<i>ou</i>	<i>ni</i>	<i>mais</i>	<i>or</i>	<i>car</i>	<i>donc</i>
Копулятивная связь	$X_1 \text{ CO } X_2$							
	$\text{CO } X_1 \text{ CO } X_2$							
	$(\text{CO}) X_1 \text{ CO } X_2 \text{ CO } X_3$							
Коннективная связь	$[\dots];/; \text{CO } [\dots]$							
	$(\dots), \text{CO } (\dots)$							
	$(\text{Con})_{\text{subord}} \dots, [\text{CO} \dots]$							
	$[\dots]. \text{CO } [\dots]$							
	$[\dots]! \text{CO } [\dots]$							
	$[\dots]? \text{CO } [\dots]$							

Легенда: сохраняются с раннего периода развития языка появляются после XVI в. исчезают, видоизменяются после XVI в.

Для всех ЯЕ сочинения изначально характерно оформление коннективной связи (P_1 со P_2). Благодаря этим единицам «транслируется происхождение»: одновременность, последовательность разворачивания событий, действий или явлений, их связанность в текущий момент. При этом сохраняется содержательная самостоятельность предложений, а связь, устанавливаемая между сочиненными предложениями, оказывается значимой для целостного восприятия ситуации.

ЯЕ *et*, *ni*, *ou* и *mais* демонстрируют соотношение в установлении копулятивной и коннективной связи в разных пропорциях. Исходная абстрактность союза *et* предопределяет его ведущую роль в оформлении двух типов связи с преобладанием копулятивного. Союзы *et*, *ni*, *ou* образуют разнообразные сочиненные ряды, включая и неканонические. Продуктивность и стабильность модели X_1 со X_2 обуславливает достаточно последовательное увеличение в диахронии сочиненных рядов с союзами *mais*, *car*, *or*, *donc*. Союз *mais* в ранний период развития языка приобретает свойство к оформлению копулятивной связи не сразу, а в результате сокращения исходной модели P_1 со P_2 в модель X_1 со X_2 (элиминация глагола-связки, как, например, *brillante mais fugitive* 'яркая, но мимолетная'). Аналогичная ситуация прослеживается и с каузальными единицами сочинения *car*, *or*, *donc*: в ранний период развития языка эти единицы не проявляют способности к оформлению копулятивной связи, их копулятивный потенциал начинает раскрываться в современном языке.

Подводя итоги анализа становления системы единиц сочинения французского языка, отметим, что выявленные изменения функциональных и семантических свойств ЯЕ сочинения сродни разным «геологическим пластам в строении земной коры, а также раскрытым антропологией пластам в разного рода явлениях человеческой жизни» [Бодуэн де К. 1963, с. 248].

Становление системы французских единиц сочинения представляет собой явление сложное, неоднородное и неоднозначное.

Исследование подтвердило высказанное нами предположение о том, что свои основные семантические и функциональные свойства ЯЕ сочинения приобретают в ранний период развития французского языка в результате длительного взаимодействия семантики, синтаксиса и прагматики, с одной стороны, и наследуемой латинской традиции, с другой стороны.

Важной особенностью синтаксиса раннего периода развития языка является сохранение функций уже существующих в системе языка единиц сочинения *et*, *ni* и *ou*, унаследованных из латыни, для выражения простых логических отношений конъюнкции и дизъюнкции и появление новых единиц *car*, *or*, *mais*, *donc* для выражения сложных логических отношений импликации и отрицательной импликации.

Общая тенденция развития семантики ЯЕ сочинения идет в направлении от симпрактического (внеязыковые ситуации сосуществуют и следуют друг за другом в пространстве «реальном») к синсемантическому (внеязыковые ситуации следуют друг за другом в пространстве «воображаемом»). «Собственно» ядерным единицам *et* (*ni*), *ou* и *mais* изначально свойственна неоднозначность,

которая проявляется в способности обозначать разного рода соединительные отношения (от отношения чистой конъюнкции до выражения «неконъюнктивных» отношений (сопоставление, следствие, уступка)), разделительные (эксклюзивная и инклюзивная дизъюнкции, альтернатива, равноценность, следствие) и противительные (взаимоисключение, противопоставление (уточнение, пояснение), противопоставление «вопреки ожиданию») соответственно. Специфика эволюции семантики единиц «несобственно» сочинения *or*, *donc* и *car* заключается в расширении их содержания за счет приобретения способности обозначать не только отношения между ситуациями, непосредственно наблюдаемыми, но и отношения умозрительные.

Прагматическая направленность высказывания на убеждение адресата вызывает необходимость как в выразительной передаче рассуждения (выражать сложные логические отношения), так и в ясности и точности передачи сути связи (пояснение, уточнение и т.п.), что, в свою очередь, приводит к усложнению структуры предложения.

Как показывает исследование, для облегчения декодирования сути связи между внеязыковыми ситуациями говорящий использует разнообразные средства: уже имеющиеся единицы с более специализированным значением в несвойственной им изначально функции союзов и конкретизаторов, а также различные вводные и вставные конструкции, которые приводят к разного рода синтаксическим нагромождениям. Первый способ способствует пополнению системы единиц сочинения французского языка для конкретизации, дифференциации разнообразных отношений. Второй способ, как проявление «пишущего разговора», постепенно исчезает, свидетельствуя о конвенционализации модели P_1 CO P_2 .

Траектории развития конъюнктивных свойств ЯЕ сочинения обнаруживают ряд сходств, хотя в установлении сочинительной связи между синтаксическими единицами различной степени сложности ЯЕ сочинения проявляют эти свойства по-разному. Все синтаксические инновации порождаются по уже имеющимся моделям, при этом одни из них оказываются продуктивными, другие исчезают со временем, уступая место новым, опрощенным, синтаксическим построениям. Исследование показало, что многие синтаксические явления, включая разного рода неканонические построения, имели место уже в ранний период развития языка и не являются инновацией современного языка.

Вопрос о том, по какой модели эволюционируют семантические и функциональные свойства ПЕ сочинения, то есть что представляет собой современное состояние системы единиц сочинения французского языка, рассматривается в главе 4.

Глава 4. СИСТЕМА ЕДИНИЦ СОЧИНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Как мы уже неоднократно отмечали, в ходе исторического развития потребность говорящего в связующих единицах, обозначающих разнообразные отношения между ситуациями во внеязыковой действительности, возрастает, что закономерно приводит к появлению новых лексем либо изменению качественных характеристик уже имеющихся единиц. Соответственно, возникает ряд вопросов относительно актуального состояния системы единиц сочинения французского языка. Эти вопросы можно разделить на два блока.

Вопросы первого блока затрагивают развитие функциональных свойств единиц сочинения. Свидетельствует ли высокая частотность значительного количества ПЕ в период с XVI в. по настоящее время (см. табл. 15) об их способности к оформлению копулятивной связи? Уподобляются ли они наиболее частотному элементу парадигмы, который, в терминах Дж. Байби, обладает большей «лексической силой» [Bybee et al. 1994]? Какие языковые единицы более употребительны для оформления копулятивной связи, а какие – для коннективной связи в современном французском языке? Как часто встречается повтор союзного показателя в сочиненном ряду в современном языке? Насколько употребительны случаи «сочинения несочиняемого»? Решение перечисленных вопросов нам представляется особенно актуальным, поскольку до сих пор в романистике не уделялось достаточного внимания этой проблеме.

Вопросы второго блока касаются траектории развития семантических свойств ПЕ. Происходит ли эволюция семантики ПЕ по модели ЯЕ? Все ли исходно соединительные ПЕ демонстрируют способность к обозначению темпоральных отношений? Сохраняет ли разделительная ПЕ *soit* свое исходное предназначение указывать на эксклюзивную дизъюнкцию? Какие противительные ПЕ допустимы для указания на сопоставление?

Напомним, что изначально отобранные нами единицы сочинения были ранжированы по типу исходно обозначаемого типа отношения (соединительные, разделительные, противительные, каузальные) на основе логико-семантических операций конъюнкции, дизъюнкции, отрицательной импликации и импликации (см. табл. 4). Мы уже обращали внимание в § 1.3 на то, что все многообразие отношений между внеязыковыми сущностями не сводимо к четырем логическим операциям. Отсюда следует необходимость разработки такой классификации, которая позволит в своей целостности получить наиболее полное представление о семантическом континууме единиц сочинения французского языка.

Исследование нацелено на решение двух основных задач: установить функциональную дифференциацию единиц сочинения на основе проявления их копулятивных и коннективных свойств и выявить общие семантические

основания для использования всей совокупности единиц сочинения в номинации абстрактных отношений между внеязыковыми сущностями во всем их многообразии.

4.1. Функциональная классификация единиц сочинения: индекс копулятивности и индекс коннективности

О конъюнктивном потенциале языковых единиц могут свидетельствовать их частотные характеристики: большая или меньшая употребительность при оформлении копулятивной и коннективной связи.

Для представления актуального состояния системы французских единиц сочинения с целью их классификации по функциональному признаку, а именно выделения единиц, которым в последние два десятилетия во французском языке в той или иной степени присуще оформление копулятивной и коннективной связи, мы воспользовались сегментом подкорпуса французского языка Frantext с 2000 г. по настоящее время объемом 22 720 243 словоупотребления, что составляет почти половину, или 44,69 % от общего количества словоупотреблений подкорпуса современного французского языка (1981 – н/в). Количество вхождений исследуемых единиц в разножанровых произведениях представлено в порядке убывания их абсолютной частотности в табл. 32.

Т а б л и ц а 32

Абсолютное количество вхождений единиц сочинения во всей совокупности употреблений в подкорпусе современного французского языка Frantext (2000 – н/в)¹

1. <i>mais</i>	62 048	15. <i>plutôt</i>	5654	29. <i>du moins</i>	1135	43. <i>de fait</i>	340
2. <i>ou</i>	48 836	16. <i>de plus</i>	5318	30. <i>après tout</i>	910	44. <i>partant</i>	334
3. <i>et</i>	40 216	17. <i>ensuite</i>	4817	31. <i>tantôt</i>	748	45. <i>en outre</i>	314
4. <i>encore</i>	27 966	18. <i>en fait</i>	4817	32. <i>voire</i>	731	46. <i>par conséquent</i>	230
5. <i>aussi</i>	29 941	19. <i>d'ailleurs</i>	3982	33. <i>néanmoins</i>	687	47. <i>de même (que)</i>	224
6. <i>alors</i>	22 095	20. <i>au moins</i>	3105	34. <i>en revanche</i>	677	48. <i>aussi bien que</i>	192
7. <i>puis</i>	20 725	21. <i>cependant</i>	2712	35. <i>toutefois</i>	563	49. <i>à la vérité</i>	101
8. <i>ni</i>	14 086	22. <i>finaleme nt</i>	2343	36. <i>effectivement</i>	559	50. <i>par suite</i>	57
9. <i>donc</i>	9670	23. <i>ou bien</i>	2222	37. <i>encore que</i>	545	51. <i>au reste</i>	82
10. <i>car</i>	9111	24. <i>sinon</i>	2194	38. <i>du reste</i>	486	52. <i>au surplus</i>	29
11. <i>soit</i>	8102	25. <i>c'est- à-dire</i>	1620	39. <i>c'est pourquoi</i>	473	53. <i>et/ou</i>	28
12. <i>ainsi (que)</i>	8488	26. <i>au contraire</i>	1523	40. <i>(à) savoir</i>	448	54. <i>soit... ou</i>	22
13. <i>enfin</i>	8006	27. <i>en effet</i>	1589	41. <i>par contre</i>	442	55. <i>conséquemment</i>	22
14. <i>pourtant</i>	6877	28. <i>or</i>	1249	42. <i>sitôt</i>	402	56. <i>non moins que</i>	2

Представленные в табл. 32 языковые единицы значительно отличаются по употребительности: количество вхождений единиц *mais*, *ou*, *et*, *encore*, *aussi*, *alors*, *puis*, *ni* в тысячи раз превышает количество вхождений других единиц, например: *voire*, *en revanche*, *partant* и др. Некоторые единицы фиксируются

¹ Дата обращения: октябрь 2022 г.

редко, например: *par suite, au reste, au surplus, et/ou, conséquemment* и др. Отсюда следует вопрос: находятся ли копулятивные и коннективные свойства единиц сочинения в прямой зависимости от их частотного ранга?

Результаты количественного анализа употребительности языковых единиц в конъюнктивной функции в современном французском языке представлены в порядке убывания их относительных показателей в табл. 33 (о методике оценки репрезентативности языкового материала см. § 2.5). Здесь же мы приводим данные об общей частотности этих единиц.

Т а б л и ц а 33

Употребительность языковых единиц в конъюнктивной функции
в современном французском языке (2000 – н/в)

Единицы	1	2	Единицы	1	2	Единицы	1	2
соединительные								
<i>ni</i>	100,0	8	<i>au surplus</i>	34,48	53	<i>à la vérité</i>	23,0	50
<i>et</i>	98,0	3	<i>(à) savoir</i>	33,0	41	<i>de même (que)</i>	20,0	48
<i>voire</i>	95,0	32	<i>après tout</i>	33,0	30	<i>enfin</i>	19,5	13
<i>c'est à dire</i>	91,0	25	<i>de fait</i>	31,0	44	<i>encore que</i>	9,0	38
<i>puis</i>	71,25	7	<i>en fait</i>	28,0	18	<i>encore</i>	7,75	4
<i>non moins que</i>	50,0	57	<i>ainsi (que)</i>	26,5	12	<i>de plus</i>	6,0	16
<i>en outre</i>	57,0	46	<i>aussi bien que</i>	26,0	49	<i>aussi</i>	5,25	5
<i>ensuite</i>	38,5	17	<i>finaleme nt</i>	25,5	22			
разделительные								
<i>ou</i>	100,0	2	<i>tantôt</i>	79,0	31	<i>plutôt</i>	1,0	15
<i>et/ou</i>	100,0	54	<i>ou bien</i>	45,5	23	<i>sitôt</i>	1,0	43
<i>soit... ou</i>	100,0	55	<i>soit</i>	17,5	11			
противительные								
<i>mais</i>	97,25	1	<i>par contre</i>	36,0	42	<i>d'ailleurs</i>	24,5	19
<i>sinon</i>	68,5	24	<i>toutefois</i>	32,0	36	<i>au moins</i>	21,5	20
<i>du moins</i>	47,5	29	<i>pourtant</i>	30,5	14	<i>au reste</i>	17,07	52
<i>en revanche</i>	43,0	34	<i>au contraire</i>	25,5	26	<i>du reste</i>	16,0	39
<i>cependant</i>	41,5	21	<i>néanmoins</i>	25,0	33			
каузальные								
<i>car</i>	100,0	10	<i>effectivement</i>	25,0	37	<i>par suite</i>	8,77	51
<i>or</i>	98,0	28	<i>donc</i>	20,5	9	<i>conséquemment</i>	7,09	56
<i>c'est pourquoi</i>	82,0	40	<i>en effet</i>	20,5	27	<i>partant</i>	7,0	45
<i>alors</i>	45,25	6	<i>par conséquent</i>	21,0	47			

Легенда: 1 – доля употреблений языковых единиц в конъюнктивной функции среди отобранных контекстов, 2 – частотный ранг

Доля употреблений исследуемых единиц в конъюнктивной функции колеблется: от 20,05 % до 100 % для ЯЕ сочинения и от 1,0 % до 100 % для ПЕ сочинения. Другими словами, одни единицы чаще проявляют свои копулятивные и коннективные свойства, другие – реже. При этом для высокочастотных языковых единиц, квалифицируемых как ПЕ сочинения, способность функционировать в качестве функционально-семантического эквивалента сочинительного союза и частотный ранг не находятся в прямой зависимости. Например, высокочастотная единица *alors* выполняет конъюнктивную функцию меньше чем в половине контекстов.

Следовало бы ожидать, что частотные соединительные ПЕ активно используются для оформления копулятивной связи по аналогии с ЯЕ *et*. Однако анализ языкового материала показывает, что языковые единицы, не отличающиеся высокой частотностью, оказываются более употребительными в копулятивной функции (например, *voire*), и наоборот, те языковые единицы, которые занимают в частотном списке ведущие места, не обязательно отличаются высокой копулятивностью (например, *ensuite*, *en fait*). Исключение составляет высокочастотная лексема *puis*.

Для дальнейшей дифференциации единиц сочинения по их способности осуществлять конъюнктивную связь мы вводим индекс копулятивности Q_{cop} и индекс коннективности Q_{con} . Эти показатели, выражающие степень конъюнкционализации языковых единиц, дают основания для дальнейшего разграничения единиц сочинения на собственно ядерные и окооядерные и на единицы ближней и дальней периферии. Индекс копулятивности Q_{cop} численно равен отношению количества контекстов, в которых исследуемая единица проявляет копулятивные свойства, к отобранному количеству контекстов с каждой отдельно взятой единицей. Индекс коннективности Q_{con} численно равен отношению количества контекстов, в которых исследуемая единица проявляет коннективные свойства, к отобранному количеству контекстов с каждой отдельно взятой единицей.

Каждой единице в зависимости от реализации коннективной и копулятивной функции присваивается Q_{cop} и Q_{con} со значениями от 0,0 (минимум) до 1,0 (максимум). Например, ПЕ сочинения *puis* проявляет копулятивные свойства в 35 % отобранных контекстов и коннективные свойства – в 36 %. Соответственно, индекс копулятивности единицы *puis* равен 0,35, а индекс коннективности – 0,36.

На основании установленных индексов Q_{cop} и Q_{con} единицы распределяются на шесть групп. Единицы первой группы (I) обладают высоким конъюнктивным потенциалом, их $Q_{\text{con/cop}} = 1,0$. У единиц второй группы (II) конъюнктивный потенциал средневысокий, $1,0 \geq Q_{\text{con/cop}} \leq 0,7$. Единицы третьей группы (III) демонстрируют средние показатели конъюнкционализации, $0,7 > Q_{\text{con/cop}} \leq 0,5$. Для единиц четвертой группы (IV) характерен средненизкий конъюнктивный потенциал, $0,5 \geq Q_{\text{con/cop}} \leq 0,2$. Единицы пятой группы (V) редко проявляют копулятивные и коннективные свойства, их конъюнктивный потенциал низкий, $0,2 > Q_{\text{con/cop}} < 0,0$. Единицы шестой группы (VI) либо не проявляют копулятивные свойства ($Q_{\text{cop}} = 0,0$), либо не проявляют коннективные свойства ($Q_{\text{con}} = 0,0$) в отобранных контекстах. Полагаем, что выделение перечисленных шести групп целесообразно для достижения нашей цели, поскольку позволяет избежать излишней дробности и в то же время адекватно отражает количественный аспект функционирования единиц. Результаты ранжирования исследуемых единиц согласно введенным индексам представлены в табл. 34.

Ранжирование единиц сочинения по индексу копулятивности Q_{cop} и индексу коннективности Q_{con}
в современном французском языке

Единицы	Соединительные		Разделительные		Противительные		Каузальные	
Индексы	Q_{cop}	Q_{con}	Q_{cop}	Q_{con}	Q_{cop}	Q_{con}	Q_{cop}	Q_{con}
I	-	-	<i>et/ou</i> 1,0 <i>soit... ou</i> 1,0	-	-	-	-	<i>car</i> 1,0
II	<i>ni</i> 0,99 <i>voire</i> 0,88	-	<i>ou</i> 0,81	-	-	<i>mais</i> 0,83	-	<i>or</i> 0,98 <i>c'est pourquoi</i> 0,82
III	<i>et</i> 0,63	<i>c'est à dire</i> 0,65 <i>en outre</i> 0,57	<i>tantôt</i> 0,67	-	-	-	-	-
IV	<i>puis</i> 0,35 <i>aussi bien que</i> 0,26 <i>c'est à dire</i> 0,25 (à) <i>savoir</i> 0,23	<i>puis</i> 0,36 <i>et</i> 0,35 <i>au surplus</i> 0,34 <i>ensuite</i> 0,32 <i>après tout</i> 0,32 <i>de fait</i> 0,31 <i>en fait</i> 0,30 <i>finalelement</i> 0,25 <i>à la vérité</i> 0,21	-	<i>ou bien</i> 0,25	<i>sinon</i> 0,33 <i>du moins</i> 0,24	<i>en revanche</i> 0,43 <i>cependant</i> 0,38 <i>sinon</i> 0,37 <i>par contre</i> 0,36 <i>toutefois</i> 0,31 <i>pourtant</i> 0,3 <i>néanmoins</i> 0,26 <i>du moins</i> 0,25 <i>d'ailleurs</i> 0,25	-	<i>alors (que)</i> 0,46 <i>effectivement</i> 0,24 <i>en effet</i> 0,22
V	<i>ainsi</i> 0,15 <i>de même (que)</i> 0,14 <i>ensuite</i> 0,06 <i>encore que</i> 0,06 <i>à la vérité</i> 0,02 <i>encore</i> 0,02 <i>enfin</i> 0,02 <i>de plus</i> 0,01 <i>non moins que</i> 0,01 <i>après tout</i> 0,01 <i>finalelement</i> 0,01 <i>aussi</i> 0,01 <i>en fait</i> 0,0025	<i>enfin</i> 0,18 <i>ainsi</i> 0,12 (à) <i>savoir</i> 0,1 <i>voire</i> 0,07 <i>de même (que)</i> 0,06 <i>encore que</i> 0,06 <i>encore</i> 0,06 <i>de plus</i> 0,05 <i>aussi</i> 0,05 <i>ni</i> 0,01	<i>ou bien</i> 0,19 <i>soit</i> 0,16 <i>sitôt</i> 0,01 <i>plutôt</i> 0,01	<i>ou</i> 0,19 <i>tantôt</i> 0,12 <i>soit</i> 0,06	<i>mais</i> 0,14 <i>au contraire</i> 0,09 <i>au moins</i> 0,06 <i>cependant</i> 0,01 <i>toutefois</i> 0,01 <i>du reste</i> 0,01 <i>pourtant</i> 0,0075 <i>en revanche</i> 0,005 <i>d'ailleurs</i> 0,0025	<i>au contraire</i> 0,18 <i>au moins</i> 0,18 <i>au reste</i> 0,17 <i>du reste</i> 0,15	<i>donc</i> 0,07 <i>conséquemment</i> 0,07 <i>partant</i> 0,05 <i>par suite</i> 0,02 <i>alors</i> 0,02 <i>par conséquent</i> 0,01 <i>or</i> 0,01 <i>effectivement</i> 0,01 <i>car</i> 0,005 <i>en effet</i> 0,005	<i>par conséquent</i> 0,20 <i>donc</i> 0,15 <i>par suite</i> 0,07 <i>partant</i> 0,02
VI	<i>en outre</i> <i>au surplus</i> <i>de fait</i>	<i>aussi bien que</i>	-	<i>et/ou</i> <i>soit... ou</i>	<i>par contre</i> <i>néanmoins</i> <i>au reste</i>	-	<i>c'est pourquoi</i>	<i>conséquemment</i>

Проведенный анализ позволил установить значимость исследуемых языковых единиц в оформлении сочинительной связи во французском языке двух последних десятилетий.

В большинстве контекстов ($\approx 65\%$) единицы сочинения используются для установления коннективной связи. Высокий коннективный потенциал демонстрируют единицы *mais*, *or* и *c'est pourquoi*, их $Q_{\text{con}} = 0,82...0,98$. К единицам со средневысоким коннективным потенциалом относятся единицы *c'est-à-dire* и *en outre* с $Q_{\text{con}} 0,65$ и $0,57$ соответственно. Индекс коннективности большинства единиц колеблется от $0,01$ до $0,46$. При этом индекс Q_{con} противительных и каузальных единиц незначительно выше, чем у соединительных.

Контексты, в которых единицы используются для установления копулятивной связи, составляют не более трети. Из них – треть контекстов с ЯЕ, для которых этот способ употребления составляет $37,68\%$ от выборки. Исследуемые единицы сочинения по-разному демонстрируют копулятивные свойства. Низкочастотные разделительные единицы *et/ou* и *soit... ou* устанавливают исключительно копулятивную связь. Их $Q_{\text{cop}} = 1,0$. Единицы с высоким и средневысоким копулятивным потенциалом малочисленны. К ним относятся соединительные единицы *ni*, *voire*, *et* ($Q_{\text{cop}} = 0,63...0,99$) и разделительные единицы *ou*, *tantôt* ($Q_{\text{cop}} = 0,67...0,81$). Индекс Q_{cop} большинства соединительных, разделительных и противительных единиц находится в диапазоне от $0,0025$ до $0,35$. Например: *puis*, *(à) savoir*, *sinon*, *du moins*, *mais* и др. Количественно преобладают единицы с $Q_{\text{cop}} < 0,06$. Каузальные единицы *donc*, *partant*, *enfin*, *ainsi* также используются в копулятивной функции. Их индекс Q_{cop} низкий: $Q_{\text{cop}} = 0,005...0,07$. Семь единиц не проявляют способности к оформлению сочиненных рядов (*en outre*, *au surplus*, *de fait* и др.).

Индексы копулятивности и коннективности выступают количественными показателями отличительных свойств единиц сочинения, позволяя разграничить единицы: а) с большей долей копулятивного употребления, то есть $Q_{\text{cop}} > Q_{\text{con}}$ (*ni*, *voire*, *et*, *aussi bien que*, *(à) savoir*, *de même que*, *ou*, *et/ou*, *soit... ou*, *tantôt*¹), б) с большей долей коннективного употребления, то есть $Q_{\text{cop}} < Q_{\text{con}}$ (*c'est à dire*, *en outre*, *ensuite*, *après tout*, *à la vérité*, *au surplus*, *ou bien*, *mais*, *en revanche*, *cependant*, *par contre*, *toutefois*, *pourtant*, *néanmoins*, *d'ailleurs*, *car*, *or*, *c'est pourquoi*, *alors (que)*, *de fait*, *en fait*, *en effet*, *finalement*, *effectivement*) и в) с относительно одинаковыми долями копулятивного и коннективного употребления, то есть $Q_{\text{cop}} \approx Q_{\text{con}}$ (*puis*, *de même (que)*, *encore que*, *encore*, *de plus*, *soit*, *sinon*, *du moins*, *au contraire*, *au moins*, *du reste*, *donc*, *partant*, *par suite*, *par conséquent*, *ainsi*, *enfin*, *aussi*).

Таким образом, копулятивность как основное свойство релевантно только для трех ЯЕ сочинения *ni*, *ou* и *et*, которые следует признать собственно ядерными единицами сочинения, в отличие от околоядерных единиц *mais*, *car*, *or*. Мы причисляем к околоядерным единицам сочинения лексему *donc*, поскольку ее индекс копулятивности выше, чем у других

¹ Единицы следуют в порядке убывания показателей.

полифункциональных единиц каузального типа. ПЕ включают единицы ближней и дальней периферии. К единицам ближней периферии следует отнести многочисленные полифункциональные единицы, которые используются для оформления копулятивной связи, а также для установления коннективной связи в разнообразных синтаксических построениях. Единицы дальней периферии редко используются в схожих контекстах.

Далее мы проиллюстрируем на примерах копулятивные и коннективные свойства исследуемых единиц.

4.1.1. Копулятивные свойства единиц сочинения

Более двух третьих единиц оформляют сочиненный ряд с одинарным связующим элементом перед вторым компонентом (X_1 со X_2) и/или с повтором этого элемента перед каждым компонентом сочиненного ряда по типу со X_1 со X_2 , (со) X_1 со X_2 со X_3 со X_n .

Самым распространенным является оформление сочиненного ряда, в котором соединяются два компонента, репрезентирующих разнообразные внеязыковые сущности (живые существа, предметы, признаки, явления и т.д.). Единицы фиксируют одинаковую (смысловую и синтаксическую) отнесенность соединенных ими компонентов к третьему, обозначая различные отношения между ними: соединительные (пример (309)), присоединительные (пример (310)), разделительные (пример (311)), противительные (пример (312)), каузальные (примеры (313), (314)).

(309) *Je sers mon Parti **et** mon pays* 'Я служу своей партии *и* своей стране' (J. Littell. Les Bienveillantes, 2006).

(310) *Il n'avait de cesse de reprendre sa lecture de Tristram Shandy, du Voyage sentimental, **aussi** de La Chartreuse de Parme* 'Он не переставал перечитывать «Тристрама Шенди», «Сентиментальное путешествие», *а также* «Пармскую обитель» (А.-М. Garat. L'enfant des ténèbres, 2008).

(311) *...un acte de guerre **et/ou** de terrorisme* 'военное *и/или* террористическое действие' (Th. Jonquet. Ils sont votre épouvante et vous êtes leur crainte, 2006).

(312) *Il inclinait la tête de côté et plissait des yeux dans la lumière mate **pourtant** éblouissante* 'Он наклонял голову набок и щурился от тусклого, *но* ослепительного света' (P. Pelot. C'est ainsi que les hommes vivent, 2003).

(313) *Le malaise qui l'envahit le rend autonome **donc** plus vivant* 'Недомогание, которое им овладевает, делает его самостоятельным, *поэтому* более живым' (Ph. Lançon. Le Lambeau, 2018).

(314) *Un jour de très grand froid, Paulette n'a pas retrouvé son manteau. On le lui avait volé. C'était dramatique **car** vital* 'В один очень холодный день Полет не смогла найти свое пальто. У нее его украли. Это было драматично, *потому что* жизненно важно' (A. Dupuy. Les engelures, 2013).

В двух схожих контекстах единица *ainsi que* может обозначать как соединение (пример (315)), так и сопоставление (пример (316)), о чем свидетельствует согласование сказуемого во множественном или в единственном числе.

(315) *L'épaisse étoffe **ainsi que** sa chemise de nuit blanche, brodée au col et aux manches, constituaient un rempart suffisant pour sa vertu* 'Толстая ткань, а также ее белая ночная рубашка с вышивкой на воротнике и рукавах составляли достаточную защиту ее добродетели' (Cl.-J. Baudroux. *La même Caillou*, 2005).

(316) *Pourtant ce titre, **ainsi que** deux ou trois autres parus au début des années soixante-dix, ne figure jamais à la page «du même auteur»* 'Однако это заглавие, как и два или три других, опубликованных в начале семидесятых годов, никогда не появляется в рубрике «этого автора»' (J.-Ch. Bailly. *Tuiles détachées*, 2004).

Большинство соединительных ПЕ используются для обозначения пояснительных отношений, то есть отношений между вторыми наименованиями и первыми, обозначающими то или иное понятие недостаточно определенно (примеры (317), (318)). Для уточнения первого компонента, выражающего понятие в его общем виде, спорадически встречаются противительные и каузальные ПЕ (примеры (319), (320)).

(317) *Quand ces amours-copains s'effritaient, je me doutais que cela ne durerait pas, qu'un jour il y aurait un couple, **voire** une famille* 'Когда эти влюбленные расходились, я подозревала, что это ненадолго, что однажды они станут парой, даже семьей' (D. Letessier. *Le voyage à Paimpol*, 1980).

(318) *On m'apporte le *Diarium Curiae* 1921–1925, **à savoir** un petit cahier rouge avec mention manuscrite jour par jour des événements* 'Мне приносят *Diarium Curiae* 1921–1925, а именно маленькую красную тетрадь с ежедневными рукописными упоминаниями о событиях' (Ph. Artières. *Vie et mort de Paul Gény*, 2013).

(319) *Après ces deux ans de bouleversements ininterrompus, il faut entendre, dans cette nouvelle, la promesse d'un retour sinon à la vie, **du moins** à l'écriture* 'После этих двух лет непрерывных потрясений мы должны услышать в этом рассказе обещание возвращения если не к жизни, то хотя бы к письму' (M. Billetdoux. *Un peu de désir sinon je meurs*, 2006).

(320) *L'idée d'instruction, **donc** de transmission de savoirs est le cadet des soucis des responsables de l'Instruction publique* 'Идея обучения, то есть передачи знаний, меньше всего беспокоит ответственных за общее образование' (J. Roubaud. *Poésie: récit*, 2000).

Повтор связующего элемента не является распространенным явлением. Совокупная доля контекстов с бисиндетоном (CO X₁ CO X₂) или полисиндетоном (CO X₁ CO X₂ CO X₃) составляют не более 7,0 % от количества контекстов, в которых единицы используются в копулятивной функции. Чаще других перед сочиненным компонентом повторяются разделительные единицы *tantôt, soit, ou, ou bien* (67 %, 10 %, 3 % и 2 % от отобранного количества контекстов для каждой из единиц соответственно). Они обозначают чередование (примеры (321), (322)), исключение (пример (323)) и одновременную реализацию двух или нескольких альтернатив (примеры (324), (325)).

(321) *Les salons du palais flottant m'apparaissent des bacs aveugles: immenses, **tantôt** pleins, **tantôt** vides* 'Залы плавучего дворца мне кажутся слепыми урнами: огромные, то полные, то пустые' (H. Lucot. *Frasques*, 2001).

(322) *Quand son père la battait c'était sur les fesses ou le dos ou les jambes, avec une trique ou son sabot ou le manche du balai* 'Если отец и бил ее, то по ягодицам или по спине, или по ногам, дубиной или ботинком или ручкой метлы' (P. Pelot. C'est ainsi que les hommes vivent, 2003).

(323) *Je ne vois plus que deux alternatives: ou bien la mise en sommeil de la S.D.N. ce qui serait malgré tout bien grave, ou bien la guerre anglo-italienne, ce qui serait affreux* 'Я вижу только две альтернативы: либо замораживание S.D.N., что все равно было бы очень серьезно, либо же англо-итальянская война, что было бы ужасно' (Ch. Lazard. Journal, 2012).

(324) *Pour la plupart, prenant conscience d'un malentendu fondamental, tantôt politique, tantôt poétique, tantôt les deux à la fois* 'По большей части осознание фундаментального непонимания, иногда политического, иногда поэтического, иногда того и другого одновременно' (J. Roubaud. Poésie: récit, 2000).

(325) *Les grands lecteurs fréquentent presque tous les bibliothèques. Quand on lit un à sept livres par semaine, il faut soit être PDG et bien logé, soit travailler dans une maison d'édition, soit s'abonner à une bibliothèque* 'Почти все заядлые читатели посещают библиотеки. Когда вы читаете от одной до семи книг в неделю, вы либо генеральный директор и живете в хороших условиях, либо работаете в издательстве, либо записаны в библиотеку' (A. François. Bouquiner, 2000).

Повтор соединительных единиц перед каждым сочиненным компонентом фиксируется редко, за исключением единиц *ni*¹, *puis* и *voire* (55 %, 4 % и 2 % от отобранного количества контекстов для каждой из единиц соответственно). В единичных контекстах встречаются и другие ПЕ.

(326) *Ni elle, ni moi, ni le docteur S, ni personne n'avaient tort ni raison* 'Ни она, ни я, ни доктор С. – никто не был прав или неправ' (Ph. Lançon. Le Lambeau, 2018).

(327) *...dans un tas de neige molle où ils furent bientôt rejoints par deux, puis quatre, puis six de leurs copains d'infortune* '...к ним в сугроб вскоре подсели двое, потом четверо, потом шестеро их товарищей по несчастью' (Th. Gunzig. Mort d'un parfait bilingue, 2001).

(328) *À trop jouer avec le feu, on risque des ennuis avec la police, voire un sérieux tabassage, voire même une exécution pure et simple* 'Если вы слишком много играете с огнем, вы рискуете иметь неприятности с полицией, даже серьезное избиение, даже наказание' (M. Jung. Le Triomphe de Thomas Zins, 2018).

(329) *Personne ne saurait reprocher à l'hôpital sa nouvelle vision axée sur le résultat, c'est-à-dire sur les chiffres, c'est-à-dire sur l'image, car il est largement admis aujourd'hui qu'il ne sert à rien de dépenser de l'argent si celui-ci ne se voit pas* 'Никто не может упрекнуть больницу в ее новом видении, ориентированном на результат, то есть на цифры, то есть на картинку, потому что сегодня широко распространено мнение, что нет смысла тратить деньги, если этого не видно' (C. Lovey. Monsieur et Madame Rivaz, 2016).

¹ Фразеологизированные сочетания типа *ni l'un ni l'autre* 'ни один ни другой', *ni chaud ni froid* 'ни тепло ни холодно' не учитывались.

(330) ...*des malades qui ne peuvent attendre le lendemain, **donc** des malades en état d'urgence, **donc** de grands corps purulents qui contaminent tout ce qu'ils touchent* '...больные, которые не могут дождаться следующего дня, то есть экстренные больные, то есть большие гнойные тела, которые заражают все, к чему прикасаются' (Al. Jenni. L'Art français de la guerre, 2011).

Контексты с повтором ЯЕ *et* не превышают 0,75 % от выборки. При этом союз используется либо самостоятельно, либо в сочетании с ПЕ для интенсификации взаимосвязи между внеязыковыми сущностями, как, например:

(331) *Alors que les «problèmes qui ne se voient pas au premier coup d'œil» contrôlent des pansentiers de notre personnalité **et partant** de notre existence **et partant** du monde entier* 'В то время как «проблемы, которые не видны на первый взгляд» контролируют нашу личность, *и поэтому* наше существование, *и поэтому* весь мир' (G. Bouillier. Le dossier M. Livre 1, 2017).

Противительные единицы не встречаются в многокомпонентном сочиненном ряду, что обусловлено их семантикой (сопоставление не более двух сущностей).

В современном французском языке формируется тенденция к отдельно-оформленности сочиненных рядов, в которых используется большинство единиц с повтором или без повтора перед сочиненным компонентом. Сегментированные построения такого рода существуют только в составе синтаксических целых. Они всегда логически связаны и как самостоятельная синтаксическая единица не существуют. Например:

(332) *La langue de mon père, c'était le yiddish. **Aussi** le russe* 'Языком моего отца был идиш. *А также* русский' (S. Doubrovsky. Un homme de passage, 2011).

(333) *Mais il ne le peut pas: tu es dans le couloir! Tu lui barres la retraite! Une arme. Sûr qu'il a un couteau. **Au moins** un couteau. Un rasoir. Un cutter* 'А он не может это сделать: ты в коридоре! Ты блокируешь его отступление! Оружие. Конечно, у него есть нож. *Хотя бы* нож. Бритва. Резак' (Gr. Bouillier. Le dossier M. Livre 2, 2018).

(334) *Il risque de naître prématurément. **C'est-à-dire** en avance* 'Он рискует родиться раньше срока. *То есть* раньше, чем положено' (M. Borie. Dulce de leche, 2021).

(335) *C'est le cas aujourd'hui ici. Ils évoluent dans le monde de la tradition à l'envers. **C'est-à-dire** le monde moderne. **C'est-à-dire** le monde de la destruction des cultures et des fondements anciens* 'Так обстоит дело сегодня здесь. Они развиваются в мире традиций, перевернутых с ног на голову. *То есть* в современном мире. *То есть* в мире разрушения древних культур и устоев' (F. Macherez. Au pays des rêves noirs, 2019).

(336) *Elles étaient à présent humaines et **donc** mortelles. **Donc** affreusement sensibles* 'Теперь в них поселилась жизнь, *и поэтому* они смертны. *Поэтому* сильно чувствительны' (Gr. Bouillier. Le dossier M. Livre 2, 2018).

Соединение однородных сказуемых как сложное синтаксическое явление заслуживает отдельного внимания. Такие предложения являются переходными между простыми и сложными, поскольку демонстрируют двойственную

природу: с одной стороны, объединенность таких сказуемых общим подлежащим, с другой – расчлененность их предикативной основы (см. работы [Васильева 1970, Михайлова 1993, Завьялова 2000 и др.]). Такой способ употребления характерен для соединительных (примеры (337), (338)), разделительных (пример (339)) и противительных единиц (пример (340)).

(337) *Que je joigne mes mains aux siennes **et** me sente moins seule* ‘Пусть я возьму его руки в свои *и* почувствую себя менее одинокой’ (А.-М. Garat. *Pense à demain*, 2010).

(338) *Je débouchai la bouteille, humai profondément l’odeur capiteuse, **puis** versai deux verres* ‘Я откупорил бутылку, глубоко вдохнул пьянящий аромат *и* наполнил два бокала’ (J. Littell. *Les Bienveillantes*, 2006).

(339) *D’incessants déferlements de rumeur **tantôt** m’humectent et me font onde, **tantôt** m’effleurent et me font sable, **tantôt** me choquent et me font roc* ‘Непрекращающиеся потоки слухов *то* наполняют меня и превращают в волну, *то* задевают меня и превращают в песок, *то* потрясают и превращают в скалу’ (D. Podalydès. *Voix off*, 2008).

(340) *Suzanne ne marqua aucun étonnement, **au contraire** fondit de gentillesse* ‘Сюзанна не показала удивления, *но* растаяла от умиления’ (А.-М. Garat. *Dans la main du diable*, 2006).

Соединение разнофункциональных компонентов представляет собой редкое явление. Преобладают контексты с ЯЕ *ni*, в то время как контексты с ЯЕ *et* встречаются реже: 2,5 % vs. 0,5 % от отобранного количества контекстов для каждой из единиц соответственно. Например:

(341) *Je ne me sentais **ni** malade, **ni** surtout la moindre envie d’abandonner mes lectures nocturnes* ‘Я не чувствовал себя *ни* больным (каким?), *ни* тем более малейшего желания отказаться от своих ночных чтений (что?) (букв.)’ (E. Pierrat. *Troublé de l’éveil*, 2008).

(342) *J’avais des afflux de souvenirs, le coupeur roumain, l’agent de police en vélo **et** en civil, et bien d’autres* ‘На меня нахлынули воспоминания, румынский вор-карманник, полицейский на велосипеде (на чем?) *и* в штатском (в чем?) и многие другие’ (S. Doubrovsky. *Un homme de passage*, 2011).

4.1.2. Коннективные свойства единиц сочинения

Контексты с коннективным употреблением единиц сочинения преобладают. Исследование показывает, что в двух третьих контекстов исследуемые единицы соединяют части сложного предложения. При этом доля употреблений ЯЕ и ПЕ сочинения для установления связи между частями сложного предложения и независимыми предложениями колеблется. ЯЕ чаще используются для соединения частей сложного предложения, чем независимых предложений, за исключением ЯЕ *donc* и *or*. Ср.: *mais* – 33 % vs. 27 %, *et* – 20 % vs. 8 %, *ou* – 10 % vs. 3 %, *donc* – 6 % vs. 6 %, *or* – 12 % vs. 84 %. ПЕ чаще используются для соединения независимых предложений, чем частей сложного предложения. Ср.: *ainsi* – 0 % vs. 12 %, *à la vérité* – 0 % vs. 21 %, *alors* – 17 % vs. 26 %, *après tout* – 12 % vs. 20 %, *au contraire* – 6 % vs. 12 %, *enfin* – 6 % vs. 12 %

и т.д. Например, ЯЕ *car*, которая, согласно академической грамматике, не используется в инициальной позиции самостоятельного предложения, в нашей выборке в 31 % контекстов устанавливает связь между двумя автономными предикативными единицами (пример (343)). Аналогичным образом функционирует ПЕ *c'est pourquoi* (пример 344)).

(343) *Du grand jour marquant mon entrée dans la grande famille du Christ, j'ai d'abord le souvenir de ma grand-mère. Car elle avait toujours été extrêmement ouverte sur le plan religieux* 'Вспоминая великий день моего вступления в великую семью Христа, я прежде всего вспоминаю мою бабушку. Ибо она всегда была чрезвычайно верующей' (I. Seyman. *La petite conformiste*, 2019).

(344) *J'ai moi aussi fait des recherches pour essayer d'en savoir davantage sur ce sacré Victor et son ascendance. C'est pourquoi j'ai appris votre passage* 'Я тоже провел исследование, пытаюсь узнать больше об этом священном Викторе и его родословной. Поэтому я ознакомился с вашим текстом' (P. Pelot. *C'est ainsi que les hommes vivent*, 2003).

Современный французский язык характеризуется тенденцией к использованию ПЕ сочинения при соединении частей сложного предложения с кореферентными подлежащими, при соединении придаточных, а также к использованию повтора союзного показателя при коннективном соединении.

Подавляющее большинство различных по частотному рангу ПЕ используются для установления разнообразных логико-семантических отношений между частями сложного предложения при кореферентных подлежащих. Например:

(345) *Un jour tu te sépares, un jour tu es amoureuse d'un autre monsieur, puis tu te re-sépares puis tu es encore amoureuse* 'То ты расстаешься, то ты влюбляешься в другого мужчину, то ты снова расстаешься, то ты опять влюбляешься' (E. Fourniret. *Comme une grande*, 2017).

(346) *Nous souhaitons avant tout éviter l'aliénation et la dépendance; en outre nous sommes obsédés par la santé et par l'hygiène* 'Мы прежде всего хотим избежать отчуждения и зависимости; кроме того, мы помешаны на здоровье и гигиене' (M. Houellebecq. *Plateforme*, 2001).

(347) *Je finissais tout à l'heure, c'est pourquoi je ne me suis pas dérangé* 'Я уже заканчивал, поэтому я не стал отвлекаться' (A.-M. Garat. *Dans la main du diable*, 2006).

Примечательно, что лексема *donc* используется для обозначения причинно-следственной связи между двумя безличными предложениями, например:

(348) *Beaucoup de sacs en plastique, de boîtes de conserve, de peaux de banane, parce qu'alentour, il n'y a pas de poubelles. Pas de poubelles pour ne pas officialiser le lieu. S'il n'y a pas de poubelle, le lieu n'est pas officiel. Et si le lieu n'est pas officiel, il n'existe pas. Pas de poubelles donc pas de lieu.* 'Много полиэтиленовых пакетов, жестяных банок, банановой кожуры, потому что вокруг нет мусорных баков. Никаких мусорных баков, чтобы официально не оформлять место. Раз нет мусорного бака, то место неофициальное. А если место неофициальное, то его не существует. Нет мусорных баков, поэтому нет места' (M. Storti. *L'arrivée de mon père en France*, 2008).

Для соединения придаточных предложений используются нечастотные соединительные (пример (349)) и разделительные ПЕ (примеры (350), (351)). Встречаются и раздельнооформленные синтаксические построения такого рода (пример (352)).

(349) *Je suis persuadée que la limitation de mon champ de vision engendre de manière assez primitive la conjuration de tout ce qui pourrait me menacer, voire de ce que je n'ai pas envie de prendre en compte pour une raison ou pour une autre* 'Я убеждена, что ограничение моего поля зрения довольно примитивным образом порождает заклинание всего, что могло бы мне угрожать, даже того, чего я не хочу принимать во внимание по той или иной причине' (C. Millet. *La vie sexuelle de Catherine M. précédé de Pourquoi et Comment*, 2001).

(350) «*Il ne se prend pas la tête*» *peut maintenant signifier soit qu'il ne se fatigue pas les méninges, soit qu'il ne se prend pas pour Einstein* 'Выражение «он не берет в голову» теперь может означать либо то, что он не напрягает мозги, либо то, что он не принимает себя за Эйнштейна' (G. Genette. *Bardadrac*, 2006).

(351) *Les radios dissidentes écument de rage car elles racontaient depuis longtemps tantôt qu'il était gâteaux, tantôt qu'il était prisonnier* 'Диссидентские радиостанции кипят от ярости, потому что давно рассказывали о том, что он *то* ли впал в маразм, *то* ли был заключенным' (J. Pouquet. *Journal sous l'Occupation en Périgord*, 2006).

(352) *Pourquoi cet acharnement à décrire minutieusement des objets? Parfois, ce sont des objets qui pour moi ont un sens très précis. Enfin, objectivement, qui ont un sens sentimental très fort* 'Откуда такая настойчивость в тщательном описании объектов? Иногда это предметы, которые для меня имеют вполне конкретное значение. И, говоря объективно, которые имеют очень сильный sentimentalный смысл' (G. Peres. *Entretiens et conférences II*, 2003).

Особо отметим повтор связующих единиц, не проявляющих или редко проявляющих копулятивные свойства, при оформлении коннективной связи. Мы различаем два типа контекстов.

В первом типе контекстов (примеры (353)–(355)) такой повтор по аналогии с самой высокочастотной единицей сочинения *et*, для которой изначально характерен этот способ употребления, в пределах одного смыслового целого создает эффект цепочечного нанизывания и позволяет придать особую экспрессию высказыванию, резкость.

(353) *Alors ils attrapent Pampille et crient fort Alors ils rient Alors ils arrachent les cottes de Pampille Alors Pampille toute nue Alors ils la tiennent ils viennent les chaussses ouvertes et la nanette toute raide* 'Тогда (=и) они хватают Пампилль и громко кричат Тогда (=и) они смеются Тогда (=и) они срывают одежду с Пампилль Тогда (=и) Пампилль голая Тогда (=и) они держат ее, они подходят с расстегнутыми штанами, и девушка застыла' (P. Pelot. *C'est ainsi que les hommes vivent*, 2003).

(354) *Hélène n'est pas prévenue que je dois partir, elle en ferait une maladie; or elle a les clés. Or les clés dépendent du service. Qui change parfois* 'Элен не сказали, что я должен уйти, она бы из-за этого расстроилась; но у нее есть ключи. Но ключи зависят от портье. Который иногда меняется (А.-М. Garat. *Pense à demain*, 2010).

(355) *De fait la mort de Sébastien Blaise fut causée par une hypothèse erronée. De fait il pensait, le docteur, que la femme de ménage avait laissé la porte ouverte pour son homme, afin qu'il vienne prélever une cuillère en argent* 'Ибо смерть Себастьяна Блеза была вызвана ошибочной гипотезой. Ибо он, доктор, думал, что уборщица оставила дверь открытой для своего мужа, чтобы он мог прийти и взять серебряную ложку' (J. Cl. Baudroux. La même Caillou, 2005).

Во втором типе контекстов каждый смысловой компонент предложения, введенный ПЕ, соотносится с изложенным в предконтексте следующим образом: первый компонент репрезентирует общую взаимосвязь, второй – частную (пример (356)). Создается, таким образом, эффект параллельного нанизывания: повтор связующего элемента служит для конкретизации общей взаимосвязи, представленной в первом компоненте, который может быть опущен (трансформация (356a)). При этом первый связующий элемент демонстрирует каузальную семантику, второй – пояснительную: 'поэтому все произошло очень быстро, то есть мы быстро поженились'.

(356) *Nous savions que nous avions peu de jours et c'est pourquoi tout s'est fait si vite, c'est pourquoi nous étions possédés d'une telle rage de nous marier le plus rapidement possible* 'Мы знали, что осталось мало дней, и поэтому все произошло так быстро, поэтому нами овладело сильное желание поскорее пожениться' (T. Torrès. Une Française libre: journal, 2000 [FR]).

(356a) *Nous savions que nous avions peu de jours, c'est pourquoi nous étions possédés d'une telle rage de nous marier le plus rapidement possible*

Предложенная функциональная классификация единиц сочинения на основе большего или меньшего проявления их копулятивности отображает результат продолжительного процесса развития конъюнктивных свойств языковых единиц. Ввиду разного соотношения доли конъюнктивного (копулятивного и коннективного) и неконъюнктивного употребления исследуемых языковых единиц на каждом синхронном срезе «исторические» границы между «собственно» ядерными, околядерными единицами сочинения, единицами ближней и дальней периферии являются подвижными, за исключением собственно ядерных единиц *ni*, *ou* и *et*. В ходе эволюции научного знания о природе сочинительных средств связи, как было отмечено в § 1.2, в исторических грамматиках французского языка те или иные единицы (например, *ainsi*, *enfin*, *cependant*, *néanmoins*, *pourtant*, *toutefois*, *soit*, *sinon* и т.д.) включаются или исключаются из класса союзов.

Отсутствие прямой зависимости между частотным рангом полифункциональных единиц и долей их употребления в союзной функции в современном языке требует установления факторов другого порядка, определивших степень их конъюнкционализации.

Рассмотренные копулятивные и коннективные свойства единиц сочинения в современном французском языке закономерно вызывают вопрос о развитии их семантических свойств.

4.2. Семантическая классификация единиц сочинения

В ряде контекстов допустима взаимозаменяемость ПЕ на ЯЕ сочинения, поскольку ЯЕ и ПЕ сочинения обладают общими семантическими свойствами, то есть представляют типовое значение. ПЕ зачастую не имеют лексикографической интерпретации, а подаются через синонимический или квазисинонимический ряд. Так, например, лексемы *en fait*, *de fait*, *en effet* и *effectivement* имеют следующие переводные эквиваленты в русском языке: 'на самом деле', 'фактически', 'действительно', 'в действительности', 'в самом деле' [Гак 2010]. Они имеют общее латинское происхождение (<facere, factum) [Godefroy] и обладают общей семантикой «реальности». Согласно словарным дефинициям единицы *en fait*, *de fait*, *en effet* и *effectivement* указывают на то, что реальность описываемого события может быть проверена и неоспорима. В лексикографических источниках отмечается взаимозаменяемость *en effet* на *effectivement* и *en fait* на *de fait* и наоборот. Например: *Je me sentis perdu, et je l'étais en effet* [= *effectivement*] [CNRTL]. Указанные единицы толкуются одна через другую. Ср.: *en effet* Syn. *effectivement*, *en réalité*, *en fait*; *en fait*, *de fait* Syn. *en réalité*, *effectivement*; *effectivement* Syn. *de fait*, *en effet*, *en fait* [Le Grand Robert... 2001]. Особо подчеркнем, что в лексикографических источниках только для единицы *en effet* имеется помета о том, что она может выступать как аналог союза *car*, например: *Il n'a pas pu venir: en effet* [= *car*], *il était malade* 'Он не смог прийти: потому что он был болен'; *Elle va nager tous les mardis soir, en effet* [= *car*] *la piscine est ouverte ce jour-là jusqu'à 22 heures* 'Она ходит плавать каждый вторник вечером, потому что бассейн в этот день открыт до 22 часов' [Le Grand Robert... 2001].

Приведем еще один пример квазисинонимического ряда ПЕ сочинения. Лексемы *puis/ensuite* 'потом/затем' указывают на расположение временного интервала относительно точки отсчета. Семантическая близость единиц заключается в их основном значении следования во времени, а точкой отсчета выступает время какой-то другой описываемой ситуации, то есть 'P₂ следует во времени за P₁'. В лексикографических источниках единицы *puis/ensuite* толкуются схожим образом. Ср.: *ensuite*, adv. «fait la liaison entre le passé et le futur d'un événement particulier, qu'il concerne le temps ou l'espace» 'связывает события в прошлом и в будущем во времени или в пространстве'; *puis*, adv. «introduit un élément qui vient s'ajouter à un élément précédent, dans le temps ou l'espace» 'вводит элемент, который добавляется к предыдущему элементу во времени или пространстве' [Larousse]. В академических грамматиках отмечается, что в ряде контекстов лексемы взаимозаменяемы: *Tu vas dîner avec moi; ensuite* [= *puis*] *j'irai te conduire chez toi* 'Ты пообедаешь со мной; потом я отвезу тебя домой'. Другими словами, единицы *puis/ensuite* используются как квазисинонимы сочинительного союза *et* для обозначения последовательности действий, темпоральной конъюнкцией «и потом» [Grevisse 2008, §1005, p. 1261].

Квазисинонимические или даже синонимические ряды обнаруживают определенную семантическую структуру. Так, для однозначных слов, согласно Ю. Д. Апресян, эта структура «может быть двоякой»: ряд может

последовательно дробиться на все более мелкие, что в особенности характерно для таких классов квазисинонимов, которые содержат родовой термин в каждой группе и подгруппе любого уровня иерархии; класс квазисинонимов может распадаться на подгруппы или даже пары слов, сложным образом пересекающиеся друг с другом [Апресян 1995, с. 248–249].

Для того чтобы составить представление о сложных и зачастую пересекающихся значениях единиц сочинения в современном французском языке, мы приведем в алфавитном порядке список ПЕ и их функционально-семантических эквивалентов, которые указаны в [CNRTL] (табл. 35). Заметим, что не для всех ПЕ имеется такая помета в словаре.

Т а б л и ц а 35

Функционально-семантическая эквивалентность ЯЕ
и ПЕ сочинения по: [CNRTL]

ПЕ сочинения	Функционально-семантические эквиваленты: ЯЕ и ПЕ сочинения
<i>à savoir</i>	<i>c'est-à-dire, soit</i>
<i>ainsi</i>	donc , <i>c'est pourquoi, aussi, par conséquent, par suite, partant, aussi bien que, alors</i>
<i>alors</i>	donc , <i>puis, et, alors que, ainsi, cependant</i>
<i>après tout</i>	<i>au surplus, cependant, enfin</i>
<i>au contraire</i>	<i>par contre, en revanche</i>
<i>au moins</i>	<i>du moins</i>
<i>au surplus</i>	<i>d'ailleurs, de plus, en outre, après tout, au plus, au reste, aussi, mais</i>
<i>aussi</i>	<i>de plus, en outre, de même, ou encore, c'est pourquoi, au surplus, voire</i>
<i>cependant</i>	<i>néanmoins, mais, toutefois, pourtant, encore, après tout, alors</i>
<i>c'est pourquoi</i>	<i>ainsi, aussi, donc, par conséquent, partant</i>
<i>c'est-à-dire</i>	<i>soit, à savoir</i>
<i>conséquemment</i>	donc , <i>en conséquence</i>
<i>de fait</i>	<i>effectivement</i>
<i>de plus</i>	<i>en outre, aussi, d'ailleurs, au surplus, au reste, du reste, et, puis, encore</i>
<i>du moins</i>	<i>néanmoins, au moins, encore, enfin, pourtant</i>
<i>effectivement</i>	<i>en effet, en fait, de fait, car</i>
<i>en effet</i>	<i>effectivement, car</i>
<i>en fait</i>	<i>effectivement</i>
<i>en outre</i>	<i>de plus, aussi, au surplus, d'ailleurs, en revanche</i>
<i>encore</i>	<i>cependant, de plus, mais, du moins, aussi, en outre</i>
<i>enfin</i>	<i>finally, du moins, après tout</i>
<i>ensuite</i>	<i>puis, alors</i>
<i>finaleme nt</i>	<i>enfin</i>
<i>néanmoins</i>	<i>cependant, toutefois, pourtant, du moins, nonobstant, mais</i>
<i>par conséquent</i>	donc , <i>en conséquence, partant, ainsi, c'est pourquoi</i>
<i>par contre</i>	<i>en revanche, au contraire, d'ailleurs, mais</i>
<i>par suite</i>	donc , <i>ainsi, en conséquence</i>
<i>partant</i>	donc , <i>par conséquent, ainsi, c'est pourquoi</i>
<i>pourtant</i>	<i>cependant, mais, néanmoins, du moins, et</i>
<i>puis</i>	<i>alors, ensuite, et, en conséquence</i>
<i>soit</i>	<i>c'est-à-dire, ou, à savoir</i>
<i>toutefois</i>	<i>cependant, néanmoins, pourtant, mais</i>
<i>voire</i>	<i>aussi</i>

Анализ функционально-семантической эквивалентности единиц сочинения в современном французском языке показал, что квазисинонимические ряды с ПЕ выстраиваются вокруг ЯЕ *et, ou, mais, car, donc*. ЯЕ сочинения *ni* и *or* не представлены ни в одном из рядов. В зависимости от наличия непосредственной или опосредованной функционально-семантической связи с одной и более ЯЕ сочинения все ПЕ могут быть распределены на три группы. Одни ПЕ сочинения выступают непосредственно функционально-семантическими эквивалентами только одной ЯЕ единицы. Например: *toutefois* Syn. *mais*; *au contraire* Syn. *mais*; *par conséquent* Syn. *donc*; *soit* Syn. *ou*. Другие ПЕ сочинения могут использоваться как квазисинонимы для более чем одной ЯЕ. Например, ПЕ *pourtant* может выступать в качестве функционально-семантического эквивалента ЯЕ *mais* и *et*. ПЕ *alors* в ряде контекстов заменяема на ЯЕ *donc* и *et*. Третьи ПЕ сочинения на первый взгляд не имеют связи с ЯЕ. Эта связь обнаруживается через один, два и более шагов. При этом усматривается связь ПЕ с более чем одной ЯЕ. Например: ПЕ *en outre* > Syn. *de plus, aussi, au surplus, d'ailleurs, en revanche*, где ПЕ *de plus* > Syn. *et*, а ПЕ *au surplus* > Syn. *mais*; ПЕ *voire* > Syn. *aussi*, в свою очередь ПЕ *aussi* > Syn. *de plus, en outre, de même, ou encore, c'est pourquoi, au surplus, voire*, где ПЕ *de plus* > Syn. *et*, ПЕ *c'est pourquoi* > Syn. *donc*, ПЕ *au surplus* > Syn. *mais*.

Одни единицы сохраняют, таким образом, свою исходную семантику, другие единицы приобретают способность обозначать более одного типа отношения (об этом мы упоминали в §1.2 на примере единицы *ainsi*), то есть можно говорить о семантическом приращении некоторых ПЕ.

Выявленные на основе анализа квазисинонимических рядов ПЕ сочинения множественные связи свидетельствуют как о способности одних и тех же единиц обозначать разнообразные отношения между внеязыковыми сущностями, так и о возможности кодировать одно отношение разными единицами сочинения, что вызывает необходимость разработать такую классификацию единиц сочинения современного французского языка, которая бы отражала богатство и многообразие абстрактных, логических и нелогических, отношений между внеязыковыми сущностями.

В семантике единиц сочинения сложным образом переплетаются помимо логических отношений (см. § 1.3) два типа отношений, которые укладываются в две образные схемы $THING_{schema}$ и $PATH_{schema}$ (см. § 1.4.2).

Изначально унаследованные французским языком из латыни союзы *et, ou, ni*, а также новообразованные в старофранцузском языке единицы *car, donc, mais, or*, которые сохраняются в современном языке, служат для обозначения связи между внеязыковыми сущностями, которые сосуществуют или не сосуществуют ($THING_{schema}$), и для обозначения последовательности ситуаций во внеязыковой действительности, то есть кодирующий наблюдает за их развертыванием во времени и устанавливает причинно-следственную связь ($PATH_{schema}$). Примеры (357) и (358) иллюстрируют образную схему $THING_{schema}$, примеры (359) и (360) – образную схему $PATH_{schema}$.

(357) *Il pouvait y avoir partout des gens intéressants et d'autres qui ne l'étaient pas, des intelligents et des idiots* 'Везде могли быть интересные люди и другие не очень, умные и глупые' (Maspero Fr. Les abeilles et la guêpe, 2002).

(358) *Pas de sentinelle au portail, mais beaucoup de gens autour qui leur jetaient des regards tristes, méfiants* 'Часового у ворот нет, но вокруг много людей, окидывающих их грустными, подозрительными взглядами' (Cl. Schmit. Kinderland, 2017).

(359) *Je gravis les marches et entrai* 'Я поднялся по ступенькам и вошел' (J. Littell. Les Bienveillantes, 2006).

(360) *Vous m'avez écrit, donc je vous appelle* 'Вы мне написали, поэтому я вам звоню' (Ch. Angot. Rendez-vous, 2006).

В результате систематизации разнообразных контекстов, в которых используются ЯЕ и ПЕ сочинения, нами разработана семантическая классификация единиц сочинения в современном французском языке. Она основана на двух упомянутых выше образных схемах. $THING_{schema}$ представлена тремя типовыми ситуациями: ВКЛЮЧЕНИЕ, ИСКЛЮЧЕНИЕ и АЛЬТЕРНАТИВА. Образную схему $PATH_{schema}$ представляют две типовые ситуации: ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ, ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ.

Внутри каждой типовой ситуации выделяются по два варианта. Типовая ситуация ВКЛЮЧЕНИЕ реализуется в двух вариантах: МНОЖЕСТВО ЭЛЕМЕНТОВ и ОДНОВРЕМЕННОСТЬ. Типовая ситуация АЛЬТЕРНАТИВА представлена двумя вариантами: МНОЖЕСТВО АЛЬТЕРНАТИВ и ЧЕРЕДОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ. Типовая ситуация ИСКЛЮЧЕНИЕ включает два варианта: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ и НЕСОВМЕСТИМОСТЬ. Типовая ситуация ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ – ПРИЧИНА и ОСНОВАНИЕ. Типовая ситуация ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ включает СЛЕДСТВИЕ и ВЫВОД.

Каждый из вариантов типовой ситуации распадается на две разновидности, за исключением варианта МНОЖЕСТВО АЛЬТЕРНАТИВ, который представлен тремя разновидностями (реализация одной альтернативы, совмещение альтернатив, сходство альтернатив). В свою очередь каждая из разновидностей варианта типовой ситуации подвергается различным типам регулярного варьирования в разнообразных контекстах, то есть может иметь некоторые контекстуальные модификации. Так, разновидность реализация одной альтернативы предполагает множество равноценных альтернатив либо множество неравноценных альтернатив; совмещение альтернатив – две и более альтернативы имеют место, ни одна из альтернатив не имеет места; сходство альтернатив предполагает количественную или качественную идентификацию объектов.

Выявленные разновидности и варианты обозначенных типовых ситуаций, которые сводятся к двум образным схемам $THING_{schema}$ и $PATH_{schema}$, представлены в табл. 36.

Классификация единиц сочинения, репрезентирующих две образные схемы
 $THING_{schema}$ и $PATH_{schema}$, в современном французском языке

Образная схема	Типовая ситуация	Варианты	Разновидности
$THING_{schema}$	I ВКЛЮЧЕНИЕ	I ₁ МНОЖЕСТВО ЭЛЕМЕНТОВ	I _{1a} собственно соединение
			I ₁₆ присоединение
		I ₂ ОДНОВРЕМЕННОСТЬ	I _{2a} одновременность без сопоставления
			I ₂₆ сопоставление
	II АЛЬТЕРНАТИВА	II ₁ МНОЖЕСТВО АЛЬТЕРНАТИВ	II _{1a} реализация одной альтернативы
			II ₁₆ совмещение альтернатив
			II _{1в} альтернативная номинация
		II ₂ ЧЕРЕДОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ	II _{1a} темпоральное чередование
			II ₁₆ пространственное чередование
	III ИСКЛЮЧЕНИЕ	III ₁ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ	III _{1a} собственно противопоставление
			III ₁₆ коррекция
		III ₂ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ	III _{2a} объективная несовместимость
			III ₂₆ субъективная несовместимость
$PATH_{schema}$	IV ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ	IV ₁ ПРИЧИНА	IV _{1a} объективная причина
			IV ₁₆ субъективная причина
		IV ₂ ОСНОВАНИЕ	IV _{2a} обоснование
			IV ₂₆ объяснение
	V ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ	V ₁ СЛЕДСТВИЕ	V _{1a} темпоральное следствие
			V ₁₆ собственно следствие
		V ₂ ВЫВОД	V _{2a} прямое логическое следствие
			V ₂₆ сложное логическое следствие

Каждая ЯЕ сочинения, за исключением *ni* и *or*, выполняет ведущую связующую роль во всех представленных в табл. 36 разновидностях типовых ситуаций: *et* – ВКЛЮЧЕНИЕ, *ou* – АЛЬТЕРНАТИВА, *mais* – ИСКЛЮЧЕНИЕ, *car* – ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ и *donc* – ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ. При этом ЯЕ сочинения используются для обозначения не более двух из разновидностей типовой ситуации, в которой эта единица не играет ведущую связующую роль. Например, ЯЕ сочинения *ou* обозначает собственно следствие (V₁₆), ЯЕ сочинения *et* – темпоральное следствие (V_{1a}) и собственно следствие (V₁₆), ЯЕ сочинения *mais* – сопоставление (I₂₆). В любой из разновидностей типовых ситуаций допустима замена ПЕ сочинения на ЯЕ сочинения.

Мы полагаем, что развитие семантических свойств большинства ПЕ сочинения проходит следующий эволюционный процесс: «Слово X со значением А развивает значение В. Аналогичным образом слово Y со значением А, являющееся синонимом X, развивает значение В» (Креш 1926, с. 39, цит. по: [Апресян 1995, с. 225]). Иначе говоря, в ходе развития языка те семантические свойства, которые характерны для ЯЕ *et*, *ou*, *mais*, *car*, *donc*, в той или иной степени проявляются и у ПЕ с изначально сходной семантикой, то есть соединительной, разделительной, противительной и каузальной.

Далее мы проиллюстрируем на примерах из современного французского языка использование единиц сочинения в выделенных вариантах и разновидностях типовых ситуаций.

4.2.1. Типовая ситуация ВКЛЮЧЕНИЕ и единицы сочинения

Единицы, которые проявляют способность к обозначению типовой ситуации ВКЛЮЧЕНИЕ (I), являются самыми многочисленными и неоднородными. К ним относятся единицы с исходной соединительной (*et* (*ni*), *puis*, *aussi*, *voire* и др.), каузальной (*or*, *alors*, *effectivement*, *partant*, *donc* и др.) и противительной (*cependant* и др.) семантикой. Эти единицы различаются по способности указывать на множество элементов (I_1) и одновременность (I_2).

I_1 . МНОЖЕСТВО ЭЛЕМЕНТОВ. Единицы сочинения используются для собственно соединения (I_{1a}) и присоединения дополнительной информации (I_{1b}). ПЕ сочинения различаются по следующим смысловым признакам: количество элементов множества, степень объединенности элементов внутри множества, выделенность последнего элемента множества.

I_{1a} . Собственно соединение. Предполагается, что множество элементов, два и более, связанных ЯЕ и ПЕ сочинения, интерпретируется как некое единство, то есть множество состоит из данных элементов (пример (361)). В связи с этим множество, оформляемое союзом *et*, может выступать в качестве элемента множества более высокого уровня, оформляемого бессоюзно (пример (362)). Сюда же относятся и устойчивые сочетания, порядок слов в которых отражает реальную последовательность действий или событий (пример (363)).

(361) *Au même moment, la famille Hattaway – à savoir Nancy, ses deux frères et leurs parents – regagna sa maison de Terrace* ‘В то же время семья Хэттауэй, а именно Нэнси, два ее брата и их родители, вернулась в свой дом на Terrace’ (J.Dicker. *La Vérité sur l’Affaire Harry Quebert*, 2012).

(362) *L’album recèle le secret de l’entité de famille, il en assure la transmission générationnelle, fabrique sa légende par l’inventaire infini des corps et des visages, meubles et immeubles, bêtes et gens, parentèles et relations* ‘Альбом скрывает тайну семейной общности, обеспечивает ее передачу из поколения в поколение, создает легенду из бесконечного количества тел и лиц, мебели и зданий, животных и людей, родственников и знакомых’ (А.-М. Garat. *Photos de familles: un roman de l’album*, 2011).

(363) *Bien sûr je sais ce que représente l’Amérique pour vous. Je suis bien placée pour le comprendre avec mes allers et retours entre Paris et Istanbul depuis 15 ans* ‘Конечно, я знаю, что представляет собой Америка для вас. Я вполне могу это понять с моими приездами-отъездами между Парижем и Стамбулом последние 15 лет’ (S. Doubrovsky. *Un homme de passage*, 2011).

Количество элементов множества для разных единиц варьируется: одни единицы соединяют неограниченное количество элементов, другие – не более двух. Для единиц *et* и *ni* количество элементов множества может быть любым. Они достаточно тесно объединены друг с другом (пример (364)). Союзный показатель может повторяться перед каждым элементом, включая первый, указывая на то, что это множество включает все мыслимые для данной ситуации элементы (см. § 3.1.1).

(364) *Et en parlant de Mouy, il fallait la voir tout à l'heure à l'aéroport. Elle a pleuré tout ce qu'elle pouvait quand je lui ai dit au revoir. **Ni** ma fille, **ni mes** frères, **ni** leurs femmes, **ni** leurs enfants, **ni** même le policier qui était debout là-bas n'ont réussi à la faire taire* 'Кстати, о Муи: ты бы видел ее только что в аэропорту. Она сильно расплакалась, когда я прощался с ней. *Ни* моя дочь, *ни* мои братья, *ни* их жены, *ни* их дети, *ни* даже стоявший там полицейский не смогли ее успокоить' (M. Alaoui. La vérité sort de la bouche du cheval, 2018).

Схожие свойства проявляет ПЕ *puis*. При этом элементы множества однотипны, разнообразны в отличие от ЯЕ *et*. Пример (365) иллюстрирует градуальный характер перехода полноценной лексической единицы *puis* с темпоральным значением в связующую при перечислении одушевленных существей.

(365) *Alors il mimait le chêne, **puis** les loups, **puis** les tigres, **puis** les renards, **puis** les ours, **puis** tous les animaux du monde* 'Тогда он изобразил дуб, *потом* волков, *потом* тигров, *потом* лисиц, *потом* медведей, *потом* всех зверей на свете' (S. Chalandon. Une promesse, 2006).

Способность открывать сочинительный ряд при перечислении приобретают единицы *c'est-à-dire (que)* и *à savoir (que)* начиная с XIX в., например:

(366) *Tous les cyclistes dénichent le plus souvent, des félicités et des plaisirs qui les aident à vivre un peu mieux. **C'est-à-dire** à soigner le pessimisme, à chasser la tristesse, à décourager finalement le découragement lui-même* 'Все велосипедисты чаще всего открывают для себя блаженство и удовольствие, которые помогают им жить чуточку лучше. То есть излечить пессимизм, отогнать печаль, отбить наконец охоту к унынию' (J.-N. Blanc. La Légende des cycles, 2003).

(367) *Et si rien ne venait perturber leur traintrain quotidien, **à savoir** les heures de lever, de sieste et de repas* 'И если ничто не нарушало их распорядок дня, *а именно* часы подъема, сна и приема пищи' (M. Mihami. Les dix vœux d'Alfred, 2018).

Не все ПЕ при перечислении допустимы. Единицы *enfin* и *encore* в контекстах данного типа фиксируются в корпусе после 1981 г. Их повтор маркирует значимость для говорящего сосуществования двух результирующих взаимосвязанных признаков (пример (368)) и соотносённость сохраняющихся или появляющихся признаков с текущим моментом (пример (369)) соответственно.

(368) *Elle économise ses sous, dépense ses forces sans compter, accumule un petitpécule, pour ses études, s'apprête à passer son bac, elle monte à Vienne, **enfin** seule, **enfin** libre, elle garde les enfants d'une princesse austro-hongroise* 'Она собирает свои копейки, тратит силы без счета, делает небольшие заначки для учебы, готовится сдать экзамен на степень бакалавра, она едет в Вену, *наконец* одна, *наконец* свободная, она присматривает за детьми австро-венгерской принцессы' (S. Doubrovsky. Le Livre brisé, 1989).

(369) *Nous voyons apparaître les premiers symptômes, **encore** modestes, **encore** faibles* 'Мы видим проявление первых симптомов, *еще* едва заметных, *еще* слабых' (P. Mendès-France. Œuvres complètes. Une politique de l'économie, 1985).

Градация, как контекстуальная модификация разновидности собственно соединения типовой ситуации ВКЛЮЧЕНИЕ, предполагает «усиление, нарастание или, наоборот, ослабление значимости второго компонента предложения по сравнению с первым» [Валгина 2003, с. 282] (примеры (370), (371)). В градационном ряду допустимо использование ПЕ *donc*, которая выводит в фокус последний компонент и указывает на важное для говорящего свойство или состояние (примеры (372), (373)).

(370) *Je ne pensais pas indispensable de légiférer, dans la crainte de donner aux islamistes avides d'en découdre la facilité de présenter les jeunes exclues en victimes, voire en martyres* 'Я не считал необходимым издавать законы, опасаясь дать ярым исламисткам возможность представить исключенных из университетов молодых девушек как жертв, даже мучениц' (M. Ozouf. Composition française: retour sur une enfance bretonne, 2009).

(371) *C'était un très vieux général, sans un atome de graisse, sec même desséché, avec ses joues glabres et parcheminées, cartonneuses aurait-on dit, comme s'il avait été extrait de quelque tombeau pharaonique ou conservé peut-être dans le froid* 'Это был очень старый генерал, без малейшего жира, сухой, даже если не сказать высохший, с гладкими и кожистыми щеками, как будто картонный, как будто он был извлечен из какой-то гробницы фараонов или, возможно, хранился на холоде' (Cl. Simon. Les Géorgiques, 1981).

(372) *À Londres, cette butte de terre c'était un peu comme cette Grèce-là. Cela rayonnait d'intelligence, de puissance, d'injustice, donc de beauté* 'В Лондоне этот холм земли был чем-то похож на ту Грецию. Он излучал ум, силу, несправедливость и поэтому красоту' (J.-M. G. Le Clézio. Révolutions, 2003).

(373) *..des malades qui ne peuvent attendre le lendemain, donc des malades en état d'urgence, donc de grands corps purulents qui contaminent tout ce qu'ils touchent* '...больные, которые не могут дожидаться следующего дня, а значит экстренные больные, а значит большие гнойные тела, которые заражают все, к чему прикасаются' (Al. Jenni. L'Art français de la guerre, 2011).

Ограничение на соединение элементов множества характерно для остальных единиц, например: *aussi, or, effectivement, partant, cependant* и др.

I₁₆. Присоединение. ПЕ сочинения *en outre, ainsi, ainsi que, après tout, au surplus, aussi, de plus, voire* объединяют элементы в множество. При этом последний присоединенный элемент добавляется к поданным ранее и в какой-то степени им противопоставляется. В примерах (374)–(378) присоединенный компонент (*русский язык, быть маленьким, приток молодых людей, ежедневные встречи*) как бы добавляется к уже названному (*родной язык, иметь легкий немецкий акцент, проблемы миграции, успешное дело*), благодаря чему воспринимается как выделенный.

(374) *La langue de mon père, c'était le yiddish. Aussi le russe* 'Языком моего отца был идиш. А также русский' (S. Doubrovsky. Un homme de passage, 2011).

(375) *Le fait qu'au début je gardais un léger accent allemand me rendait encore plus inquiet; depuis toujours, notre mère, à la maison, nous parlait en français, mais avant d'arriver à Antibes nous n'avions aucune autre pratique. En*

outré j'étais fluët et petit pour mon âge. Pour compenser, je cultivai sans trop m'en rendre compte une attitude vicieuse et sarcastique que je dirigeais contre les professeurs 'Еще больше меня беспокоило то, что поначалу у меня сохранялся легкий немецкий акцент; мама всегда говорила с нами дома по-французски, но до приезда в Антибы у нас не было другой практики. К тому же я был худеньким и маленьким для своего возраста. Чтобы компенсировать это, я, сам того не осознавая, культивировал злобное и саркастическое отношение, которое я направлял против учителей' (J. Littell. Les Bienveillantes, 2006).

(376) *J'eus l'occasion de constater que mon amie aurait pu être ma mère, voire ma grand'mère* 'У меня была возможность увидеть, что моя подруга могла бы быть моей мамой, также и моей бабушкой' (Cendrars. Bourlinguer, 1948).

(377) *On a ouvert les frontières et la libre circulation entre nos pays a généré de multiples problèmes. Au surplus, beaucoup de jeunes débarquent aujourd'hui, non seulement d'Afrique, mais désormais d'Europe centrale et orientale, et se retrouvent sur nos trottoirs où leurs illusions achèvent de s'évaporer* 'Мы открыли границы, и свободное передвижение между нашими странами породило множество проблем. Более того, многие молодые люди прибывают сегодня не только из Африки, но теперь из Центральной и Восточной Европы и оказываются на наших тротуарах, где их иллюзии окончательно испаряются' (S. Veil. Une vie, 2007).

(378) *Yves s'acquittait très bien de ce service. De plus nous nous rencontrons journellement pour la manœuvre* 'Ив очень хорошо справлялся с этой задачей. При этом мы ежедневно встречались для маневра' (Loti. Mon frère Yves, 1883).

В единичных контекстах лексемы *puis* и *ensuite* обозначают присоединение дополнительной информации и имеют значения *en outre* 'кроме того', *de plus* 'в добавление к сказанному' [CNRTL]. Для иллюстрации приведем пример, в котором обе единицы связывают причинные придаточные, содержащие дополнительную информацию:

(379) *Elle n'aurait pas dit un mot de tout cela à Dora, parce qu'elle ne le formulait qu'obscurément pour elle-même, ensuite parce que les larmes l'étouffaient, puis parce qu'elle voulait être seule* 'Она бы ни слова обо всем этом не сказала Доре потому, что только смутно формулировала это для себя, и потому, что ее душили слезы, и потому, что ей хотелось побыть одной' (A.-M. Garat. Dans la main du diable, 2006).

I₂. ОДНОВРЕМЕННОСТЬ. Элементы множества могут представлять одновременно происходящие ситуации и одновременное проявление двух признаков, присущих объекту (I_{2a}), а также два элемента множества, которые существуют одновременно, сопоставляются на основании их сходства и различия (I_{2б}). Соответственно, выделяются две разновидности этого варианта типовой ситуации: одновременность без сопоставления (пример (380)) и сопоставление (пример (381)).

(380) *Des gens sont debout, dans l'ombre, et parlent à voix basse* 'В тени стоят люди и переговариваются вполголоса' (L.-É. Martin. Le Tremblement: Haïti, 2010).

(381) *Mais Mariani est comme ça. Une part de lui est folle, et une autre part de lui m'a porté* 'Но Мариани такой. Часть его сумасшедшая, а другая часть меня впечатлила' (A. Jenni. *L'Art français de la guerre*, 2011).

I_{2a}. Одновременность без сопоставления. Для обозначения одновременности без сопоставления помимо ЯЕ *et* (пример (382)) допустимо использование единиц с каузальной и противительной семантикой, которые изначально обладали способностью указывать на одновременность двух происходящих действий (пример (383)).

(382) *Il faisait nuit et le seul train prévu repartait à deux heures du matin* 'Было темно, и единственный поезд по расписанию отправлялся в два часа ночи' (Fr. Maspero *Les abeilles et la guêpe*, 2002).

(383) *Quand Mathilde rentre de son travail, il lui arrive de fixer les cailloux qui tapissent le sol. Alors elle pense à Théo, Maxime et Simon* 'Когда Матильда возвращается домой с работы, она иногда смотрит на камешки, лежащие на земле. Тогда она думает о Тео, Максиме и Симоне' (D. de Vigan. *Les Heures souterraines*, 2009).

Значение сопоставления у единиц *alors (que)*, *cependant (que)* возникло в результате преобразования временного значения, а именно значения одновременности двух положений вещей, в сопоставительно-временное, а затем просто в сопоставительное, уже в отвлечении от значения одновременности [CNRTL; TLF]. Эти единицы обладают свойством проявлять и собственно временное, и сопоставительное значение, например:

(384) *On annonce que le lendemain matin tout le convoi va repartir pour Drancy. Je déteste Drancy et surtout parce que je suis encore très fatigué du dernier voyage et que j'ai une crise de dysenterie. Cependant je prépare mes bagages et me prépare à me coucher pour essayer de me reposer un peu* 'Объявляют, что на следующее утро весь конвой отправится в Дранси. Я ненавижу Дранси, и особенно потому, что я все еще очень устал от последней поездки и у меня приступ дизентерии. Между тем я готовлю свой багаж и собираюсь лечь спать, чтобы попытаться немного отдохнуть' (Ch. Lazard. *Récit de captivité*: 1943, 2012).

(385) *Elle est issue d'une famille bourgeoise, preuve qu'on peut aimer Higelin et voter à droite alors qu'on ne peut pas aimer Renaud sans être de gauche* 'Она происходит из буржуазной семьи, что доказывает, что можно любить Хигелина и голосовать за правых, а Рено нельзя любить, не будучи левыми' (M. Jung. *Le Triomphe de Thomas Zins*, 2018).

I_{2b}. Сопоставление. Для обозначения несходства соотносимых положений вещей соединительные ПЕ проявляют способность к обозначению сопоставления по аналогии с ЯЕ *et*. О семантической особенности французского соединительного союза *et* обозначать сопоставление мы упоминали в § 1.3.1. Исходно каузальные единицы *alors* и *or* с темпоральным значением соотносительности с текущим моментом, противительные единицы *mais* и *par contre* также используются в такого рода контекстах. В примерах (386)–(392) при наличии общей основы у двух соединенных компонентов (*быть людьми, желание быть независимым, печь блины, наличие документа, подтвержда-*

ющего личность, любить искусство и т.д.) сопоставление следует из не соответствующих друг другу свойств, которые порождают несходство (один – мужчина, другой – женщина; желание быть независимым, зависимость от гигиены; печь блины всегда, печь блины иногда; потрепанный документ, аккуратный документ и т.д.).

(386) *Dans les sombres fourrés où se cachent les bêtes sauvages, ils s'étaient ensemble couchés à la terre. Il était un homme **et** elle était une femme* 'В темных зарослях, где прячутся дикие звери, они вместе легли на землю. Он был мужчиной, а она женщиной' (А.-М. Garat. *Pense à demain*, 2010).

(387) *Nous sommes devenus froids, rationnels, extrêmement conscients de notre existence individuelle et de nos droits; nous souhaitons avant tout éviter la dépendance; **en outre**, nous sommes obsédés par la santé et par l'hygiène* 'Мы стали холодны, рациональны, остро осознаем свое индивидуальное существование и свои права; прежде всего мы хотим избежать зависимости; а мы помешаны на здоровье и гигиене (М. Houellebecq. *Plateforme*, 2001).

(388) *Sa mère fait parfois des crêpes, pour le goûter, **alors que** ma mère fait des crêpes une fois par an, pour la Chandeleur* 'Ее мама иногда печет блины к полднику, а моя мама печет блины раз в год, на Сретенье' (É. Viennot. *État des lieux*, 2012).

(389) *Ce papier-là est plutôt une page arrachée à un carnet sortant de la poche de Simone. **Or** ma «photo» est lisse et propre* 'Этот клочок бумаги представляет собой скорее вырванную из кармана Симоны страницу из записной книжки. Мое же «фото» гладкое и чистое' (S. Weil. *Chez les Weil: André et Simone*, 2009).

(390) *On ne peut pas aimer Modigliani, parce que les pauvres aiment Modigliani, on ne peut pas aimer les Picasso de la période bleue pour la même raison, donc on cherche toujours à se montrer différent et c'est ce qui détermine les critères de beauté. **Effectivement**, au XVIIIe siècle, on aimait les femmes grosses et blanches parce que cela voulait dire qu'elles avaient de quoi manger et qu'elles n'allaient pas aux travaux des champs. Dans les années 1960, on aimait les femmes bronzées et minces parce que "bronzées" voulait dire qu'elles...* 'Нельзя любить Модильяни, потому что бедные любят Модильяни, нельзя любить Пикассо голубого периода по той же причине, таким образом всегда пытаешься казаться другим, и это определяет критерии красоты. А в 18 веке любили толстых белокожих женщин, потому что это означало, что они сыты и не работают в поле. В 1960-х нам нравились загорелые и худые женщины, потому что "загорелые" означало, что они...' (С. Grenier. *La vie possible de Christian Boltanski*, 2007).

(391) *Je trempe le bout d'un doigt dans l'histoire du Japon; de sa poésie. On ne peut pas ne pas rencontrer le tanka. Cela est patent. Mais il y a aussi le haïku. Pourquoi choisir le tanka plutôt que le haïku? Première raison: le Japon est très loin; **mais** le tanka est bien plus loin dans le temps que le haïku* 'Я окунаю кончик пальца в историю Японии; ее поэзии. Нельзя не встретить танка. Это очевидно. Но есть еще и хайку. Почему стоит выбирать танка, а не хайку? Первая причина: Япония очень далеко; а танка гораздо раньше по времени появления, чем хайку' (J. Roubaud. *La Bibliothèque de Warburg: version mixte*, 2002).

(392) *Les coups, les coups encore. Dans les reins. Le dos. Les côtes. Les fesses. Les coups de pied, c'était des deux côtés. Par contre les coups de poing, c'était toujours de la gauche qu'ils étaient venus* 'Удары, еще удары. По почкам. По спине. Ребрам. Ягодицам. Ногами били с обеих сторон. А удары кулаками были слева' (Th. Jonquet. Ils sont votre épouvante et vous êtes leur crainte, 2006).

В (391), (392) имеет место соединение двух компонентов, обозначающих соотносимые положения вещей, с целью выявления несходства. Субституция противительных единиц *mais* и *par contre* на соединительную единицу *et* допустима без ущерба для смысла: *le Japon est très loin; et le tanka est bien plus loin dans le temps que le haïku; les coups de pied, c'était des deux côtés, et les coups de poing, c'était toujours de la gauche*. Семантическое наполнение компонентов и синтаксический параллелизм не допускают иной интерпретации единиц *mais* и *par contre*, кроме как сопоставительной. Компоненты могут быть представлены как находящиеся на противоположных полюсах, что приведет к трансформации в противопоставление (см. § 4.2.3).

4.2.2. Типовая ситуация АЛЬТЕРНАТИВА и единицы сочинения

К единицам, которые проявляют способность к обозначению типовой ситуации АЛЬТЕРНАТИВА (II), относятся ЯЕ сочинения *ou* и ПЕ *soit* и их многообразные комбинации (*ou, ou... ou, soit, soit... soit, soit... ou*), соединительные ПЕ сочинения *c'est-à-dire, à savoir, voire*, единицы с темпоральной семантикой *tantôt... tantôt, plutôt... plutôt, sitôt... sitôt*, а также новообразованная в современном языке единица *et/ou*. Эти единицы различаются по способности указывать на МНОЖЕСТВО АЛЬТЕРНАТИВ (II₁) и на ЧЕРЕДОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ (II₂).

II₁. МНОЖЕСТВО АЛЬТЕРНАТИВ. Указание на две и более альтернативы предполагает их соединение следующим образом: реализация одной альтернативы (II_{1a}), совмещение альтернатив (II_{1б}), сходство альтернатив (II_{1в}).

II_{1a}. Реализация одной альтернативы («X, не Y»). Эта разновидность варианта МНОЖЕСТВО АЛЬТЕРНАТИВ представлена следующими модификациями: множество равноценных альтернатив, множество неравноценных альтернатив.

Множество равноценных альтернатив предполагает, что реализуется только одна альтернатива, и неважно какая. Используются разделительный союз *ou* с повтором или без (примеры (393), (394)), а также ПЕ *soit* с повтором (пример (395)).

(393) *Pour aller l'y mettre, ou pour aller ly récupérer. Peu importe* 'Идти туда положить или идти забрать обратно. Неважно' (Fr. Vargas. Dans les bois éternels, 2006).

(394) *Je nourrissais déjà un projet de demander un poste de lecteur français dans une faculté étrangère, Bucarest ou Upsal, ou Munich, ou l'Amérique, peu m'importait* 'Я уже вынашивал план подать заявление на должность преподавателя французского языка на факультете за границей, в Бухаресте или Упсале, или Мюнхене, или Америке, мне было все равно' (M. Genevoix. Trente mille jours, 1980).

(395) *Demain on ira prendre le train à Saint-Lazare, pour aller jusqu' à Cherbourg, soit c'est direct, soit on change à Caen* 'Завтра мы отправляемся с вокзала Сен-Лазар в Шербург либо на прямом поезде, либо с пересадкой в Кане' (D. de Vigan. No et moi, 2007).

Множество неравноценных, взаимоисключающих, альтернатив предполагает, что выбор одной из них обязателен. Используются разделительный союз *ou* без повтора (пример (396)), а также ПЕ *soit* с повтором (пример (397)).

(396) *En haut ou en bas? – En bas* 'Вверху или внизу? – Внизу' (Fellag. L'allumeur de réves berbères, 2007).

(397) *Moi, les amateurs, ça m'fatigue. Soit on joue, soit on joue pas!* 'Любители меня утомляют: либо играем, либо не играем!' (M. Mihami. Les dix vœux d'Alfred, 2018).

Из примеров (393)–(397) следует сохраняющаяся исходная неоднозначность одинарного раздельного союза *ou* и приобретенная неоднозначность повторяющейся ПЕ *soit*, которая изначально предназначалась для обозначения эксклюзивной дизъюнкции. Для снятия неоднозначности разделительных единиц при повторе ПЕ сочинения *soit* эксплицитное указание на выбор предшествует введению двух взаимоисключающих альтернатив (пример (398)) либо множества взаимоисключающих альтернатив (пример (399)), а при повторе ЯЕ сочинения *ou* эксплицитное указание на выбор исключительно между двумя альтернативами следует после представления альтернатив (пример (400)). Для акцентуации того, что одновременно имеют место две взаимоисключающие альтернативы, используется повтор ПЕ сочинения *ou bien* (пример (401)).

(398) *Ma mère craignait que je ne rate le bac, mais surtout, elle et mon père avaient beaucoup de mal à accepter que je ne consacre pas tout mon temps au travail scolaire. Cela les indignait. Je fus sommé de choisir: soit j'arrêtais la politique, soit j'arrêtais le lycée* 'Моя мать боялась, что я не сдам экзамен на степень бакалавра, но прежде всего ей и моему отцу было очень трудно смириться с тем, что я не посвящаю все свое время учебе. Это их возмущало. Я был вынужден выбирать: либо прекратить так себя вести, либо бросить лицей' (D. Eribon. Retour à Reims, 2009).

(399) *Analysons la situation. De quatre choses l'une. Soit c'était, à Passy, Rose en imperméable beige. Soit c'était, à Bel-Air, Rose en blouson vert. Soit c'était Rose dans les deux cas, s'étant changée en moins d'une heure pour emprunter le métro dans deux sens différents, ce qui était très peu vraisemblable. Soit ce n'était elle dans aucun cas, ce qui n'était que trop vraisemblable* 'Давайте проанализируем ситуацию. Из четырех возможно одно. Либо в Пасси была Роза в бежевом плаще. Либо в Бель-Эйр была Роза в зеленом жакете. Либо в обоих случаях это была Роза, переодевшаяся менее чем за час, чтобы поехать на метро в двух разных направлениях, что крайне маловероятно. Либо, вообще, это была не она, что было слишком вероятно' (J. Echenoz. Au piano, 2003).

(400) *Écoutez, ou vous suivez le rite catholique ou le juif; pas les deux* 'Слушай, или ты следуешь католическому обряду, или иудейскому; но не обоим сразу' (Fr. d'Eaubonne. L'indicateur du réseau: contre-mémoires, 1980).

(401) *Mais la clientèle **ou bien** s'est montrée totalement indifférente, **ou bien** elle a redoublé d'amabilité envers cette libraire juive si parfaite* 'Но покупатели либо проявили полное равнодушие, либо двойную любезность к этой прекрасной еврейской продавщице книг' (B. Auroy. Jours de guerre: Ma vie sous l'Occupation, 2008).

II₁₆. Совмещение альтернатив. Эта разновидность типовой ситуации АЛЬТЕРНАТИВА имеет две модификации: две и более альтернативы имеют место и ни одна из альтернатив не имеет места.

Для указания на то, что могут реализовываться обе возможности («X и Y вместе») используется одинарный союз *ou* (пример (402)). Для снятия неоднозначности разделительного союза *ou* используется новообразованная единица сочинения *et/ou*, которая обозначает совмещенное понимание двух альтернатив, о чем свидетельствует согласование во множественном числе личной формы глагола (пример (403)). В схожих контекстах используется либо сочетание *soit...ou* с исходной эксклюзивной разделительной семантикой (пример (404)), либо повтор ПЕ *soit* при большем количестве альтернатив (пример (405)).

(402) *En prenant le métro, on scrutait avec crainte le moindre objet abandonné sur un quai **ou** sous une banquette* 'В метро мы со страхом вглядывались в малейшие предметы, оставленные на платформе или под скамейкой' (Th. Jonquet. Ils sont votre épouvante et vous êtes leur crainte, 2006).

(403) *Et demain éclateraient une guerre **et/ou** un scandale* 'А завтра разразятся война и/или скандал' (Gr. Bouillier. L'Invité mystère, 2004).

(404) *Chaque jour, on apprend un nouveau drame. Au n° 46 de la rue Lepic, une femme a été tuée pendant qu'elle fermait ses volets. Je m'aperçois que j'ai couru de grands risques, car il m'est arrivé fréquemment d'ouvrir ma fenêtre après 6 h, **soit** pour fermer les volets **ou** tout simplement pour regarder dans la rue* 'Каждый день мы узнаем новую драму. В доме № 46 по улице Лепик женщина была убита, когда закрывала ставни. Я понимаю, что сильно рисковал, потому что часто открывал окно после 6 часов, чтобы закрыть ставни или просто посмотреть на улицу' (B. Auroy. Jours de guerre: Ma vie sous l'Occupation, 2008).

(405) *La plupart des objets non identifiés sont sous clé, **soit** que Sigrine les ait à sa ceinture, **soit** qu'elles se trouvent suspendues à des clous inatteignables, **soit** enfouies dans la poche de grand-père* 'Большинство неопознанных предметов заперто, ключи то ли висят у Сигрины на поясе, то ли свисают с недостижимых гвоздей, то ли спрятаны в дедовском кармане' (А.-М. Garat. Programme sensible, 2012).

Для указания на то, что ни одна из альтернатив не имеет места («Ни X, ни Y»), используется одинарный союз *ou* (пример (406)) или повтор ПЕ *soit* (пример (407)). При этом единицы находятся в области действия предикатов с отрицанием, поскольку во французском языке нет разделительных отрицательных союзов.

(406) *La petite fille de son amie Estelle n'était pas le portrait de sa mère **ou** de son père* 'Внучка ее подруги Эстель не была похожа ни на мать, ни на отца' (P. Pelot. C'est ainsi que les hommes vivent, 2003).

(407) *Pascin, lui, traîne toujours à sa suite un nombre vraiment impressionnant d'«amis». Je ne me souviens pas de lui avoir vu régler une addition, soit au restaurant, soit au café!* 'Паскэна всегда сопровождало поистине внушительное количество «друзей». Я не помню, чтобы он оплачивал счет в ресторане или в кафе!' (A. Prin. *Souvenirs retrouvés*, 2005).

II_{1в}. Сходство альтернатив («X сходно с Y»). Предполагается одновременное существование нескольких альтернатив на основании их сходства. Выделяются две модификации этой разновидности в зависимости от того, речь идет о количественных или качественных характеристиках.

При обозначении количественных, темпоральных или параметрических характеристик дифференцируется употребление одинарного союза *ou* и одинарной ПЕ *soit*: *ou* указывает на приблизительность, акцентируется внимание на неточности знания или на незначимости двух альтернатив (пример (408)); *soit* присоединяет второй элемент как равноценный (пример (409)). Для единицы *à savoir* свойственно вводить компонент, который более точно обозначает первый компонент. В такого рода контекстах она выступает как функционально-семантический эквивалент одинарного союза *soit* (пример (410)).

(408) *Qui se souvient de l'année 1976 ? Ce serait 1977 ou 1975, cela ferait-il une différence?* 'Кто помнит 1976 год? Был бы 1977 или 1975 год, какая разница?' (Gr.Bouillier. *Le dossier M. Livre 1*, 2017).

(409) *Cela fait beaucoup de nombres. 105 + 91 = 196. 6 x 196 = 1176. 1176 : 2 = 588. Il résulte de ces trois opérations arithmétiques élémentaires que j'avais écrit 588 moments, soit la moitié exactement de ceux que j'ai prévus* 'Это много цифр. 105 + 91 = 196. 6 x 196 = 1176. 1176 : 2 = 588. Из этих трех элементарных арифметических действий следует, что я написал 588 фрагментов, то есть ровно половину из того, что я планировал' (J. Roubaud. *Poésie: récit*, 2000).

(410) *...interdiction absolue de quitter le périmètre de l'hôtel durant la durée du programme, à savoir [=soit] 421 jours* 'полный запрет покидать гостиницу в течение всего срока действия программы, то есть 421 день' (É. Krecké. *Syncope*, 2012).

При качественной идентификации описываемого объекта единицы используются для обозначения равнозначности, так называемой терминологической синонимии, и для идентификации объекта на основании некоторого сходства.

При терминологической синонимии единицы *ou, c'est-à-dire (que)* и *à savoir (que)* демонстрируют метаязыковое значение и сигнализируют о том, что для номинации предмета, явления, ситуации Y говорящий выбирает «имя» X. Отношение, устанавливаемое посредством связующих единиц, толкуется следующим образом: 'X означает Y', 'X есть Y', 'X есть то, что называется Y', 'X также называется Y', 'X следует понимать как Y', 'X в смысле Y'. Отличие заключается в том, что единицы *ou* и *c'est-à-dire (que)* используются для соединения двух компонентов, один из которых представляет термин, другой – его дефиницию в общепринятом понимании согласно «энциклопедии знаний» (пример (411)), то есть они маркируют ранее установленную референциальную связь между предметом и знаком. Для указания на то, что информация,

введенная единицей *c'est-à-dire (que)*, входит в общие фоновые знания говорящих, используются дополнительные показатели (пример (412)). В свою очередь, единица *à savoir (que)* предназначена для введения «имени» X как значимого в текущей ситуации (пример (413)) с целью «установления правила референциальной фиксации, которое допускает последующее использование имени для названного объекта» [Kleiber 1984, p. 80]. Другими словами, единица *à savoir (que)* сохраняет в своей семантической структуре компонент 'Y есть новые знания/новая информация'.

(411) *Les Américains sont déjà en train d'inventer le «spam», c'est-à-dire l'envoi de promos par e-mail, et vous, vous raisonnez encore comme au XXe siècle!* 'Американцы уже изобретают «спам», то есть рассылку рекламных акций по электронной почте, а вы все еще рассуждаете как в 20 веке!' (Fr. Beigbeder. 99 francs, 2000).

(412) *..afin d'obtenir la gratification immédiate qui est censée donner sens à l'existence – gratification prenant la forme de richesses, de produits, de biens et de services, c'est-à-dire, comme on le sait, de signes* '...для того, чтобы получить непосредственное удовлетворение, которое должно придавать смысл существованию – удовлетворение, принимающее форму богатства, продуктов, товаров и услуг, то есть, как мы знаем, символов' (Ph. Forest. Tous les enfants sauf un, 2007).

(413) *Prétextant des restrictions économiques ils ont licencié leur dévouée employée depuis douze ans, à savoir mon amie Læticia Lang* 'Под предлогом экономических ограничений они уволили сотрудницу, проработавшую у них двенадцать лет, а именно мою подругу Летисию Ланг' (C. Lovey. Monsieur et Madame Rivaz, 2016).

С помощью единиц *ou, c'est-à-dire, à savoir* делается акцент на знании субъекта ситуации двух наименований одной сущности (примеры (414)–(416)) в отличие от единицы *soit*, которая акцентирует незнание, какая из двух альтернативных номинаций ситуации актуальна (пример (417)).

(414) *Le bouche à oreille ou le téléphone arabe risquait de poser des problèmes* 'Сарафанное радио, или арабский телефон, могло создать проблемы' (Th. Jonquet. Ils sont votre épouvante et vous êtes leur crainte, 2006).

(415) *C'est un pain de Gênes. C'est-à-dire un grand gâteau rond à base d'amandes broyées* 'Это генуэзский пирог. То есть большая круглая лепешка из дробленого миндаля' (É. Viennot. État des lieux, 2012).

(416) *Il manque l'essentiel, à savoir les capitaux* 'Не хватает самого главного, а именно капитала' (F. Macherez. Au pays des rêves noirs, 2019).

(417) *Il ne se prend pas la tête peut maintenant signifier soit qu'il ne se fatigue pas les méninges, soit qu'il ne se prend pas pour Einstein* 'Выражение "он не берет в голову" теперь может означать либо то, что он не напрягает мозги, либо то, что он не принимает себя за Эйнштейна' (G. Genette. Bardadrac, 2006).

Для идентификации объекта на основании некоторого сходства используются ЯЕ *ou* (пример (418)). В случае затруднения идентифицировать объект несмотря на сходство используются одиночный союз *ou* (пример (419)), его повтор (пример (420)) или повтор ПЕ *soit* (пример (421)).

(418) *Je me penche dehors mais c'est un mouvement absent, de l'incrédule, ou de celui qui renifle la température avant de refermer la fenêtre* 'Я высовываюсь, но это движение отсутствующее, недоверчивого человека или человека, который вдыхает воздух, чтобы узнать температуру, прежде чем закрыть окно' (L. Lang. Les Indiens, 2001).

(419) *Mais je ne sais pas s'il s'agit de mon oncle. Ce peut être un cousin, ou un homme du même village* 'Но я не знаю, дядя ли это. Это может быть двоюродный брат или человек из той же деревни' (Fr. Vargas. Un lieu incertain, 2008).

(420) *Ne poussez pas! criait le veau ou l'âne ou le mouton ou n'importe qui* '«Не толкайтесь!» – закричал теленок, или осел, или овца, или неважно кто' (M. Aymé. Nouvelles complètes, 2002).

(421) *Le médecin m'expliqua ce que j'avais mais, soit que je ne compris rien à ses paroles, soit que j'oubliais de suite, je ne retins rien de son diagnostic* 'Врач объяснил мне, что со мной не так, но, то ли потому, что я ничего не понял из его слов, то ли потому, что сразу забыл, я ничего не запомнил из его осмотра' (J. Littell. Les Bienveillantes, 2006).

II₂. ЧЕРЕДОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ. Во втором варианте типовой ситуации АЛЬТЕРНАТИВА речь идет о множестве возможностей, каждая из которых реализуется в свой отрезок времени (II_{2a}) или применительно к своему объекту (II_{2б}). Примеры (422) и (423) иллюстрируют темпоральное чередование альтернатив (последовательная смена состояний или действий), примеры (424) и (425) – пространственное чередование альтернатив (последовательная смена локализации объекта, его предназначения).

(422) *Moi, je passais la journée à la maison, soit à regarder la télévision soit à écouter de la musique* 'Что касается меня, я проводила весь день дома, то смотрела телевизор, то слушала музыку' (M. Alaoui. La vérité sort de la bouche du cheval, 2018).

(423) *Tantôt le soleil blanc, tantôt le soleil rouge* 'То солнце белое, то красное' (J. Roubaud. Nous, les Moins-que-Rien, Fils aînés de Personne, 2006).

(424) *Chaque habitation dispose d'un quai d'embarquement comme à Venise, au bout de ce qui sert soit de jardin, soit de petite pâture* 'У каждого жилища есть причал, прямо как в Венеции, который служит или садом, или небольшим пастбищем' (M. Winock. Jeanne et les siens, 2003).

(425) *Il voyait très nettement un sourire viril passant tantôt dans le regard, tantôt sur les lèvres de Caine* 'Он отчетливо видел, как мужественная улыбка пробегала то во взгляде, то на губах Каина' (I. Artus. La petite boutique japonaise, 2016).

ПЕ сочинения с исходной темпоральной семантикой *tantôt... tantôt, sitôt... sitôt* используются исключительно для маркирования разновидности ЧЕРЕДОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ.

4.2.3. Типовая ситуация ИСКЛЮЧЕНИЕ и единицы сочинения

К единицам, которые проявляют способность к обозначению типовой ситуации ИСКЛЮЧЕНИЕ, относятся единицы с исходно противительной семантикой *mais, au contraire, par contre, sinon, pourtant, néanmoins, en revanche,*

toutefois, cependant, du moins, au moins, а также ЯЕ *or*, которая с раннего периода развития французского языка сохраняет противительную семантику (см. § 3.2.1.2). Эти единицы в целом схожи по способности обозначать два варианта типовой ситуации: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (III₁) и НЕСОВМЕСТИМОСТЬ (III₂).

III₁. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ. Семантика противительных единиц имеет следующее толкование: 'обычно, если имеет место ситуация типа Q, ситуация типа P не имеет места' (см. § 1.3.3). Выделяются две разновидности этого варианта: собственно противопоставление (III_{1a}) и коррекция (III₁₆). Такое разграничение традиционно во французской романистике. В § 3.1.3 мы отмечали дифференциацию двух *mais* во французском языке (см. *mais rectificatif* 'mais исправляющее' в [Anscombe, Ducrot, 1977]).

III_{1a}. Собственно противопоставление. Предполагается, что существование одного из противопоставленных компонентов утверждается через отрицание другого (примеры (426), (427)) либо что из всего множества исключается некоторый элемент (примеры (428), (429)). В основном используются единицы *mais, au contraire, par contre, sinon*.

(426) *Changement de train; un moment de désespoir, mais l'espoir renaît en moi* 'Смена поезда; момент отчаяния, но надежда возрождается во мне' (Т. Torrès Une Française libre: journal, 2000).

(427) *Aucune méchanceté, au contraire juste l'envie de trop bien faire, trop donner, et surtout selon ses propres désirs* 'Никакого злого умысла, но простое желание сделать слишком хорошо, дать слишком много, а главное по собственному желанию' (К. Bernfeld. Les portes de l'espérance, 2003).

(428) *Je ne distinguai rien d'elle (une femme voilée de noir), sinon une ombre qui avance* 'Я ничего не разглядел в ней (в женщине в черном), кроме приближающейся тени' (Al. Jenni. L'Art français de la guerre, 2011).

(429) *Nous disposions d'informations abondantes sur l'industrie pétrolière, les infrastructures, les communications et l'industrie; par contre nos dossiers restaient presque vides sur le sujet des relations ethniques ou politiques* 'У нас было много информации о нефтяной отрасли, инфраструктуре, связи и промышленности; однако наши файлы оставались почти пустыми на предмет этнических или политических отношений' (J. Littell. Les Bienveillantes, 2006).

III₁₆. Коррекция. В обобщенном виде говорящий отрицает существование положения вещей P и заменяет его положением вещей Q, как бы «оправдывает» опровержение P (примеры (430), (431)). Использование термина «коррекция», а не «замещение» на основании отсутствия в контексте лексических единиц со значением замещения, как, например, предлога *au lieu de* 'вместо того чтобы', обосновано в [Инькова-Манзотти 2001, с. 379–381].

(430) *Je ne parle pas de la grande vieille peur, mais de quelqu'un qui y croirait strictement, pour qui les Plogojowitz seraient d'authentiques vampiri à exterminer* 'Я не говорю о большом старом страхе, но о том, кто будет строго в это верить, для кого представители семейства Плогоевиц будут настоящими вампирами, подлежащими уничтожению' (Fr. Vargas. Un lieu incertain, 2008).

(431) *L'homme enterré serait donc mort depuis longtemps quand on parviendrait enfin à le rejoindre un jour dans la galerie abandonnée, si on y*

*parvenait jamais... des mois, **sinon** des années, plus tard* ‘Следовательно, погребенный человек будет мертвым, когда мы, наконец, доберемся до него однажды в заброшенной галерее, если у нас вообще получится это сделать... месяцы, *если не годы* спустя’ (P. Pelot. *C’est ainsi que les hommes vivent*, 2003).

Данная разновидность типовой ситуации ИСКЛЮЧЕНИЕ представляет собой смешанный тип, поскольку отношение коррекции строится по логической схеме конъюнкции « $\neg P \wedge Q$ » [ibid, с. 381].

В зависимости от того, вся информация или ее часть, содержащаяся в первом компоненте, представляется приемлемой для говорящего, он вносит поправку в то, что было сказано ранее. Единицы с противительной семантикой *mais, au contraire, en revanche, pourtant, du moins, au moins, sinon, or*, а также изначально соединительные единицы *c’est-à-dire (que)* и *à savoir (que)* присоединяют второй компонент Q, который содержит информацию, отчасти отличную или отчасти более адекватную, заключенную в компоненте P. Различаются две контекстуальных модификации: полная коррекция и частичная коррекция.

Полная коррекция предполагает, что два положения вещей P и Q представлены как «конкурирующие друг с другом», имеющие равные возможности для осуществления [Инькова-Манзотти 2001, с. 325]. В примерах (432) и (433) два положения вещей P и Q являются взаимоисключающими на определенном временном промежутке T_1 – T_2 , и выбор обязательно осуществится, если этому не помешают какие-то обстоятельства, в пользу P (в отличие от альтернативных отношений, где выбор не осуществляется говорящим, а предоставляется слушающему (см. § 4.2.2)).

(432) *Il n’y aura pas de fèves ce soir, **mais** Mauranne promet des radis* ‘Бобов сегодня вечером не будет, *но* Моранна обещает редис’ (А.-М. Garat. *L’enfant des ténèbres*, 2008).

(433) *Suzanne ouvrit et, si elle remarqua son air, elle ne marqua aucun étonnement, **au contraire** fondit de gentillesse pour le baiser aux joues* ‘Сюзанна открыла дверь и если и заметила ее вид, то не показала никакого удивления, *напротив*, растаяла от умиления, чтобы поцеловать ее в щеки’ (А.-М. Garat. *Dans la main du diable*, 2006).

Частичной коррекции подвергаются качественные, пространственные и временные характеристики внеязыковых сущностей, а также состояния и действия. Содержание соединенных компонентов в той или иной степени различается, что проявляется в частных, более дробных, контекстуальных модификациях. В целом первый компонент представляет некоторое общее положение дел, общее утверждение, второй компонент обозначает то, что не подходит под общее (пример (434)), ограничивает его (примеры (435), (436)) или уточняет (примеры (437), (438)).

(434) *Cette polyglotte autodidacte n’a pas, comme on dit, «tout lu», **mais** elle a lu ailleurs, autrement, d’autres livres* ‘Эта эрудированная самоучка, как говорится, не «все прочитала», *но* прочитала другие книги в других местах’ (Fr. Nourissier. *À défaut de génie*, 2000).

(435) *Jusqu'ici, je n'avais vu que des blessés ayant été déjà pansés, au moins une fois* 'До сих пор я видел только раненых, которые уже были перебинтованы, хотя бы один раз' (Ph. Artières. *Vie et mort de Paul Gény*, 2013).

(436) *Elle avait quand même pris soin de se changer pour la soirée et portait un petit top à fleurs et un diamant à chaque oreille. En revanche, elle avait gardé son casque de walkman autour du cou* 'Она все же позаботилась о том, чтобы переодеться к вечеру, и сейчас на ней был небольшой топ с цветочным рисунком и по сережке с бриллиантом в каждом ухе. Но оставила свои наушники на шее' (N. Mathieu. *Leurs enfants après eux*, 2018).

(437) *La cliente feignait de renoncer, reposait les poireaux ou les carottes, tournait le dos, faisait quelques pas. Les cris de la marchande la rappelaient. L'acheteuse faisait demi-tour et l'accord finissait par être scellé. Pourtant elle n'avait pas le temps de faire la cuisine, sauf exceptionnellement, quand elle décidait de confectionner un plat à sa façon: écrevisses si nous revenions de la pêche* 'Клиентка сделала вид, что отказывается от покупки, положила лук-порей или морковь, развернулась, сделала несколько шагов. Крики торговли остановили ее. Покупательница развернулась, и сделка была заключена. Впрочем, готовить ей было некогда, разве что в исключительных случаях, когда она решала приготовить блюдо по-своему: раков, если мы возвращались с рыбалки' (R. Grenier. *Andrélie*, 2005).

(438) *Quoi qu'il en soit, il avait obtenu son accord; du moins elle ne refusait pas* 'Как бы то ни было, он получил ее согласие; по крайней мере, она не отказалась' (А.-М. Garat. *Dans la main du diable*, 2006).

При коррекции пространственных характеристик сочиненные компоненты соединяются от общего к частному: говорящий сначала выбирает самое абстрактное наименование места (*туда, везде, там* и т.д.), затем перечисляет наименования конкретных локаций (примеры (439), (440)). При коррекции временных характеристик наблюдается обратный порядок сочиненных компонентов, от частного к общему: сначала номинации подвергается более конкретный временной промежуток, который далее представляется в широких хронологических рамках. Так, в примерах (441), (442) единица *c'est-à-dire* вводит второй компонент, в котором информация о некотором промежутке времени существенна и восполняет недостаток в темпоральной соотнесенности ситуации, представленной в первом компоненте.

(439) *Emilio a passé un coup rapide pour ôter les graviers et les a poussés par la porte, dans la rue. J'ai fouillé là où ils auraient dû atterrir, c'est-à-dire près du mur, contre la marche, là où personne ne va jamais* 'Эмилио быстро разбросал гравий за дверью на улицу. Я искал там, где должны были приземлиться мелкие камни, то есть у стены, у ступеньки, куда никто никогда не ходит' (Fr. Vargas. *Dans les bois éternels*, 2006).

(440) *Je fouille tous les recoins. À savoir buffets, penderies, commodes et tous leurs tiroirs, nombre de placards habilement dissimulés dans les lambris...* 'Я обыскиваю каждый уголок. А именно: буфеты, платяные шкафы, комоды и все их выдвижные ящики, множество шкафов, искусно спрятанных в панелях...' (А.-М. Garat. *Programme sensible*, 2012).

(441) *J'y découvre que mon grand-père paternel a vu le jour le 19 mars 1855 (c'est-à-dire sous Napoléon III, pendant la guerre de Crimée)* 'Там я узнаю, что мой дед по отцовской линии родился 19 марта 1855 года (*то есть* при Наполеоне III, во время Крымской войны)' (M. Winock. *Jeanne et les siens*, 2003).

(442) *J'ai presque honte d'avoir à énoncer ces évidences. Bosnie, Algérie, Palestine. Depuis plus de dix ans, c'est-à-dire depuis que s'est écroulé le Mur à Berlin, j'ai traversé un monde où partout s'élèvent de nouveaux murs* 'Мне почти стыдно констатировать эти очевидные факты: Босния, Алжир, Палестина. Более десяти лет, *то есть* с тех пор, как в Берлине рухнула Стена, я путешествовал по миру, где повсюду возвышаются новые стены' (Fr. Maspero. *Les abeilles et la guêpe*, 2002).

Примеры (439)–(442), иллюстрирующие частичную коррекцию как модификацию разновидности типовой ситуации ИСКЛЮЧЕНИЕ, сближаются с примерами, иллюстрирующими модификацию разновидности типовой ситуации АЛЬТЕРНАТИВА II_{1в} (примеры (411)–(413), (415), (416) выше), в том смысле, что обобщенно единицы *c'est-à-dire (que)* и *à savoir (que)* устанавливают пояснительные отношения, неоднородные по своей природе, суть которых заключается в двойном обозначении, но это повторное обозначение может иметь разные цели и, следовательно, разные средства выражения [Kleiber 1984; Прияткина 1990, 2016; Murillo 2004; Le Bot et al. 2008; Vassiliadou 2008].

III₂. НЕСОВМЕСТИМОСТЬ. Противительные единицы сочинения в целом используются для установления связи между двумя несовместимыми положениями дел. В зависимости от лексико-грамматического наполнения соединенных компонентов возможно выделение большего количества разновидностей этой ситуации. Мы исходим из того, что отношение между содержанием соединенных компонентов, в норме исключающих друг друга, находится в пресуппозиции и базируется либо на общем знании, на «обиходной энциклопедии», либо на мнении, предположении говорящего (см. § 1.3.3, 3.1.4.2). Соответственно, выделяются две разновидности этой ситуации: объективная несовместимость (III_{2а}) и субъективная несовместимость (III_{2б}). Пример (443) иллюстрирует первую разновидность, пример (444) – вторую разновидность варианта типовой ситуации ИСКЛЮЧЕНИЕ.

(443) *Le Toro voulut bouger mais il avait les membres entravés et la tête en mille éclats de bois* 'Торо хотел пошевелиться, но его тело не слушалось, а голова раскалывалась' (C. Férey. *Mapuche*, 2012).

(444) *Léa avait un peu changé elle aussi. Plus maigre, avec les sillons nasolabiaux plus marqués. Mais elle était toujours belle* 'Леа тоже немного изменилась. Худощавая с сильно выраженными носогубными складками. Но она оставалась красивой' (J.-M. G. Le Clézio. *Révolutions*, 2003).

III_{2а}. Объективная несовместимость. Семантика противительных единиц сочинения интерпретируется, как мы уже писали ранее в § 1.3.3, следующим образом: 'Имеет место Q; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа Q, ситуация типа P не имеет места; в данном случае P имеет место'. Единицы *mais, or, toutefois, cependant, pourtant, néanmoins* соединяют

первый компонент, который представляет собой некое положение вещей, соответствующее норме, и второй компонент, который репрезентирует свершившееся или несвершившееся действие субъекта, нарушающее эту норму.

Следует различать две модификации этой разновидности: «вопреки обстоятельствам» и «вопреки ожиданию». Первая модификация предполагает, что согласно знаниям говорящего о мире существование Q делает невозможным существование P, то есть Q является существенным препятствием для P (примеры (445)–(447)). Вторая модификация заключается в том, что не-P является не единственно нормальным, а просто более естественным вариантом развития событий, то есть существование Q воспринимается лишь как менее ожидаемое и естественное, чем не-P, положение вещей (примеры (448)–(451)).

(445) *De retour de notre visite au cimetière Nord, mamie a voulu que nous restions enfermés dans l'appartement durant trois jours afin d'honorer la mémoire de papy Fernand. Au moment de son enterrement quelques semaines plus tôt, elle avait de la même façon demandé à mon père et à ses sœurs de venir se recueillir avec elle à la maison. Mais mon père, qui travaillait alors au Venezuela, n'avait pas pu rentrer en France* 'Вернувшись с Северного кладбища, бабушка захотела, чтобы мы остались в квартире на три дня, чтобы почтить память дедушки Фернана. Во время похорон несколькими неделями ранее она также попросила моего отца и его сестер собраться дома. Но мой отец, который в то время работал в Венесуэле, не смог вернуться во Францию' (St. Osmont. *Éléments incontrôlés*, 2012).

(446) *Ses parents n'avaient pas de voiture à entretenir et ne flânaient jamais en ville, toutefois sa mère connaissait le nom de l'établissement* 'У его родителей не было машины, и они никогда не разъезжали по городу, но все-таки мать знала название заведения' (C. Bentz. *Oublier les fleurs sauvages*, 2021).

(447) *Il faut appuyer sur le bouton vert! C'est ce qu'elle fait, d'un geste décidé et d'un doigt qui ne tremble pas. Cependant rien ne se passe, la cabine ne s'ébranle pas* 'Надо нажать зеленую кнопку! Что она решительно делает пальцем, который не дрожит. Однако ничего не происходит, кабина не приходит в движение' (J. Cl. Baudroux. *La même Caillou*, 2005).

(448) *En passant devant un petit bistrot mon amant me fait entrer pour prendre un café-rhum, croyant me reconforter. Mais ça ne va pas mieux. J'ai comme une boule de feu dans le corps qui monte et qui descend* 'Проходя мимо небольшого бистро, мой любовник заставляет меня зайти и выпить кофе с ромом, полагая, что это снимет мой дискомфорт. Но от этого мне лучше не становится. У меня ощущение огненного шара в теле, который поднимается и опускается' (A. Prin. *Souvenirs retrouvés (de Kiki de Montparnasse)*, 2005).

(449) *Don Jaime s'inquiète de la médiocrité de résultats scolaires de son fils, puis se console en pensant que plus tard, il s'occupera des terres. Or Diego l'affirme tôt, il hait ce trou perdu qui détient le record du village le plus rétrograde d'Espagne* 'Дон Хайме беспокоится о посредственных результатах своего сына в школе, а затем утешает себя мыслью, что позже тот будет работать на земле. Но Диего рано заявляет то, что он ненавидит эту затерянную дыру, которая считается самой отсталой деревней в Испании' (L. Salvayre. *Pas pleurer*, 2014).

(450) *Je courus jusqu'à lui, constatai que sa jambe droite était pliée à contresens et qu'un peu de sang s'écoulait de sonnez. Néanmoins il respirait 'Я подбежала к нему, заметила, что его правая нога согнута не в ту сторону и из носа течет немного крови. Тем не менее он дышал' (Th. Gunzig. Mort d'un parfait bilingue, 2001).*

(451) *Je suis allé retrouver Louise à la messe. J'avais imaginé ne pas l'y retrouver et découvrir enfin le pot aux roses: qu'elle n'allait jamais à la messe mais aux réunions d'un parti d'extrême droite. De fait j'ai découvert qu'elle allait à la messe pour dormir, que c'était le dernier endroit au monde qui lui permettait de se reposer un peu 'Я пошел за Луизой на мессу. Я представлял себе, что не найду ее там и наконец разгадаю тайну: что она никогда не ходила на мессу, а только на собрания ультраправой партии. Но я обнаружил, что она ходила на мессу, чтобы поспать, и это было последнее место в мире, где она могла немного отдохнуть' (H. Guibert. Le Mausolée des amants, 2001).*

Данная разновидность типовой ситуации ИСКЛЮЧЕНИЕ представляет собой переходный вариант между ситуациями, репрезентирующими образные схемы $THING_{schema}$ и $PATH_{schema}$.

III₂₆. Субъективная несовместимость. Предполагается, что с точки зрения субъекта ситуации смысловое содержание компонента Р не является достаточным условием для отмены компонента Q. Единицы сочинения соединяют компоненты Р и Q, которые обозначают либо две отдельные сосуществующие конфликтующие ситуации, либо необычные или неестественные аспекты или свойства одного и того же факта или объекта. Примеры (452)–(456) иллюстрируют первую контекстуальную модификацию данной разновидности, примеры (457)–(461) – вторую.

(452) *D'après Eliott, papa devait refuser de faire valoir ses droits à la retraite et exiger sa réintégration. De ces discussions avec son nouveau copain syndicaliste, Papa n'avait rien dit à maman. Mais elle se mettait à soupçonner quelque chose 'По словам Элиотта, папа должен отказаться от реализации своего права на пенсию и потребовать своего восстановления. Об этих дискуссиях со своим другом из профсоюза папа ничего не рассказал маме. Но она начала что-то подозревать' (R. Uedraogo. Du miel sous les galettes, 2020).*

(453) *De retour chez lui, Yvan s'installa devant son ordinateur. Les factures qu'il devait imprimer et les documents qu'il avait à préparer pour le comptable nécessitaient son intervention, pourtant il restait immobile devant l'écran sans le voir. Plusieurs affaires l'occupaient en ce moment et leur complexité se mêlait dans ses pensées avec les vieux souvenirs de son mariage, auquel son ex-épouse avait mis fin un an plus tôt 'Вернувшись домой, Иван сел перед своим компьютером. Счета-фактуры, которые он должен был распечатать, и документы, которые он должен был подготовить для бухгалтера, требовали его вмешательства, но он оставался неподвижным перед экраном, не видя его. Несколько дел занимали его в данный момент, и их сложность смешивалась в его мыслях со старыми воспоминаниями о браке, который его бывшая жена расторгла год назад' (I. Bergoënd. Le Dagobert optique, 2014).*

(454) *Voilà qu'il a entrepris de restaurer la reliure de toute sa bibliothèque. Cela nous coûte les yeux de la tête, nous qui cherchons chaque jour comment payer*

notre pain, notre charbon et nos créanciers. Au moins cette occupation le satisfait, seul dans son atelier sous les toits, en compagnie de ses chiens ‘Теперь он взялся восстановить переплет всей своей библиотеки. Это дорого нам обходится, нам, озабоченным каждый день, как расплатиться за наш хлеб, наш уголь и с нашими кредиторами. По меньшей мере это занятие его удовлетворяет, один в своей мастерской под крышей, в компании своих собак’ (А.-М. Garat. *L’enfant des ténèbres*, 2008).

(455) *Je n’aimais pas beaucoup Hans, un homme mauvais, lunatique; lui non plus ne m’aimait pas. Néanmoins, il nous fallait travailler ensemble* ‘Я не очень любил Ганса, плохого, капризного человека; он тоже меня не любил. Тем не менее нам пришлось работать вместе’ (J. Littell. *Les Bienveillantes*, 2006).

(456) *Brissac est revenu récemment, très maigre, très pâle et très las; cependant le médecin espère que sa santé n’est pas sérieusement atteinte* ‘Недавно вернулся Бриссак, очень худой, очень бледный и очень усталый; однако врач надеется, что его здоровье серьезно не пострадало’ (J. Pouquet. *Journal sous l’Occupation en Périgord*, 2006).

(457) *Je n’éprouvais aucune appréhension à l’idée d’avorter. Cela me paraissait, sinon facile, du moins faisable, et ne nécessitant aucun courage particulier* ‘Я не боялась аборта. Мне это казалось если не легким, то по крайней мере осуществимым и не требующим особого мужества’ (А. Egnaux. *L’événement*, 2000).

(458) *N’ayant plus à notre service que nos jambes et le métro, on fait peu de chose par jour et ce peu de chose prend beaucoup de temps. Néanmoins la vie à Paris n’est pas désagréable* ‘Имея в услужении только ноги и метро, мы мало делаем за день, и эта малость отнимает много времени. Тем не менее жизнь в Париже не лишена приятностей’ (J. Pouquet. *Journal sous l’Occupation en Périgord*, 2006).

(459) *Ce compliment de moi-même à moi-même a une valeur très modérée; pourtant j’y tiens* ‘Этот комплимент от меня самому себе имеет очень умеренную ценность; но я этим дорожу’ (J. Roubaud. *Poésie: récit*, 2000).

(460) *Ce serait en tout cas le genre de chose qu’Hermine aurait volontiers raconté, or elle ne l’avait jamais fait* ‘В любом случае Гермина с удовольствием рассказала бы об этом, но она никогда этого не сделала’ (C. Lovey. *Monsieur et Madame Rivaz*, 2016).

(461) *Il y avait à demeure une institutrice allemande chargée de donner aux adolescentes la pratique d’une langue vivante. Apprentissage réussi puisqu’il Geneviève, Cécile et Suzanne se querellaient en allemand. Toutefois elles supportaient mal cette présence étrangère* ‘Там постоянно проживала учительница немецкого языка, ответственная за обучение девочек-подростков живому языку. Обучение было успешным, так как кажется, что Женестьева, Сесиль и Сюзанна ссорились на немецком языке. Вместе с тем они терпеть не могли присутствие чужого человека’ (J. Ollagnier. *Main*, 2008).

В примерах (452)–(461) допустима трансформация с использованием уступительного союза *bien que*, например: **bien qu’***on travaille ensemble, on ne s’aime pas* (см. § 1.3.3, 3.1.4.2). Лексемы *au contraire, par contre, en revanche* не используются для обозначения субъективной несовместимости.

4.3.4. Типовая ситуация ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ и единицы сочинения

Каузальные ЯЕ *car* и *or*, исходно каузальные ПЕ *en effet, effectivement*, исходно соединительные ПЕ *en fait, de fait, c'est-à-dire, à savoir* и разделительная ПЕ *soit* используются в типовой ситуации ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ. В наиболее общем виде эти единицы специализируются в выражении двух видов каузальности – собственно-причинного (непосредственная истинная причина порождения ситуации (причина-следствие)) и несобственно-причинного (внешний повод или косвенное свидетельство, используемые как аргумент для умозаключения о порождении ситуации (основание-вывод)) – и обнаруживают общее значение ‘Р является причиной <основанием> для Q’. Эта типовая ситуация представлена двумя вариантами: ПРИЧИНА (IV₁) и ОСНОВАНИЕ (IV₂). Поскольку перечисленные единицы не способны однозначно дифференцировать характер причинной зависимости вне контекста, актуализации несобственно-причинного значения способствуют разного рода специальные лексические единицы (модально-оценочные, эвиденциальные, эпистемические и др.) в составе соединенных компонентов.

IV₁. ПРИЧИНА. Следует различать указание на объективную (IV_a) и субъективную (IV_{1b}) связь между двумя ситуациями. Объективная связь предполагает, что при условии существования исходной ситуации обязательно реализуется и определенная производная ситуация (примеры (462), (463)). Субъективная связь между двумя ситуациями предполагает, что исходная ситуация так или иначе воздействует на субъекта, но реализация производной ситуации зависит от него (примеры (464), (465)). В двух разновидностях допустимо использование низкочастотного союза *or*.

(462) *Depuis le début de la guerre, il y a moins de docteurs, à Voiron, car certains sont partis dans les hôpitaux militaires* ‘С началом войны в Вуароне стало меньше врачей, потому что некоторые уехали в военные госпитали’ (É. Viennot. État des lieux, 2012).

(463) *Pepino s'était métamorphosé devant nos regards ahuris en une énorme framboise humaine, rouge et bouffie. Or, Livio avait ajouté à son plat une grosse dose de sauge sachant qu'il y'était terriblement allergique* ‘Пепино на наших изумленных глазах превратился в огромную человеческую малину, красную и опухшую. Ибо Ливио добавил в свое блюдо большую дозу шалфея, зная, что у Пепино ужасная на него аллергия’ (С. Laurens. Là où la caravane passe, 2021).

(464) *J'aimais ses pleurs, car ils me permettaient de la consoler, mais je craignais sa colère, car je ne pouvais l'apprivoiser* ‘Я любил ее слезы, потому что они позволяли мне ее утешить, но я боялся ее гнева, потому что не мог его укротить’ (Ph. Lançon. Le Lambeau, 2018).

(465) *Il y a des gens qui méprisent Jean Paysan, portés qu'ils sont à croire que celui-ci est lent du cerveau, peu doué d'esprit et, au surplus, rétif de l'entendement. C'est un mensonge vif. Le paysan de Bretagne préfère se taire plutôt que de faire du bruit avec des paroles creuses. Or, quand il ouvre la bouche, il coupe le souffle aux autres* ‘Есть люди, которые презирают Жана Крестьянина, склонные считать, что он тугодум, не наделен добрым умом и к тому же

непоседлив. Это настоящая ложь. Крестьянин из Бретани предпочитает молчать, а не выкрикивать пустые слова. *Ибо, когда он открывает рот, у всех перехватывает дыхание*’ (Cl. Crocq. Une jeunesse en Haute-Bretagne, 2011).

IV₂. ОСНОВАНИЕ. Предполагается, что несобственно-причинная связь основана на норме, общей закономерности или на наблюдениях и рассуждениях субъекта ситуации. Соответственно, различаем две разновидности этого варианта типовой ситуации: обоснование (IV_{2a}) и объяснение (IV_{2б}). Пример (466) иллюстрирует обоснование, пример (467) – объяснение.

(466) *Mais il est vrai que le pouvoir dans cette région s’était toujours exercé de la sorte. Lorsque lui-même avait accédé au trône, ses proches conseillers avaient organisé le meurtre de son frère aîné, afin de couper court aux risques de coup d’État. Car son frère était l’empereur légitime, celui qui aurait dû régner si leur père n’avait laissé un testament contesté* ‘Но верно то, что власть в этом регионе всегда осуществлялась таким образом. Когда он сам взошел на престол, его ближайшие советники организовали убийство его старшего брата, чтобы уменьшить риск государственного переворота. Так как его брат был законным императором, тем, кто должен был править, если бы их отец не оставил оспариваемое завещание’ (I. Bergoënd. Le Dagobert optique, 2014).

(467) *J’ai dû faire une drôle de tête car elle a eu ce regard terrible: maternel, oppressant, entre la compassion et l’agacement* ‘Я, должно быть, сделал смешное лицо, потому что у нее был этот ужасный взгляд: материнский, гнетущий, между состраданием и досадой’ (L. Bouherraфа. La Dédicace, 2019).

IV_{2a}. Обоснование. Предполагается, что субъект ситуации имеет право на те или иные действия, что его действия оправданны и согласуются с так или иначе зафиксированными социальными, юридическими и другими нормами. Единицы сочинения присоединяют компонент, в котором совершение действий субъекта обосновано апелляцией к обычаям, установленному порядку (пример (468)), всем известным закономерностям (пример (469)). Связующие единицы вводят компонент, содержание которого обосновывает возникновение у субъекта определенного мнения (пример (470)). В основном используется ЯЕ *car*.

(468) *Il m’a raconté qu’il n’allait pas tarder à partir car il se levait tous les jours à six heures du matin* ‘Он сказал мне, что скоро собирается уходить, потому что каждый день вставал в шесть утра’ (L. Bouherraфа. La Dédicace, 2019).

(469) *Que des changements pussent intervenir dans la vie de mes sœurs, je le jugeais inévitable car elles étaient encore si jeunes* ‘То, что в жизни моих сестер могли произойти перемены, я считал неизбежным, потому что они были еще так молоды’ (M. Ndiaye. Autoportrait en vert, 2005).

(470) *Gabrielle comprit bien vite la nature de la relation qu’avait la jeune première avec son Pygmalion, car celui-ci vint plus d’une fois se pencher sur son jeu, et elle surprit le geste furtif et familier dont il entourait ses épaules* ‘Габриэль очень быстро поняла характер отношений между молодой примой и ее Пигмалионом, потому что он не раз приходил посмотреть на ее игру, и она видела, как он украдкой и привычным жестом обнимал ее за плечи’ (А.-М. Garat. Dans la main du diable, 2006).

Для обоснования также допустимы исходно соединительные ПЕ *en fait* и *de fait*, а также исходно каузальные ПЕ *en effet*, *effectivement*. При этом

единицы *en fait* и *en effet* чаще используются при указании на обоснование события (примеры (471), (472)) и суждения (пример (473)) в отличие от единиц *effectivement* и *de fait*.

(471) *Ce valeureux reporter doublé d'un photographe à la lentille rapide a signé un reportage photographique de toute beauté. En effet rendu sur les lieux d'un suicide, Rosario a capté du bout de sa lentille la chute d'un homme du haut d'un arbre de 45 pieds* 'Этот отважный репортер, снаряженный фотоаппаратом с мощным объективом, сделал великолепный фоторепортаж. Потому что на месте самоубийства Росарио поймал в кадре падение мужчины с вершины дерева в 45 футов' (Y. Beauchemin. *Le Matou*, 1981).

(472) *Elle a passé trois jours à l'hôpital sous tranquillisants, mais elle n'est pas malade. En fait elle s'est fait agresser et violer, en revenant du travail, dans le train pour Paris* 'Она провела три дня в больнице на транквилизаторах, но она не больна. Ведь на самом деле она подверглась нападению и изнасилованию по дороге с работы домой в парижском поезде' (M. Houellebecq. *Plateforme*, 2001).

(473) *J'aime les longs voyages en train j'aime aussi les courts. En fait j'aime les voyages en train* 'Я люблю дальние поездки на поезде, люблю и короткие. Потому что я вообще люблю путешествовать на поезде' (J. Roubaud. *Impératif catégorique*, 1989).

Единица *effectivement* служит для обоснования гипотезы, а единица *de fait* исключительно для обоснования события. Так, в примере (474) способность отца предсказать дождь основывается на его наблюдениях, в примере (475) госпитализация человека основана на том, что он получил серьезную травму.

(474) *Papa commença à regarder vers l'horizon: «Préparez-vous, il va y avoir une grosse pluie ce soir». Papa était très doué pour voir venir les choses. Effectivement le ciel se mit à changer de couleur. Soudain, un nuage de poussière s'éleva* 'Папа стал смотреть в сторону горизонта: "Готовьтесь, сегодня ночью будет сильный дождь". Папа очень хорошо предвидел события. Действительно, цвет неба начал меняться. Внезапно поднялось облако пыли' (R. Ouedraogo. *Du miel sous les galettes*, 2020).

(475) *Jeanne est réveillée un matin par les gendarmes qui lui apprennent que son époux vient d'être transporté à l'hôpital. De fait il a frôlé la mort: la scie est passée à deux doigts de la carotide, lui laissant une blessure profonde au creux de l'épaule* 'Утром Жанну разбудили жандармы и сообщили, что ее мужа только что доставили в больницу. Потому что он был на грани смерти: пила прошла в двух пальцах от сонной артерии, оставив ему глубокую рану в области ключицы' (M. Winock. *Jeanne et les siens*, 2003).

IV₂₆. Объяснение. Выделяется две модификации этой разновидности: говорящий, описывая факты или явления, разъясняет их причины, контекст и последствия; говорящий, «оправдывая номинацию», кодирует отношение между двумя высказываниями на основании собственных наблюдений, рассуждений или апеллирует к авторитетному мнению.

Для разъяснения используются ЯЕ *car* (пример (476)), а также соединительные ПЕ *après tout, à savoir* (пример (477), (478)), каузальная ПЕ *en effet* (пример (479)) и повтор разделительной ПЕ *soit* (пример (480)).

(476) *Elle menait grand train, grâce à la fortune que son père lui avait léguée – du moins grâce à ce qu’il en restait, car le refus par la racaille bolchévique d’honorer le remboursement des emprunts tsaristes avait entamé l’héritage d’un bon tiers* ‘Она вела комфортную жизнь благодаря состоянию, завещанному ей отцом, по крайней мере, благодаря тому, что от него осталось, ибо отказ большевистской сволочи выполнить возврат царских займов уменьшил наследство на добрую треть’ (M. Jung. *Le Triomphe de Thomas Zins*, 2018).

(477) *Mais Clara sourit en secouant la tête et pose l’index sur les lèvres de Rafaele. Sans rien ajouter, Rafaele l’embrasse, puis la serre contre lui, attirant sa tête sur son épaule. Après tout nul besoin de mot pour se comprendre* ‘Но Клара улыбается, качает головой и прикладывает указательный палец к губам Рафаэля. Ничего не добавляя, Рафаэле целует ее, затем обнимает, прижимая ее голову к своему плечу. Ведь не надо слов, чтобы понять друг друга’ (M. Borie. *Dulce de leche*, 2021).

(478) *Elle venait confirmer ce qui n’était alors pour moi qu’une intuition, à savoir que le rêve n’est pas seulement un rébus qu’on décrypte mais un espace en nous qui s’ouvre ou ne s’ouvre pas* ‘Она подтвердила то, о чем я догадывался интуитивно, потому что сновидение есть не только загадка, которую мы расшифровываем, но пространство в нас, которое открывается или не открывается’ (J.-B. Pontalis. *Le Dormeur éveillé*, 2004).

(479) *Quand on empêche un animal de rêver pendant six nuits, à la sixième les rêves chassés du sommeil envahissent l’état de veille. Le Talmudle savait depuis toujours, il a dit: L’homme qui reste sans rêver pendant six nuits est un méchant. En effet les rêves sont toujours agressifs quand ils deviennent un délire diurne* ‘Если животному не дают спать шесть ночей, на шестую в бодрствующее состояние вторгаются сновидения, изгнанные из сна. В Талмуде говорится: Человек, который не видит снов шесть ночей, – злой человек. Потому что сны всегда агрессивны, когда они становятся дневным бредом’ (Fr. d’Eaubonne. *L’indicateur du réseau: contre-mémoires*, 1980).

(480) *L’exposition suivait l’évolution du peintre, depuis ses formateurs jusqu’à ses héritiers. Plus j’avançais, plus les portraits me donnaient vie, soit parce que je les avais déjà vus, soit parce que j’avais rêvé de les voir, soit parce que j’allais un jour les revoir* ‘В выставке прослеживалась эволюция художника, от его наставников до его последователей. Чем больше я продвигался вперед, тем больше оживляли меня портреты, то ли потому, что я их уже видел, то ли потому, что мечтал их увидеть, то ли потому, что однажды мне предстояло увидеть их снова’ (Ph. Lançon. *Le Lambeau*, 2018).

Для оправдания номинации используются единицы с исходно соединительной семантикой *à savoir* и *c’est-à-dire* и каузальная ПЕ *en effet*, которые имеют следующее толкование: ‘В данных обстоятельствах говорящий указывает, что рассматриваемое им положение дел обладает столь многими и столь важными признаками ситуации X, что можно назвать его именем ситуации X и относиться к нему как к ситуации X’. Другими словами, выбор номинации компонента X осуществлен путем вывода говорящего на основании наблюдаемой и анализируемой ситуации У. Например:

(481) *J’ai alors songé que la plupart des gens focalisaient énormément sur leur histoire personnelle parce que c’est plus facile que d’affronter l’énorme secret*

de polichinelle – à savoir que chacun est davantage l'enfant de son siècle que de ses parents, comme le dit un proverbe arabe 'Я подумал тогда, что большинство людей так много внимания уделяют своей личной истории, потому что это легче, чем столкнуться с огромным секретом полишинеля, а именно: каждый больше похож на ребенка своего века, чем на своих родителей, как это говорится в арабской пословице' (Fl. Oiseau. Je vais m'y mettre, 2016).

(482) *Personnellement, mon travail sur le mot ne peut pas s'effectuer hors de son contexte. Si je prends l'exemple du mot «commentaire» que j'écris «Comment taire?». En effet commenter c'est faire taire un sens déjà établi, un sens figé 'Лично моя работа над словом не может быть сделана вне контекста. Возьмем, например, слово "комментарий", которое я пишу "Как замалчивать?". Потому что комментировать значит замалчивать уже установленное значение' (Ed. Jabès. Du désert au livre: entretiens avec Marcel Cohen).*

Так, в примере (483) говорящий объясняет свой выбор характеристики города как *populaire* 'народный, популярный' тем, что он принадлежит его жителям, в примере (484) говорящий признает себя дендритом на основании свершившихся действий.

(483) *Ville qui vient de loin. Dont le présent et le passé se donnent la main pour avancer au lieu de s'opposer et se renier comme c'est le cas partout ailleurs. Ville populaire. C'est-à-dire appartenant à ses habitants 'Город, который приходит издалека. Чье настоящее и прошлое объединяются, чтобы двигаться вперед, а не противостоять и отрицать друг друга, как это происходит везде. Город для людей. То есть принадлежащий его обитателям' (Gr. Bouillier. Le dossier M. Livre 2, 2018).*

(484) *Je vécus ensuite neuf ans comme un dendrite. C'est-à-dire que je m'établis dans un arbre et y restai 'Я тогда прожил девять лет как дендрит. То есть я устроился на дереве и остался там' (J. Roubaud. Nous, les Moins-que-Rien, Fils aînés de Personne, 2006).*

Для облегчения понимания декодирующим сути связи между двумя номинациями одного положения дел используются вводные конструкции, в которых содержится информация, акцентирующая релевантность указанных признаков в текущей ситуации. В примере (485) признание красоты девушки объясняется соответствием ее физических параметров принятым канонам в определенный промежуток времени в определенном обществе.

(485) *...une très jolie fille selon les critères de l'époque, c'est-à-dire plutôt grande, svelte, élancée '...очень красивая девушка, по канонам того времени, то есть довольно высокая, стройная, осанистая' (Gr. Bouillier. Le dossier M. Livre 1, 2017).*

Наличие разного рода вводных конструкций позволяет инвертировать порядок следования компонентов следующим образом: 'X, потому что Y' → 'Y, поэтому X'. Такого рода синтаксические построения были характерны в ранний период развития языка для ЯЕ *car* (см. § 3.2.2.3). Так, в примере (486) для экспликации выбора говорящим номинации ситуации X 'быть беременной' как Y 'быть обесчещенной' вводится дополнительная информация о недопустимости такого поведения в маленьком провинциальном городке начала XX в.

(486) *La mère de Georges, une Valaisanne, tombée amoureuse d'un officier français en traitement dans quelque sanatorium, se retrouva enceinte. C'est-à-dire déshonorée (dans cette forteresse catholique qu'était le Valais, et en 1914!). Elle s'était enfuie pour accoucher à Lausanne* 'Мать Жоржа, уроженка Вalezанна, влюбилась в французского офицера, проходившего лечение в каком-то санатории, и оказалась беременной. То есть обесчещенной (в этом оплоте католицизма, которым был Вале, и еще в 1914 году!). Она сбежала рожать в Лозанну' (Fr. Nourissier. À défaut de génie, 2000).

4.3.5. Типовая ситуация ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ и единицы сочинения

К единицам, которые способны обозначать типовую ситуацию ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ, относятся каузальная ЯЕ сочинения *donc* и исходно каузальные ПЕ *alors, partant, par conséquent, conséquemment, par suite, c'est pourquoi*, соединительная ЯЕ *et* и исходно соединительные ПЕ *puis, enfin, finalement, ainsi, aussi, voire*, а также разделительный союз *ou*. Семантика этих единиц имеет следующее толкование: 'Q имеет место, потому что имеет или ранее имела место ситуация P'. Между соединенными компонентами устанавливается собственно-следственное отношение (причина-следствие) или несобственно-следственное отношение (основание-вывод). Соответственно, выделяем два варианта данной типовой ситуации – СЛЕДСТВИЕ (V₁) и ВЫВОД (V₂).

V₁. СЛЕДСТВИЕ. Предполагается, что событие, действие, явление, представленные во втором компоненте, следуют после события, действия, явления, представленных в первом компоненте. Между соединенными компонентами существует такого рода отношение, которое основывается либо на непосредственном следовании внеязыковых ситуаций в промежуток времени T₁–T₂, наблюдаемых субъектом ситуации ('сначала есть P₁, потом следует P₂'), либо на их естественной и закономерной обусловленности ('если есть P₁, то обычно следует P₂'). Соответственно, выделяются темпоральное следствие (V_{1a}) и собственно следствие (V_{1b}). Пример (487) иллюстрирует последовательность, пример (488) – собственно следствие.

(487) *Les Thaïs portaient le corps de Moreau. Ils laissèrent les Vietnamiens là où ils étaient tombés. Les Thaïs saluèrent les corps en joignant leur main à leur front et ils s'en allèrent* 'Тайцы несли тело Моро. Они оставили вьетнамцев там, где они пали. Тайцы поклонились телам, приложив руку ко лбу, и ушли' (Al. Jenni. L'Art français de la guerre, 2011).

(488) *C'est une contrainte typographique. On suppose que le prisonnier dans sa cellule a très peu d'encre et très peu de papier, et néanmoins il veut écrire le texte le plus long possible. Donc, il va se priver de toutes les lettres qui «dépassent» en haut et en bas. Il n'y aura ni «b», ni «d», ni «p», ni «q», ni «t», ni «i»* 'Это типографское ограничение. Предполагается, что у заключенного в камере очень мало чернил и очень мало бумаги, и все же он хочет написать как можно более длинный текст. Поэтому он избавляется от всех букв, которые "выступают" вверх и вниз. Не будет ни "b", ни "d", ни "p", ни "q", ни "t", ни "i" ' (G. Perec Entretiens et conférences II [1979–1981], 2003).

V_{1a}. Темпоральное следствие. Предполагается, что непосредственные действия, события, явления следуют в определенной хронологической последовательности с *большим* или *меньшим* временным интервалом. Содержание соединенных компонентов отражает иконический порядок их следования, что, в свою очередь, накладывает ограничение на инвертированный порядок компонентов. В основном используются ЯЕ *et* (пример (489)) и единицы с исходной темпоральной семантикой (примеры (490), (491)). Повтор ПЕ *ensuite* для соединения независимых предложений, репрезентирующих последовательность быстро происходящих действий, фиксируется до середины XX в. (пример (492)).

(489) *Thomas s'était redressé et nous avions repris notre marche* 'Томас выпрямился, и мы продолжили прогулку' (J. Littell. Les Bienveillantes, 2006).

(490) *Ainsi accroupie elle écoute la conversation des voisins, à travers la cloison. Jeune couple, accents sud-américains. Ils s'engueulent en portugais ou en espagnol, elle n'est pas sûre, puis soudain se taisent* 'Так, сидя на корточках, она слушает разговор соседей через перегородку. Молодая пара с южно-американским акцентом. Они ругаются по-португальски или по-испански, она не уверена, *потом* вдруг замолкают' (A. Quentin. Soeur, 2019).

(491) *J'ai craché dans le lavabo, me suis rincé la bouche plusieurs fois. Ensuite j'ai pris la tête dans les mains, à reprendre le contrôle de ma respiration* 'Я сплюнул в раковину, несколько раз прополоскал рот. *Потом* я обхватил голову руками, чтобы восстановить дыхание' (A. Guyard. La Zonzon, 2011).

(492) *Voici ces deux planches: on y mettra tes jambes, on les serrera avec une corde. Ensuite on mettra entre tes jambes les coins que tu vois ici, et on les enfoncera à coups de marteau. Tes pieds enfleront. Ensuite le sang jaillira de tes orteils, et les ongles des autres doigts tomberont tous. Ensuite la plante de tes pieds crèvera, et l'on en verra sortir une graisse mêlée de chairs écrasées* 'Вот эти две дощечки: в них вложим ноги, обвяжем их веревкой. *Потом* мы вставим клинья, которые ты видишь здесь, между твоими ногами и забьем их. Твои ноги отекут. *Потом* кровь брызнет из пальцев на ногах, а ногти на остальных пальцах отвалятся полностью. *Потом* лопнут подошвы ног твоих, и увидишь, как из них вытекает жир, смешанный с раздавленным мясом' (J. Potocki. Manuscrit trouvé à Saragosse, 1815).

В такого рода контекстах допустимо использование ЯЕ *donc*, которая сохраняет в своей семантике темпоральное и каузальное значения (см. § 3.2.3). Например:

(493) *Hortense était une obsédée du contrôle, un brin autoritaire, mais c'était grâce à elle que j'avais touché une avance donc je lui répondais toujours avec commisération* 'Гортензия была одержима контролем, немного авторитарна, но именно благодаря ей я получил аванс, *поэтому* я всегда отвечал ей сочувствием' (L. Bouherraфа. La Dédicace, 2019).

V_{1a}. Собственно следствие. В зависимости от вовлеченности субъекта ситуации различаются объективное следствие и субъективное следствие.

При объективном следствии производная ситуация постулируется как положение вещей закономерное, основанное на общепризнанных причинах, а не личных и случайных, то есть описывается естественный ход вещей, в основе которого лежит норма. Толкование следующее: 'каждый раз, когда Р,

Q'. Единицы *donc*, *alors*, *ainsi*, *or*, *et* используются в ситуации, когда производная ситуация не зависит от воли человека. Речь идет об определенных общественных нормах, обычаях или традициях (примеры (494)–(497)), природных и физиологических закономерностях (примеры (498)–(501)).

(494) *Celui qui devait transporter la caisse de mes œuvres à Fontainebleau avait une voiture de sport, et il s'est fait arrêter par les flics. Il avait oublié ses papiers, donc on l'a emmené au poste* 'У человека, который должен был перевезти ящик с моими работами в Фонтенбло, была спортивная машина, и его арестовали полицейские. Он забыл свои документы, поэтому его отвезли в участок' (Ch. Boltanski. *La vie possible de Christian Boltanski*, 2007).

(495) *Les déplacements sont strictement limités et on ne peut pas vous amener en ville tout de suite* 'Передвижение строго ограничено, и вас не могут сразу привезти в город' (J. Littell. *Les Bienveillantes*, 2006).

(496) *Le mort, sans cercueil, enroulé dans un linceul blanc, est déposé sur le flanc dans ce renforcement, le visage tourné vers La Mecque; puis l'on mure l'alcôve avec des briques, et ensuite on remplit la fosse, la terre excédentaire formant un monticule oblong; or le mort ne repose pas sous ce monticule, mais juste à côté* 'Покойник без гроба, закутанный в белый саван, кладется на бок в эту выемку, лицом, обращенным к Мекке; потом ниша замуровывается кирпичами, а затем яма засыпается, а лишняя земля образует продолговатый холмик; поэтому покойник покойся не под этой насыпью, а рядом с ней' (J. Littell. *Les Bienveillantes*, 2006).

(497) *Je faisais mes cours comme si j'étais un civil. J'étais en civil. Ainsi, ils ne me devaient pas salut. Et ils ne me saluaient pas. Mais je n'étais en civil que pour faire mes cours. Pendant que j'étais au tableau à leur expliquer les séries de Fourier, par exemple, il était entendu que j'étais en position de civil, donc je n'avais pas, moi non plus, à saluer* 'Я читал лекции, как если бы я был штатским. Я был в штатском. Так что они не были должны мне отдавать честь. Поэтому мне не отдавали честь. Но я был в штатском только во время занятий. Пока я у доски объяснял им, например, ряды Фурье, было понятно, что я нахожусь в штатской должности, так что мне тоже не нужно было отдавать честь' (J. Roubaud *Impératif catégorique: récit*, 2008).

(498) *Les habitants de la baie disent qu'ils ont été protégés par les îles. Ainsi toutes ces petites îles auraient permis d'amortir le déluge et de préserver le paysage chéri de Bashô* 'Жители залива говорят, что их защищали острова. Поэтому все эти маленькие острова по-видимому позволили смягчить последствия наводнения и сохранить любимый ландшафт Басё' (R. Sekiguchi. *Ce n'est pas un hasard*, 2011).

(499) *L'Ahmed a actionné la minuterie. Les quelques néons ont clignoté, puis une faible lumière blanche a éclairé un étroit et long couloir* 'Ахмед нажал на выключатель. Несколько неоновых лампочек загорелись, и тусклый белый свет залил длинный и узкий коридор' (M. Jung. *Le Triomphe de Thomas Zins*, 2018).

(500) *Il met cinq bonnes minutes à poser son seul pied à terre. Il n'a plus de dents non plus, alors il bave et crache beaucoup* 'Ему требуется добрых пять минут, чтобы поставить единственную ногу на землю. Зубов у него тоже нет, поэтому у него сильно течет слюна, и он плюется' (E. Carrère. *Un roman russe*, 2007).

(501) *La mangouste a foncé sur elle, et lui a transpercé un doigt* 'Мангуст бросился на нее и прокусил ей палец' (M. Depussé. Les morts ne savent rien, 2006).

При субъективном следствии предполагается, что возможность реализации производной ситуации (факты, события, состояния, свойства объектов) зависит от вмешательства субъекта или его психоэмоционального состояния. Единицы *donc, alors, c'est pourquoi, aussi, ou* сигнализируют о связи между Р и Q, основанной на субъективной интерпретации текущего момента, и имеют следующее толкование: 'раз сейчас Р, тогда Q'. Например:

(502) *Je suis énervée, donc je me lève plus tôt que d'habitude* 'Я нервничаю, поэтому встаю раньше обычного' (V. Hanf Tango tranquille, 2013).

(503) *M'aimera-t-il autant que je l'aime aujourd'hui? J'espère qu'il ne me fera pas le même coup que la dernière fois. Il était venu et il était reparti. Je préfère oublier ça. Cette fois je veux y croire, alors je touche mon ventre pour le sentir bouger, qu'il me donne un signe, qu'il me rassure, et me dise aussi qu'il tient à moi* 'Будет ли он любить меня так же сильно, как я люблю его сегодня? Надеюсь, он не сделает со мной то же самое, что и в прошлый раз. Он пришел и ушел. Я предпочитаю забыть об этом. На этот раз я хочу в это поверить, поэтому я касаюсь своего живота, чтобы почувствовать, как он движется, что он дает мне знак, что он успокаивает меня, а также говорит мне, что мною дорожит' (R. Ouedraogo. Du miel sous les galettes, 2020).

(504) *Je ne suis pas convaincu de sa culpabilité. C'est pourquoi je suis ici* 'Я не убежден в его виновности. Поэтому я здесь' (J. Dicker. La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert, 2012).

(505) *Arrête de m'agresser ou je fais une rupture d'anévrisme* 'Прекрати нападать на меня, или со мной случится удар' (Fr. Beigbeder. 99 francs, 2000).

(506) *Elle était trop occupée aux travaux mettant toute son énergie à accomplir les tâches que nécessitait sa charge. Aussi la présence de Pauline était-elle sa consolation de chaque jour* 'Она была слишком занята своей работой, направляя всю свою энергию на выполнение задач, связанных с ее должностью. Поэтому присутствие Полины было ее ежедневным утешением' (A.-M. Garat. Dans la main du diable, 2006).

Ситуация субъективного следствия подвергается различным типам регулярного варьирования в разнообразных контекстах, которые различаются следующими смысловыми признаками: характер исходной и производной ситуаций ((не-) целенаправленная, (не-) контролируемая субъектом деятельность), представление о завершенности исходной ситуации, указание на осмысление ситуации, указание на ожидание определенного результата. Единицы используются для введения производной ситуации, которая представляет результат, итог и исход.

Результат подразумевает целенаправленную деятельность, которая поддается контролю со стороны субъекта и уже завершилась. Для результата характерна возможность временного зазора между исходной и производной ситуацией, как в примерах (507)–(509), в которых связь между пропозитивными компонентами оформляется единицами *donc, et, enfin*. Единицы *voire*,

par conséquent присоединяют члены предложения или предложения, обозначающие результат особенно напряженного, усиленного действия или какой-либо признак как показатель самой высокой степени чего-либо (примеры (510), (511)).

(507) *Non, c'est quand on se rase que ça repousse plus fort. Lorsqu'on s'épile, on arrache le poil, donc on l'affaiblit* 'Нет, когда бреешься, щетина отрастает более жесткая. Когда вы делаете эпиляцию, волосы вырывают, поэтому они истончаются' (M. Jung. *Le Triomphe de Thomas Zins*, 2018).

(508) *Animées par son souffle, les lettres se dessinèrent en courbes violettes, en courbes vivantes, leur rythme lent l'apaisait et il finissait ses lignes d'un paraphe enlevé, précis comme une touche d'escrime* 'Оживляемые его дыханием, буквы складывались в фиолетовые кривые, живые кривые, их медленный ритм успокаивал его, и он заканчивал свои строки бойким инициалом, точным, как фехтовальный штрих' (A. Enni. *L'Art français de la guerre*, 2011).

(509) *Le vieil homme restait immobile. Enfin il sortit de sa robe son chapelet d'ébène et il s'accroupit dans la poussière* 'Старик оставался неподвижен. Наконец он достал из мантии свои черные четки и сел в пыли на корточки' (J.-M. G. Le Clézio. *Désert*, 1980).

(510) *À trop jouer avec le feu, on risque des ennuis avec la police, voire un sérieux tabassage, voire même une exécution pure et simple* 'Если слишком много играть с огнем, есть риск нарваться на неприятности с полицией, даже серьезное избиение, и даже наказание' (M. Jung. *Le Triomphe de Thomas Zins*, 2018).

(511) *Le puissant banquier Christian Mortensen, un autre amant de la jeune victime assassinée, prétend que celle-ci est passée chez lui le jour fatidique, vers 13 heures. Le banquier Mortensen a déclaré qu'Elisa et lui avaient eu ce jour-là un rapport sexuel imprévu, par conséquent rapide* 'Влиятельный банкир Кристиан Мортенсен, еще один любовник молодой убитой жертвы, утверждает, что последняя отправилась к нему домой в роковой день, около часа дня. Банкир Мортенсен сказал, что в тот день у них с Элизой был незапланированный, поэтому быстрый секс' (C. Lovey. *Monsieur et Madame Rivaz*, 2016).

Итог всегда подразумевает определенное осмысление ситуации [Апресян 2003, с. 967–972]. Единицы сочинения оформляют связь между пропозитивными компонентами, которые представляют осмысление ситуации в долгосрочной перспективе (примеры (512), (513)) либо в текущий момент (примеры (514)–(517)).

(512) *Sans aucun doute nous étions complètement coupés de la famille de ma mère parce que vaguement antisémite, et mon père n'avait pas de famille, donc je n'ai jamais eu de grands repas de famille, d'où cette nostalgi* 'Без сомнения, мы были полностью отрезаны от семьи моей матери из-за неопределенного антисемитизма, а у моего отца не было семьи, поэтому я никогда не бывал на больших семейных обедах, отсюда и эта ностальгия' (Ch. Boltanski. *La vie possible de Christian Boltanski*, 2007).

(513) *Aucune étude précise n'existe à ce jour sur ce qu'a été la mortalité parmi les survivants dans les deux années qui ont suivi leur retour des camps de concentration. Par conséquent, on ignore le nombre de ceux qui n'auront jamais*

retrouvé ni la santé ni la force de vivre dans ces années d'après-guerre 'На сегодняшний день нет точного исследования смертности среди выживших в течение двух лет после их возвращения из концентрационных лагерей. Поэтому мы не знаем числа тех, кто так и не обрел ни здоровья, ни сил жить в эти послевоенные годы' (V. Linhart. *La vie après*, 2012).

(514) *J'ai même dû faire venir un interne en cardiologie pour me faire expliquer certains passages. Enfin je comprends tout maintenant* 'Мне даже пришлось пригласить стажера-кардиолога, чтобы тот объяснил мне некоторые детали. Поэтому наконец теперь я все понимаю' (Y. Beauchemin. *Le Matou*, 1981).

(515) *On opina, ici et là, on abonda dans le sens de cette déclaration et il en fut heureux pour Apolline, qui eût été bien en mal si se fût au contraire. Par suite elle se sentit tranquillisée et quelque peu adoucie* 'Тут и там высказывались мнения, люди соглашались с этим заявлением, и это было счастьем для Аполлины, которая была бы в большой беде, если бы было наоборот. В результате она почувствовала себя успокоенной и несколько смягчилась' (P. Pelot. *C'est ainsi que les hommes vivent*, 2003).

(516) *C'était un tapis d'apparence si précieuse qu'Edmond hésita avant d'y poser les pieds. Finalement il marcha dessus pour rejoindre le siège désigné* 'Это был ковер, который выглядел настолько драгоценным, что Эдмонд колебался, прежде чем ступить на него. В конце концов он прошел по нему, чтобы занять указанное место' (G. Flaubert. *Correspondance*, 1878).

(517) *Ayant expliqué aux élèves comment il fallait raisonner, elle fit les opérations au tableau et déclara: «Les bois de la commune contiennent donc quatre mille huit cents chênes, trois mille deux cents hêtres et seize cents bouleaux. Par conséquent Delphine et Marinette se sont trompées. Elles auront une mauvaise note»* 'Объяснив ученикам, как следовало рассуждать, она написала действия на доске и объявила: «Итак, в лесах коммуны четыре тысячи восьмьсот дубов, три тысячи двести буков и тысяча шестьсот берез. Поэтому Дельфина и Маринетт ошиблись в вычислениях. Они получают плохую отметку»' (M. Aymé. *Nouvelles complètes*, 2002).

Особо следует отметить частный случай использования единицы *à savoir (que)*, которая соединяет два компонента следующим образом: в первом сочиненном компоненте наличествует единица, номинирующая результат мыслительной деятельности о некотором фрагменте внеязыковой действительности (*идея, концепция, суждение, гипотеза, мнение* и т.д.), а во втором компоненте раскрывается его суть в соответствии с «энциклопедией знаний» или в соотнесенности с текущим моментом. Единица *à savoir (que)* сигнализирует о том, что речь идет о новой исчерпывающей информации о факте, событии, явлении. Так, эта новая информация основывается на принятых социокультурных нормах в другом обществе, неизвестных для жителей Родезии, в примере (518) или на жизненном опыте говорящего в примере (519).

(518) *Un anthropologue anglais venu en Rhodésie pour étudier les mœurs des «primitifs» locaux avait tenté d'expliquer à la tribu assemblée la conception de l'amour qui prévalait dans son pays – à savoir que pour conquérir sa belle, un chevalier devait surmonter de terribles épreuves* 'Один из английских антропо-

логов, приехавший в Родезию для изучения нравов местных «примитивов», пытался объяснить собравшемуся племени представление о любви, господствовавшее в его стране, *а именно* то, что, чтобы завоевать сердце своей любимой, рыцарь должен преодолеть серьезные испытания' (Gr. Bouillier. Le dossier M. Livre 1, 2017).

(519) *Alors, cette idée en amène encore une autre, à savoir que tout écrivain se forme en répétant les autres écrivains* 'Таким образом, эта идея приводит к еще одной, *а именно* к тому, что каждый писатель формируется путем повторения других писателей' (G. Peres. Entretiens et conférences I, 2003).

Исход есть указание на ожидание какого-то определенного результата. Возможность временного зазора, характерная для результата, у исхода отсутствует. При этом производная ситуация всегда одна в отличие от результата, который предполагает некоторое количество возможных производных ситуаций [Апресян, 2003, с. 967–972]. Например:

(520) *Monsieur de Fénelon ne me détrompa point. Enfin nous tombâmes d'accord sur tout* 'Г-н де Фенелон не разубедил меня. *И* мы обо всем договорились' (Fr. Chandernagor. L'Allée du Roi, 1981).

(521) *Elle avait eu cette chance, mais moi je ne l'avais pas eue, alors elle voulait m'aider. Elle me proposait de venir vivre chez elle, elle me dressait la liste des différentes commodités de sa maison* 'У нее был такой шанс, а у меня нет, *поэтому* она хотела мне помочь. Она предложила мне приехать к ней жить, перечисляя различные удобства своего дома' (H. Guibert. Le protocole compassionnel, 2007).

(522) *Elles réclamèrent à boire et il y eut une discussion sordide à propos du prix des consommations. Finalement on servit aux dames des coupes de mousseux* 'Они попросили выпивку, и возник неприятный спор о цене выпивки. *Наконец* дамам подали бокалы с игристым вином' (R. Sabatier. Les Fillettes chantantes, 1980).

V₂. ВЫВОД. В ряде контекстов исследуемые единицы утрачивают темпоральное значение и приобретают значение логического следствия. Логическое следствие представляет собой теоретически мыслимые ситуации, к которым может привести исходная ситуация. Они могут быть отдалены по времени, их связь с исходной ситуацией может быть опосредованной. Мы уже отмечали в § 3.2.3, что лексема *donc* в отличие от других единиц сочинения с каузальной семантикой маркирует прямое и сложное отношение между двумя составляющими (положениями вещей): прямое – отсутствие имплицитного обоснования (V_{2a}), сложное – имплицитное обоснование выводится из содержания двух компонентов (V_{2б}). Примеры (523)–(525) иллюстрируют прямое логическое следствие с эксплицитно представленным обоснованием. При отсутствии эксплицитного обоснования используется исключительно *donc* (примеры (526), (527)).

(523) *On nous pousse à pratiquer une justice mécanique, telle contravention appelant telle amende, tel vice contractuel déclenchant telle jurisprudence, et on se dépêche d'autant plus que le nombre de jugements rendus est un critère décisif de la notation d'un juge, donc de son avancement* 'Нас подталкивают к механическому правосудию, такое-то нарушение требует такого-то штрафа, такое-то договорное нарушение вызывает такое-то наказание, и мы тем более торопимся, что

количество вынесенных постановлений является решающим фактором в рейтинге судьи, *а значит* и его продвижения по службе' (E. Carrère. D'autres vies que la mienne, 2009).

(524) *Un tel ex ercice était peut-être respectable, indispensable même, mais il était nuisible à l'appréciation de la poésie. **Partant**, il était nuisible à qui voulait devenir poète* 'Такое упражнение, наверное, достойно, даже необходимо, но оно было вредно для оценки поэзии. Поэтому было вредно для тех, кто хотел стать поэтом' (J. Roubaud. Poésie : récit, 2000).

(525) *On ne lui gardait sa fille que par bonté gratuite au lieu de la mettre à l'orphelinat, c'étaient tous de braves personnes, bien brutes et bêtes. Ils ne savaient ni lire ni écrire, seulement compter chèvres, cochons et canards. **Ensuite**, à dix ans, elle en était toujours à sa niaiserie d'illettrée* 'Ему оставили дочь из безвозмездной доброты вместо того, чтобы отдать ее в приют, все они были хорошие люди, неотесанные и необразованные. Они не умели ни читать, ни писать, только считать коз, свиней и уток. Поэтому в свои десять лет она все еще была неграмотна' (А.-М. Garat. Les mal famées, 2000).

(526) *Je n'avais pas du tout l'idée que ça puisse être important, **donc** je ne me faisais aucun souci* 'Я понятия не имел, что это вообще важно, поэтому я не волновался' (Ch. Boltanski. La vie possible de Christian Boltanski, 2007).

(527) *Je ne crois pas être lâche, donc je me permets d'écrire ces choses* 'Я не считаю себя трусом, поэтому позволяю себе писать такие вещи' (H. Berr. Journal, 2008).

Для указания на формально-логическую связь между утверждениями единицы сочинения с исходной соединительной, противительной и разделительной семантикой не используются.

Обобщенные сведения о способности исследуемых единиц сочинения использоваться в типовых ситуациях ВКЛЮЧЕНИЕ, ИСКЛЮЧЕНИЕ, АЛЬТЕРНАТИВА, ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ, ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ представлены в табл. 37.

Т а б л и ц а 37

Распределение единиц сочинения по типовым ситуациям на основе двух образных схем $THING_{schema}$ и $PATH_{schema}$ в современном французском языке

$THING_{schema}$			$PATH_{schema}$	
ВКЛЮЧЕНИЕ	АЛЬТЕРНАТИВА	ИСКЛЮЧЕНИЕ	ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ	ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ
<i>et (ni), puis, ensuite, enfin, en fait, de plus, au surplus, en outre, après tout, encore (que), ainsi (que), aussi, voire, à savoir, c'est-à-dire, cependant (que), or, effectivement, mais, donc, partant, alors</i>	<i>ou, soit, soit... soit, soit... ou, ou bien, et/ou, tantôt... tantôt, plutôt... plutôt, sitôt... sitôt, c'est-à-dire, à savoir</i>	<i>mais, au contraire, par contre, sinon, pourtant, néanmoins, en revanche, toutefois, cependant, du moins, au moins, or</i>	<i>car, en effet, effectivement, en fait, de fait, or, c'est-à-dire, à savoir, soit... soit</i>	<i>donc, alors, partant, par conséquent, conséquemment, par suite, c'est pourquoi, et, puis, ainsi, aussi, enfin, finalement, voire, ou</i>

В табл. 37 представлены ЯЕ и их функционально-семантические эквиваленты, которые изначально используются для обозначения соответствующей типовой ситуации либо в ходе развития языка приобретают свойство маркировать эту типовую ситуацию. Самой многочисленной является группа единиц сочинения, которая репрезентирует типовую ситуацию ВКЛЮЧЕНИЕ. Самой малочисленной – группа единиц сочинения типовой ситуации ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ.

Исследование показало, что не все ПЕ сочинения развивают свои семантические свойства по модели ЯЕ сочинения с общим типовым значением. ПЕ сочинения для обозначения выделенных разновидностей типовых ситуаций используются по-разному. Единицы сочинения ближней периферии в целом способны обозначать большее количество разновидностей типовых ситуаций в отличие от единиц дальней периферии, которые обозначают ограниченное количество разновидностей только одной типовой ситуации. Например, единица ближней периферии *puis* используется для обозначения собственно соединения (I_{1a}) и следствия (V_1), ПЕ *c'est-à-dire* – альтернативной номинации (II_{1b}), частичной коррекции (III_{16}) и объяснения (IV_{26}), ПЕ *ainsi* – собственно соединения (I_{1a}) и собственно следствия (V_{1a6}). Единица дальней периферии *par conséquent* используется для обозначения собственно следствия (V_{16}), повтор ПЕ и *sitôt* – темпорального чередования (II_{1a}).

Способность единиц сочинения обозначать разновидности более чем одной типовой ситуации свидетельствует о размытости границ между выделяемыми типовыми ситуациями и отражает как исходную многозначность ЯЕ сочинения, так и приобретенную многозначность некоторых ПЕ сочинения, которые развивают способность к обозначению нескольких разновидностей типовых ситуаций по аналогии с ЯЕ сочинения. Декодирование сути связи, оформляемой ПЕ, зависит от содержания соединяемых ими пропозиций, от окружающего контекста и от «знаний о мире» декодирующего. В ходе конъюнкционализации единицы сочинения ближней периферии развивают многозначность вследствие выветривания «конкретных» сем. Единицы же дальней периферии в процессе приобретения конъюнктивных свойств их сохраняют.

Особо отметим те разновидности типовых ситуаций, которые сложным образом пересекаются друг с другом. Речь идет о зонах пересечения, которые могут охватывать две и более выделенные разновидности типовых ситуаций или их контекстуальные модификации. Нами выделено семь таких зон. К ним относятся: (I_{1a}) собственно соединение и (II_{16}) две и более альтернативы имеют место; (I_{16}) присоединение и (III_{16}) коррекция; (I_{1a}) перечисление и (V_{1a}) темпоральное следствие; (I_{26}) сопоставление и (III_{1a}) собственно противопоставление; (II_{1a}) множество неравноценных альтернатив и (III_{1a}) собственно противопоставление; (II_{1b}) сходство альтернатив, (III_{16}) коррекция и (IV_{26}) объяснение; (III_{2a}) объективная несовместимость и (V_{1a}) собственно следствие.

Система единиц сочинения современного французского языка представляет собой сложноорганизованное семантическое пространство, которое есть

результат длительного процесса развития семантических свойств ЯЕ сочинения в ранний период развития языка (с IX по XVI в.) и ПЕ сочинения в новофранцузский период (с XVII в. по настоящее время).

Подводя итог исследования развития системы единиц сочинения французского языка, мы продемонстрируем, каким образом принцип парадигматической экономии как принцип организации и эволюции языковой системы приложим к системе единиц сочинения. Совокупность ЯЕ сочинения, которые изначально предназначены для дифференцированного обозначения абстрактных отношений между сущностями, мы представим не в традиционной, линейной, последовательности семи союзов *et*, *ou*, *ni*, *mais*, *car*, *donc*, *or*, а в виде симметрично сгруппированных концентрических окружностей (зон). Сходство и различие в структурно-содержательной организации пространства «собственно» сочинения и «несобственно» сочинения в двух противопоставленных периодах IX–XVI вв. и с XVII в. по настоящее время схематично представлены на рис. 30.

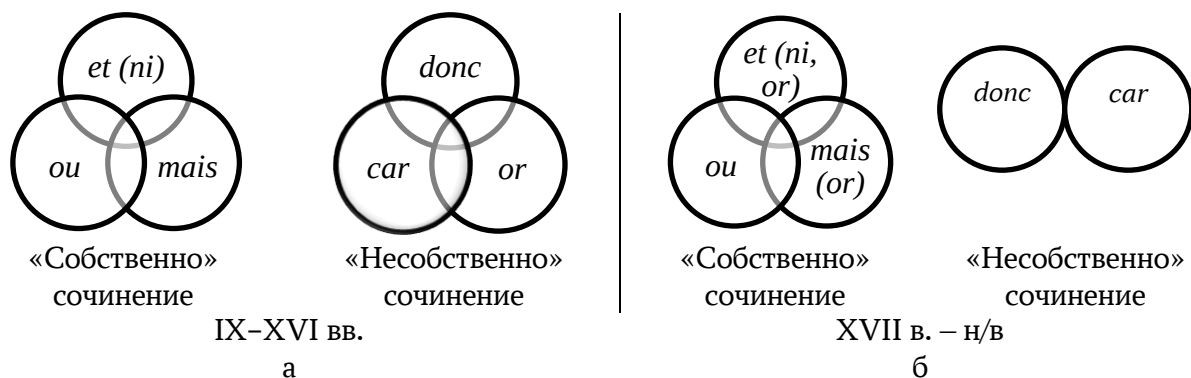

Рис. 30. Эволюция системы французских ЯЕ сочинения

Предложенная схема позволяет представить систему ЯЕ сочинения как исторически сложившуюся бинарно организованную структуру, в которой «собственно» сочинение и «несобственно» сочинение противопоставлены функционально и семантически. Иначе говоря, в основе бинарной оппозиции лежит способность лексем «координировать» (фр. *coordonner* ‘устанавливать сочиненную связь’) единицы разной синтаксической сложности и обозначать типовые ситуации, сводимые к двум образным схемам $THING_{schema}$ и $RATH_{schema}$.

Общим свойством для всех ЯЕ в ранний период развития языка (IX–XVI вв.) является способность оформлять коннективную связь и обозначать типовые ситуации ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ, ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ. Отличие заключается в том, что в ранний период развития языка ЯЕ «несобственно» сочинения *car*, *donc*, *or* не используются при оформлении копулятивной связи и для обозначения типовых ситуаций ВКЛЮЧЕНИЕ, ИСКЛЮЧЕНИЕ, АЛЬТЕРНАТИВА, а приобретают эти свойства в ходе эволюции языка.

«Собственно» сочинение представлено изначально ЯЕ *et, ou, mais*, репрезентирующими типовые ситуации ВКЛЮЧЕНИЕ, ИСКЛЮЧЕНИЕ, АЛЬТЕРНАТИВА соответственно, что отражает определенную симметрию «одно отношение – один знак». Зоны пересечения демонстрируют, что в своих вторичных семантических функциях (рис. 30а) союзы *et, ou, mais* обозначают в ряде случаев одинаковые отношения. Аналогичные зоны пересечения имеются и у их функционально-семантических эквивалентов (см. выше).

ЯЕ «несобственно» сочинения обозначают изначально типовые ситуации ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ, ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ по принципу «одно отношение – несколько знаков». Как мы уже отмечали в § 3.2.3, в диахронической перспективе лексемы *car, or, donc* с интервалом в два-три столетия демонстрируют схожую траекторию развития, специализируясь в обозначении определенного типа отношения: *car* (причина, обоснование), *donc* (следствие, вывод) и *or* (введение дополнительной информации, на основании которой делается вывод). В последующем низкочастотная единица сочинения *or* по причине своей семантической неоднозначности переходит в зону действия $THING_{schema}$, что приводит к частичной модификации структурно-содержательной организации пространства «собственно» сочинения и «несобственно» сочинения (рис. 30б).

Из сказанного следует, что ЯЕ сочинения выступают «центрами притяжения», своеобразными аттракторами, вокруг которых в ходе развития французского языка выстраиваются ПЕ сочинения. Линии развития функциональных и семантических свойств ПЕ сочинения обнаруживают ряд сходств с линиями развития функциональных и семантических свойств ЯЕ сочинения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование развития системы единиц сочинения французского языка в историческом ключе – их инвентаризация, классификация и структурно-содержательная организация – позволило установить пути ее эволюции в широком временном контексте (с IX в. по настоящее время), раскрыть характер и сущность механизма ее развития.

Вся совокупность существующих во французском языке эксплицитных средств оформления сочинения, ядерных и периферийных, состоит из частных систем: соединительной, разделительной, противительной и каузальной. Формирование ядра системы начинается с заимствования из латыни сочинительных союзов *et*, *ni* и *ou* для выражения простых логических отношений конъюнкции и дизъюнкции и образования новых единиц в старофранцузском (*car*, *donc*, *or*, *mais*) для выражения сложных логических отношений импликации и отрицательной импликации. Эти ядерные единицы сочинения выступают «центрами притяжения», вокруг которых в ходе эволюции французского языка выстраиваются неоднородные по частеречной принадлежности периферийные единицы сочинения (*puis*, *soit*, *pourtant*, *alors*, *aussi*, *par conséquent* и др.). В ряде контекстов периферийные единицы сочинения используются как функционально-семантические эквиваленты сочинительных союзов, частично или полностью повторяя линии развития функциональных и семантических свойств своих аттракторов.

Ядерные и периферийные единицы сочинения дифференцируются по их функционально-синтаксической способности устанавливать копулятивную и коннективную связи, занимать фиксируемую позицию в начале соединенного компонента, оформлять бисиндетон и полисиндетон и образовывать сочетания друг с другом.

Синергетическое взаимодействие факторов как внешнего характера (динамичности вербализуемой внеязыковой действительности, потребности говорящего в оптимальном обозначении абстрактных отношений между внеязыковыми сущностями), так и внутреннего характера (синтеза действий внутриязыковых антиномий, давления системы, принципов экономии, аналогии, инновации) предопределяет взаимообусловленность четырех ингерентных свойств системы единиц сочинения – открытость, неравновесность, нелинейность, динамичность, – которые объективируются путем анализа изменений количественных и качественных характеристик исследуемых единиц.

Развитие системы французских единиц сочинения не характеризуется однонаправленным линейным эволюционным движением. Оно представляет собой двухэтапное изменение состояний самой системы от неравновесной синхронности раннего периода развития языка (периода формирования и становления национального французского языка (IX–XVI вв.)), проявляющейся в синкретизме, вариативности (синтаксическая синонимия), диффуз-

ности, росте флуктуаций (сдвиги в содержательном плане и появление новых элементов функционального плана), к относительной устойчивости новофранцузского периода (периода нормализации национального письменно-литературного французского языка (XVII в. – н/в)), сопровождающейся дифференциацией значений, отказом от избыточности, конвенционализацией синтаксических построений, конденсированием смысла, развитием конъюнктивного потенциала единиц.

Современное состояние системы французских единиц сочинения детерминировано продолжительным и непрерывным действием различных по интенсивности, направленности и масштабности тенденций, охватывающих как содержательную сторону синтаксической связи, так и способы ее выражения и берущих свое начало в ранний период развития языка.

Индивидуальные траектории развития употребительности ядерных единиц сочинения отражают эволюцию потребности в обозначении связи между различными сегментами опыта говорящего с помощью единиц сочинения, выступающих как сигналы ментальных операций упорядочивания и систематизации элементов внеязыковой действительности. Если при оформлении сочинения в ранний период развития языка количественно доминирует соединительный союз *et* ($\approx 80\%$), то в последние десятилетия отмечается тенденция к преобладанию противительного союза *mais*. Ядерные единицы сочинения сохраняют ведущую роль в кодировании соединительных, разделительных, противительных и каузальных отношений в диахронии.

Эмпирически установлена корреляция между ростом употребительности ядерных единиц сочинения (относительная частотность в макромасштабе), изменениями их семантического объема и функциональных свойств и появлением периферийных единиц сочинения. В процессе исторического развития в каждой из частных систем эти изменения не совпадают на временной оси. Интенсивность происходящих изменений (пик употребительности, количество периферийных единиц, разнообразные синтаксические контексты, развитие семантики) свидетельствует о различной потребности говорящих в номинации соединительных, разделительных, каузальных и противительных отношений. Хронология появления этих точек бифуркации на временной оси в определенной последовательности (XII в., XIII в., XIV в., XV в. соответственно) свидетельствует о релевантности тех или иных отношений в разные исторические периоды и частично согласуется с этапами формирования синтаксической связи при освоении речевой деятельности детьми.

Развитие семантических и функциональных свойств ЯЕ приходится на ранний период развития французского языка (IX–XVI вв.), а развитие семантических и функциональных свойств ПЕ – на более поздний новофранцузский период (XVII в. – н/в).

Процесс конъюнкционализации языковых единиц отражается в индивидуальных траекториях развития их дистрибутивных и функциональных свойств. Большинство периферийных единиц сочинения обнаруживают

максимальное проявление своих конъюнктивных свойств в различные исторические периоды, исключая последние десятилетия. На основании большей или меньшей доли копулятивного употребления в современном французском языке (2000 – н/в) средства выражения сочинительной связи можно подразделить на «собственно» ядерные (*et, ou* и *ni*), околождерные единицы сочинения (*mais, car, or, donc*), единицы сочинения ближней периферии (*voire, puis, c'est à dire, en outre, enfin, de plus, aussi, en fait, soit, sinon, au contraire, cependant, pourtant, partant, en effet* и др.) и дальней периферии (*ensuite, au surplus, de fait, par contre, néanmoins, au reste, c'est pourquoi* и др.). Ввиду разного соотношения доли конъюнктивного (копулятивного и коннективного) и неконъюнктивного употребления исследуемых языковых единиц на каждом синхронном срезе границы между «собственно» ядерными, околождерными единицами сочинения, единицами ближней и дальней периферии являются подвижными, за исключением «собственно» ядерных единиц *et, ou* и *ni*.

В целом тенденция развития семантики единиц сочинения идет в направлении от обозначения наглядно-действенных отношений к номинации абстрактно-логических отношений. Говорящий порождает бесконечное множество разнообразных построений, в которых посредством единиц сочинения упорядоченным оказывается все познаваемое в пространстве реальном и в пространстве «воображаемом». Все богатство и многообразие абстрактных, логических и нелогических, отношений между внеязыковыми сущностями, репрезентированное в семантике единиц сочинения современного французского языка, укладывается в две образные схемы $THING_{schema}$ (однородные и/или неоднородные внеязыковые сущности сосуществуют или не сосуществуют) и $RATH_{schema}$ (событийная и логическая последовательность внеязыковых ситуаций).

Внутриязыковая асимметрия в системе средств выражения сочинительной связи обусловлена селективностью заимствования из всей совокупности латинских синтаксических средств связи только единиц с исходно абстрактной семантикой (*et, ou, ni*) и компенсацией единиц, не наследуемых старофранцузским из латинского (противительные и каузальные единицы) или исчезнувших в ранний период развития французского языка (соединительный союз *si*, противительный *ains*, разделительный *vel*), и детерминирована закономерностями двух типов: способность одной единицы обозначать разнообразные отношения между внеязыковыми сущностями и способность разных единиц сочинения кодировать одно отношение.

Исходный семантический синкретизм ядерных единиц сочинения влечет за собой, с одной стороны, появление и сохранение функциональных полей их диффузного употребления (*je ne dis pas avant, mais après le dîner* ‘я не говорю до, но после обеда’ и *avant ou après le dîner* ‘до или после обеда’ (взаимоисключение); *Ses traits étaient comme effacés, mais (=et) son regard myope avait de l'effronterie* ‘Его черты были как бы стерты, а близорукий взгляд был дерзким’ (сопоставление)) и, с другой стороны, использование уже существующих языковых единиц в функции союзов и/или их конкретиза-

торов, в семантике которых отношение детализируется (*au contraire* – взаимное исключение, *puis* – временная последовательность, *enfin* – присоединение последнего элемента ряда, *soit* – эксклюзивная дизъюнкция, *c'est pourquoi* – следствие и т.п.).

Эволюция семантики периферийных единиц сочинения характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: расширением семантики одних единиц (*soit* – эксклюзивная и инклюзивная дизъюнкция, темпоральное чередование) и сохранением семантического объема у других единиц в исследуемом диахроническом отрезке (*c'est pourquoi*, *par conséquent*, *conséquemment*, *par suite* – следствие; *tantôt... tantôt*, *plutôt... plutôt*, *sitôt... sitôt* – темпоральное чередование). При расширении семантики и возникающей как следствие неоднозначности обозначаемых отношений наблюдается дублирование некоторых функций периферийных единиц другими единицами сочинения (*soit... soit*, *puis... puis* – темпоральное чередование).

Обозначенные процессы приводят к содержательному и структурному изменению в системе единиц сочинения: в каждой частной системе образуются серии квазисинонимических рядов с множественными связями от периферийных единиц к ядерным, в которых единицы отличаются употребительностью, функциональными, дистрибутивными и семантическими свойствами.

Поскольку частные системы языковых средств оформления сочинительной связи характеризуются различными темпами развития и многовекторностью изменений, эволюционный процесс развития системы французских единиц сочинения подобен ризоме в том смысле, что ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, обусловленные принципами сцепления, гетерогенности, нелинейности и множественности. Под воздействием разнообразных внешних и внутренних факторов «скрытый стебель» – конъюнктивный потенциал единиц сочинения – развивается и принимает различные конфигурации. Линии ризомы могут менять направление роста (соединять не только семантически и синтаксически равноправные, но и неравноправные компоненты), раздваиваться (языковая вариативность, семантическое приращение, синтаксическая синонимия), обламываться (исчезновение единиц, ослабление некоторых сем (темпоральный дейктик *or*), утрата некоторых функциональных свойств (соединение придаточных для *car*)), давать множество новых ростков (обогащение системы новыми единицами, развитие копулятивного потенциала околоядерных и периферийных единиц), включая поперечные и переплетающиеся линии (разнообразные комбинации ядерных и периферийных единиц, зоны пересечений типовых ситуаций и т.п.).

Полученное новое знание о семантическом и функциональном потенциале околоядерных и периферийных единиц сочинения позволяет прогнозировать дальнейшее развитие системы. Перспективным видится возможность сопоставить данные такого рода с информацией о диахронических изменениях семантических и функциональных свойств средств выражения сочинительной связи в других языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Л., 1988. – 238 с.
2. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 304 с.
3. Аксаков, К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. – 104 с.
4. Алексеева, А. А. Дискурсивное слово «enfin» – коннектор или артикулятор? (на материале французского языка) / А. А. Алексеева // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 3. – С. 118–123.
5. Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Вып. 6. – Краснодар, 2008. – С. 20–26.
6. Аллендорф, К. А. Очерк истории французского языка. Пособие для преподавателей. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1959. – 182 с.
7. Аматов, А. М. Причинность в языкознании как отражение философской категории каузальности / А. М. Аматов // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83). – Вып. 6. – С. 5–16.
8. Апресян, В. Ю. Уступительность как системообразующий смысл // В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 2006. – № 2. – С. 85–110.
9. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. / Ю. Д. Апресян. – М.: Шк. «Языки рус. культуры» – Изд. фирма «Вост. лит.». – 1995. – 473 с.
10. Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. руководством акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
11. Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
12. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
13. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156–250.
14. Архипов, А. В. Типология комитативных конструкций : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. В. Архипов ; М., 2004. – 191 с.
15. Аршинов, В. И. Синергетическое движение в языке / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления: сб. ст. / отв. ред. И. А. Акчурин, В. И. Аршинов. – М.: ИФ РАН, Арго, 1994. – С. 34–48.
16. Аршинов, В. И. Принципы представления процессов становления в синергетике / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, В. Э. Войцехович // Тр. XI междунар. конф. «Логика, методология, философия науки». Секция 8: Методологические проблемы синергетики. – М.: Обнинск, 1995. – Т. VII. – С. 3–7.
17. Аршинов, В. И. Синергетическое знание / В. И. Аршинов, В. Э. Войцехович // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 107–120.
18. Асмус, В. Ф. Очерки истории диалектики в новой философии / В. Ф. Асмус. – М. – Л., 1930.
19. Бабайцева, В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. Раздел «Проблемы классификации частей речи» / В. В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – С. 298–317.

20. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 2001. [первое изд. на франц. – 1950]. – 416 с.
21. Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., Рахилина, Е. В. / А. Н. Баранов и др. – Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
22. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
23. Баранов, А. Н. и др. Корпусная модель идиостиля Достоевского / А. Н. Баранов; Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М.: Лексрус, 2021. – 358 с.
24. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 196–237.
25. Безручко, Б. П., Короновский, А. А., Трубецков, Д. И., Храмов, А. Е. Путь в синергетику: Экскурс в десяти лекциях / Коллектив авторов / Предисл. С. Мирова, Г. Г. Малинецкого. – М.: Либроком, 2010. – 304 с.
26. Белошапкова, В. А. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.
27. Бергельсон, М. Б., Кибрик, А. Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка / М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – № 4. – С. 343–355.
28. Бирцер, С. Развитие предлога *отступя от* / С. Бирцер // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 69–84.
29. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд ; под ред. и с предисл. М. М. Гухман. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
30. Богуславский, И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов / И. М. Богуславский. – М.: Наука, 1985. – 176 с.
31. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Об общих причинах языковых изменений / Бодуэн де Куртенэ И. А. // Избранные работы по общему языкознанию. – М.: Академия наук СССР, 1963. – Т. 1. – 391 с.
32. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Отв. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. – М: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
33. Борковский, В. И. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение / В. И. Борковский. – АН СССР. Институт языкознания. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 185 с.
34. Бородкин, Л. И. Бифуркации в процессах эволюции природы и общества: общее и особенное в оценке И. Пригожина // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – 2002. – № 29. – С. 143–153.
35. Будагов, Р. А. Человек и его язык (заметки об отношении людей к литературному языку) / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1970. – № 6. – С. 3–14.
36. Будагов, Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 17–36.
37. Булаховский, Л. А. Союзы и союзные слова / Л. А. Булаховский. – Киев: Рад. школа, 1947. – 44 с.
38. Булаховский, Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л. А. Булаховский. – Киев: Рад. школа, 1958. – 488 с.
39. Бунге, М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке / М. Бунге. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 512 с.
40. Вадюшина, Д. С. Выделение класса частиц во французском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Д. С. Вадюшина ; Минск, 1975. – 180 с.
41. Валгина, Н. С. Современный русский язык. Синтаксис / Н. С. Валгина. – М.: Высшая школа, 2003. – 416 с.

42. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 408 с.
43. Васильева, Н. М. Структура сложного предложения (на материале французского языка раннего периода) / Н. М. Васильева. – М.: Высшая школа, 1967. – 233 с.
44. Васильева, Н. М. К проблеме однородных сказуемых (на материале французского языка) / Н. М. Васильева // Иностранные языки в школе. – 1970. – № 4. – С. 2–11.
45. Васильева, Н. М. К вопросу о границах синтаксических единиц (на материале сложносочиненного предложения) / Н. М. Васильева // Вопросы теории современного французского языка. Синтаксис словосочетания и предложения. – М., 1972. – С. 3–15.
46. Васильева, Н. М. Критерии разграничения предикативных единиц с сочинительной связью // Вопросы романо-германской филологии. Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1978. – Вып. 125. – С. 96–105.
47. Васильева, Н. М. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис : учебник для вузов / Н. М. Васильева, Л. П. Пицкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 473 с.
48. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
49. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
50. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. Отв. ред. А. Л. Яншин. – М.: Наука, 1991. – 270 с.
51. Виноградов, В. В. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1952. – № 2. – С. 3–43.
52. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
53. Власова, Л. В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий / Л. В. Власова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2014. – № 2. – С. 128–132.
54. Вовк, И. В., Гринченко, В. Т. и др. Дюжина лекций о фракталах. От объекта восхищения к инструменту познания: учеб. пособие / И. В. Вовк [и др.]. – 2-е изд., перераб. и существенно доп. – М.: Эдиториал, УРСС, 2018. – 264 с.
55. Войцехович, В. Э. Синергетическая концепция фракталов / В. Э. Войцехович // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 114–156.
56. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – URSS, 2017. – 656 с.
57. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
58. Гайдено, П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века / П. П. Гайдено. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
59. Гак, В. Г. Асимметрия / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь: гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 47.
60. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
61. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
62. Гальперин, П. Я. Основные результаты исследований по проблеме «Формирование умственных действий и понятий» / П. Я. Гальперин. – М., 1965.

63. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом; общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
64. Гиппиус, А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. – М., 2004. – С. 183–232.
65. Глобальный эволюционизм / РАН. Ин-т философии; Ред. Л. В. Фесенкова. – М.: ИФ РАН, 1994. – 150 с.
66. Грушин, Б. А. Очерки логики исторического исследования / Б. А. Грушин. – М.: Высшая школа, 1961. – 214 с.
67. Губин, В. Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии / В. Д. Губин. – М., 1998. – 191 с.
68. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984 [1835]. – С. 37–297.
69. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
70. Добровольский, Д. О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов / Д. О. Добровольский // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2020. Т. 17. Вып. 3. – С. 398–411.
71. Дрожащих, Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Дрожащих ; Тюмень, 2006. – 376 с.
72. Дрожащих, Н. В., Белоногова, Т. Ю. Введение в динамическую синергетику языка : монография. 2-е изд., перераб. и расширенное / Н. В. Дрожащих, Т. Ю. Белоногова. – Тюмень: изд-во Тюменского гос. ун-та, 2018. – 212 с.
73. Живов, В. М. Заметки об историческом синтаксисе русского языка (по поводу кн.: G. Huttel-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1996. 319 S.) // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 58–69.
74. Живов, В. М. О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки рус. культуры, 2001. – С. 573–581.
75. Жолковский, А. К. Лексика целесообразной деятельности / А. К. Жолковский // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – I Московский гос. пед. ин-т иностранных языков. Труды института. Вып. 8. – М., 1964.
76. Жуков, Д. С., Лямин, С. К. Методология фрактального моделирования в исторических, политологических и иных социальных исследованиях: особенности понятийного и аналитического аппарата / Д. С. Жуков, С. К. Лямин // Вестник ТГУ. – 2010. – № 7 (87). – С. 223–234.
77. Завьялова, Г. Н. Однородные предикативы в составном именном сказуемом в структуре двусоставного предложения: на материале французского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Г. Н. Завьялова ; М.: МГЛУ, 2000. – 166 с.
78. Зализняк, А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 352 с.
79. Зализняк, А. А. Древнерусские энклитики / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 282 с.
80. Зализняк, Анна А. Феномен многозначности и способы его описания / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20–45.
81. Захаров, В. П., Масевич, А. Ц. Диахронические исследования на основе корпуса русских текстов Google books Ngram Viewer / В. П. Захаров, А. Ц. Масевич // Структурная и прикладная лингвистика. – 2014. – Вып. 10. – С. 303–327.

82. Звезгинцев, В. А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений / В. А. Звезгинцев // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – С. 125–143.
83. Иеронова, И. Ю. Исторический синтаксис французского языка: французское предложение в диахронии с XI по XVI века / И. Ю. Иеронова. – Методическое пособие по спецкурсу / Калинингр. ун-т; Сост. И. Ю. Иеронова. – Калининград, 1996. – 26 с.
84. Инькова-Манзотти, О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование / О. Ю. Инькова-Манзотти. – М., 2001. – 435 с.
85. Иорданская, Л. Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими союзами) / Л. Н. Иорданская // Russian Linguistics. – 1988. – Vol. 12. – № 3. – С. 239–267.
86. Иорданская, Л. Н. Перформативные глаголы и риторические союзы / Л. Н. Иорданская // Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 33. Wien. – 1992.
87. Иссерс, О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2012. – 276 с.
88. Канюшкевіч, М. І. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3 ч. Ч. 1. Дыяпазон А–З / М. І. Канюшкевіч. – Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2019. – 304 с.
89. Карцевский, С. О. Бессоюзие и подчинение в русском языке / С. О. Карцевский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 125–131.
90. Карцевский, С. И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. И. Карцевский // Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский ; сост., пер. с фр., вступ. ст. и коммент.: И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. – [Т.] II. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – С. 239–245.
91. Кассирер, Э. Сущность и действие символического понятия / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 654 с.
92. Катагощина, Н. А. История французского языка / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1963. – 448 с.
93. Келлер, Р. Языковые изменения / Р. Келлер ; пер. с нем. и вступ. ст. О. А. Костровой. – Самара: Изд-во СамПГУ, 1997. – 312 с.
94. Кибрик, А. А., Подлеская, В. И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / А. А. Кибрик, В. И. Подлеская // По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М.: Издательский центр «Российский гос. гуманитарный ун-т». – 2009. – № 8 (15). – С. 390–395.
95. Киклевич, А. К. Смысл – текст – интеракция: языковые репрезентации / А. К. Киклевич. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 336 с.
96. Киселева, К., Пайр, Д. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / К. Киселева, Д. Пайр (ред.). – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.
97. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994. – 236 с.
98. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.
99. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Основания синергетики: синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: URSS, 2010. – 232 с.
100. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – Вступ. ст. Г. Г. Малинецкого. – М.: КомКнига, 2011. – 272 с.

101. Колесов, В. В. Семантический синкретизм как категория языка / В. В. Колесов // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. – 1991. – Вып. 2. – № 9. – С. 40–49.
102. Колесов, В. В. Основы концептологии / В. В. Колесов. – М.: Златоуст, 2019. – 778 с.
103. Колин, К. К., Урсул, А. Д. Информационная культурология. Предмет и задачи нового научного направления / К. К. Колин, А. Д. Урсул. – Саарбрюккен (ФРГ): Lambert academic publishing, 2011. – 256 с.
104. Комаров, А. П. О лингвистическом статусе каузальной связи / А. П. Комаров. – А.-Ата: Каз. гос. пед. инст., 1970. – 224 с.
105. Комарова, З. И., Краев, С. В. Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование / З. И. Комарова, С. В. Краев. – Екатеринбург, 2008. – 380 с.
106. Корф, Е. Н. Концепт причины в аспектах лингвистической и культурологической значимости (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Н. Корф ; СПб., 1996. – 204 с.
107. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике / сост. и ред. В. А. Звегинцев. – М. : Прогресс, 1963. – Вып. III. – С. 143–343.
108. Костюшкина, Г. М. Систематика сложноподчиненного предложения во французском языке / Г. М. Костюшкина. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1991. – 152 с.
109. Кошелев, А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка / А. Д. Кошелев. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. – 528 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)
110. Красилов, В. А. Нерешенные проблемы теории эволюции / В. А. Красилов. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – 138 с.
111. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
112. Кручинина, И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И. Н. Кручинина. – М., 1988. – 212 с.
113. Кубрякова, Е. С. Размышления об аналогии / Е. С. Кубрякова // Сущность, развитие и функции языка. – М.: Наука, 1987. – 224 с.
114. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5–12.
115. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
116. Кудрявцева, Н. Б. Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / Н. Б. Кудрявцева ; М.: МГЛУ, 2009. – 388 с.
117. Кудрявцева, Н. Б. Спорные вопросы грамматики: о составе союзов сочинения во французском языке / Н. Б. Кудрявцева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 81–87.
118. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное и природа первобытного мышления / Л. Леви-Брюль. – М.: ОГИЗ, 1937. – 533 с.
119. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ. под ред. и с предисловием В. А. Звегинцева / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
120. Лайонз, Дж. Язык и лингвистика: вводный курс. Пер. с англ. / Дж. Лайонз. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 320 с.
121. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
122. Левин, Ю. И. Об одной группе союзов русского языка / Ю. И. Левин // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13 / I Московский гос. пед. ин-т иностранных языков. Труды ин-та. – М., 1970.

123. *Логинова, Е. Г.* Возможность применения фрактального подхода к упорядочению ментального и лингвистического аспектов дискурса / Е. Г. Логинова // Иностранные языки в высшей школе. – 2011. – Вып. 2. – № 17. – С. 21–27.
124. *Ломов, А. М.* Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.
125. *Ломтев, Т. П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. – М., 1956. – 595 с.
126. *Ломтев, Т. П.* Причинность и вероятность в развитии языка / Т. П. Ломтев // Общее и русское языкознание. – М., 1976. – С. 302–311.
127. *Лоренц, К.* Кантовская концепция *a priori* / К. Лоренц // Эволюция. Язык. Познание. Отв. ред. И. П. Меркулов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 15–42.
128. *Лурия, А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – 320 с.
129. *Ляпон, М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 201 с.
130. *Майнцер, К.* Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез / К. Майнцер; пер. с 4-го перераб. и доп. англ. изд. А. В. Беркова: под. ред. и с предисл. Г. Г. Малинецкого. – М.: Либроком, 2009 (Киров). – 463 с.
131. *Макаев, Э. А.* Понятие давления системы и иерархия языковых единиц / Э. А. Макаев // Вопросы языкознания. Изд-во АН СССР. – 1962. – № 5. – С. 47–52.
132. *Маклаков, А. Г.* Общая психология. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
133. *Мандельброт, Б.* Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
134. *Мандельброт, Б.* Фракталы, случай и финансы / Б. Мандельброт. – Москва – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2004. – 256 с.
135. *Мартине, А.* Принцип экономии в фонетических изменениях: проблемы диахронич. фонологии / А. Мартине; пер. с фр. А. А. Зализняка; ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – М.: Издат. иностр. лит., 1960. – 261 с.
136. *Мартине, А.* Основы общей лингвистики / А. Мартине; пер. с фр. В. Шеворошкина, под ред. и со вступ. ст. В. Звегинцева. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
137. *Матурана, У., Варела, Ф.* Дерево познания / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 244 с.
138. *Медведева, С. В.* Основные пути развития системы противительных связей в среднефранцузский период (простое и сложное предложение) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / С. В. Медведева ; Московский педагогический университет. – М., 1997. – 160 с.
139. *Мельников, Г. П.* Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка / Г. П. Мельников // Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А. А. Реформатского). – М.: Наука, 1971. – С. 359–367.
140. *Мечковская, Н. Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до интернета / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 582 с.
141. *Мещерский, Н. А.* О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений / Н. А. Мещерский // Теория и критика перевода. – Л., 1962. – С. 83–103.
142. *Мигирин, В. Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.
143. *Микаэлян, И., Зализняк, Анна А.* Русский союз *a* как лингвоспецифичное слово / Анна А. Зализняк, И. Микаэлян // ДИАЛОГ-2005: труды международной конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/media/2439/zalizniak_mikaelian.pdf. – Дата доступа: 28.12.2020.
144. *Милованова, М. С.* Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа / М. С. Милованова. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – 346 с.

145. Михайлова, М. В. Однородные глагольные сказуемые в различных стилях речи (на материале современного французского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / М. В. Михайлова. – М., 1993. – 157 с.
146. Моисеев, Н. Н. Расставание с простотой / Н. Н. Моисеев. – М.: Аграф, 1998. – 480 с.
147. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М.: УРСС, 2003. – 296 с.
148. Мурашкова, Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров / Е. М. Мурашкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 5. – С. 53–59.
149. Мюллер, Ф., Геккель, Э. Основной биогенетический закон. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 297 с.
150. Нарциссова, С. Ю., Сиротин, В. П. Мышление: феноменология процесса: монография / С. Ю. Нарциссова, В. П. Сиротин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия МНЭПУ, 2018. – 200 с.
151. Николаева, Т. М. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия / Т. М. Николаева // Славянские сочинительные союзы. – М.: Институт славяноведения РАН, 1997. – С. 3–24.
152. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
153. Николаева, Т. М. Рецензия на В. Bichakijan. «Language in a Darwinian perspective». Wien, 2002 / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 2003. – № 1. – С. 155–159.
154. Николаева, Т. М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц») / Т. М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 689 с.
155. Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие: сб. ст. / Рос. АН; отв. ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов. – Москва : Наука, 2002. – 480 с.
156. Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка / Б. Ю. Норман. – М.: Флинта, 2013. – 254 с.
157. Овсейчик, Ю. В. Динамика употребительности сочинительных союзов в диахронии / Ю. В. Овсейчик // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 1 (104). – С. 62–72.
158. Овсейчик, Ю. В. Становление системы сочинительных союзов во французском языке / Ю. В. Овсейчик // Национальный компонент в языке и в речи (на материале французского и белорусского языков) / редкол.: Ю. В. Овсейчик (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2021 (а). – С. 93–125.
159. Овсейчик, Ю. В. Тенденции употребительности сочинительных союзов в диахронии (на материале старо- и среднефранцузского языков) / Ю. В. Овсейчик // Романия: языковое и культурное наследие – 2021 [Электронный ресурс] : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 мая 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. В. Лапунова (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021 (б). – С. 44–48.
160. Овсейчик, Ю. В. О грамматических свойствах французских связующих единиц (на примере сочиненных рядов с лексемами *puis/encore/enfin*) / Ю. В. Овсейчик // Древняя и Новая Романия. – 2022 (а). – № 29. – С. 73–87.
161. Овсейчик, Ю. В. Французские сочинительные союзы и их функциональные эквиваленты в диахронии: корпусные данные / Ю. В. Овсейчик // LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки : Международная научная конференция (14–15 апреля 2022 г., Санкт-Петербург) : сборник научных статей / под ред. Т. И. Воронцовой, Н. Ю. Зайцевой. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022 (б). – С. 309–313.
162. Овсейчик, Ю. В. Сочинительные союзы в старофранцузском языке сквозь призму количественных показателей (на материале национального корпуса французского

- языка) / Ю. В. Овсейчик // Профессионально-ориентированное обучение межкультурной коммуникации: теория и практика : сб. науч. статей / редкол. : Е. В. Беланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2022 (в). – С. 105–110.
163. Овсейчик, Ю. В. О развитии конъюнктивных свойств французских полифункциональных единиц (на примере лексем *enfin* и *finalement*) / Ю. В. Овсейчик // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – 2022 (г). – № 41 (2). – С. 351–364.
164. Овсейчик, Ю. В. Полифункциональность французских лексем *puis* ‘потом’/ *ensuite* ‘затем’ / Ю. В. Овсейчик // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2022 (д). – № 5. – С. 121–133.
165. Овсейчик, Ю. В. Конъюнктивный потенциал французских связующих единиц в свете корпусных данных (диахронический аспект) / Ю. В. Овсейчик // Человек и его Язык: Материалы XX юбилейной Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скредлиной. – Санкт-Петербург : Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2022 (е). – С. 101–105.
166. Олизько, Н. С. Интердискурсивность постмодернистского письма (на материале творчества Дж. Барта) / Н. С. Олизько. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2009. – 162 с.
167. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1974. – 292 с.
168. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М., 1985. – 276 с.
169. Падучева, Е. В. Эгоцентрическая семантика союзов А и НО / Е. В. Падучева // Славянские сочинительные союзы. – М.: Институт славяноведения РАН, 1997. – С. 36–47.
170. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
171. Панов, А. Д. Инварианты универсальной эволюции и эволюция в Мультиверсе / А. Д. Панов // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. – М.: ИФ РАН, 2007. – С. 76–77.
172. Панов, М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века / М. В. Панов // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 3–17.
173. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 501 с.
174. Пекелис, О. Е. Сочинение и подчинение: коммуникативный подход / О. Е. Пекелис // Рус. яз. в науч. освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 21–57.
175. Пекелис, О. Е. Сочинительные союзы и синтаксические конфликты / О. Е. Пекелис // Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / Коллектив авторов. – М., 2013. – С. 231–237.
176. Пекелис, О. Е. Иллокутивное употребление союзов: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики / Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru>. – Дата доступа: 03.02.2022.
177. Перетрухин, В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке / В. Н. Перетрухин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. – 208 с.
178. Першин, Ю. Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Ю. Ю. Першин. – Омск, 2014. – 271 с.
179. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001 (1-е изд. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1928). – 544 с.
180. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже / Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. – М.: Педагогика-Пресс, 1994 (1960). – 526 с.
181. Пиотровский, Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы / Р. Г. Пиотровский. – СПбГУ, 2006. – 216 с.

182. Плотникова, С. Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие / С. Н. Плотникова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 3 (15). – С. 126–134.
183. Плунгян, В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. Вып. 36. – М., 1998. – С. 324–386.
184. Плунгян, В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7–20.
185. Подлесская, В. И. К типологии предикативного сочинения / В. И. Подлесская // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4. – С. 90–102.
186. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
187. Полякова, Н. В. Сочинительная связь разнофункциональных компонентов предложения в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Н. В. Полякова. – М., 2007. – 141 с.
188. Пономаренко, Е. В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка): монография / Е. В. Пономаренко; МГИМО (ун-т) МИД России, каф. англ. яз. № 5. – М.: МГИМО Университет, 2010. – 151 с.
189. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. I–II. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.
190. Преображенский, С. Ю. Системная лингвистика Г. П. Мельникова: воспоминания о будущем? // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – 2016. – С. 59–68.
191. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
192. Пригожин, И., Стенгерс, И. Время. Хаос. Квант: К решению парадокса времени / Пер. с англ. / Под ред. В. И. Аршинова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
193. Прияткина, А. Ф. Пояснение как синтаксическая категория / А. Ф. Прияткина // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сб. ст. / отв. ред. Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. – Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2016. – С. 11–18.
194. Прияткина, А. Ф. Союзные конструкции в простом предложении современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Ф. Прияткина ; МГУ. – М., 1977. – 402 с.
195. Рахилина, Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // ИАН СЛЯ. Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
196. Резвушкин, К. Е. Фрактальность в языке: математическое и теологическое обоснования / К. Е. Резвушкин // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2010. – № 3. – С. 78–80.
197. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
198. Реферовская, Е. А. Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение / Е. А. Реферовская. – Л.: Наука, 1969. – 238 с.
199. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2008 (1946). – 713 с.
200. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование / под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1968. – Лексика современного русского литературного языка. – 186 с.

201. *Сабанеева, М. К.* Историческая грамматика французского языка / М. К. Сабанеева. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 272 с.
202. *Санников, В. З.* Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис) / В. З. Санников. – М.: Наука, 1989.
203. *Санников, В. З.* Иллокутивное употребление или синтаксический эллипсис? / В. З. Санников // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 2 (10). – С. 121–135.
204. *Санников, В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
205. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Изд. гр. «Прогресс»: Универс, 1993. – 656 с.
206. *Сигал, К. Я.* Сочинительные конструкции в тексте. Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения) / К. Я. Сигал. – РАН. Ин-т языкознания. – М.: Гуманитарий, 2004. – 404 с.
207. *Сильницкий, Г. Г.* Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Г. Г. Сильницкий ; РГБ. – М., 1974. – 451 с.
208. *Симонов, К. И.* Фрактальная концепция языка / К. И. Симонов // Вопросы современной науки и практики. – Ун-т им. В. И. Вернадского. – 2011. – № 1 (32). – С. 360–371.
209. *Скепская, Г. И.* Сочинительные конструкции в современном французском языке (Синтаксис и семантика именных групп) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / Г. И. Скепская. – М., 1984. – 352 с.
210. *Скрелина, Л. М.* История французского языка : учеб. пособие для вузов / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М. : Высш. шк., 2001. – 464 с.
211. *Скрелина, Л. М.* Школа Гийома: психосистематика / Л. М. Скрелина. – М.: Высшая школа, 2009. – 367 с.
212. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Пер. А. М. Сухотина. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1933. – 432 с.
213. *Становая, Л. П.* Материал и методы исследования в истории французского языка / Л. П. Становая // Вопросы романского и общего языкознания: Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – Вып. 3. – С. 34–40.
214. *Становая, Л. П.* Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии / Л. П. Становая // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2016. – № 2 (4). – С. 50–75.
215. *Стародумова, Е. А., Завьялов, В. Н., Шереметьева, Е. С., Прияткина, А. Ф.* и др. Служебные слова в лексикографическом аспекте – монография : научное электронное издание [отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, П. М. Тюрин]. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 377 с.
216. *Султанов, И. Ф.* Асимметричное сочинение на уровне сложного предложения в современном французском языке: на материале конструкций с придаточными причины и времени : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И. Ф. Султанов. – М., 2001. – 166 с.
217. *Тарасевич, Л. А.* Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков): монография / Л. А. Тарасевич. – Минск: Мин. гос. лингвист. ун-т, 2014. – 272 с.
218. *Тарасевич, Л. А.* Семантические факторы сочетаемости русских и немецких пространственных предлогов / Л. А. Тарасевич // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2017. – Т. 76. – № 4. – С. 44–58.
219. *Тарасенко, В. В.* Самоорганизация фрактального способа освоения коммуникаций сложного мира и образование / В. В. Тарасенко // Синергетика и образование. – М.: Издательство «Гнозис», 1997. – С. 47–52.
220. *Тарасенко, В. В.* Фрактальная логика / В. В. Тарасенко. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: URSS, 2018. – 200 с.

221. Тарасова, Л. Д. Языковой статус причинной связи / Л. Д. Тарасова // Филологические науки. – 1998. – № 1. – С. 50–55.
222. Тираспольский, Г. И. О неравномерности языковых изменений / Г. И. Тираспольский // Инновации и традиции науки и образования. Материалы II Всероссийской научно-методической конференции. Часть 2 / Под ред. С. В. Лесникова. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2011. – С. 268–273.
223. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
224. Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М.: РГГУ, 2001. – 798 с.
225. Трубачев, О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О. Н. Трубачев // Принципы и методы семантических исследований; под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1976. – С. 245–247.
226. Тулдава, Ю. А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики / Ю. А. Тулдава. – Таллинн: Вагус, 1987. – 204 с.
227. Турчин, В. Ф. Феномен науки: кибернетический подход к эволюции / В. Ф. Турчин. – М.: ЭТС, 2000. – 368 с.
228. Урсул, А. Д. Природа информации. – М.: Политиздат, 1968. – 288 с.
229. Урсул, А. Д., Урсул, Т. А. Универсальный (глобальный) эволюционизм и глобальные исследования / А. Д. Урсул, Т. А. Урсул // Философская мысль. – 2012. – № 1. – С. 46–101.
230. Урысон, Е. В. Опыт описания семантики союзов / Е. В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 339 с.
231. Филипенко, М. В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) / М. В. Филипенко // Исследования по семантике предлогов: сб. ст. – М.: Русские словари, 2000. – С. 12–54.
232. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 16–27.
233. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. Пер. с англ. В. И. Емельянова. Под ред. Ю. Л. Климонтовича, С. М. Осовца. – М.: Мир, 1980. – 404 с.
234. Хватаева, Н. П. Особенности формирования системы средств подчинительной связи в диахронии (на материале английского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. П. Хватаева. – Ижевск, 2009. – 179 с.
235. Храковский, В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) / В. С. Храковский // Типология условных конструкций. Коллективная монография. Отв. ред. В. С. Храковский. – СПб.: Наука, 1998. – С. 7–96.
236. Черемисина, М. И., Колосова, Т. А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск, 1987. – 226 с.
237. Черепанова, О. А. О соотношении понятий «синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка / О. А. Черепанова // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 692–697.
238. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Д. С. Чернавский. – Изд. 3-е, доп. – М.: Либроком, 2009. – 304 с.
239. Черниговская, Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание / Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.
240. Черникова, И. В. Проблема «язык и мышление» в свете системно-эволюционного метода / И. В. Черникова // Язык и культура. – 2016. – № 2 (34). – С. 207–216.
241. Шахматов, А. А. Учение о частях речи / А. А. Шахматов. – Изд. 4-е. – М.: URSS, 2021 (1927). – 248 с.

242. Школьников, О. Ю. Дискурсивное слово *donc/dunque* как функциональный преемник латинских дискурсивов (на примере французских и итальянских средневековых переводов «Солилокий бл. Августина») / О. Ю. Школьников // *Stephanos*. – 2015. – № 6. – С. 89–96.
243. Школьников, О. Ю. Семантические интенсификаторы признака субъекта в старофранцузском и старопровансальском языках (*car, par, ben, ja, nemjas* и другие): особенности функционирования / О. Ю. Школьников // *Вестник МГПУ, серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. – 2022. – № 2 (46). – С. 57–70.
244. Штайн, К. Э. Язык. Поэзия. Гармония / К. Э. Штайн. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1989. – 206 с.
245. Шигаревская, Н. А. История французского языка / Н. А. Шигаревская. – М.: Просвещение, 1984. – 285 с.
246. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
247. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – Ч. II. – 3-е изд., доп. – М., 1965. – С. 361–373.
248. Щетинкин, В. Е. История французского языка / В. Е. Щетинкин. – М.: Высшая школа, 1984. – 188 с.
249. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. в 30 т. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 20. – С. 339–626.
250. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // *Семиотика*. – М., 1983. – С. 102–117.
251. Abeillé, A., Godard, D. Nouveaux Raisonnements syntaxiques / A. Abeillé, D. Godard // *Langages*. – 1996. – № 122. – P. 123–134.
252. Abeillé, A. Les syntagmes conjoints et leurs fonctions syntaxiques / A. Abeillé // *Langages*. – 2005. – № 4 (160). – P. 42–66.
253. Adams, M. Old French, From Old French to the Theory of Pro-Drop / J.-M. Adam // *Natural Language & Linguistic Theory*. – Springer. – 1987. – Vol. 5. – № 1. – P. 1–32.
254. Adam, J.-M. Des mots au discours: l'exemple des principaux connecteurs / J.-M. Adam // *Pratiques: linguistique, littérature, didactique*. – 1984. – № 43. – P. 107–122.
255. Adler, S. Du réel dans l'irréel : la formule hypothétique sans si et avec et // F. Neveu et al. (éds), *Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2012, Paris : EDP Sciences*. – P. 1673–1681.
256. Aitchison, J. The Seeds of Speech. Language Origin and Evolution / J. Aitchison. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 281 p.
257. Allaire, S. Y a-t-il un et coordonnant? / S. Allaire // *Dépendance et intégration syntaxique. Subordination, coordination, connexion*. – Muller, C. (éd.), Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1996. – P. 15–23.
258. Altmann, G. The Level of Linguistic Investigation / G. Altmann // *Theoretical Linguistics*. – 1987. – Vol. 14. – P. 227–239.
259. Athanasiadou, A., Canakis, C., Cornillie, B. (eds.). Subjectification: Various Paths to Subjectivity / A. Athanasiadou et al. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 17–40.
260. Anderson, J. On the internal structure of phonological segments : evident from English and its-history / J. Anderson // *Folia Lingüística Histórica*. – 1980. – № 1. – P. 185–212.
261. Anglade, G. Grammaire élémentaire de l'ancien français (5e édition). Paris, 1934. – 292 p.
262. Anscombre, J.-C., Ducrot, O. Deux mais en français? / J.-C. Anscombre, O. Ducrot // *Lingua*. – 1977. – № 43. – P. 23–40.
263. Antoine, G. La coordination en français / G. Antoine. – 2 vol. Paris: d'Arthey, 1958, 1962. – 1408 p.

264. *Auroux, S.* La révolution technologique de la grammatisation / S. Auroux. – Liège: Mardaga, 1994. – 216 p.
265. *Ayer, C.* Grammaire comparée de la langue française / C. Ayer. – Bâle, Genève et Lyon, H. Georg, 1885. – 736 p.
266. *Bach, E.* An introduction to transformational grammars / E. Bach. – New York: Holt, Rinehart & Winston. 1964. – 203 p.
267. *Badiou-Monferran, Cl.* Les conjonctions de coordination ou «l'art de lier ses pensées» chez La Bruyère / Cl. Badiou-Monferran. – Paris: Champion, 2000. – 645 p.
268. *Badiou-Monferran, Cl.* Quelques Aspects de la concurrence des graphies ore, ores et or au début du XVIIe siècle : distribution sémiologique et recomposition du système des connecteurs / Cl. Badiou-Monferran // Français moderne. – 2003. – № 2. – P. 211–247.
269. *Badiou-Monferran, Cl.* Négation et coordination en français classique : le morphème ni dans tous ses états / C. Badiou-Monferran // Langue française. – 2004. – № 143. – P. 69–92.
270. *Badiou-Monferran, Cl.* Psychomécanique et évolution de signifiant: le cas du coordonnant négatif à l'aube du français moderne / Cl. Badiou-Monferran // Langue française. – 2005. – № 147. – P. 84–97.
271. *Baratin, M.* La naissance de la syntaxe à Rome / M. Baratin. – Paris : Éd. de Minuit. 1989. – 544 p.
272. *Bastuji, J.* La coordination comme lien théorique d'une articulation entre phrase et discours : à propos d'un article de Robin Lakoff / J. Bastuji // Documentation et recherche en linguistique allemande contemporain. La coordination. – Vincennes, 1977. – № 15. – P. 148–162.
273. *Bayer, S.* The Coordination of Unlike Categories / S. Bayer // Language. – 1996. – № 72. – P. 579–616.
274. *Benoist, A.* De la Syntaxe Française entre Palsgrave et Vaugelas / A. Benoist. – Paris: Thorin, 1877. – 512 p.
275. *Benzitoun, Ch.* Approche comparative de la notion de degré en syntaxe à travers l'opposition entre subordination et coordination / Ch. Benzitoun // Travaux de linguistique. De Boeck Supérieur. – 2007. – № 1 (54). – P. 121–132.
276. *Benzitoun, Ch.* Quand la syntaxe dépasse les bornes ! Réflexions en vue d'une typologie des regroupements de constructions verbales en français / Ch. Benzitoun // ATILF CNRS. Nancy Université. Séminaire de Modyco, 2009. – P. 1–7.
277. *Berrendonner, A.* Connecteurs pragmatiques et anaphore / A. Berrendonner // Cahier de linguistique française. – 1983. – № 5. – P. 215–246.
278. *Berrendonner, A.* Pour une macrosyntaxe / A. Berrendonner // Travaux de linguistique. – 1990. – № 21. – P. 25–36.
279. *Bertin, A.* L'expression de la cause en ancien français / A. Bertin. – Genève, Droz. 1997. – 207 p.
280. *Bertin, A.* L'émergence du connecteur *en effet* en moyen français / A. Bertin // Linx. – 2002. – № 46. – P. 37–50.
281. *Bertin, A., Bat-Zeev Shyldkrot, H.* Les conjonctions en diachronie: parcours sémantiques / A. Bertin, H. Bat-Zeev Shyldkrot. – Éd. Université Paris Ouest 59, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linx.revues.org/619>. – Дата доступа: 14.02.2022.
282. *Bilger, M.* Coordination; analyses syntaxiques et annotations / M. Bilger // Recherches Sur le Français Parlé. – 1999. – № 15. – P. 255–272.
283. *Bilger, M.* Le joncteur et comme indicateur de regroupement / M. Bilger // La parataxe, tome 1, Béguelin M.-J., Avanzi M. & Corminboeuf G. (éds), Berne, P. Lang, 2010. – P. 255–268.
284. *Blakemore, D., Carston, R.* The pragmatics sentential coordination with and / D. Blakemore, R. Carston // Lingua. – 2005. – № 115. 4. – P. 569–589.

285. *Blin, R.* Constitution d'un dictionnaire de fréquences du français à l'aide de SAGACE / R. Blin // FrWoFr-v1. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01100728>. – Дата доступа: 14.06.2022.
286. *Blondet, S.* Grammaire complète / S. Blondet. – P.: Editions Jean-Paul Gisserot, 2004. – 253 p.
287. *Bloomfield, L.* Le langage / L. Bloomfield. – Trad. de l'anglais par J. Gazio. – Paris: Payot, 1970. – 525 p.
288. *Blümel, R.* Einführung in die Syntax / R. Blümel. – Heidelberg: C. Winter. 1914. – 201 s.
289. *Bolly, C., Degand, L.* Quelle(s) fonction(s) pour donc en français oral? Du connecteur conséquentiel au marqueur de structuration du discours / C. Bolly, L. Degand // *Linguisticae Investigationes*. – 2009. – № 1 (32). John Benjamins Publishing Company [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/valibel/documents/bolly_degand_donc_LI_2009.pdf. – Дата доступа: 14.04.2022.
290. *Bonnot, Ch., Vassilaki, S.* Variation catégorielle et polysémie : comparaison des Conjonctions de coordination / marqueurs discursifs i (russe) et ke (grec moderne) / Ch. Bonnot, S. Vassilaki // Armand Colin «Langages». – 2017. – № 3 (207). – P. 65–78.
291. *Borsley, R.* In defense of coordinate structures / R. Borsley // *Linguistic Analysis*. – 1994. – № 24-3-4. – P. 218–246.
292. *Borsley, R.* Les Coordinations relèvent-elles de la syntaxe X-barre? La syntaxe de la coordination / R. Borsley // *Langages*. – 2005a. – № 4 (160). – P. 25–41.
293. *Borsley, R.* Les structures coordonnées sont-elles exceptionnelles? La syntaxe de la coordination / R. Borsley // *Langages*. – 2005b. – № 4 (160). – P. 67–92.
294. *Brachet, A.* Grammaire historique de la langue française / A. Brachet. – Paris : Bibliothèque d'Éducation et de Récréation, 1867. – 297 p.
295. *Bassac, Ch.* Sémantique de la coordination : une brève introduction / Ch. Bassac // *Sémantique et Pragmatique*, ISSN 1285-4093. – 2008. – № 24. – P. 7–23.
296. *Brinton, L. J., Traugott E. C.* Lexicalization and language change / L. J. Brinton, E. C. Traugott. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 207 p.
297. *Brunot, F.* La pensée et la langue. Méthodes, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français / F. Brunot. – Paris: Masson, 1956 (1922). – 954 p.
298. *Brunot, F., Bruneau, Ch.* Précis de grammaire historique de la langue française / F. Brunot, Ch. Bruneau. – Paris, 1956. – 780 p.
299. *Buchholz, O., Fiedler W.* Albanische Grammatik / O. Buchholz, W. Fiedler. – Leipzig: Verlag Enzyklopadie, 1987. – 582 p.
300. *Buridant, C.* Grammaire nouvelle de l'ancien français / C. Buridant. – P.: Sedes, 2000. – 800 p.
301. *Bybee, J., Perkins, R., Pagliuca, W.* The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world / J. Bybee et al. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 420 p.
302. *Bybee, J.* Language change / J. Bybee. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 289 p.
303. *Charaudeau, P.* Grammaire du sens et de l'expression / P. Charaudeau. – Paris: Hachette Éducation, 1992. – 927 p.
304. *Chevrel, A.* Histoire de la grammaire française et il fallut apprendre à écrire à tous les petits français / A. Chevrel. – Paris: Payot, 1977. – 371 p.
305. *Choi-Jonin, I.* La préposition avec : opérateur de (dé)composition / I. Choi-Jonin // *SCOLIA* 5, 1995. – P. 109–129.
306. *Choi-Jonin, I.* Présentation générale. Propriétés de la corrélation grammaticale / I. Choi-Jonin // *Langages*. – 2009. – № 174, Construction et interprétation des systèmes corrélatifs. – P. 3–12.
307. *Chomsky, N.* Syntactic Structures / N. Chomsky. – The Hague: Mouton and Co, 1957.

308. *Chomsky, N.* Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – MIT Press, Cambridge, MA, 1965.
309. *Collins, Ch.* Local Economy / Ch. Collins. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
310. *Colombat, B.* L'héritage du modèle latin dans les grammaires françaises à la Renaissance / B. Colombat // Grammaire et enseignement du français langue étrangère et seconde. Permanences et ruptures du XVIe au milieu du XXe siècle (I), 2013. – № 51. – P. 11–38.
311. *Combettes, B.* Grammaires floues / B. Combettes // Pratiques. – 1982. – № 33. – P. 51–59.
312. *Combettes, B.* Recherches sur l'ordre des éléments de la phrase en moyen français / B. Combettes. – Thèse pour le Doctorat d'Etat, Université de Nancy, 1988.
313. *Combettes, B.* Approche diachronique des adverbiaux contextuels / B. Combettes // LINX. – 1995. – № 3. – P. 33–50.
314. *Combettes, B.* Aspects diachroniques de la parataxe: les propositions temporelles en position initiale en ancien français / B. Combettes // La parataxe, T. 1 / éd. M.-J. Béguelin, M. Avanzi, G. Corminboeuf. – Berne: Peter Lang, 2010. – P. 115–137.
315. *Combettes, B.* Réanalyse et changement linguistique / B. Combettes // Langages. – 2014. – № 4 (196). – P. 53–67.
316. *Comrie, B.* Subordination, coordination: Form, semantics, pragmatics / B. Comrie // Subordination and Coordination in North Asian Languages. E. J. Vaida (Ed.), Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2008. – P. 1–16.
317. *Cooper, W., Ross, J.* World Order / W. Cooper, J. Ross // Papers from the Parasession of Functionalism. – Chicago, 1975. – 26 p.
318. *Cormack, A., Smith, N.* What is coordination / A. Cormack, N. Smith // Lingua. – 2005. – № 115. – P. 385–418.
319. *Corminboeuf, G., Benzitoun, Ch.* Evaluation critique des modèles graduels et non graduels de l'intégration syntaxique / G. Corminboeuf, Ch. Benzitoun // Cognition, représentation, langage / Sous la direction de S. Osu. – 2014. – Vol. 12. – № 1. – P. 2–24.
320. *Corminboeuf, G.* Coordination, subordination, corrélation ou énonciation autonome? Une analyse syntaxique des constructions du type *Que je bouge (et) il me ramènera vite à l'ordre* / G. Corminboeuf // Travaux neuchâtelois de linguistique. – 2007. – № 47. – P. 177–194.
321. *Corminboeuf, G.* L'expression de l'hypothèse en français contemporain, entre hypotaxe et parataxe / G. Corminboeuf // Bruxelles: De Boeck/Duculot, 2009. – P. 239–242.
322. *Corminboeuf, G.* Tu m'embrasses encore, et c'est mon pied dans les pompons! Comment construit-on le sens? / G. Corminboeuf // Varia. – 2008. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discours.revues.org>. – Дата доступа: 14.05.2022.
323. *Cristofaro, S.* Subordination / S. Cristofaro. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 372 p.
324. *Culicover, P. W., Jackendoff, R.* Semantic subordination despite syntactic coordination / P. W. Culicover, R. Jackendoff // Linguistic Inquiry. – 1997. – № 28 (2). – P. 195–218.
325. *Culioli, A.* Donc / A. Culioli // Contrastive linguistics. – 1989. – XIV (5). – 19 p.
326. *Damourette, J., Pichon, É.* Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française / J. Damourette, É. Pichon. – Paris: D'Artrey, 1971 (1911–1927). 7 vol.
327. *Dahl, Ö.* Tense and aspect systems / Ö. Dahl. – Oxford: Blackwell, 1985. – 213 p.
328. *Danjou-Flaux, N.* Au contraire connecteur adversatif / N. Danjou-Flaux // Cahiers de linguistique française. – 1983. – № 5. – P. 275–303.
329. *Danjou-Flaux, N.* Adversité et cohésion du discours / N. Danjou-Flaux // Modèles linguistiques. – 1986. – T. 8. – № 1. – P. 95–114.
330. *Dauzat, A.* Histoire de la langue française / A. Dauzat. – Paris, 1971. – 588 p.
331. *Deacon, T. W.* Heterochrony in brain evolution: cellular versus morphological analysis. Biology. Santa Fe: SAR Press, 2000.
332. *Delbey, A.* Les connecteurs car – que – puisque et la justification en ancien français / A. Delbey // Revue de linguistique romane. – 1988. – № 52. – P. 397–419.

333. *Delesalle, S.* A propos de la thèse de G. Antoine: La coordination en français / S. Delesalle // DRLAV: Université Paris VIII, 1977. – P. 2–6.
334. *Deleuze, G., Guattari, F.* A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia; translation and foreword by Brian Massumi / G. Deleuze, F. Guattari. – London: University of Minnesota Press, 1987. – 627 p.
335. *Detges, U.* Du sujet parlant au sujet grammatical. L'obligatorisation des pronoms sujets en ancien français dans une perspective pragmatique et comparative / U. Detges // *Verbum*. – 2003. – XXV. – № 3. – P. 307–333.
336. *Deulofeu, H.-J.* Perspectives linguistiques et sociolinguistiques dans l'étude des relatives en français / H.-J. Deulofeu // *Recherches Sur le Français Parlé*. – 1981. – № 3. – P. 135–191.
337. *Deulofeu, H.-J.* Syntaxe de que en français parlé et le problème de la subordination / H.-J. Deulofeu // *Recherches Sur le Français Parlé*. – 1988. – № 8. – P. 79–104.
338. *Deulofeu, H.-J.* Question de méthode dans la description morphosyntaxique de l'élément que en français contemporain / H.-J. Deulofeu // *Recherches Sur le Français Parlé*. – 1999. – № 15. – P. 163–198.
339. *Deulofeu, H.-J.* La notion de construction corrélatrice en français: typologie et limites / H.-J. Deulofeu // *Recherches Sur le Français Parlé*. – 2001. – № 16. – P. 103–124.
340. *Dewell, R.* Over again: Image-schema transformations in semantic analysis / R. Dewell // *Cognitive Linguistics*. – 1994. – № 5. – P. 351–380.
341. *Dik, S. C.* Coordination: Its implications for the theory of general linguistics / S. C. Dik. – Amsterdam: North-Holland, 1968. – 318 p.
342. *Dougherty, R. C.* Review of Coordination: its implications for the theory of general linguistics by Simon C. Dik / R. C. Dougherty. – *Language*. – 1969. – № 45. – P. 624–636.
343. *Dubois, J., Jouannon, G., Lagane, R.* Grammaire française / J. Dubois et al. – Larousse, 2019. – 178 p.
344. *Ducrot, O.* La description sémantique des énoncés français et la notion de présupposition / O. Ducrot // *L'Homme*. – 1967. – V. 7. – P. 40–41.
345. *Ducrot, O.* Présupposés et sous-entendus / O. Ducrot // *Langue française*. – 1969. – Vol. 4. – № 1. – P. 30–43.
346. *Ducrot, O.* Les mots du discours / O. Ducrot. – Les Éditions de Minuit. 1980. – 240 p.
347. *Eckersley, C. E.* Essential English for Foreign Students / C. E. Eckersley. – London: Longmans, 1967. – 318 p.
348. *Englebert, A.* L'infinitif dit de narration / A. Englebert. – Collection : Champs linguistiques. Éditeur: De Boeck Supérieur, 1998. – 240 p.
349. *Fagard, B.* La fortune des mots : grandeur et décadence de car / B. Fagard // *Congrès Mondial de Linguistique Française*. – Paris, Institut de Linguistique Française, 2008. – P. 211–223.
350. *Fagard, B., Prévost, S., Combettes, B., Bertrand, O.* Evolutions en français / B. Fagard et al. – Etudes de linguistique diachronique. – Berlin: Peter Lang, 2008. – 477 p.
351. *Fairclough, N.* Political discourse in the media: An analytical framework / N. Fairclough // *Approaches to Media Discourse*. Blackwell, 1998. – P. 142–162.
352. *Ferrari, A., Rossari, C.* De *donc* à *dunque* et *quindi*: les connexions par raisonnement inférentiel / A. Ferrari, C. Rossari // *Cahiers de linguistique française*. – 1994. – № 15. – P. 7–49.
353. *Feuillet, J.* Place de la coordination / J. Feuillet // *L'information grammaticale*. – 1990. – № 46. – P. 4–7.
354. *Foley, W., van Valin, R. D. JR.* Functional Grammar and Universal Grammar / W. Foley, R. D. JR. van Valin. – Cambridge: CUP, 1984. – 416 p.
355. *Fontanille, J.* Le Savoir partagé / J. Fontanille. – Paris, Amsterdam: Hades-Benjamins, 1987. – 227 p.
356. *Fougeron, I.* La conjonction adversative A en russe contemporaine et son rôle dans l'organisation du texte / I. Fougeron // *BSL*. – Vol. 86. – Fasc 1. – 1991.

357. *Fouché, P.* Phonétique historique du français / P. Fouché. – Paris, Klincksieck, 2e éd., 1969–1970, [1952]. – 3 vol. – 440 p.
358. *Foulet, L.* Petite syntaxe de l'ancien français / L. Foulet. – P.: Champion, 1930. – 393 p.
359. *Frei, H.* La grammaire des fautes / H. Frei. – Paris : Geuthner, 1929. – 317 p.
360. *Galichet, G.* Grammaire structural du français moderne / G. Galichet. – Paris: Haltier, 1970. – 251 p.
361. *Gamut, L.T.F.* Logic, Language, and Meaning / L.T.F. Gamut. – Vol. I: Introduction to Logic. – Chicago and London, 1991. – 282 p.
362. *Gazdar, G., Pullum, G. K., Sag, I. A., Wasow, Th.* Coordination and transformational grammar / G. Gazdar et al. // Linguistic Inquiry. – 1982. – № 13. – P. 663–676.
363. *Gazdar, G., Klein, E., Pullum, G., Sag, I.* Generalized phrase structure grammar / G. Gazdar et al. – Oxford: Basil Blackwell, 1985. – 276 p.
364. *Geeraerts, D.* Diachronic Prototype Semantics. A Contribution to Historical Lexicology / D. Geeraerts. – N.Y.: Oxford University Press, 1997.
365. *Gereht, M-J.* Alors: opérateur temporel, connecteur argumentatif et marqueur de discours / M-J. Gereht // Cahiers de linguistique française. – 1987. – № 8. – P. 69–79.
366. *Gibbs, R. W., Colston, H.-L.* The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations / H.-L. Colston, R. W. Gibbs // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 239–268.
367. *Givón, T.* The drift from VSO to SVO in Biblical Hebrew / T. Givón // Mechanisms of syntactic change. – Austin, 1977. – P. 197–244.
368. *Givón, T.* On understanding grammar / T. Givón. – N.Y. San Francisco L. : Academic Press, 1979. – 299 p.
369. *Godard, D.* Problèmes syntaxiques de la coordination et propositions récentes dans les grammaires syntagmatiques. La syntaxe de la coordination / D. Godard // Langages. – 2005. – № 4 (160). – P. 3–24.
370. *Goddard, C.* Semantic Analysis / C. Goddard. – New York: Oxford Univ. Press, 1998. – 490 p.
371. *Goodall, G.* Parallel Structures in Syntax: Coordination, Causatives and Restructuring / G. Goodall. – Cambridge: CUP, 1987. – 579 p.
372. *Gosselin, L.* Les circonstanciels: de la phrase au texte / L. Gosselin // Langue Française. – 1990. – № 86. – P. 37–45.
373. *Grevisse, M.* Le bon usage. Grammaire française / M. Grevisse. – Paris: Duculot, 2008. – 1762 p.
374. *Grevisse, M.* Le petit Bon Usage de la langue française / M. Grevisse. – C. Fairon, A.-C. Simon (éds). – Paris: De Boeck Supérieur, 2018. – 576 p.
375. *Grieve, J.* Dictionary of Contemporary French Connectors / J. Grieve. – London: Routledge, 1996. – 544 p.
376. Groupe λ-1. Car, parce que, puisque // Revue Romane. – 1975. – № 10. – P. 248–280.
377. *Guillot, C.* Écrit médiéval et traces d'oralité : l'exemple de l'adverbe or(e) / C. Guillot // La langue en contexte : actes du colloque «Représentations du sens linguistique IV». – Eva Havu et alii (éds). – Helsinki, Société Néophilologique. – 2008. – P. 267–281.
378. *Guiraud, P.* La Grammaire / P. Guiraud. – Paris : Presses Univ. de France, 1961. – 124 p.
379. *Hansen, M.* 'Alors' and 'donc' in spoken French: a reanalysis / M. Hansen // Journal of Pragmatics. – 1997. – № 28 (2). – P. 153–187.
380. *Haspelmath, M.* Coordinating constructions: An overview / Haspelmath M. (ed.). // Coordinating constructions. Typological Studies in Language. – № 58. – Amsterdam: John Benjamins, 2004. – P. 3–39.
381. *Haspelmath, M.* Coordination / M. Haspelmath // Language typology and linguistic description. – Vol. 2. – Shopen, T. (ed.) Cambridge: CUP, 2009. – P. 3–50.

382. *Haspelmath, M.* Revisiting the anasyntetic spiral / M. Haspelmath // Grammaticalization in a typological perspective. – 2016. – P. 97–115.
383. *Heine, B.* On the role of context in grammaticalization / B. Heine // In Wischer and Diewald, 2002. – P. 83–101.
384. *Heinz, M.* Le possessif en français. Aspects sémantiques et pragmatiques / M. Heinz. – Champs linguistiques, De Boeck Duculot, 2003. – 520 p.
385. *Herman, J.* La formation du système roman des conjonctions de subordination / J. Herman. – Berlin, Akademie-Verlag, 1963. – 161 p.
386. *Hobaek-Haff, M.* Coordonnants et éléments coordonnés / M. Hobaek-Haff. – Solum Forlag, Oslo. Didier Erudition, Paris, 1987. – 211 p.
387. *Hogg, R.* Regular Suppletion / R. Hogg // Motives for Language Change. – Hickey R. Cambridge. – 2003. – P. 71–81.
388. *Hopper, P. J., Traugott, E. C.* Grammaticalization / P. J. Hopper, E. C. Traugott. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 276 p.
389. *Iordanskaja, L., Mel'čuk, I.* La coordination des adjectifs modificateurs en russe et en français: la conjonction russe I et la conjonction française ET / L. Iordanskaja, I. Mel'čuk // MÉTA. 2010. – P. 55–74.
390. *Jackendoff, R.* X-bar Syntax / R. Jackendoff. – Cambridge (Mass.) : MIT Press, 1977. – 248 p.
391. *Janda, L.* A semantic analysis of the Russian verbal prefixes za-, pere-, do-, and ot- / L. Janda. – Slavistische Beiträge. Bd. 192. München, 1986. – 261 p.
392. *Jespersen, O.* Mankind, nation and individual from a linguistic point of view / O. Jespersen. – Oslo, 1925. – 221 p.
393. *Johannessen, J. B.* Partial agreement and coordination / J. B. Johannessen // Linguistic Inquiry. – 1996. – № 27. – P. 661–676.
394. *Johannessen, J. B.* Coordination / J. B. Johannessen. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 304 p.
395. *Johnson, M.* The Body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason / M. Johnson. – Chicago ; London : The University of Chicago press, 1990. – 233 p.
396. *Johnson, M.* The meaning of the body: Aesthetics of human understanding / M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. – 330 p.
397. *Karcevskij, S.* Du dualisme asymétrique du signe linguistique / S. Karcevskij // TCLP. – 1929. – № 1. – P. 88–92.
398. *Kazenin, K., Testelefs, Y.* Where coordination meets subordination: Converb constructions in Tsakhur (Daghestanian) / Coordinating Constructions. Haspelmath, M. (ed.), Amsterdam: John Benjamins, 2004. – P. 227–240.
399. *Kayne, R.* The Antisymmetry of Syntax / R. Kayne. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994. – 214 p.
400. *Kleiber, G.* Sur l'emploi adversatif de mais et ainz (ainçois) en ancien français / G. Kleiber // Travaux de linguistique et de littérature. – 1978. – T. XVI. – № 1. – P. 271–292.
401. *Kleiber, G.* Dénomination et relations dénominales / G. Kleiber // Langages. – № 76. – 1984. – P. 77–94.
402. *Köhler, R.* Synergetic Linguistics / R. Köhler // The Encyclopedia of Language and Linguistics. – Ascher R.E. (Ed.). – Oxford : Pergamon Press, 1994. – Vol. 8. – P. 4454–4455.
403. *König, E.* Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization / E. König // On conditionals. E. G. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, C. A. Ferguson (eds.). – Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1986.
404. *König, E.* Concessive relations as the dual of causal relations / E. König // Semantic universals and universal semantics. D. Zaffner (ed.). – Berlin; New York, 1991. – P. 190–209.

405. *Kripke, S.* Naming and necessity / S. Kripke. – 12th ed. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 2001 [1972]. – 180 p.
406. *Kuteva, T., Heine, B.* World Lexicon of Grammaticalization / T. Kuteva et al. – Cambridge: Cambridge University Press. 2019. – 632 p.
407. *Lakoff, R.* If's, and's, and but's about conjunction / R. Lakoff // Studies in linguistic semantics. – Fillmore Ch. J., Langendoen D. T. (eds.). – N. Y., 1973. – P. 115–150.
408. *Lakoff, G.* Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.
409. *Lambert, F.* Et: un cas de grammaticalisation? / F. Lambert // Travaux de linguistique du Cerlico. – 2001. – № 14. – P. 113–134.
410. *Lang, E.* The Semantics of Coordination. Amsterdam: John Benjamins. 1984. – 300 p.
411. *Lapaire, J.-R.* Coordination et cognition / J.-R. Lapaire // Etudes anglaises. – 2005. – № 58 (4). – P. 473–494.
412. *Le Bidois, G., Le Bidois, R.* Syntaxe du français moderne: ses fondements historiques et psychologiques / G. Le Bidois, R. Le Bidois. – 2 vol. – T. 2. – Paris, A. Picard, 1967. – 778 p.
413. *Le Bot, M.-C., Schuwer, M., Richar, E.* Introduction / M.-C. Le Bot, M. Schuwer, E. Richar // La Reformulation. Marqueurs linguistiques // Stratégies énonciatives. – Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2008. – P. 9–11.
414. *Lemaréchal, A.* «Cognitive vs grammatical packaging», «paquets de relation»: la nature du marquage des relations syntaxiques / A. Lemaréchal // Proceedings of the 16th International Congress of Linguists, 1997. – Paper № 0229.
415. *Lehmann, C.* Towards a typology of clause linkage / C. Lehmann // Clause combining in grammar and discourse. – J. Haiman, S. A. Thompson (eds.), – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1988. – P. 181–225.
416. *Lehmann, C.* Thoughts on grammaticalization / C. Lehmann. – Erfurt, Seminar für Sprachwissenschaft der Universität. 2002. – 192 p.
417. *Librova, B.* Un aspect de l'actualisation du récit dans la branche I du Roman de Renart : l'adverbe or entre temporalité et argumentation / B. Librova // Loxias. – 2008. – № 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=2105>. – Дата доступа: 21.03.2021.
418. *Lindner, S.* A lexico-semantic analysis of English verb particle constructions with OUT and UP / S. Lindner. – Bloomington, University of Indiana Linguistics Club, 1983.
419. *Luscher, J.-M.* Approches dérivationnelles et procédurales des opérateurs et connecteurs temporels: les exemples de *et* et de *enfin* / J.-M. Luscher, J. Moeschler // Cahiers de linguistique française. – 1990. – № 11. – P. 77–104.
420. *Lyons, J.* Linguistic Semantics: An Introduction / J. Lyons. – Cambridge: CUP, 1995. – 376 p.
421. *Mahmoudian, M. et al.* Pour enseigner le français. Présentation fonctionnelle de la langue / M. Mahmoudian (dir.), L. Beaudrillard, R. Jolivet, M. Renard, A. Mazzolini, D. Morsly, C. Peretz. – Paris: PUF, 1976. – 456 p.
422. *Mandelbrot, B.* The fractal geometry of nature / B. Mandelbrot. – New York: W. H. Freeman and Company, 1983. – 469 p.
423. *Marchello-Nizia, Ch.* Histoire de la langue française aux XIVE et XVe siècles / Ch. Marchello-Nizia. – Paris, Bordas, 1979. – 285 p.
424. *Marchello-Nizia, Ch.* Le Français en diachronie. Douze siècles d'évolution / Ch. Marchello-Nizia. – Gap, éditions Ophrys, 1999. – 170 p.
425. *Marchello-Nizia, C.* L'évolution du français : ordre des mots, démonstratifs, accent tonique / Ch. Marchello-Nizia. – Paris, Armand Colin, 1995. – 213 p.
426. *Marchello-Nizia, Ch.* Grammaticalisation et changement linguistique / Ch. Marchello-Nizia. – Bruxelles, De Boeck, 2006. – 304 p.

427. *Marchello-Nizia, Ch., Combettes, B., Prévost, S., Scheer, T.* Grande Grammaire Historique du Français (GGHF) / Ch. Marchello-Nizia et al. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. – 2185 p.
428. *Marouzeau, J.* La Linguistique ou science du langage / J. Marouzeau. – Paris, Geuthner, 1921. – 190 p.
429. *Martinet, A.* Grammaire fonctionnelle du français / A. Martinet. – Paris: Crédif-Didier, 1979. – 276 p.
430. *Matthews, P. H.* Syntax / P. H. Matthews. – Cambridge, Cambridge University Press, 1981. – 210 p.
431. *Mauri, C.* Coordination Relations in the Languages of Europe and Beyond (Empirical Approaches to Language Typology) / C. Mauri. – Mouton de Gruyter, 2008. – 372 p.
432. *McEnery, T., Hardy, A.* Corpus linguistics / T. McEnery, A. Hardy. – Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2011. – 296 p.
433. *McMahon, A., McMahon, R.* Evolutionary Linguistics / A. McMahon, R. McMahon. – Cambridge: CUP, 2012. – 309 p.
434. *Meillet, A.* Le renouvellement des conjonctions / A. Meillet // Linguistique historique et linguistique générale: Collection linguistique publiée par la société de linguistique de Paris. – VIII. Paris : Champion, 1982 (1922). – P. 159–175.
435. *Melander, J.* Etude sur MAGIS et les expressions adversatives dans les langues romanes / J. Melander. – Upsal, 1916. – 167 p.
436. *Ménard, P.* Syntaxe de l'ancien français / P. Ménard. – Bordeaux : Bière, 1998. – 384 p.
437. *Moignet, G.* Grammaire de l'ancien français / G. Moignet. – Paris : Klincksieck, 1976. – 448 p.
438. *Mokni, M.* Ains/au contraire de la cooccurrence à la concurrence / M. Mokni // Diachronie, histoire de la langue : Congrès Mondial de Linguistique Française (CMLF'08). – Durand J., Habert B., Laks B. (éds.). P., 2008. – P. 279–293.
439. *Moltmann, Fr.* Coordination and Comparatives / Fr. Moltmann. – MIT Working Papers in Linguistics, 1992. – 385 p.
440. *Mounin, G.* Dictionnaire de la linguistique / G. Mounin. – Presses universitaires de France, 1974. – 340 p.
441. *Morel, M.* La concession en français / M. Morel. – Paris, Ophrys, 1996. – 160 p.
442. *Mouret, Fr.* La syntaxe des coordinations corrélatives du français. La syntaxe de la coordination / Fr. Mouret // Langages. – 2005. – № 4 (160). – P. 67–92.
443. *Munn, A.* Coordinate structure and X-bar theory / A. Munn // McGill Working Papers in Linguistics. – 1987. – № 4 (1). – P. 121–140.
444. *Munn, A.* Topics in the syntax and semantics of coordinate structures / A. Munn. – PhD diss., University of Maryland, College Park, 1993.
445. *Murillo, S.* A relevance reassessment of reformulation markers / S. Murillo // Journal of Pragmatics. – № 36. – 2004. – P. 2059–2068.
446. *Nida, E. A.* Morphology: the descriptive analysis of words / E. A. Nida. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1949. – 342 p.
447. *Nølke, H.* Petite étude diachronique de or : de la déixis temporelle à la déixis textuelle / H. Nølke // Grammatica: festschrift in honour of Michael Herslund. – Bern: Lang, 2006. – P. 393–404.
448. *Nome, A., Hobaek-Haff, M.* Une analyse contrastive de donc / A. Nome, M. Hobaek-Haff // Language. – Discourse markers in Romance languages, Oslo Studies : E. Khachaturyan (ed.). – 2011. – № 3 (1). – P. 47–67.
449. *Ollier, M.-L.* Or, opérateur de rupture / M.-L. Ollier // Linx. – № 32. – 1995. – P. 13–31.
450. *Ollier, M.-L.* De l'ancien français or au français moderne maintenant : qu'est-ce que le 'présent du locuteur' ? / M.-L. Ollier // La forme du sens : textes narratifs des XIIe et XIIIe siècles : études littéraires et linguistiques. – Orléans, Paradigme, 2000(a). – P. 405–432.

451. *Ollier, M.-L.* Discours intérieur et temporalité : l'adverbe *or* en récit / M.-L. Ollier // *La forme du sens : textes narratifs des XIIe et XIIIe siècles : études littéraires et linguistiques*. – Orléans, Paradigme, 2000(6). – P. 387–404.
452. *Ollier, M.-L.* *Or* dans l'énoncé interrogatif / M.-L. Ollier // *Information grammaticale*. – № 86. – 2000(8). – P. 31–39.
453. *Orlandini, A., Poccetti, P.* Polyfunctionality and transcategoriality of coordinating particles in Latin and in other ancient languages / A. Orlandini, P. Poccetti // *Journal of Latin Linguistics*. – De Gruyter Mouton. – № 13 (2). – 2014. – P. 267–278.
454. *Orlandini, A., Poccetti P.* Il y a *nec et nec*: Trois valeurs de la négation en latin et dans les langues de l'Italie ancienne / A. Orlandini, P. Poccetti // *La négation dans les langues romanes*. Sous la direction de Franck Floricic [*Lingvisticae Investigationes Supplementa* 26]. – 2007. – P. 29–47.
455. *Paillard, D.* D'ailleurs, ou comment enchaîner l'un à l'autre? Essai de traitement lexicologique / D. Paillard // *Le gré des langues*. – Paris, 1991. – P. 60–81.
456. *Pareyon, G.* Fractal theory and language: the form of macrolinguistics / G. Pareyon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mi.sanu.ac.rs/vismath/BA2007/sym79.pdf>. – Дата доступа: 05.03.2021.
457. *Pasch, R., Brauße U. Breindl E., Waßner U. H.* Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfers / R. Pasch et al. – Berlin: de Gruyter, 2003. – 823 p.
458. *Passy, P.* Etudes sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux / P. Passy. – Paris, 1890. – 270 p.
459. *Pesini, L.* La paraipotassi in italiano antico / L. Pesini. – Firenze: University Press, 2018. – 308 p.
460. *Peterson, P. G.* Coordination: Consequences of a lexical-functional account / P. G. Peterson // *Natural Language and Linguistic Theory*. – 2004. – № 22. – P. 643–679.
461. *Phillips, C.* Linear order and constituency / C. Phillips // *Linguistic Inquiry*. – 2003. – № 34. – P. 37–90.
462. *Pinkster, H.* A B & C coordination in Latin / H. Pinkster // *Mnem.* – 1969. – № 22. – P. 258–267.
463. *Pinkster, H.* La coordination / H. Pinkster // *L'Information Grammaticale*. – 1990. – № 46. – P. 8–13.
464. *Piot, M.* Coordination-Subordination: une définition générale / M. Piot // *Langue française*. – 1988. – № 77. – P. 3–18.
465. *Piot, M.* Les Connecteurs du français / M. Piot // *Lingvisticae Investigationes*. – 1993. – № 17 (1). – P. 141–160.
466. *Piot, M.* Les conjonctions doubles du français / M. Piot // *Lingvisticae Investigationes*. – № 23 (1). – 2000. – P. 45–76.
467. *Pottier, B.* Systématique des Éléments de Relation: Étude de Morphosyntaxe Structurale Romane / B. Pottier. – Paris: Klincksieck, 1962. – 375 p.
468. *Prévost, S.* Aussi en position initiale : évolution sémantico-syntaxique du 12ème au 16ème siècle / S. Prévost // *Verbum*. – 1999. – XXI. – № 3. – P. 351–380.
469. *Prévost, S.* Evolution de la position du sujet pronominal en français médiéval: une approche sémantico-pragmatique / S. Prévost // *Congrès Mondial de Linguistique Française (CMLF)*, 2010. – P. 305–320.
470. *Prévost, S.* Diachronie du français et linguistique de corpus : une approche quantitative renouvelée / S. Prévost // *Langages*. – 2015. – № 1 (197). – P. 23–45.
471. *Putnam, H.* Mind, Language and Reality / H. Putnam. – London and New York: Cambridge University Press, 1975. – 487 p.
472. *Quirk, R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J., Crystal D.* A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk et al. – Longman, 1985. – 1792 p.

473. *Reboul, A., Moeschler J.* Pragmatique du discours. De l'interprétation de l'énoncé à l'interprétation du discours / A. Reboul, J. Moeschler. – Paris: Armand Colin, 1998. – 220 p.
474. *Rebuschi, G.* Coordination et subordination. Première partie: la co-jonction restreinte / G. Rebuschi // Bulletin de la société linguistique de Paris. – T. XCVI. – 2001. – P. 23–60.
475. *Rebuschi, G.* Coordination et subordination. Deuxième partie: vers la co-jonction généralisée / G. Rebuschi // Bulletin de la société linguistique de Paris. – T. XCVII. – 2002. – P. 37–94.
476. *Redder, A.* Grammatiktheorie und sprachliches Handeln: “den” und “da” / A. Redder. – Tübingen: Niemeyer, 1990. – 349 p.
477. *Reichler-Beguelin, M.-J.* Norme et textualité. Les procédés référentiels considérés comme déviants en langue écrite / M.-J. Reichler-Beguelin // La langue française est-elle gouvernable? – G. Schoeni, J.-P. Bronckart, P. Perrenoud (éd.). – Neuchâtel-Paris : Delachaux et Niestlé, 1988. – P. 185–216.
478. *Riegel, M., Pellat J.-C., Rioul R.* Grammaire méthodique du français / M. Riegel et al. – Paris: P.U.F., 2016. – 1110 p.
479. *Rodriguez-Somolinos, A.* Mais, ains, ainçois, en moyen français: syntaxe et sémantique / A. Rodriguez-Somolinos // Le moyen français. La Recherche, Bilan et Perspectives. – 2000. – № 46–47. – P. 449–467.
480. *Rodriguez-Somolinos, A.* Ainz et mais en ancien français / A. Rodriguez-Somolinos // Romania. – 2002. – T. 120. – № 477–478. – P. 505–541.
481. *Roig, A.* Quel mode de liaison dans les corrélatives isomorphes plus...plus et autant...autant? / A. Roig // Congrès Mondial de Linguistique Française. – 2014. – P. 2533–2549 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2014/05/shsconf_cm14_01053.pdf. – Дата доступа: 15.12.2021.
482. *Roig, A., van Raemdonck D.* Insubordinons-nous! Lecture critique de la subordination / A. Roig, D. van Raemdonck // Langue française. – 2014. – № 182. – P. 11–25.
483. *Rosch, E.* Family Resemblances. Studies in the internal structure of categories. Reading in language and mind. Ed. by H. Geirsson, M. Losonsky. – Cambridge; Oxford, 1996. – P. 442–460.
484. *Rosch, E.* Principles of Categorisation. Cognition and Categorization. Ed. by E. Rosch, B. Lloy, N. J. Hillsdale. – Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
485. *Ross, J. R.* Constraints on variables in syntax / J. R. Ross. – PhD diss., MIT. Cambridge, MA, 1967. – 523 p.
486. *Rossari, C.* Connecteurs et relations de discours: des liens entre cognition et signification / C. Rossari. – Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 2000. – 98 p.
487. *Rossari, C.* Les adverbes-connecteurs: vers une identification de la classe et des sous-classes / C. Rossari // Cahiers de linguistique française. – 2002. – № 24. – P. 11–44.
488. *Rossari, C.* How does a concessive value emerge? / C. Rossari // Discourse and Pragmatic Markers from Latin to the Romance Languages. Ghezzi C., Milinelli, P. (eds). – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 237–260.
489. *Rossari, C., Jayez J.* Donc et les consécutifs. Des systèmes de contraintes différentiels / C. Rossari, J. Jayez // Linguisticae Investigationes. – 1996. – XX. – № 1. – P. 117–143.
490. *Rousseau, A.* Les fondements théoriques et logiques des relations entre énoncés (coordination, implication subordination) / A. Rousseau // Proceedings of the 16th International Congress of Linguists, 1997. – Paper № 0239.
491. *Ruse, M.* The Darwinian Paradigm: Essays on its History, Philosophy and Religious Implications / M. Ruse. – Routledge, 1989. – 312 p.
492. *Sabio, F.* Syntaxe et organisation des énoncés. Observations sur la grammaire du Français parlé / F. Sabio. – 2011. – 159 p.

493. *Saez, F.* La Scalarité de l'intégration syntaxique : étude syntaxique, sémantique et pragmatique de la proposition en 'quand' / F. Sae. – Thèse de l'Université de Toulouse II, Le Mirail. – 2011. – 300 p.
494. *Sag, I., Gazdar, G., Wasow, T., Weisler, S.* Coordination and how to distinguish categories / I. Sag et al. // *Natural Language and Linguistic Theory*. – 1985. – № 3. – P. 17–171.
495. *Sag, Ivan A.* La coordination et l'identité syntaxique des termes / I. Sag // *Langages*. – 2005. – № 4 (160). – P. 110–127.
496. *Sakari, E.* 'Or veuillez donc...' : sur les morphèmes donc et or en moyen français / E. Sakari // *Approches du moyen français II*. – University of Jyväskylä, Jyväskylä, 1992. – P.113–124.
497. *Sauvageot, A.* Français d'hier ou français de demain? / A. Sauvageot. – Paris : Nathan, 1978. – 188 p.
498. *Schachter, P.* Parts-of-speech systems / P. Schachter // *Language typology and syntactic description: Timothy Shopen (ed.)*. – Vol. 1. – Cambridge: CUP, 1985. – P. 3–61.
499. *Schiffrin, D.* Discourse Markers / D. Schiffrin. – Cambridge: CUP, 1987. – 364 p.
500. *Schmidhauser, B.* Kausalität als linguistische Kategorie. Mittel und Möglichkeiten für Begründungen / B. Schmidhauser. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. – 33 s.
501. *Séchehay, A.* Essai sur la structure logique de la phrase / A. Séchehay. – Collection linguistique. – Champion, 1929. – 237 p.
502. *Sekali, M.* Coordination et sens relationnel : formes schématiques, paramètres et instructions de cible / M. Sekali // *Corela*. – 2012. – № HS-10. – URL: <http://corela.revues.org/2381>.
503. *Sekali, M.* La coordination en 3D. Observations sur l'ordonnement des énoncés dans l'espace discursif / M. Sekali // *L'ordre des mots dans l'espace de la phrase*. – Ed. by B. de Giorgi, M. de Mattia-Viviès. – 2013. – № 11 (1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.4000/erea.3013>. – Дата доступа: 07.11.2021.
504. *Sorrento, L.* Il fenomeno della paraipotassi nelle lingue neolatine / L. Sorrento // *Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*. – Varese & Milano: Istituto Editoriale Cisalpino. – 1949(a). – № 62 (11). – P. 449–463.
505. *Sorrento, L.* Il fenomeno della paraipotassi nelle lingue neolatine / L. Sorrento // *Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*. – Varese & Milano: Istituto Editoriale Cisalpino. – 1949(b). – № 6 (15). – P. 481–496.
506. *Soutet, O.* La Concession dans la phrase complexe en français des origines au XVIe siècle / O. Soutet. – Genève, Droz, 1992(a). – 186 p.
507. *Soutet, O.* Études d'ancien et de moyen français / O. Soutet. – Paris, PUF, 1992(b). – 239 p.
508. *Stukker, N., Sanders, T., Verhagen, A.* Causality in verbs and in discourse connectives: Converging evidence of cross-level parallels in Dutch linguistic categorization / N. Stukker // *Journal of Pragmatics*. – 2008. – № 40. – P. 1296–1322.
509. *Swadesh, M.* The Origin and Diversification of Language / M. Swadesh. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1971. – 350 p.
510. *Sweetser, E.* From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure / E. Sweetser. – Cambridge Studies in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 188 p.
511. *Taylor, John R.* Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory / John R. Taylor. – 2nd ed. – N.Y.: Oxford University Press, 1995. – 328 p.
512. *Takano, Y.* Coordination of verbs and two types of verbal inflection / Y. Takano // *Linguistic Inquiry*. – 2004. – № 35. – P. 168–178.
513. *Tesnière, L.* Elements de Syntaxe Structurale / L. Tesnière. – Paris : Klincksieck, 1988. – 674 p.
514. *Tognini-Bonelli, E.* Corpus Linguistics at Work / E. Tognini-Bonelli. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001. – 224 p.

515. *Tomasello, M.* Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition / M. Tomasello. – Harvard University Press, Cambridge, MA 2005. – 408 p.
516. *Tortierat, F.* Et en emploi «syndético-hypotactique» : hypothèses sur une jonction implicite en ancien et en moyen français / F. Tortierat // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. – № XCV(1). – 2000. – P. 183–202.
517. *Tortierat, F.* La coordination correspond-elle à une jonction explicite ? Pour une relecture de la contribution de Gérald Antoine / F. Tortierat // Le français moderne. – 2003. – № LXXI (2). – P. 248–263.
518. *Tortierat, F.* Emplois interjectifs, injonctifs et co-subordinatifs des coordonnants en ancien et en moyen-français / F. Tortierat // La coordination / éd. A. Rousseau; L. Begioni; N. Quayle; D. Roulland. – Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2007. – P. 225–249.
519. *Tortierat, F.* La semelfactivité non verbale en français: l'exemple de or et de (a)lors / F. Tortierat // Congrès mondial de linguistique française. J. Durand, B. Habert et B. Laks (éd.). – P.: Institut de linguistique française, 2008. – P. 1217–1226.
520. *Touratier, C.* Coordination et syntaxe / C. Touratier // L'Information Grammaticale. – 1990. – № 46. – P. 13–16.
521. *Traugott, E. C.* From polysemy to internal semantic reconstruction / E. C. Traugott // Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1986. – P. 539–550.
522. *Tuldava, J.* Symmetrie und Asymmetrie in der Sprache / J. Tuldava // What is Language Synergetics Project. Oulu, 5–6 October, 1990 / Saukkonen (Ed.). Acta Universitatis Ouluensis. Seies B. Humaniora. – Oulu, 1992. – № 16. – P. 40–43.
523. *Tummers, J., Kris, H., Geeraerts, D.* Usage-based approaches in Cognitive Linguistics: A technical state of the art / J. Tummers // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. – 2005. – № 1 (2). – P. 225–261.
524. *Van Valin, R. D. Jr., LaPolla, J. R.* Syntax. Structure, Meaning and Function / R. D. Jr. van Valin, J. R. LaPolla. – Cambridge: CUP, 1997. – 713 p.
525. *Van Dijk, T. A.* Introduction: Discourse and Domination. Discourse and Power / T. A. van Dijk. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p.
526. *Vassiliadou, H.* Quand les voies de la reformulation se croisent pour mieux se séparer: à savoir, autrement dit, c'est-à-dire, en d'autres termes / H. Vassiliadou // La reformulation. Marqueurs linguistiques et stratégies énonciatives. M.-C. Le Bot, M. Schuwer, E. Richar (éds.). – PUR, 2008. – P. 35–50.
527. *Vaugelas, C. F. de.* Remarques sur la langue françoise / C. F. de Vaugelas. – Édition critique avec introduction et notes par Zygmunt Marzys, Genève (Droz) 2009. – 1003 p.
528. *Verstraete, J.-Ch.* Two types of coordination in clause combining / J.-Ch. Verstraete // Lingua. – 2005. – № 115. – P. 611–626.
529. *Verstraete, J.-C.* Rethinking the Coordinate-Subordinate Dichotomy. Interpersonal Grammar and the Analysis of Adverbial Clauses in English / J.-Ch. Verstraete. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – 316 p.
530. *Wagner, R.-L., Pinchon J.* Grammaire du français classique et moderne / R.-L. Wagner, J. Pinchon. – Paris : Hachette, 1991. – 640 p.
531. *Wartburg, W.v., Zumthor, P.* Précis de syntaxe du français contemporain / W.v. Wartburg, P. Zumthor. – Berne, 1958. – 400 p.
532. *Weinrich, H.* Grammaire textuelle du français / H. Weinrich. – Paris: Didier/Hatier, 1989. – 672 p.
533. *Wierzbicka, A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / A. Wierzbicka. – N. Y.; Oxford, 1992. – 496 p.
534. *Wierzbicka, A.* Conditionals and counterfactuals: conceptual primitives and linguistic universals / A. Wierzbicka. // On conditionals again. Athanasiadou A., Dirven R. (eds.). – Amsterdam; Philadelphia, 1997. – P. 15–60.

535. *Wilmet, M.* Grammaire rénovée du français / M. Wilmet. – Bruxelles: De Boeck, 2007. – 331 p.
536. *Wolfram, W.* Language Death and Dying / W. Wolfram // The Handbook of Language Variation and Change / J. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes. – Oxford, 2002. – P. 764–778.
537. *Wurmbrand, S.* Nor: neither disjunction nor paradox / S.Wurmbrand // Linguistic Inquiry. – 2008. – № 39. – P. 511–522.
538. *Yngve, V. H.* A model and a hypothesis for language structure / V. H. Yngve // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1960. – № 104. – P. 444–466.
539. *Zénone, A.* Marqueurs de consécution: le cas de *donc* / A. Zénone // Cahiers de linguistique française. – 1981. – № 2. – P. 113–139.
540. *Zénone, A.* La consécution sans contradiction: donc, par conséquent, alors, ainsi, aussi (première partie) / A. Zénone // Cahiers de linguistique française. – 1982. – № 4. – P. 107–141.
541. *Zénone, A.* La consécution sans contradiction: donc, par conséquent, alors, ainsi, aussi (deuxième partie) / A. Zénone // Cahiers de linguistique française. – 1983. – № 5. – P. 189–214.
542. *Zhang, N.* Coordination in Syntax / N. Zhang. – Cambridge Studies in Linguistics. Cambridge: CUP, 2009. – 273 p.
543. *Zipf, G. K.* Selected Studies of Relative Frequency in Language / G. K. Zipf. – Cambridge MA.: Harvard University Press, 1932. – 52 p.
544. *Zipf, G. K.* The psycho-Biology of Language; An Introduction to Dynamic Philology / G. K. Zipf. – Cambridge, MA.: The MIT. Press, 1968. – 336 p.
545. *Zufferey, S.* Car, parce que, puisque revisited: Three empirical studies on French causal connectives / S.Zufferey // Journal of Pragmatics. – 2012. – № 44. – P. 138–153.

Словари, энциклопедии, справочные издания

546. НФЭ – Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2000–2001.
547. *Гак, В. Г., Ганшина, К. А.* Новый французско-русский словарь. – М.: Просвещение, 2010. – 1160 с.
548. *Голдберг, Ф. И.* Импликация / Гуманитарная энциклопедия: Концепты // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/7353>. – Дата доступа: 09.02.2021.
549. *Конт-Спонвиль, А.* Философский словарь / Пер. с фр. Е. В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
550. РКГ – Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru>. – Дата доступа: 10.02.2022.
551. СЛТ – Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
552. *Спиркин, А. Г.* Философия: Учебник / А. Г. Спиркин. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.
553. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
554. ФС – Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
555. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. . Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия– 1983. – 840 с.
556. CNRTL – Centre National des ressources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/>. – Дата доступа: 15.12.2019.

557. CTLF – Corpus de textes linguistiques fondamentaux [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ctlf.ens-lyon.fr/>. – Дата доступа: 12.10.2022.
558. DAF – Dictionnaire de L'Académie française (1762), Quatrième Édition, Paris, Vve B. Brunet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atilf.atilf.fr/academie4.htm>. – Дата доступа: 10.10.2020.
559. *Dubois, J., Mitterand, H., Dauzat, A.* Dictionnaire étymologique / J. Dubois. – Paris: Larousse. – 2007. – 893 p.
560. DF – Dictionnaire des fréquences: vocabulaire littéraire des 19e et 20e siècles / Centre de recherche pour un Trésor de la langue française (Nancy), P. Imbs, CNRS. – Didier, 1971. – 451 p.
561. DMF – Dictionnaire du Moyen Français [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atilf.fr/dmf/>. – Дата доступа: 15.12.2020.
562. *Furetière, A.* Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes et les termes de toutes les sciences et des arts / A. Furetière. La Haye: Rotterdam, Leers, 1690 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b/>. – Дата доступа: 15.12.2020.
563. *Gaffiot, F.* Dictionnaire latin-français, Paris: Hachette, 1934 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lexilogos.com/latin/gaffiot.php>. – Дата доступа: 15.12.2020.
564. GBNGrV – французский корпус системы Google books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=donc&year_start=1800&year_end=2019&corpus=fr-2019&smoothing=3. – Дата доступа: 15.10.2022.
565. *Gex, M.* Logique formelle / M. Gex. – Lausanne, 1956. – 207 p.
566. GLC – Gallica. Национальная цифровая библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/>. – Дата доступа: 15.12.2021.
567. *Godefroy, F.* Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle. P.: F. Vieweg, 10 vol. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://micmap.org/multidic/https://doi.org/10.3406/lfr.2004.6783>. – Дата доступа: 15.12.2020.
568. GLLF – Grand Larousse de la langue française en 7 vol. / éd. : L. Guilbert, R. Lagane, G. Niobey. – Paris : Librairie Larousse, 1989. – 6729 p. – 7 vol.
569. *Littré, É.* Dictionnaire de la langue française. – T. 7. – Paris, Gallimard Hachette, 1964. – 2119 p.
570. *Nicot, J.* Le Thresor de la langue francoyse, tant ancienne que moderne, Paris, David Douceur, 1606 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50808z>. – Дата доступа: 15.12.2020.
571. Le Grand Robert de la langue française / P. Robert, A. Rey, D. Morvan. – 2e éd. augmentée. – 6 volumes. – Paris, Dictionnaires Le Robert, 2001.
572. *Rey, A.* Dictionnaire Historique de la langue française.V.3.
573. TLF – Trésor de la Langue Française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.le-dictionnaire.com/definition/>. – Дата доступа: 15.12.2020.

Источники примеров

574. FR – Frantext. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.frantext.fr/>. – Дата доступа: декабрь 2020 – февраль 2023.
575. *Chrétomatie de l'ancien français (IX–XV siècles).* Texte, traduction & glossaire. Par Er. Devillard. – Paris: Librairie C.Klincksieck, 1887.
576. *La Chanson de Roland.* Texte critique, traduction et commentaire par L. Gautier. 5e édition, Tours : Alfred Mame et fils, 1875. – 397 p.

577. *Rabelais, Fr. Pantagruel*. Tome troisième, – prologue – Chapitres I-XI. – Paris, Librairie ancienne Edouard Champion. Libraire de la société des études Rabelaisiennes. – 1922. – 290 p.
578. *Томашпольский, В.* Романское языкознание в 2 ч. Часть 2. Учебное пособие для вузов. – М.: «Юрайт», 2018.
579. Секвенция Святой Евлалии. Предисловие и перевод диакона Владимира Василика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/55864.html/>. – Дата доступа: 05.09.2020.
580. Песнь о Роланде / пер. со старофр., вступ. ст. и примеч. Б. И. Ярхо. – М. ; Л.: Academia, 1934.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ	8
1.1. Сочинительные союзы и когнция в эволюционном аспекте.....	8
1.2. Система французских единиц сочинения: диахрония синхроний.....	16
1.2.1. Понятие «сочинительный союз» во французской грамматической традиции.....	18
1.2.2. Проблема классификации единиц сочинения во французской романистике	25
1.2.2.1. Состав единиц сочинения французского языка: история вопроса	26
1.2.2.2. Ядерные и периферийные единицы сочинения.....	31
1.2.2.3. Формирование системы единиц сочинения французского языка	35
1.3. Типология сочинительных отношений в современном французском языке	38
1.3.1. Конъюнкция и соединительные отношения	39
1.3.2. Дизъюнкция и разделительные отношения	41
1.3.3. Отрицательная импликация и противительные отношения	45
1.3.4. Импликация и каузальные отношения	49
1.4. Каноническое и неканоническое сочинение: подходы к выделению	55
1.4.1. Симметрия vs. асимметрия сочинительных конструкций.....	61
1.4.2. Семантика французских ядерных единиц сочинения.....	66
ГЛАВА 2. ЕДИНИЦЫ СОЧИНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	74
2.1. Подходы к исследованию развития системы единиц сочинения французского языка ...	74
2.1.1. Причины и механизмы изменений в системе единиц сочинения французского языка	77
2.1.2. Свойства системы единиц сочинения	84
2.2. Материал и методика корпусно-диахронического исследования	89
2.3. Динамика употребительности ядерных и периферийных единиц сочинения в сопоставлении.....	93
2.4. Частотность ядерных единиц сочинения: «оптическая иллюзия» в диахронической перспективе	98
2.4.1. Частотные характеристики ядерных единиц сочинения в макродиахронии.....	100
2.4.2. Частотные характеристики ядерных единиц сочинения в микродиахронии	102
2.5. Развитие союзных функций у периферийных единиц сочинения: количественные показатели.....	105
ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЕДИНИЦ СОЧИНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	114
3.1. Ядерные единицы «собственно» сочинения.....	114
3.1.1. Соединительный союз <i>et</i> как ведущая единица сочинения французского языка	115
3.1.1.1. Копулятивные свойства союза <i>et</i>	116
3.1.1.2. Коннективные свойства союза <i>et</i>	122
3.1.2. Разделительный союз <i>ou</i> : эксклюзивная vs. инклюзивная дизъюнкция	130
3.1.2.1. Развитие семантики одинарного союза <i>ou</i> : конкретизация разделительных отношений	132
3.1.2.2. Вариативность сочинительных конструкций с повтором союза <i>ou</i> : появление новой единицы сочинения <i>soit</i>	137

3.1.3. Сочинительный союз <i>ni in potentia</i>	142
3.1.3.1. Союз <i>ni</i> и отрицание	144
3.1.3.2. Сочиненные ряды с союзом <i>ni</i>	146
3.1.4. Феномен противительного союза <i>mais</i>	149
3.1.4.1. Дифференциация противительных отношений: неосложненное соединение компонентов (P <i>mais</i> Q).....	152
3.1.4.2. Осложненное соединение компонентов: модель P <i>mais que</i> Q	156
3.1.4.3. Новые противительные единицы в ранний период развития языка	160
3.2. Ядерные единицы «несобственно» сочинения.....	167
3.2.1. Лексема <i>or</i> : от темпорального дейктика к сочинительному союзу	167
3.2.1.1. Грамматикализация лексемы <i>or</i> сквозь призму корпусных данных	168
3.2.1.2. Семантические свойства ядерной единицы сочинения <i>or</i>	176
3.2.2. Неоднозначность лексемы <i>car</i> : следствие vs. причина.....	182
3.2.2.1. Функциональная омонимия: <i>car</i> _{союз} , <i>car</i> _{наречие} и <i>car</i> _{частица}	184
3.2.2.2. Коннективные свойства союза <i>car</i>	188
3.2.2.3. Развитие семантических свойств ядерной единицы сочинения <i>car</i>	190
3.2.3. Категориальный статус единицы <i>donc</i>	194
3.2.3.1. Темпоральность и каузальность в семантике единицы <i>donc</i> : функциональная омонимия	195
3.2.3.2. Дистрибутивная специфика единицы сочинения <i>donc</i> : корпусные данные	198
3.2.3.3. Логико-конъюнктивные свойства единицы <i>donc</i> : следствие и вывод....	204
3.3. Функциональный потенциал французских ЯЕ «несобственно» сочинения	209
ГЛАВА 4. СИСТЕМА ЕДИНИЦ СОЧИНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	216
4.1. Функциональная классификация единиц сочинения: индекс копулятивности и индекс коннективности	217
4.1.1. Копулятивные свойства единиц сочинения	222
4.1.2. Коннективные свойства единиц сочинения	226
4.2. Семантическая классификация единиц сочинения.....	230
4.2.1. Типовая ситуация ВКЛЮЧЕНИЕ и единицы сочинения	235
4.2.2. Типовая ситуация АЛЬТЕРНАТИВА и единицы сочинения	241
4.2.3. Типовая ситуация ИСКЛЮЧЕНИЕ и единицы сочинения	246
4.3.4. Типовая ситуация ИСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ и единицы сочинения	254
4.3.5. Типовая ситуация ПРОИЗВОДНАЯ СИТУАЦИЯ и единицы сочинения.....	259
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	270
ЛИТЕРАТУРА	274

Научное издание

Овсейчик Юлия Владимировна

**СИСТЕМА ЕДИНИЦ СОЧИНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
В ДИАХРОНИИ**

Монография

Ответственный за выпуск *Ю. В. Овсейчик*

Редактор *Ю. И. Варакса*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Подписано в печать 06.04.2023. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура PT Astra Serif. Ризография. Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 21,88. Тираж 100 экз. Заказ 17.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.